На службе военной

Николай Николаевич Воронов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация издательства: Сорок пять лет жизни отдал автор службе в рядах Советских Вооруженных Сил. На его глазах и при его непосредственном участии росли и крепли кадры командного состава советской артиллерии, создавалось новое артиллерийское вооружение и боевая техника, развивалась тактика этого могучего рода войск. В годы Великой Отечественной войны Главный маршал артиллерии Николай Николаевич Воронов занимал должности командующего артиллерией Красной Армии и командующего ПВО страны. Одновременно его посылали представителем Ставки на многие фронты. В своих воспоминаниях он делится с читателем впечатлениями о ходе боевых действий, выводит яркие образы известных советских полководцев, показывает обстановку в Ставке, положительные и отрицательные стороны в ее руководстве войсками. Книга содержит интересные наблюдения и выводы.

- Воронов Николай Николаевич
  - ○

Воронов Николай Николаевич
На службе военной

Воронов Николай Николаевич
На службе военной
{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Сорок пять лет жизни отдал автор службе в рядах Советских Вооруженных Сил. На его глазах и при его непосредственном участии росли и крепли кадры командного состава советской артиллерии, создавалось новое артиллерийское вооружение и боевая техника, развивалась тактика этого могучего рода войск. В годы Великой Отечественной войны Главный маршал артиллерии Николай Николаевич Воронов занимал должности командующего артиллерией Красной Армии и командующего ПВО страны. Одновременно его посылали представителем Ставки на многие фронты. В своих воспоминаниях он делится с читателем впечатлениями о ходе боевых действий, выводит яркие образы известных советских полководцев, показывает обстановку в Ставке, положительные и отрицательные стороны в ее руководстве войсками. Книга содержит интересные наблюдения и выводы.

Содержание

Становлюсь артиллеристом
Революция призывает к оружию
На фронт!
Первые бои
Березина
Драма на Буге
На волоске
В плену
Возвращение к жизни
В мирное время
К знаниям!
Московская Пролетарская
Итальянские маневры
Испания сражается
Волонтер Вольтер
"Телефоника Централь"
Но пасаран!
В поисках пополнений
В Каталонии

Республика наносит удары
Перед бурей
Высокий пост
На Дальнем Востоке
Халхин-Гол
Освободительный поход
Финские леса
Перед линией Маннергейма
Нужна новая тактика
Штурм
Поступает новая техника
За Днестром
Новые назначения
Над Родиной смертельная опасность
Роковые просчеты
Гром грянул
Обстановка в Ставке
Снова командую артиллерией
Ночной разговор
Дела повседневные
Враг приближается к Москве
Героический Ленинград
На оружии - ленинградская марка
Невская Дубровка
Контрбатарейная борьба
Дни в Смольном
С фронта на фронт
Боевые будни
Неудачи
Союзники не торопятся
Неотложные вопросы
На Волге и Дону
Секретная миссия
План созрел
Последние приготовления
Началось!
"Клещи" сомкнулись
И такие бывали полеты
На стыке двух фронтов
Взялся за гуж...
"Матч состоится при любой погоде"
Операция "Кольцо"
Новое задание
Ультиматум

Удар
Враг упорствует
Радости и печали тех дней
Пленный фельдмаршал
Конец "котла"
Второй допрос Паулюса
Какими они были
Беседа в Ставке
Наука побеждать не дается сразу
Забыли про овраги
Опять воздушные тревоги
Споры о самоходной артиллерии
Войска идут на запад
Крушение "Цитадели"
Мастерство крепнет в боях
На подступах к Смоленску
Спас-Деменск
"Плюс шесть"
Смоленск снова наш!
Непродуманные распоряжения
Каким будет 1944 год?
Внимание на восток!
Несчастливое ли число 13?
Хороший план - это еще половина дела
На Втором Прибалтийском
Победные залпы
Становлюсь артиллеристом
Революция призывает к оружию

По странному стечению обстоятельств мой дед Терентий Ермилович некоторое время работал поваром у инспектора артиллерии царской армии. Мог ли он думать тогда, что его внук станет впоследствии командующим всей отечественной артиллерией? Нет, конечно, ему, бедному петербургскому ремесленнику, тогда об этом и не мечталось. "Кто был ничем, тот станет всем!" - пролетарии России провозгласили позднее.

Когда я вспоминаю свое детство, мне чаще всего видится ужасающая бедность простых людей.

Родители мои жили на петербургской окраине, в Лесном. Отец, конторский служащий, после революции 1905 года оказался в списках сочувствующих "бунтовщикам" и надолго лишился работы. Семья оказалась в страшной нужде. Бывали дни, когда мы жили на одном черном хлебе и отварной картошке.

Я был тогда неуклюжим, мешковатым мальчишкой, застенчивым и пугливым.

Помнится, однажды зимним вечером мне дали десять копеек,- последние наши деньги. Зажав в руке драгоценный гривенник, побежал в соседнюю лавчонку за хлебом. И вдруг поскользнулся, упал в снег и выронил крохотную серебряную монетку. Позвал на ее поиски отца, его брата и еще кого-то из родных. Голыми руками перебрали груды снега, но так и не нашли злополучный гривенник. Семья легла спать, попив пустого чая без куска хлеба.

Ветхий деревянный дом, в котором мы жили, был очень холодным, требовал много дров, а купить их было не на что. Зимой и ранней весной мы в комнате не снимали пальто, в доме замерзала вода.

Изредка нас выручала дровами бабушка Елена Ивановна. Дрова привозили мы с матерью на детских саночках, вечером, чтобы никто не видел, не знал о нашей горькой нужде.

Летом 1907 года мы вынуждены были покинуть домик в Лесном и поселиться у бабушки. Все, что имела наша семья, ушло на уплату долгов. Отец и мать все еще оставались без работы. Бабушка управляла дачами купчихи Латкиной, которая, кстати сказать, была крестной моей матери. Бабушкиных средств не хватало на нашу семью, добрая старушка стала продавать вещи, залезла в долги и даже иногда брала из тех сумм, которые принадлежали хозяйке.

Навсегда в память врезался трагический для нашей семьи день 30 ноября 1908 года. Накануне мать поехала в роскошный особняк к своей крестной - купчихе Латкиной. Вернулась она домой с распухшими от слез глазами. Мы сели пить чай. Пытались успокоить ее. Мать крепилась изо всех сил, старалась держать себя в руках, была особенно внимательна к детям.

На другое утро я встал раньше других и тихо спустился вниз по лестнице на кухню. В доме все спали. Неожиданно в кухню вошла мать, легко одетая, в мягких туфлях. Увидев меня, она почему-то немного растерялась, но потом погладила по голове и поцеловала. В руках у нее была стеклянная банка с какими-то белыми кусками. Она взяла из банки один кусочек и стала ножом наскабливать на бумажку белый порошок. Действия ее были быстры и решительны - она очень торопилась. Вскоре я услышал ее удаляющиеся по коридору шаги, слышал как она начала подниматься по скрипящим ступеням лестницы. Вдруг раздался грохот: на лестнице упало что-то большое, тяжелое...

Охватил страх, я почувствовал неладное.

- Мама, мама, что с тобой?! - закричал я.

На крик прибежали все домашние. Они подняли мать и положили на постель. Отец стоял бледный, растерянный, держа в

руках банку с оранжевой этикеткой, на которой чернело изображение черепа и костей. Отец спохватился, сунул мне в руку монету и сказал:

- Беги скорей в лавку, купи молока и скорей, скорей домой.

Кто-то побежал за доктором. Убегая, я слышал приглушенный голос отца:

- Валя, Валя, что ты наделала...

И молоко, принесенное мною, и прибывший доктор, и какие-то пилюли и порошки - все это было уже лишним. Сердце матери перестало биться. На следующий день я прочел краткое сообщение в газете "Петербургский листок": "30-го ноября покончила жизнь самоубийством, приняв цианистый калий, Валентина Андреевна Воронова". Причины самоубийства указаны не были. О них мы узнали от бабушки. Оказывается, мать приезжала к купчихе Латкиной, рассказала о бедственном положении семьи и призналась, что бабушка израсходовала на нас около 300 рублей из хозяйских средств. Мать все взяла на себя, обещала выплатить долг, как только муж получит работу, и просила об одном: пощадить бабушку. Купчиха пришла в ярость, пригрозила немедля уволить бабушку, выселить ее из квартиры и отдать под суд. Даже после самоубийства моей матери, которая своей смертью надеялась спасти семью, купчиха выполнила все свои угрозы.

День похорон. Осенний, мрачный, сырой, пронизанный дымкой петербургский день. Траурное пение, забрызганные грязью похоронные дроги, заплаканные лица родных. Я шел за гробом рядом с отцом. Путь был долгий, через весь город. На Митрофаньевском кладбище мы стояли около вырытой могилы, на дне которой виднелась вода. Гроб плавно на веревках опустили в могилу. Громко заплакали родные. Послышалось шуршание земли, падающей на сосновую крышку. Я молча глотал слезы.

- Эх, Валя, Валя, как дорого ты заплатила! - простонал отец, - У кого вздумала просить милости - у богачей. Знала ведь, что это не люди, а звери, хищные звери...

Даже я, ребенок, понимал, что виновники смерти моей матери - богачи. Лютая ненависть к ним не оставляла меня с тех пор.

Свет не без добрых людей. Подруга моей матери Александра Ефимовна Заикович взяла меня и мою сестру к себе, хотя у нее и без нас было трое детей. Мы прожили там несколько месяцев, пока не улыбнулось счастье - отец получил постоянную работу.

Он нашел жилье на станции Удельная, взял свою мать, безработного брата и меня с сестрой. Стали жить одной большой

семьей. Я начал готовиться в гимназию, мечтая поскорее надеть форменную фуражку. Но к экзаменам меня не допустили из-за "неблагонадежности" отца. Год занимался дома, а следующей осенью поступил во 2-й класс, частного "общественного реального училища". На экзаменах получил хорошие и отличные оценки.

Помню, на экзамене по арифметике я решал задачу у доски. Был уверен, что все сделал правильно. Подошел экзаменатор, проверил и заключил: "Неверно". Я стер все написанное и задачу решил сначала. Получилось то же самое. Долго ломал голову, много раз проверял себя и, наконец, убедился, что другого ответа быть не может. Обратившись к экзаменующим, я уверенно сказал:

- Решение и ответ и в первый раз были правильными.

Старший из экзаменаторов улыбнулся:

- И за устный и за письменный ответы ты заслуживаешь пятерки. Но за то, что уверенности не хватило, ставим четверку.

Мне это послужило хорошим уроком: коль знаешь, так стой на своем, докажи, что прав.

Самой большой моей страстью было чтение. Читал я много. Все, что попадалось под руку,- и классиков, и пятикопеечные детективные книжонки, которыми увлекались все мальчишки. Отец поругивал меня за эту неразборчивость и старался помочь в выборе книг, предлагал такие, которые заставляли задуматься, серьезно взглянуть на жизнь.

Сам он тщательно хранил какие-то запрещенные книжки и журналы, уцелевшие еще с 1905 года. Мне нравилось слушать споры отца с друзьями по политическим вопросам: он умело приводил факты, покорял убедительностью своих доказательств.

Чем старше я становился, тем глубже понимал взгляды отца. А он яростно поносил царя и царскую фамилию, помещиков и капиталистов, духовенство и религию.

Во время летних каникул отец отправлял меня с сестрой в деревню Заполье, Лужского уезда, на берег Меревского озера. В прекрасных лужских угодьях я увлекся на всю жизнь охотой и рыбной ловлей. Они доставляли мне много радости. Здесь по-настоящему полюбил природу, обрел хороших друзей среди простых деревенских парней и научился ценить дружбу.

Летом проводил время не только в лесу и на озере, но и за чтением. Особенно любил русских классиков - Толстого, Тургенева, Аксакова, Чехова и других. Много прочитал военно-исторических книг, восхищался подвигами крейсера "Варяг" и миноносца "Стерегущий", а особенно моряками броненосца "Потемкин". Любил книги о великих полководцах Суворове, Кутузове, о доблести русских солдат.

Однажды на охоте встретил двух офицеров-артиллеристов из

бригады, стоявшей в Луге. Их рассказы об артиллерии я слушал с упоением.

Но о военной службе и не задумывался. Моей мечтой было получить среднее образование, а затем поступить в Московскую Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию, чтобы стать агрономом: уж очень любил я природу.

Но это так и осталось мечтой. Вскоре кончился просвет в нашем житье-бытье. Разразилась первая мировая война. Росла дороговизна, заработка отца не хватало. Он уже не мог вносить плату за мое обучение. Пришлось покинуть училище.

Со слезами на глазах я в последний раз спускался по школьной лестнице. Жестокая действительность еще раз наглядно показала, что такое бедность. Видя мое неутешное горе, отец успокаивал меня. Посоветовал заниматься дома, брать заданные уроки у своих одноклассников, Я так и поступил: к концу занятий ежедневно ходил к училищу, встречал своих друзей, записывал, что им задано, а возвратившись домой, тщательно готовил уроки. Еще больше стал читать.

Пытался на работу устроиться - не удалось. А жилось нам все хуже. В 1915 году отец вынужден был переселиться в сельскую местность, где было легче прокормить семью. Я один остался в Петрограде: не хотелось бросать учебу. Вскоре мне посчастливилось найти работу. Стал техническим секретарем частного присяжного поверенного с месячным окладом в 35 рублей и поступил на общеобразовательные курсы для взрослых, чтобы сдать экстерном экзамены на аттестат зрелости.

Осенью 1916 года отца призвали на военную службу. На моих плечах осталась теперь вся семья, жить стало еще труднее, но учебу не бросил.

На курсах училось много рабочих, служащих, солдат Петроградского гарнизона, стремившихся получить среднее образование. У меня здесь появилось немало друзей. Очень дружил я тогда с рабочим А. И. Архаровым. Он с увлечением излагал марксистское учение, помогал своим товарищам правильно разбираться в текущих событиях.

С фронта приходили безрадостные вести. Войне не видно было конца. У нас на курсах по рукам ходило немало различных листовок, напечатанных на машинке. Это была едкая сатира на царя, Распутина, синод и сенат. Листовки с увлечением читали и передавали из рук в руки. Ползли самые разнообразные слухи, чувствовалось, что надвигаются большие события.

Трудовой народ жаждал мира, не хотел больше жить впроголодь, терпеть угнетение и произвол.

27 февраля 1917 года после работы я с трудом добрался до

дому. По улицам двигались толпы рабочих, работниц, студентов, солдат. Когда сел обедать, увидел в окно быстро бегущих в сторону Удельного парка четырех городовых. Лица их выражали страх и смятение.

Выбежал на улицу. Меня подхватила толпа. Перед полицейским участком пылал огромный костер. Из дверей участка летели в огонь обломки шкафов и папки с бумагами. Вот рабочие вытащили портрет Николая II и бросили его в пламя. Под радостные возгласы сотен людей огонь жадно пожирал царский портрет. Рабочие разоружали полицейских. Оружие сразу же расхватывалось. Мне достался всего лишь штык от винтовки.

Февральская революция победила. В те дни мне стало известно, что мой товарищ по курсам Александр Иванович Архаров - член РСДРП (б), знакомый моего отца Александр Николаевич Плаксин тоже принадлежит к этой партии. Мы встретились с отцом: он прибыл в Петроград делегатом от полкового солдатского комитета.

На площадях не прекращались митинги. Выступали разные ораторы: большевики, эсеры, меньшевики. Я все больше прислушивался к большевикам. Нравилась их правдивая, прямая постановка вопросов, ясность целей, глубокое понимание чаяний революционного народа. Я жадно читал газеты и попадавшиеся под руку политические книжки. Немало часов просидел над книгой Н. Бельтова (Плеханова) "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю", обращался за помощью к Архарову, который умел просто разъяснить то, что я плохо понимал в книге. Впрочем, он рекомендовал не слишком забивать голову теорией: "Не до философии сейчас, делом заниматься надо, драться за революцию".

В начале апреля 1917 года мы с отцом поздно вечером возвращались из города и внезапно попали в поток рабочих и солдат, направлявшихся на Петроградскую сторону. Народ плотной массой обступил особняк балерины Кшесинской. Из уст в уста передавалась весть: Ленин приехал, сейчас будет выступать.

Действительно, на балкон вышел Владимир Ильич. Мы с отцом не смогли пробиться поближе. Как ни напрягал я слух, многое из речи Ленина услышать не удалось. Помнится, Ленин закончил свою речь словами "Да здравствует социалистическая революция!" под аплодисменты и одобрительные возгласы всех собравшихся. Уходя, отец очень жалел, что мы опоздали занять место поближе к балкону.

С содержанием ленинских Апрельских тезисов меня познакомил А. И. Архаров. Через несколько дней он дал мне номер "Правды", где подробно рассказывалось о задачах

пролетариата в революции.

События нарастали. Я был свидетелем демонстрации под лозунгом "Долой десять министров-капиталистов!" и расстрела демонстрантов на Невском проспекте в июле. Реакция стремилась покончить с революцией. Но трудовой люд шел за большевиками, накапливал силы.

Тем временем у меня прибавилось хлопот. Я остался без работы. В бесконечных поисках заработка целые дни бродил по городу. В конце концов, простудился и заболел воспалением легких.

Лежал с высокой температурой и прислушивался к шуму, доносившемуся с улицы. Там шел бой. Слышалась пулеметная стрельба, орудийные выстрелы. Вечером на минуту заглянул отец, радостный, взволнованный.

- Социалистическая революция свершилась! Понимаешь, что это значит? Новой жизнью теперь заживем! - Лицо отца стало серьезным.- Но бороться нам еще придется. Теперь задача - удержать завоеванное, сделать все, чтобы не повторился девятьсот пятый год.

Народ был готов с оружием в руках защищать революцию. В Петрограде продолжали создаваться красногвардейские отряды. Как только я выздоровел, мне тоже захотелось вступить в Красную гвардию. Посоветовался с отцом. Он одобрил мое решение и тут же дал совет: сначала подучиться военному делу.

- Ты сдал на аттестат зрелости. Республике нужны грамотные люди. Если станешь красным командиром, уверяю тебя, сумеешь принести больше пользы Советской власти.

Отец дал мне газету, в которой было напечатано объявление об открытии в Петрограде командных артиллерийских курсов в здании бывшего Константиновского артиллерийского училища.

- Попробуй поступить туда, - сказал отец.

Далеко за полночь затянулась наша беседа. Впоследствии отец любил напоминать о том, что именно он указал мне путь в артиллерию.

Утром с замирающим сердцем открыл я большую дубовую дверь старинного училища. Дежурный направил меня к комиссару Джикия. Тот встретил приветливо, подробно расспросил и сказал:

- Такие, как ты, нам нужны. Будешь принят. Но прежде принеси рекомендации от двух членов партии. Можно и так: одна рекомендация от члена партии, вторая - от организации, стоящей на платформе Советской власти.

Я выбежал на улицу с желанием как можно скорей добыть требующиеся документы. Но А. Н. Плаксина в Петрограде не

оказалось. На счастье, быстро разыскал А. И. Архарова, и он охотно написал рекомендацию.

- Но этого мало. Нужно две,- смущенно сказал я и объяснил условия, выдвинутые комиссаром курсов.

- Тогда пойдем на Обводный канал и там все устроим,- ответил Архаров.

На Обводном канале в клубе имени Карла Маркса меня по предложению Архарова приняли в члены клуба и выдали рекомендацию для поступления на курсы.

Во второй половине того же дня я вручил тов. Джикия рекомендации и свое заявление, а он немедленно написал резолюцию: "Принять, выдать обмундирование и зачислить на котловое довольствие".

Итак, я стал курсантом. Форма у нас была старая, юнкерская, но без погон. На фуражке с традиционным черным околышем старая солдатская кокарда была тщательно замазана красной краской. Новые шинели до каблуков, шпоры с хорошим звоном, четкая строевая выправка курсантов - все это дало повод горожанам называть нас "ленинскими юнкерами".

"Ленинские" - это было приятно, но юнкерами мы себя не признавали.

На одном из первых занятий преподаватель два часа стоял у доски и с помощью чертежей пояснял, что такое прицельные приспособления и их главная часть - панорама. Я ничего не понял и сразу приуныл: сумею ли постигнуть все эти артиллерийские премудрости? Может, лучше было бы определиться в кавалерию?

Через несколько дней эти сомнения отпали. Однажды нас выстроили в манеже. Напротив стояли коноводы с верховыми лошадьми. Преподаватель после краткого вступления подошел к правофланговому вороному коню, лихо сел в седло и стал показывать элементарные приемы управления лошадью. Конь оказался очень беспокойным, горячим и все время стремился сбросить всадника. Преподаватель был опытный кавалерист и заставил животное слушаться повода. Когда показ был завершен, раздались команды: "Смирно!" и "По коням!".

Каждый курсант получил коня, мне, как правофланговому, пришлось подойти к тому, с которого только что ловко соскочил преподаватель. И надо же было так случиться, что этот упрямец достался мне! Много пришлось проявить самообладания и упорства, чтобы усидеть в седле. Хотя я впервые в жизни сел на оседланную лошадь, у меня получалось не хуже, чем у других. Это ободрило меня.

Занятия по прицельным приспособлениям возобновились уже не на доске преподаватель принес в класс настоящую панораму.

Все сразу стало ясно и понятно. Устройство панорамы и правила пользования ею были усвоены на всю жизнь.

Наши курсы принимали участие в первомайской демонстрации 1918 года на Марсовом поле (ныне Площадь жертв революции). Меня назначили командиром орудия. С какой гордостью и уверенностью я провел свое орудие по Троицкому (ныне Кировскому) мосту и Марсовому полю! Подо мной был тот же красивый вороной конь, на которого я садился на первом занятии.

Артиллерию изучал с увлечением. Хорошие результаты показывал в стрельбе из боевой винтовки и из револьвера (опыт охотника пригодился!), метко бросал гранаты.

Мы, курсанты, нередко несли караульную службу у важных объектов и участвовали в нарядах по городу. К этим обязанностям относились со всей ответственностью. Мы знали, что наши братья по оружию - бойцы отрядов Красной гвардии и только создававшейся Красной Армии - ведут непрерывные бои с белогвардейцами. Обстановка требовала высокой бдительности и постоянной боевой готовности.

По субботам и воскресеньям нас на несколько часов отпускали в город. Как-то в июле я был в таком отпуску. Неожиданно мне встретились усиленные патрули Красной гвардии. Прохожие говорили об убийстве германского посла. Я решил немедленно вернуться на курсы. Там было неспокойно. В вестибюле у лестницы стоял наряд вооруженных курсантов с двумя пулеметами. Мне сразу выдали винтовку, боевые патроны и две ручные гранаты. В это время на улицах города уже слышалась перестрелка.

Вскоре курсантов выстроили в Белом зале училища. Перед ними выступил секретарь райкома партии с краткой и взволнованной речью. Он рассказал, что в Киеве левые эсеры с провокационной целью убили германского посла Мирбаха, а в Петрограде начали восстание.

- Вы слышите стрельбу? Это идет бой у здания бывшего Пажеского корпуса на Садовой улице, где засели эсеры,- сказал секретарь райкома.- Нам нужен небольшой, но смелый и решительный отряд курсантов-добровольцев в пятьдесят человек.

- Для выполнения боевого задания, добровольцы, пять шагов вперед! раздалась команда.

Из строя вышли десятки курсантов. Мы без промедления направились на Литовку, к дому Перцова, где находился штаб левых эсеров. Разделившись на два отряда, курсанты по двум переулкам вышли на Лиговку. В те минуты улица показалась нам очень широкой и открытой, а дом Перцова - настоящей

крепостью. Из открытых окон торчали стволы пулеметов, все входы были наглухо закрыты.

Оба наших отряда без выстрелов, с громким криком "ура" бросились в атаку. Мы мгновенно пересекли улицу, разбили двери прикладами винтовок и ворвались в здание. Восставшие, видимо, не ожидали таких решительных действий, растерялись и почти не оказали сопротивления. Мы захватили пулеметы, много винтовок, ручных гранат, большие запасы патронов. Утром нам объявили благодарность, и каждому курсанту, участвовавшему в разгроме штаба левых эсеров, выдали по полфунта хлеба, четыре золотника сахару и банку мясных консервов на четверых. Мы очень гордились этим первым своим успешно выполненным заданием.

Меня приняли в группу сочувствующих РКП (б).

Вскоре мы выехали в лагеря в район Дудергофа. Начались практические артиллерийские стрельбы - самая увлекательная пора для молодых артиллеристов. Мне довелось пройти в лагерях хорошую школу в качестве правильного, установщика трубки, наводчика, а потом командира орудия и старшего на батарее.

Быстро пролетели летние месяцы, а осенью мы уже сдавали выпускные экзамены. Портные снимали мерки на новое обмундирование и обувь, стараясь хорошо экипировать первых "красных офицеров".

18 сентября 1918 года на Марсовом поле состоялся парад первых выпускников всех командных курсов Петрограда. Это был незабываемый день. Нам прочли телеграмму В. И. Ленина:

"Приветствую 400 товарищей рабочих, оканчивающих сегодня курсы командного состава Красной Армии и вступающих в ее ряды как руководители. Успех Российской и мировой социалистической революции зависит от того, с какой энергией рабочие будут браться за управление государством и за командование армией трудящихся и эксплуатируемых, воюющих за свержение ига капитала. Я уверен поэтому, что примеру четырехсот последуют еще тысячи и тысячи рабочих, а с такими администраторами и командирами победа коммунизма будет обеспечена. Предсовнаркома Ленин".

Выпускники были направлены в Москву на месячные дополнительные "курсы военной администрации и политического руководительства". Эти курсы были организованы в Лефортове, в зданиях бывшего Алексеевского пехотного училища. Нам читали здесь лекции по военной администрации, по методике обучения солдат. Несколько лекций прочел Яков Михайлович Свердлов. Рядом с нами размещались 1-е Московские артиллерийские курсы. Нам поручалось проводить занятия с курсантами, чтобы

накопить методический опыт. Надо ли говорить, с каким волнением каждый из нас готовил и проводил эти занятия, а потом выслушивал критические замечания наших руководителей!

22 октября 1918 года нас пригласили на Объединенное заседание ВЦИК, Моссовета, фабрично-заводских комитетов профессиональных союзов, на котором с большой речью выступил В. И. Ленин. Навсегда остались в памяти его слова: "Мы за год революции сделали так много, как никогда в мире не делала ни одна пролетарская партия. Наша революция оказалась явлением мировым.

...В первый раз в сознании и на опыте десятков миллионов рождается и родилась новая, социалистическая дисциплина, родилась Красная Армия. Перед нами главная задача - борьба с империализмом, и в этой борьбе мы должны победить. Мы знаем, что перелом в сознании Красной Армии наступил, она начала побеждать, О на выдвигает из своей среды тысячи офицеров, которые прошли курс в новых, пролетарских военных школах, и тысячи других офицеров, которые никаких курсов не проходили, кроме жестокого курса войны. Армия у нас есть, и эта армия создала дисциплину, стала боеспособной",

Слова великого Ленина вселяли в нас веру в победу, веру в силу рабочего класса.

Состоялся выпускной вечер. От имени ЦК партии с большой речью к первому выпуску красных офицеров обратилась Александра Михайловна Коллонтай, присланная к нам лично В. И. Лениным.

После окончания курсов получил назначение в Петроградский военный округ. Инспектор артиллерии округа принял меня довольно приветливо и предложил должность командира взвода на одном из Кронштадтских фортов. Я стал очень просить послать меня на фронт. Инспектор, в конце концов, согласился.

На фронт!

Я был назначен в запасный мортирный артиллерийский дивизион, дислоцировавшийся в Петрограде. Здесь формировались батареи для фронтов гражданской войны.

Командир дивизиона, бывший полковник царской армии Дроздов, встретил меня ненавистным взглядом и процедил сквозь зубы:

- Ну вот, и красненький офицерик к нам пожаловал!

Он не подал мне руки, не предложил сесть, а лишь объявил, что я назначаюсь командиром взвода во вторую батарею, в скором времени убывающую на фронт.

Батарея размещалась в старых, запущенных казармах и

насчитывала пока всего лишь несколько солдат и фейерверкеров старой царской армии, недавно призванных на службу в Красную Армию. Батарея только формировалась.

Меня встретили с большим любопытством. Всем было в диковинку видеть "красного офицера". Солдаты удивленно рассматривали мое новенькое обмундирование обычного офицерского покроя, но без погон, фуражку, на которой вместо старой кокарды была красная пятиконечная звезда.

Начал знакомиться со своими подчиненными. Постепенно мы нашли общий язык.

Командир батареи Августин Георгиевич Шабловский стал моим учителем и лучшим другом. Он окончил ускоренный курс Константиновского артиллерийского училища в годы первой мировой войны и приобрел на фронте большой командный опыт. Культурный, скромный и отзывчивый, требовательный к себе и подчиненным, он быстро завоевал уважение и любовь всего личного состава батареи.

Петроград готовился к празднованию первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. На домах - яркие лозунги, плакаты. В Неву вошли корабли Балтийского флота, разукрашенные гирляндами разноцветных флагов.

Так случилось, что в день праздника - 7 ноября 1918 года наша батарея получала вооружение и артиллерийскую амуницию со складов Петропавловской крепости. Нам выдали четыре 122-миллиметровых гаубицы образца 1909 года с передками, четыре зарядных ящика, артиллерийские оптические приборы, значительное число винтовок, шашки и бебуты для ездовых и много положенного по табелям имущества.

Приемка заняла весь день. Как ни торопились сдатчики поскорее с нами разделаться, командир батареи и другие бывалые артиллеристы придирчиво проверяли исправность и боевую пригодность всего, что получали по ведомости.

Выехали мы из Петропавловской крепости, когда уже совсем стемнело. Город искрился разноцветными электрическими лампочками. На улицах и площадях гремели оркестры, пели хоры, выступали артисты. Всюду очень людно. Особенно торжественно на набережных: на Неве корабли, расцвеченные иллюминацией.

Мы ехали на четырех грузовых автомобилях.

В головной машине командир батареи, я - на последней. В кузове нашего грузовика стояло одно орудие, второе катилось на прицепе, поэтому мы вскоре отстали от других, а потом нас захлестнул праздничный поток, сквозь который продвигаться удавалось со скоростью черепахи. На Троицком мосту нам

преградили путь вооруженные красногвардейцы. Им показался подозрительным большой грузовик с двумя орудиями. Потребовали документ на орудия, а у меня его не оказалось все документы были у командира батареи.

Нас задержали. Вокруг собрались сотни людей. Слышались возгласы:

- Не выпускайте их! Сразу видно - контра! Свои не повезут орудия в праздник!

Мне ничего не оставалось, как оставить машину на мосту, а самому пешком вернуться в крепость, чтобы получить документ. Но на складе уже никого не оказалось, все было заперто и опечатано. Дежурный по-товарищески мне посочувствовал и посоветовал отправиться на квартиру к комиссару крепости, благо она неподалеку. Так я и поступил. Комиссар, к счастью, оказался дома. Он выдал мне документ, скрепив свою подпись массивной печатью.

Бегом добрался я до грузовика и вручил бумагу бдительным красногвардейцам. Только тогда нам было разрешено следовать дальше.

Вокруг машины собралась какая-то шумная компания. Просят довезти до Московского вокзала. Выяснилось, что это хор, который спешит на выступление. Получив согласие, артисты быстро расселись в кузове и тотчас же затянули песню.

Наверное, это было любопытное зрелище: машина с двумя орудиями медленно ползла в людском потоке через Марсово поле, затем по Невскому проспекту, а в ее кузове дружный хор громко распевал революционные песни. Теперь для нас уже не было никаких преград. Нигде больше не останавливали, не спрашивали документов. Нашим пропуском стала песня. Тепло распрощавшись возле вокзала с новыми друзьями, мы, наконец, добрались до своих казарм. Нас ждал скромный ужин - порция хлеба, ложка подсолнечного масла и несколько кусочков пиленого сахара.

На следующий же день началась боевая учеба у орудий. Многие из красноармейцев были опытными солдатами, поэтому занятия шли успешно, пушечники быстро становились гаубичниками.

Однажды я с разрешения командира батареи отлучился, чтобы навестить отца. Наутро, прибыв в казарму, я был ошеломлен сообщением о том, что батарея по тревоге убыла на фронт под Псков. Оказалось, что десять красноармейцев нашей батареи тоже отстали и требуют срочной отправки в свое подразделение.

Вскоре у меня на руках были проездные документы на

одиннадцать человек. Получено продовольствие на дорогу - и вот уже мы в поезде, в жестком вагоне третьего класса. Много шутили, рассказывали смешные случаи из своей жизни.

Поздно вечером улеглись спать, установив дневальство. Каково же было мое удивление, когда, проснувшись на рассвете, я увидел всего лишь одного красноармейца.

- Где же остальные?

- Да псковские все,- пояснил красноармеец.- Увидели родные места и махнули домой за сухарями. Разве удержишься?

- Но ты же удержался, а ведь тоже псковский.

- Так я ж дневальный, на службе нахожусь. Пост бросать нельзя, это каждый понимает.

Невозмутимость собеседника еще больше взвинтила меня.

- Это же дезертирство!

- Какие же они дезертиры? - пытался защитить своих друзей красноармеец.Они же не сбежали совсем, а ушли на денек домой на побывку. Сухариков с сальцем захватят, и все явятся, как голубчики.

На следующий день на одной из станций мы догнали эшелон со своей батареей. Он стоял на запасном пути. Командир батареи обрадовался моему прибытию, а в отношении девяти беглецов не выразил особого удивления: он уверен, что они скоро появятся.

Псков в это время был захвачен германскими войсками. Там же орудовала банда Булак-Балаховича.

Наша батарея опоздала: Псков взяли без нашего участия. Нас направили в сторону Изборска, где противник проявлял упорство в обороне и даже пытался наступать вдоль железной дороги.

Части Красной Армии на этом направлении имели мало артиллерии, но зато в их распоряжении был бронепоезд "Стенька Разин", вооруженный морскими орудиями разных калибров. На бронепоезде служили моряки. Белогвардейцы их очень боялись. "Стенька Разин" нередко выдвигался на первые линии нашей пехоты и вступал в огневой поединок с бронепоездом противника, заставляя его спасаться бегством.

Первые бои

Нашей батарее было приказано занять позицию около деревни Красная Репка, чтобы своим огнем прикрывать железную дорогу.

Однажды вражеский бронепоезд в предрассветном тумане проник в расположение наших войск. Этого никто не ожидал. В нейтральной полосе был разрушен небольшой мост. Это препятствие казалось непреодолимым. Никому и в голову не приходило, что противник может тайком починить мост. Мы проснулись от грохота. Снаряды рвались в районе нашей батареи.

Правда, это была беспорядочная стрельба, она не причинила серьезных потерь, но поволноваться нас заставила крепко и на всю жизнь научила бдительности.

Мы быстро открыли ответный огонь. Сначала была проведена короткая, но уверенная пристрелка, потом командир батареи перешел к стрельбе на поражение. Снаряды ложились вблизи бронепоезда, они разрушили железнодорожное полотно, отрезав врагу дорогу к отступлению

Где же наш "Стенька Разин"? Как он нужен в эту минуту! Но телефонная связь была нарушена, и мы не имели никакой возможности позвать моряков на выручку. Оставалось рассчитывать только на свои силы. У нас было мало боезапаса, но на этот раз командир батареи решил снарядов не жалеть.

И вот раздается общий крик радости: наш снаряд угодил в паровоз и вывел его из строя. Теперь-то уж конец вражескому бронепоезду... Но почему медлит пехота? Командир батареи посылает к пехотинцам конных связных. Мы продолжаем вести методический огонь по бронепоезду. Враг не стреляет, но к бронепоезду не подойти - его обороняет пехотный десант

Снова и снова взываем к нашей пехоте, но все безрезультатно. А белые не дремали. Из тыла противника примчался паровоз с платформой. Белые быстро починили разрушенный участок дороги. Паровоз подошел к бронепоезду подцепил его и потащил в свой тыл. Наши снаряды рвались близко от ускользающей добычи, но прямых попаданий не было.

Командование пехотной части прислало нам свою благодарность и даже ценные подарки для отличившихся артиллеристов, но от этого не было легче. Мы поняли, что стреляем пока плохо. Командир батареи А. Г. Шабловский стал уделять еще больше внимания обучению подчиненных. Особенно упорно отрабатывали мы правила пристрелки и стрельбы на поражение. Тренировались, взаимно проверяли знания и навыки друг у друга.

Мы по очереди дежурили на наблюдательном пункте. Но когда надо было вести огонь, командир батареи всегда как-то мгновенно оказывался здесь и сменял дежурившего. По правде сказать, еще не доверял нам такое важное дело, как стрельба через головы своих войск. Но мало-помалу он стал поручать мне, своему помощнику, управление несложными стрельбами. У нас была небольшая партийная организация и группа сочувствующих. Наш военком тов. Славкин по молодости и неопытности обычно ограничивал свои функции снабжением бойцов газетами. Коммунисты сами проявляли инициативу, проводили короткие беседы с красноармейцами и младшими командирами по

"текущему моменту". К этой работе привлекались и сочувствующие. Бывало, получишь газету, прочтешь в ней о важнейших событиях за последние дни и без промедления начинаешь делиться прочитанным со своими товарищами. Такие непринужденные и как бы случайные разговоры играли большую роль в политическом воспитании бойцов, укрепляли боевую дружбу. Наши войска вскоре взяли Печоры. Здесь-то и разыскали, наконец, свою батарею девять псковичей, которые ездили домой "за сухарями". Беглецы радостно стали обнимать своих друзей. В это время появился комиссар батареи. Славкин посчитал возвратившихся дезертирами и объявил им, что они арестованы.

Назначив одного из арестованных - Матвея Белова - старшим, он вручил ему сопроводительную бумажку и приказал всем немедленно отправиться в трибунал, который находился неподалеку, в пехотной части. Арестованные явились туда, и сразу же началось разбирательство их дела. Им вынесли общественное порицание и отправили обратно в свою батарею для продолжения службы. Как рассказывали потом, работники трибунала поразились тому, что "дезертиры" сами прибыли на суд, без конвоиров, без охраны. Не часто бывает такое. Бойцы чистосердечно раскаялись и дали обещание искупить свою вину в боях.

Вернувшиеся в батарею красноармейцы были рады благополучному исходу. Все они после честно несли службу.

Части Красной Армии продолжали продвигаться вперед. Нашу батарею все время держали вблизи железной дороги,- видимо, нас считали специалистами по борьбе с бронепоездами. Немалое значение придавалось и калибру орудий батареи, которую частенько называли тяжелой. Ее снаряды наводили страх на вражеских солдат. Но некоторые пехотные начальники были недовольны темпом стрельбы и часто требовали от нас вести беглый огонь. Однако командир батареи предпочитал методический огонь, чтобы иметь возможность корректировать каждый выстрел: мы постоянно испытывали недостаток боеприпасов. Иногда нам присылали шрапнель старых образцов, но она не соответствовала таблицам стрельбы. Наши приемщики предпочитали брать со складов "бомбы". Это название перешло к нам из царской армии, где бомбой назывался артиллерийский фугасный снаряд весом более одного пуда. Такой же снаряд, но весом менее пуда, назывался гранатой.

Из гаубицы стрелять фугасным снарядом было много проще, чем шрапнелью, поэтому мы, строевые командиры, радовались, когда у нас на огневой позиции имелись бомбы. Если стрельба велась по живой силе, взрыватели их устанавливались на

осколочное действие.

В середине декабря 1918 года наши части вошли в г. Валк. Батарее было приказано в составе сводного отряда тов. Жучкова наступать западнее Юрьева. Наступление развивалось успешно, все стычки с белогвардейскими отрядами оканчивались в нашу пользу, отряд почти не прибегал к огню наших гаубиц.

В ноябре-декабре 1918 года молодая Красная Армия деятельно помогала трудящимся Эстонии и Латвии в борьбе с иностранными интервентами и местными буржуазно-националистическими элементами.

Но силы у нас таяли, пополнений не поступало. Артиллерийские снаряды приходилось расходовать бережно. Только что возникшие в Прибалтике органы Советской власти охватывали своим руководством и влиянием далеко не всю подчиненную им территорию. Дело дошло до того, что в наших тылах белогвардейцы проводили скрытые мобилизации. Всем нам приходилось быть настороже. Не раз в ночное время задерживали вблизи батареи подозрительных вооруженных лиц.

Интервенты и эстонские буржуазные националисты, получив подкрепление извне, в январе 1919 года стали теснить разрозненные и малочисленные части Красной Армии. Бои были тяжелыми и изобиловали многими неожиданностями.

Однажды утром мы потеряли связь с пехотным подразделением, в составе которого действовала батарея. Командир приказал включиться в полевой кабель, пытаясь таким образом связаться с командиром отряда.

- Батарее без промедления следовать в Юрьев! - было приказано по телефону.

На пути в Юрьев мы увидели на опушке леса цепь пехоты, которая, видимо, только что развернулась. Через несколько минут над нашими головами засвистели пули, а потом около нас стали разрываться шрапнельные снаряды, которые, к счастью, были с установкой "на удар", поэтому не принесли нам никакого вреда. Мы продолжали свой путь, кони мчались во весь опор. Красноармейцы открыли из винтовок ответную стрельбу. Вскоре батарея скрылась за складку местности и ушла от преследователей.

Оказалось, что мы получили приказание двигаться в сторону Юрьева не от нашего штаба, а от белогвардейцев: в спешке не догадались проверить, с кем разговаривали по телефону. Белогвардейцы, воспользовавшись нашей оплошностью, хотели перехватить батарею.

Когда мы проскочили опасный участок пути, я поблагодарил за инициативу красноармейцев, самостоятельно начавших

стрелять по врагу. Но когда пожимал руку бойцу, который первым открыл огонь, тот сильно смутился,

- Товарищ командир, - признался он, - а я ведь так, наобум лазаря палил. Просто, чтобы наши кони ходчей шли!

Батарея участвовала в непрерывных боях на западных подступах к Пскову. Наши старушки гаубицы образца 1909 года с клиновыми замками то и дело выходили из строя, приходилось их ремонтировать.

15 апреля 1919 года был для меня знаменательным днем: партийная ячейка батареи приняла меня в ряды Коммунистической партии. Вскоре в политотделе 10-й стрелковой дивизии мне вручили партийный билет. Я стал еще острее чувствовать личную ответственность за защиту завоеваний народа.

Помнится, меня, молодого коммуниста, убежденного безбожника, удивило постановление Совета обороны от 16 апреля 1919 года, подписанное В. И. Лениным: "Отпустить всем красноармейцам на первый и второй день пасхи приварочное довольствие и сахар в полуторном размере". Мне казалось, что такое постановление в корне подрывало среди красноармейцев нашу антирелигиозную пропаганду. Новый комиссар батареи С. А. Архипов разъяснил мне, чем это вызвано. Красная Армия стала трехмиллионной. В подавляющем большинстве она состояла из крестьян. Эти люди готовы с оружием в руках защищать Советскую власть, но многих из них еще не коснулась наша воспитательная работа. Было бы ошибкой в такую ответственную пору не учитывать их религиозных настроений. Слова комиссара заставили меня глубоко задуматься, я все более убеждался, что воспитание людей - дело трудное, требующее умения и терпения.

На меня возложили обязанности помощника командира батареи. Под руководством А. Г. Шабловского мне все чаще доводилось оставаться старшим командиром на огневой позиции, дежурить на наблюдательных пунктах и вести стрельбы по заранее пристрелянным данным, производить переносы огня.

Весной 1919 года западнее Изборска нашему боевому участку была поставлена задача захватить сильный опорный пункт Паниковичи. Мы серьезно подготовились к этому: провели тщательную пристрелку целей, установили взаимодействие с пехотой, действовавшей вдоль шоссе.

На псковском боевом участке применялась тогда линейная тактика, господствовавшая еще в годы мировой войны. Прерывчатое расположение войск в обороне противника плохо использовалось: наши части наступали в лоб на опорные пункты врага, вместо того чтобы просачиваться и обходить эти пункты,

захватывать их с флангов и тыла.

Пехоте, наступавшей на Паниковичи, было придано три бронеавтомобиля. В назначенное время она двинулась вперед. Мы открыли огонь. По шоссе проехали бронемашины и скрылись в низине. Жиденькая цепь пехоты перебежками медленно продвигалась вперед, а затем залегла под редким огнем противника. Мы нервничали: куда же подевались броневики?

С утра на нашем наблюдательном пункте находились старший разведчик Лобачев и батарейный писарь Судаков. Никто не заметил, как эти два красноармейца исчезли.

Вскоре получили новое приказание: приготовиться к решительному штурму. Наши и соседние батареи усилили огонь. И тут показались броневики, которые мы уже считали пропавшими. Они смело рванулись вперед по шоссе и увлекли за собой пехоту. Мы перенесли огонь в глубину обороны противника. Наступление успешно развивалось, и вскоре пехотинцы ворвались в Паниковичи. Как после стало известно, большую роль в этом успехе сыграли разведчик Лобачев и писарь Судаков, которых на батарее совсем было сочли беглецами. По собственной инициативе они пробрались к застрявшим броневикам. Выяснилось, что на пути машин возникло препятствие: небольшой мостик на подступах к Паниковичам был разобран противником. В этой обстановке наш бравый разведчик Лобачев объявил себя комиссаром, а писарь Судаков - его помощником. Они приказали экипажам броневиков, а также случайно находившимся поблизости нескольким красноармейцам немедленно восстановить мостик. Сами при этом работали больше всех, подтаскивая под огнем бревна и доски, раскиданные белыми. Когда мост был восстановлен, броневики пошли вперед, за ними устремились пехотинцы.

За этот геройский поступок красноармейцы Лобачев и Судаков получили ценные подарки.

Наши старушки гаубицы опять потребовали очередного ремонта. Батарею отвели в Изборск, а орудия отправили на ремонт в Псков.

Мы разместились на окраине старинного городка.

Наступил блаженный отдых. Ночью спали на полу, вповалку. Днем чинили амуницию, чистили и стирали обмундирование.

С фронта иногда доносились пулеметная дробь, редкая артиллерийская стрельба. К этим привычным звукам мы сейчас прислушивались с тревогой. Честное слово, на передовых позициях чувствуешь себя спокойнее: там хоть видишь, что творится на фронте, а здесь, в близком тылу, сидишь и ничего не знаешь.

В ночь на 13 мая мы крепко спали. Сквозь сон я слышал громкий стук колес о булыжную мостовую. Несколько раз просыпался, прислушивался, а потом успокаивал себя: наверное, наше пополнение движется в сторону фронта. Но на рассвете зазвенели оконные стекла. Выглянул в окно. Мимо нашего дома размашистой рысью неслась с фронта легкая батарея красной эстонской бригады, прикрывавшей подступы к Изборску. Орудия были без чехлов, панорамы оставались в боевом положении. По настороженно-испуганным лицам бойцов понял: началось отступление. По моей команде все вскочили. Выбежав на крыльцо, увидел другую батарею, скачущую в тыл.

- Что случилось? - спрашиваю одного из командиров.

- Измена! - ответил тот.

В городе трещали пулеметные очереди. Мы устремились туда, где стояла наша батарея. Для этого надо было пробежать через несколько улиц.

Близко застрекотал пулемет. Думали, что стреляют наши. Пробрались поближе. Видим, стоит вражеский бронеавтомобиль и стреляет вдоль улицы. Мы очутились у него в тылу. Все были без оружия, только у меня револьвер, но разве его пулей пробить броню! Как пожалели, что в этот момент у нас не оказалось ручных гранат!

Башня броневика не вращалась, поэтому мы смогли беспрепятственно перебежать улицу и скрыться за какие-то постройки. Здесь повстречались с красноармейцем нашей батареи, он сообщил, что батарея уже ушла в юго-восточном направлении.

С большим трудом выбрались из города и через несколько часов разыскали свое подразделение.

Тут нам стало известно, что в эту ночь националисты эстонской бригады во главе с ее командиром Риттом подняли контрреволюционный мятеж и открыли фронт белогвардейцам.

Красные войска отступали к Пскову. Наша батарея поддерживала своим огнем 88, 89 и 90-й стрелковые полки прибывшей на фронт 30-й стрелковой бригады 10-й дивизии. Эти полки были большего состава, но плохо обучены и слабо подготовлены в политико-моральном отношении.

Наша батарея была переименована в 9-ю, введена в состав 3-го артиллерийского дивизиона, которым командовал тов. Шаманков. Мы получили на вооружение 76-миллиметровые пушки, чему были весьма рады.

25 мая части Красной Армии оставили Псков. Всю первую половину июня противник продолжал наступать. За это время мы откатились дальше к востоку, и фронт дивизии наконец

стабилизировался между станциями Плюсса и Струги Белые.

Юденич рвался к Петрограду. К исходу 18 июня белогвардейцы вышли на приморском направлении к Копорскому заливу и Волосово, но дальше продвинуться не смогли. На этом направлении войска Красной Армии перешли в успешное наступление.

Наша 10-я дивизия тотчас же двинулась вперед. На нее возлагались две задачи: совместными усилиями с 11-й дивизией овладеть Псковом, а затем, развивая наступление в северо-западном направлении, создать угрозу флангам и тылу ударной группировки Юденича, на подступах к Петрограду.

За успехи в боях местный ревком подарил артиллеристам батареи граммофон с большим количеством пластинок. С тех пор во время каждой боевой стрельбы граммофон ставился обычно в центре нашей позиции, и огонь велся под музыку.

Мне памятна одна стрельба, когда первый выстрел был произведен под аккомпанемент чудесного баса Федора Ивановича Шаляпина, певшего знаменитую арию из "Фауста": "На земле весь род людской..."

Бои были напряженными, стрелять приходилось много.

5 августа наши части взяли Ямбург, а 26 августа освободили древний Псков.

На всех произвел большое впечатление зачитанный нам документ:

"Части XV армии после упорной боевой работы овладели Псковом. Учитывая условия обстановки, в которой протекала боевая работа армии, бедность своими продовольственными средствами, трудность подвоза их, необходимость дополнить недостачу их покупкой у местного населения, Совет Обороны постановил:

1. Объявить XV армии за взятие Пскова товарищескую благодарность от имени Совета Обороны.

2. В возмещение расходов и затрат, понесенных красноармейцами и командным составом, выдать XV армии месячный оклад содержания.

Председатель Совета Обороны В. Ульянов (Ленин)".

Мы стремились прорваться к Гдову, но сумели достичь лишь южной оконечности Чудского озера.

С первым походом Антанты на петроградском направлении было покончено. У нас не хватило сил и средств, чтобы нанести Юденичу решительное поражение. Советская республика в это время напрягала все усилия против главного ставленника Антанты - Колчака,

Во время наступившего затишья на фронте меня

командировали в Москву за батарейными печатями нового образца.

В те дни я своими глазами увидел тяжелую нужду, голод и разруху в столице. Но как ни было тяжело, москвичи верили партии большевиков, Советской власти, верили в грядущие победы. Проходя мимо казарм у Сухаревской башни, я видел отправку маршевого батальона на фронт. Красноармейцы красиво маршировали в новом обмундировании и новом снаряжении. Это была внушительная картина. Тысячи москвичей провожали их.

И снова я на родной батарее. Меня тотчас же назначили дежурить на наблюдательном пункте. Путешествие в столицу уже казалось каким-то сном.

Боевая молодость была полна романтики. Мы все мечтали о скорой победе мировой революции. Но вместе с тем каждому было ясно, что впереди еще много сражений, что империалисты не оставят нас в покое. Так оно и оказалось. Вскоре начался второй поход Антанты. Теперь главной силой империалистов стал Деникин. Юденич и белоэстонцы получили помощь оружием и начали новое наступление на Петроград. Антанта и белогвардейцы, особые надежды возлагали, как выяснилось позднее, на предателя и махрового шпиона Люндеквиста, начальника штаба нашей 7-й армии, оборонявшей подступы к Петрограду.

В результате трехнедельного наступления Юденич захватил Лугу, прорвался к Пулковским высотам.

Контрнаступление советских войск под Петроградом началось 21 октября и стало успешно развиваться. 31 октября дивизии нашей 15-й армии взяли Лугу, С упорными боями мы медленно продвигались в направлении к Гдову, который был освобожден 7 ноября. В тот же день части 7-й армии заняли Волосово и Веймарн.

Наша батарея отличилась во многих боях. Мы по-прежнему очень бережно расходовали снаряды, стараясь как можно точнее бить по врагу.

Велик был наступательный порыв. 14 ноября наши войска штурмом взяли Ямбург, последний бастион и пристанище Юденича. Белые войска были разгромлены, а их остатки бежали. Буржуазное правительство Эстонии возобновило мирные переговоры со Страной Советов. 2 февраля в Юрьеве был подписан мирный договор.

Этому событию В. И. Ленин придавал серьезное значение. Он писал: "Мир с Эстляндией - это окно, пробитое русскими рабочими в Западную Европу, это неслыханная победа над всемирным империализмом".

Победы Красной Армии над Колчаком, Деникиным и Юденичем обеспечили передышку в боевых действиях. Наша бригада была отведена в район Пскова, а батарея разместилась в его пригороде Подберезье. К нам прибыл новый командир батареи Николай Николаевич Михельсон. Августина Георгиевича Шабловского перевели от нас, назначили командиром артиллерийского дивизиона. Я искренне жалел об этом, но вместе с тем радовался его заслуженному продвижению по службе. В Подберезье развернулась деятельная боевая учеба. Все относились к ней с огромной ответственностью. Каждый понимал, что надо готовиться к решительным сражениям.

В свободное время ходили в псковский театр. Там я в последний раз в жизни слушал Ф. И. Шаляпина.

В апреле 1920 года батарею направили на белопольский фронт.

Березина

Антанта спешно готовила новый, третий поход против молодого Советского государства. Теперь главной силой выступали белополяки во главе с матерым реакционером Пилсудским, а подсобной - белогвардейцы Врангеля.

Трижды обращалось Советское правительство к польскому правительству и сейму с предложениями о мирном урегулировании спорных вопросов между Советской Россией и Польшей, но пилсудчики не удосужились даже ответить.

В. И. Ленин предвидел возможность начала военных действий со стороны белопанской Польши и предупреждал о новой опасности, нависшей над страной. В начале марта мы прочли в "Правде" его доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков. "Всемирно-могущественная Антанта нам уже не страшна: в решающих сражениях мы ее победили. Правда, они могут направить на нас еще Польшу. Польские помещики и капиталисты бурлят, бросают угрозы, что они хотят себе территории 1772 г., что они желают подчинить себе Украину. Мы знаем, что Франция поджигает Польшу, бросая туда миллионы, потому что все равно обанкротилась и ставит теперь последнюю ставку на Польшу". Прочтя эти слова Владимира Ильича, наши артиллеристы решили: не миновать нам ехать туда, учить пилсудчиков уму-разуму,

И действительно, нашу 10-ю дивизию в апреле 1920 года перебросили из Пскова в район Жлобина, а затем к реке Березине. Марш от Жлобина к фронту был очень тяжелым. Часто приходилось тащить орудия по песчаным проселочным дорогам. Выручали белорусские крестьяне. Они с готовностью брались везти на своих подводах снятые с лафетов стволы пушек, люльки

с противооткатными устройствами.

Помню, как бранил меня командир дивизиона Михаил Адольфович Рерлэ: виданное ли дело, чтобы на Марше разбирать орудия по частям! Но выслушал мои доводы, посмотрел на радостные лица наших добровольных помощников - и смягчился.

Вскоре батарея приняла участие в боях с белополяками в районе Шацилки. Противник здесь перешел в энергичное наступление и вынудил наши части отойти на левый берег Березины. Мы, артиллеристы, своим огнем прикрывали отход пехоты.

Затем дивизия занимала оборону на фронте протяжением более 70 километров. Батарее пришлось подготовить несколько огневых позиций и непрерывно маневрировать вдоль фронта, вводя в заблуждение противника.

По директиве командующего Западным фронтом М. Н. Тухачевского на 16-ю армию была возложена задача - форсировать Березину для решительного удара на минском направлении. Одновременно в юго-западном направлении должны были наступать три другие армии.

Началась усиленная подготовка к предстоящей операции: рекогносцировки, тщательная разведка, перегруппировки войск. На совещаниях пехотинцев с артиллеристами распределялись цели, районы огневых позиций и наблюдательных пунктов, обсуждались вопросы связи и взаимодействия.

Сразу же после окончания артиллерийской подготовки один взвод нашей батареи должен был переправиться на противоположный берег Березины. Другой взвод оставался на прежней позиции, готовый в любой момент поддержать своим огнем пехоту. Вести первый взвод приказали мне. Переправа через большую реку была тогда далеко не простым делом. В нашем распоряжении имелись поплавки Полянского, которые подвязывались к орудиям, передкам, повозкам и двуколкам, чтобы придать им плавучесть. Лошадей предполагалось переправлять вплавь. Поплавков нам как будто хватало, но было очень мало лодок.

Незадолго до наступления прибыла из Сибири 27-я стрелковая дивизия. На вагонах, в которых ехали красноармейцы, крупными буквами было выведено: "Даешь Варшаву!" Увидев эти надписи, мы поняли цели и задачи приближающихся боев, но вместе с тем немало подивились - ведь все фронтовики старались скрытно от противника готовиться к форсированию Березины, ползали, как ужи, изучая оборону врага, а тем временем через всю страну двигались эшелоны с таким громким и грозным лозунгом. Сколько шпионских глаз могло их засечь! Дорого

обходилась нам такая беспечность.

Предстоящая переправа волновала всех. Мы тщательно изучили глубокую реку с болотистыми берегами и быстрым течением. Было условлено, что на том берегу все причалят возможно ближе друг к другу - это облегчит и ускорит приведение взвода в боевую готовность. Каждый из нас отлично понимал, какое впечатление произведет появление наших трехдюймовок на берегу, занятом белополяками.

Как только передовые подразделения высадятся и закрепятся на противоположном берегу, саперы должны возвести через реку мост на козлах. К месту постройки моста незаметно подвозились материалы. Лес был поблизости подходил к самому урезу воды,- и это облегчало задачу.

Ночь перед наступлением была тихая, ни одной осветительной ракеты не висело в воздухе. Наблюдательный пункт батареи расположился недалеко от места предстоящей постройки моста. Я с двумя разведчиками отправился к командиру саперов, чтобы договориться о деталях переправы второго взвода.

Саперы работали шумно. Слышался плеск воды, лязгание весельных уключин. Никто не мог сказать, где находится командир саперной роты, у которого я хотел узнать реальный срок готовности моста.

Мы спешились. В это время на противоположном берегу ударили пушки. Снаряды стали разрываться совсем близко. Саперы разбежались кто куда. Мы поскакали на батарею, чтобы открыть ответный огонь.

Но вражеский берег вскоре замолчал. Вновь наступила тишина. Перед рассветом переправилась наша разведка, за ней последовали передовые подразделения пехоты, а потом и мы.

Стараясь грести бесшумно, я плыл на маленькой лодчонке. Громко стучало сердце. В тумане, стоявшем над рекой, с трудом различались головы плывущих лошадей. Неподалеку от меня возвышались поставленные на поплавки орудия. Все шло без особого шума. Но когда мы добрались до середины реки, вдруг раздались выстрелы, особенно оглушительные над водой. Это наши передовые подразделения завязали на берегу перестрелку с боевым охранением противника. Я изо всех сил нажал на весла.

Вот и берег. Телефонисты быстро навели связь, орудия заняли огневую позицию. Я связался с пехотным подразделением. Вскоре появился командир батальона. Он очень обрадовался нашим пушкам. Мы стали бить по вражеским пулеметам, расчищая путь пехоте.

Противника застигли врасплох. Наступление развертывалось

стремительно. Белополяки, отстреливаясь, отходили. Орудия нашего взвода не меняли огневой позиции, а я с наблюдателями бросками передвигался непосредственно за цепью пехоты.

После полудня был, наконец, наведен мост через Березину, и к нам присоединился второй взвод батареи. Мощь нашего огня сразу удвоилась.

Пять суток продолжались упорные бои. Наконец был взят город Игумен. 11 июня наши части облетела радостная весть - 17-я стрелковая дивизия освободила Минск.

Всюду нас радостно встречало местное население, освобожденное от панского гнета. Нас обнимали, угощали, многие сейчас же вступали в наши ряды, чтобы с оружием в руках драться за родную землю.

Передовой отряд пехоты, которому была придала наша батарея, перехватил шоссе, идущее от Бобруйска на Минск. Задача: удержать шоссе до подхода наших частей. В связи с болезнью Н. Н. Михельсона командовать батареей приказали мне.

Вскоре со стороны Бобруйска показалась легковая автомашина. Когда она была уже совсем близко, мы встали цепью во весь рост и перегородили дорогу. Машина остановилась, из нее выскочили польские офицеры и открыли беспорядочную стрельбу из револьверов. Мы стреляли лучше. Машина оказалась в наших руках. Решили подарить ее командиру нашей дивизии, которого все любили и уважали. На заднем сиденье автомобиля лежал убитый польский генерал, при нем были оперативные карты и различные документы, которые мы немедленно отправили в штаб.

Потом показались группы пехоты противника, поддержанные легкой батареей. Мы открыли огонь. Сколько было радости, когда на наших глазах снаряды рвались на огневых позициях вражеских орудий!

Отбили одну атаку - началась новая. Белополяки подкатили еще две батареи. Одна из них быстро умолкла после прямых попаданий наших снарядов. Но противник превосходил нас в силе. Чтобы не попасть в окружение, мы отошли на километр от шоссе. Как ни пытался противник отогнать нас дальше, мы не сделали больше ни шагу назад.

Криками "ура" встретили бойцы отряда подоспевшую помощь - наши части бросились в атаку и быстро овладели шоссе.

Оказалось, что мы преградили путь 14-й пехотной великопольской дивизии, отходившей из района Бобруйска. Сколько неприятностей создал ей наш небольшой передовой отряд, неожиданно перерезавший шоссе.

Командование горячо поблагодарило нас за стойкость и

упорство в неравном бою.

Преследуемый по пятам, противник отходил на запад, кое-где цепляясь за выгодные для обороны участки местности. Наши части нередко свертывались в колонны и двигались под прикрытием разведки и походного охранения. В бригаде был всего один легкий артиллерийский дивизион двухбатарейного состава. Головные батальоны могли меняться часто, но нам, артиллеристам, это не удавалось. Мне пришлось почти бессменно участвовать в боях передовых частей.

Головной батальон выдвигал вперед походную заставу, прикрытую дозорами. Я обычно двигался вместе с разведчиками и связистами в этой заставе, а батарея шла в середине колонны батальона.

Как только застава, встретив противника, начинала развертываться для ведения боя, я устраивал наблюдательный пункт где-нибудь на высотке, а телефонисты в это время спешно тянули телефонный кабель к огневой позиции батареи. Иногда достаточно было послать три - четыре снаряда, чтобы вынудить противника к отступлению.

Однажды полковая колонна шла через большое болото. Противник отходил, и казалось, что в данный момент никакая опасность нам не могла угрожать. Батарея шла с главными силами полка", я с разведкой и связью следовал вместе с командиром полка за головной походной заставой. Оправа и слева от гати расстилалось топкое болото, покрытое мелким лесом.

Наступала ночь, клонило ко сну. Чтобы побороть дремоту, я с разрешения командира полка вернулся в колонну проследить, как движутся наши пушки по зыбкому настилу из жердей. На ходу поговорил с бойцами. Все были бодры и веселы. Вдруг впереди ночную тишину нарушили пулеметные очереди и взрывы ручных гранат.

Движение сразу остановилось. Стрельба разгоралась. Ко мне пробился разведчик с приказанием от командира полка: "Батарее развернуться и быть готовой к стрельбе вдоль гати". На узкой гати не развернуться. Пришлось выпрячь лошадей, а орудия, передки, повозки и двуколки поворачивать вручную.

Выяснилось, что противник на островках вблизи дороги оставил сильную заставу, которая и открыла огонь по нашим головным подразделениям. Но сопротивление белополяков было быстро сломлено, и мы двинулись дальше.

Войска панской Польши по пути своего отступления разрушали все: станции, железнодорожные пути, мосты, сжигали деревни, посевы, стога сена.

Продвижение вперед стоило нам неимоверного труда. Каждую речку приходилось форсировать вброд или на подручных средствах. Все труднее было с подвозом боеприпасов.

К вечеру 17 июля наши части овладели местечком Клецк, а на другое утро батарея уже участвовала в прорыве новой укрепленной позиции противника. Командир полка поставил мне задачу: пробить проходы в проволочных заграждениях. Я доложил, что у меня осталось всего 50 гранат, остальные снаряды - шрапнель.

- Вот и проделайте десять проходов. По пять гранат на каждый!

Сколько ни пытался я пояснить, что каждый проход требует не менее 150-200 снарядов, комполка ничего и знать не хотел.

К счастью, противник не выдержал мощного напора наших соседей и стал отходить.

19 и 20 июля развернулись бои у местечка Ляховичи. Наконец мы вышли на восточный берег реки Шара, на линию старых оборонительных позиций русской армии времен первой мировой войны. За эти двое суток батарея расстреляла чуть ли не весь запас снарядов. Настроение у меня было мрачное.

Противник занял бывшие немецкие окопы. Они просматривались в стереотрубу и выглядели внушительно. Не избежать здесь тяжелого, затяжного боя.

Ночью снаряды прибыли. Мы все подготовили к ожесточенной схватке с врагом. Но перед рассветом разведка донесла, что противник покинул позиции. Наши войска двинулись в погоню. Мы проезжали мимо многочисленных сооружений, выстроенных немцами в первую мировую войну. Почему белополяки не воспользовались этими укреплениями?

Это стало ясно через несколько дней: враг решил занять оборону на западном берегу реки Ясельда, около селения Береза-Картузская. Здесь у него имелся опорный пункт с небольшим предмостным укреплением на восточном берегу реки. Наш берег был покрыт оплошным лесом. Ни одной подходящей лесной полянки мне не удавалось подобрать для огневой позиции батареи. Изучая карту, наткнулся на топографический знак - дом лесника. Там и разместили мы пушки. Свободное от леса пространство было тесное, орудия ставили, как говорится, колесо к колесу. Наблюдательный пункт оборудовали на старом кладбище возле реки.

Исходные данные для стрельбы готовили по карте с помощью целлулоидного круга. Первый же выстрел порадовал, снаряд лег, где было нужно. Стрельбу мы здесь вели трое суток. Несмотря на трудности корректировки, батарея била довольно точно. Мы

подавили три батареи противника и причинили немалый урон его пехоте. Тяжелые орудия врага не раз открывали огонь по лесу, но нащупать нашу батарею ему так и не удалось.

Через пять дней упорных боев опорный пункт противника был сокрушен. Береза-Картузская оказалась в наших руках. Противник стал отходить, нам оставалось неотступно его преследовать.

Из Пинских болот пытался выйти пехотный полк противника с легкой батареей, видимо, не знавший обстановки на фронте. Наши пехотинцы приняли сначала эту батарею за конницу, но быстро разобрались, окружили ее и пленили. Полк белополяков был взят в огневые клещи, понес большие потери, оставил много трофеев.

За этот удачный бой командир полка в тот же день наградил меня конем с отличным строевым седлом и оголовьем. А трофейные лошади придали нашей батарее повышенную маневренность.

Настойчиво преследуя противника, сбивая его арьергарды, пытавшиеся задержать наше движение, части 28-й бригады 30 июля заняли город Кобрин.

1 августа 1920 года я стоял с группой разведчиков на шоссе Кобрин Брест-Литовск. Мы увидели польскую мирную делегацию во главе с генералом Ромером. Она имела задачей любым способом выиграть время и выступала лишь от имени польского командования, а не правительства. Полномочия этой делегации были признаны недостаточными, и ей пришлось вернуться ни с чем.

Драма на Буге

Наша бригада с боями вышла на рубеж в пяти километрах северо-восточнее Брест-Литовска.

- Брест должен быть нашим! - гремел лозунг в частях.

На следующий же день начался штурм города-крепости. Я находился на передовом наблюдательном пункте командира 82-го полка тов. Контрима. Это был мелкий окоп, прикрытый с фронта небольшим бугорком, а с флангов вовсе открытый. В бинокль просматривались почти все наши изготовившиеся к наступлению войска. Бойцы плотно прижимались к земле. Наша батарея открыла огонь, слева и справа заговорили другие батареи.

Пехота бросилась в атаку.

В ночь на 2 августа наши войска овладели Брест-Литовском. Противник отошел за Буг и занял оборону. Его тяжелая артиллерия стала систематически обстреливать город.

Трое суток 28-я бригада пыталась форсировать Буг, но все

наши атаки отбивались сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем белополяков.

Во время этих боев огневую позицию батареи посетил наш новый командир дивизии Какурин. Он побеседовал с бойцами, похвалил их выучку.

Наши войска. предельно устали, понесли немалые потери - полки стали равны батальонам и даже ротам. Огневые возможности резко упали. Тылы далеко отстали. Особенно остро переживалось отсутствие боеприпасов.

Необходима была передышка, чтобы получить подкрепления, подтянуть тылы. Но мы ее не получали. Наши ряды продолжали редеть, а непрерывные бои по форсированию Буга никаких успехов не принесли.

На 4 августа назначили новое наступление. Приказ - во что бы то ни стало переправиться на противоположный берег реки. Накануне я послал разведчиков, чтобы выяснить возможности переправы. Противник взорвал мост через Буг. Наши саперы обещали его восстановить к моменту наступления. Но вот беда - проезжая часть его оказалась очень узкой, была опасность, что орудия могут зацепиться за перила моста. Разведчики нашли другой способ переправы - местные жители указали им брод с хорошим спуском и подъемом, с крепким дном. Крестьянские телеги спокойно переезжали в этом месте на тот берег. Значит, и мы могли совершить здесь переправу.

Утром я стал пробираться с разведчиком и телефонистом на наблюдательный пункт командира батальона, который находился в небольшом кустарнике возле самой реки. По пути мы разматывали телефонный кабель. Было уже светло. Раздавались короткие пулеметные очереди, близко свистели пули. Я послал разведчика на небольшую высотку вести наблюдение за противником и засекать его пулеметные гнезда. Мы с телефонистом продолжали двигаться вперед - я нес телефонный аппарат, а позади телефонист прокладывал кабель.

Чем ближе мы подходили к берегу, пробираясь сквозь кустарник, тем чаще нам кричали пехотинцы из окопов, предупреждая об опасности. Действительно, наш берег хорошо просматривался белополяками. Несколько раз приходилось ложиться под градом пуль.

Наконец мы добрались до наблюдательного пункта командира батальона. Я уже прыгнул в окоп, когда послышался крик телефониста. Тяжело раненный, он лежал на земле. Под огнем я подполз к нему, перетянул обрывком телефонного кабеля его ногу, наложил на рану два санитарных индивидуальных пакета, а сверху обвязал их своей нательной рубашкой. С

большим трудом, ползком дотащил раненого до окопа. Уполз за телефонной катушкой, дотянул кабель до окопа, включил аппарат. К счастью, связь действовала хорошо. Батарея была в полной боевой готовности и ждала только команды.

Взвились три красные ракеты. Орудия всех калибров открыли огонь. по противнику. Артиллерийская подготовка продолжалась минут двадцать пять. Противник затих. Командир батальона с револьвером в правой руке и малой саперной лопаткой в левой (ею он прикрывал голову), с поплавком Полянского на поясе вскочил на бруствер и зычно скомандовал:

- Батальон, за мной в атаку! Ура!

Мгновенно опустели окопы, и вниз к реке скатилась цепь красноармейцев. Бойцы смело бросились в воду и быстро переплыли Буг. Скоро на противоположном берегу замелькали их фигуры. Я накладывал огонь батареи впереди цепи. Внезапно обнаружили себя два пулемета противника, близко расположенные друг к другу. Оба они были сметены огнем нашей батареи. Наступление развивалось успешно: уже появились первые группы военнопленных.

На утлом челне я тоже переправился на другой берег Буга. Вскоре снялась с позиции и батарея, она двинулась через реку вброд. Переправа прошла благополучно. Мы оборудовали новую огневую позицию и наблюдательный пункт батареи, установили связь с пехотой.

Наступили сумерки. У всех командиров было такое ощущение, что противник оторвался от нас и, пользуясь ночной темнотой, будет продолжать свой отход в западном направлении. Все радовались успеху.

Ночь и раннее утро прошли спокойно, но вскоре грянула гроза: противник неожиданно, без всякой стрельбы перешел в наступление. Из штаба полка мне было приказано отвести батарею обратно на восточный берег и приготовиться к открытию огня в направлении Варшавского шоссе. Но кругом уже началась невообразимая паника. Все бежали к реке, которую с таким трудом преодолевали четверо суток.

Обоз нашей батареи благополучно переправился вброд на восточный берег Буга. Я переменным аллюром повел батарею к той же переправе.

В это время на меня налетел скакавший на коне командир бригады. Вне себя от ярости, страшно ругаясь, он приказал повернуть батарею на мост, который уже обстреливался вражеской тяжелой артиллерией. Как я ни убеждал разгоряченного комбрига разрешить переправу вброд, который уже нами испытан, ничего не помогло.

Рысью повел я батарею по проселочной дороге и направил ее по мосту. Неподалеку разорвались два тяжелых снаряда. Лошади вздыбились. Одно из орудий врезалось в перила моста и загородило путь другим. С западного берега застрекотали пулеметы противника и стали расстреливать лошадей и людей, застрявших на мосту. Многие из бойцов спасались, прыгая в воду.

В эти трагические минуты какой-то командир на коне переплывал Буг. Он сильно затянул повод, и на моих глазах конь и всадник стали тонуть. Я крикнул ему во весь голос: "Отпусти повод, держись за коня, он тебя вынесет!"

Мы выскочили на восточный берег лишь с одним орудием, потеряв все снаряды. Три пушки остались на мосту. Нашей пехоты у моста не было, никто помочь нам не мог.

Совершенно обезумевший от горя и досады, я ринулся обратно на мост, чтобы снять с орудий панорамы, побить прицелы. Со мной пошел комиссар батареи Максим Павлович Просеков, человек исключительной храбрости. Всем бойцам, вооруженным винтовками, было приказано прикрывать нас.

Противник поливал мост пулеметными очередями. Мы ползком добрались до орудий, сняли панорамы и детали орудийных замков и вернулись.

Мне было нестерпимо больно за потерю трех орудий. Никогда, кажется, за всю свою жизнь я не страдал так, как в те минуты у моста.

Когда я доложил о случившемся командиру бригады, он стал угрожать, что расстреляет меня за сдачу орудий врагу. Я напомнил, что это случилось из-за его опрометчивого приказа, отданного вопреки моим предостережениям. Комбриг, однако, заявил, что такого приказа он не отдавал. Я напомнил, что есть живые свидетели.

Не знаю, чем бы завершился разговор, не появись в это время командир 84-го полка Тылтын. Он решительно вступился за меня и доложил комбригу, что в столь трудные минуты под огнем противника я спас ему жизнь на реке. Вмешательство командира полка разрядило обстановку.

Я настойчиво просил дать мне три бригадных броневика, чтобы снова ворваться на мост, подцепить орудия и вытащить их на наш берег. Со мной долго не соглашались, тягуче-медленно принимали решение, наконец, распоряжение отдано. Броневики выступили.

В головной броневик сел начальник разведки артдивизиона С. И. Макеев. Я и несколько бойцов на лошадях

последовали за броневиками. Враг открыл огонь. Когда мы подошли к мосту, то увидели, что он пуст: белополяки уже вывезли орудия на западный берег.

Меня душила злость. Я проклинал себя за то, что слепо выполнил нелепый приказ комбрига. "Каждый солдат должен знать свой маневр",- учил Суворов. Я же знал в тот момент свой маневр! Надо быть в бою не слепцом, а сноровистым и разумным командиром. Тогда батарея спокойно переправилась бы вброд. У всех нас настроение было подавленное. На следующий день нам передала одно орудие 2-я батарея нашего дивизиона. Командир этой батареи И. Н. Миловидов, хороший артиллерист и замечательный человек, искренне сочувствовал нашему горю.

На волоске

Вскоре наша бригада вновь участвовала в форсировании Буга, но уже на другом направлении. Новое наступление очень быстро опять превратилось в преследование отходившего противника. 12 августа мы прошли через Ново-Минек и близко придвинулись к оборонительному поясу восточнее Варшавы. Один из командиров рассказывал, что с колокольни костела уже видны башни польской столицы.

Но наступать на Варшаву не пришлось. Через четыре дня нас направили на левый фланг нашего фронта, где противник готовился нанести контрудар.

17 августа начались тяжелые бои с белопольской ударной группой. Противник теснил нашу 10-ю стрелковую дивизию. Мы отходили с боями.

83-й стрелковый полк, которому подчинялась наша батарея, к этому времени страшно поредел. В нем оставалось всего 150 - 200 усталых, обессилевших бойцов.

Как-то во время короткого привала над нами появился новенький самолет французского происхождения, но с белопольскими знаками. Сделав два круга, он приземлился совсем недалеко от батареи. Белопольские летчики, видимо, приняли нас за своих, один из них даже вылез из самолета и помахал рукой. Бойцы взялись за винтовки. Только тогда поляки поняли, куда попали. Летчик, остававшийся в самолете, открыл огонь из пулемета, а другой в это время лихорадочно дергал пропеллер, чтобы завести мотор. Но взлететь им не удалось. Один из летчиков был убит, другой убежал.

Мы с криками "ура" захватили самолет и тут же торжественно объявили его народным достоянием. Красноармейцы выкатили чудесный трофей на дорогу, занесли его хвост на парную повозку, к которой пристегнули еще пару лошадей.

Необычный кортеж отправился в путь. Справа и слева шли красноармейцы с топорами и рубили придорожный кустарник, чтобы он не задевал крылья самолета.

Шли мы в приподнятом настроении: еще бы, взять новенький вражеский самолет!

Тут к нам прискакал командир бригады. Он ничуть не обрадовался нашему трофею, а накинулся на нас с бранью, назвал меня сумасшедшим, приказал немедленно уничтожить самолет, а батарее быстрее двигаться в район Ржахта, где встать на позицию. Пришпорив коня, он исчез из виду вместе со своей свитой столь же быстро, как и появился.

Приказ есть приказ. Самолет отвезли в сторону от дороги и сожгли. Мы с сожалением смотрели на свой пылающий трофей, и только начавшиеся взрывы заставили нас опомниться и стремглав бежать к батарее.

В Ржахте нам не пришлось останавливаться - было приказано двигаться на Юзефов.

Никто не знал обстановки; по моему мнению, она была неизвестна даже командиру полка.

Когда мы вошли в узкие улицы Юзефова, они были уже забиты обозами. Вдалеке слышались винтовочная стрельба и

короткие пулеметные очереди. Командир полка приказал нам встать на окраине селения и открыть огонь по полякам, перешедшим в наступление. Мы установили орудия по обеим сторонам дороги. Ружейно-пулеметная трескотня все усиливалась, кое-где стали разрываться артиллерийские снаряды. Вот вынырнули из кустарника десятка полтора наших бойцов и пробежали мимо нас. За ними показалась редкая цепь солдат в польских конфедератках. Батарея открыла огонь с установкой на картечь. Уцелевшие белополяки, отстреливаясь, отскочили в кустарник.

А за нашей спиной уже гремел бой. В Юзефов ворвались белополяки. Положение становилось безвыходным. Наши войска отошли. Увозить орудия было уже поздно. Осталось единственное: вывести их из строя. По моему приказанию помощник командира взвода разбил прицельное приспособление, разобрал замок орудия и разбросал его части в разные стороны. Я сделал то же самое с другой пушкой.

В это мгновение на нас с гиканьем бросились белополяки. Что делать? С разбегу перемахнул через высокий забор, вблизи которого стояли наши орудия. Уходя от преследователей, я слышал, как они стучали о забор сапогами, пытаясь перелезть через него.

Какая-то польская батарея, видимо, не зная обстановки, открыла огонь по Юзефову. Усилились крики и стоны. Я бежал, не обращая внимания на близкие разрывы. Помнится, услышал резкий свист снаряда, меня что-то ударило.

Не знаю, сколько времени я пролежал, засыпанный землей. Очнулся, приподнялся на руках, выплюнул изо рта песок. Осмотрел себя: крови не видно, но ноги не двигаются. А вокруг - никого.

Послышался топот копыт. Я чуть не задохнулся от радости, увидев на коне нашего разведчика Волкова. В поводу у него оказалась моя лошадь. Заметив меня, Волков подлетел, поднял меня в седло, крикнул:

- Держитесь, как можете!

На галопе кони вынесли нас в более спокойное место, где Волков смог оказать мне первую помощь. Ноги ныли, точно от сильных побоев.

Мы добрались до небольших своих частей и очень больших обозов. Здесь нашелся врач, который сделал мне укол. Волков не оставлял меня, проявляя трогательную заботу.

К вечеру начался жар, сильно кружилась голова. Тягостные мысли стесняли душу - острое беспокойство за судьбу бойцов батареи, горечь поражения, стыд за потерю орудий, хотя мы и

отстаивали их до последней, возможности.

Ночью на нашу колонну напали белополяки. Стрельба, крики, вопли, свист пуль и взрывы гранат. Нас с Волковым выручили лошади.

Мы остались опять вдвоем. Ночью наткнулись на какую-то неширокую реку. Медленно, на ощупь, с трудом перебрались на другой берег. Переправляясь почти в плавь вместе с лошадью, я вынул из своей полевой сумки секретные документы, обмотал их цепочкой карманного ножа и утопил в реке. Обмундирование намокло, партбилет и удостоверение личности были влажными, пришлось из карманов гимнастерки переложить их в сухое отделение полевой сумки и все время придерживать ее рукой. Двигались наугад, не теряя надежды встретить своих.

У большого фольварка осторожно въехали во фруктовый сад и услышали русские слова: "Влево, влево". Мы обрадовались, и смело устремились вперед. В это время раздались крики на польском языке, ко мне кинулись солдаты и стащили с лошади. Волков рванулся обратно, ему вслед поскакала погоня, загремели выстрелы,

В плену

В фольварке располагался штаб белопольской дивизии. Так как я не мог встать на ноги, меня волоком втащили в большую комнату. За большим столом сидели офицеры и какие-то люди в гражданских костюмах.

Начался допрос. Допрашивающие очень жалели, что наша батарея захвачена соседней дивизией, а не ими... На большинство вопросов я не отвечал.

Один из офицеров снял с меня полевую сумку, я обомлел - ведь в ней мой партбилет! Офицер попросил разрешения у остальных взять ее на память, как трофей большой победы. В ответ последовало дружное: "Проше, пане!" Он тут же покопался в моей сумке, вынул и прочитал, переводя на польский язык, полученное мною приказание от командира дивизиона немедленно вернуть захваченные по моему распоряжению подводы со снарядами, адресованные другой батарее дивизиона. Поляк особенно подчеркнул последнюю фразу приказания: "вы будете преданы суду Ревтрибунала". Последовали язвительные комментарии этой фразы.

Меня вскоре выволокли на свежий воздух. К полудню в фольварке набралось много пленных красноармейцев, среди которых оказалось и несколько бойцов нашей батареи. Пленных построили. Человек десять, и я в том числе, остались лежать на земле. Белополяки приказали пленным выдать комиссаров и коммунистов. Красноармеец какой-то роты связи выдал своего

комиссара, которого тут же расстреляли на глазах у всех. Остальные бойцы с презрением смотрели на предателя. Нет, в нашей батарее не найдется такого негодяя!

Военнопленных построили в колонну, неспособных передвигаться товарищи несли на руках. Тяжелая ноша была не под силу измученным людям. Носильщики все больше отставали. Наконец охрана вынуждена была положить нас на повозки.

Пленных загнали на берег Вислы. Почти двое суток были мы без крова и пищи. На всем пути польские крестьяне пытались нам давать еду. За это конвойные избивали их прикладами винтовок, а хлеб у нас отнимали.

Страшно страдали раненые. Медицинская помощь не оказывалась. У меня сильно отекли и ужасно болели ноги.

Нас разделили на рабочие роты. Вместе со мной оказались пять бойцов нашей батареи. Это радовало. Пленных погнали на окраину Варшавы. Товарищи несли меня и сильно отстали. Когда мы добрались до казармы, то все места на двойных нарах были уже заняты. Мы легли на голом цементном полу.

Вдруг раздался страшный шум. Рухнули нары. Послышались хрипы и стоны придавленных людей. Оставшихся в живых перевели в соседнюю казарму такого же размера. Многих недоставало, и теперь все свободно разместились на нарах.

Утром рота ушла на работы, я остался один. От боли то и дело терял сознание.

- Почему лежишь? Почему не на работах?

Открываю глаза. Надо мной склонился польский офицер. Выслушав мой ответ, он глянул на мои ноги и распорядился:

- В госпиталь!

Солдаты дотащили меня до медицинского пункта на железнодорожном вокзале. Несколько часов пролежал в коридоре на сквозняке, пока попал на операционный стол. Три врача долго вели осмотр. Они скороговоркой частили по-польски. Я понял только два слова: "гангрена" и "ампутация". Один из них глянул на меня и сказал по-русски: "Плохо, плохо!"

Меня трясла лихорадка: то было очень холодно, то снова бросало в жар.

Потом доставили в госпиталь. Оперировали под хлороформом. Очнувшись, приподнялся на локтях и тревожно спросил:

- Что с моими ногами?

Сестра по-русски ответила: "Целы!" - и отдернула одеяло. Какое счастье, я увидел из-под бинтов торчащие пальцы обеих ног!

Спустя двенадцать суток, хотя я не мог еще двигаться, меня

перевели в лагерь для военнопленных. Больные и раненые жили здесь в так называемых железных бараках, здоровые - в землянках.

С наступлением зимы в бараках стало холодно, как на улице. Некоторые даже обмораживали ночью ступни ног или кисти рук. Перевязки делались очень редко и только тогда, когда под бинтами скапливались черви.

Наш барак находился близко от морга. Из окна было хорошо видно, как сюда сваливали, словно дрова, умерших, а затем грузили на парные повозки " куда-то увозили.

Раз в неделю пленных гоняли в лагерную польскую "лазню" (баню), которой все страшно боялись. Прямо на улице нас заставляли раздеваться, отбирали одежду и направляли ее в парилку. А мы стояли под пронизывающим ветром, скорчившиеся, посиневшие. Наконец пленных начинали впускать в баню по одному. Польский фельдшер не спеша брызгал каждому на голову несколько капель зеленого мыла. В моечном зале сначала лилась абсолютно холодная вода. Бежать было некуда, люди стояли вплотную друг к другу и только стонали и ругались. Внезапно холодный душ сменялся нестерпимо горячим. Все вокруг окутывалось паром.

В это время раскрывались двери и нас опять выгоняли на мороз. Десятки минут мы раздетые ждали выдачи одежды. После каждой такой "бани" многие заболевали и уже больше не могли подняться.

Я долго лежал с воспалением легких. Потом у меня началось рожистое воспаление лица. Дважды довелось перенести тиф. В довершение ко всему в бараке вспыхнула холера. Я уцелел чудом. Никакого лечения не было. Военнопленные врачи и фельдшер вовсе не получали медикаментов. Русский врач из нашего барака заболел и умер от тифа. Когда у меня началось воспаление легких, меня вырвал из рук смерти опытный фельдшер Орлов, которого я знал по совместной службе. Он лечил украденным в польском лазарете лекарством.

Неожиданно меня снова потащили в операционную. Она находилась по соседству, за дощатой стеной В щель я не раз наблюдал, что там творилось. Когда меня положили на операционный стол и объявили, что сейчас будут выпрямлять мои ноги, я категорически запротестовал. Дело в том, что я недавно видел точно такую же операцию - больной дико кричал, ноги его хрустели и в конце концов их ампутировали. Бедняга умер.

Мои протесты были, очевидно, настолько яростными, что меня оставили в покое. Русский врач из числа военнопленных научил приемам массажа. Я усердно следовал его советам и,

нужно сказать, с большим успехом. Правая нога поправлялась быстро, и я уже вскоре смог передвигаться на костылях.

Наступила весна 1921 года. Солнце, тепло принесли нам небольшое облегчение. Я жил уже в землянке, где размещалось около сотни таких же выздоравливающих. Днем нам разрешали сидеть на воздухе.

Разнесся слух, что приехала советская делегация Красного Креста. Затеплилась надежда на скорое освобождение.

Среди обитателей нашей землянки создалась небольшая группа, человек десять, связанных крепкой дружбой. Почти все были коммунистами. Мы действовали очень осторожно, боясь, что в землянке могли оказаться провокаторы. Поддерживали слабых духом, вели беседы, рассеивали ложные слухи, вселяли веру в наше правое дело. Помню, как один военнопленный раздобыл где-то потрепанную газету. Из нее мы узнали о разгроме Врангеля нашей славной Красной Армией. Эта радостная весть придала силы, укрепила уверенность, что мы доживем до светлого дня освобождения из неволи.

Этот момент скоро наступил. Нас отправили в польском санитарном поезде на пограничную станцию Негорелое.

Весеннее апрельское солнце встретило нас на родной земле. Немногие сами вышли из вагона - большинству помогали сойти, а иных вынесли на носилках. Польский полковник долго нас пересчитывал и проверял по спискам. Наконец он подал знак, и к нам на перрон прибыла советская приемная комиссия. Красные офицеры были отлично обмундированы, имели превосходный воинский вид, держали себя с большим достоинством. У меня появились слезы на глазах.

В нашем присутствии были подписаны акты приема и сдачи.

Командиры из приемной комиссии объявили, что мы вновь стали советскими гражданами, и поздравили с возвращением на Родину. Они пожимали нам руки и обнимали нас.

Начался митинг. Рассказали о международной и внутренней обстановке, о политике партии и Советского правительства. Мы узнали много нового. Слова докладчика были для нас настоящим откровением.

После обеда мы отправились на поезде в Могилев на Днепре. Прошли регистрацию и медицинское освидетельствование. Меня здесь продержали недели две в госпитале. Когда окреп, получил направление в распоряжение начальника артиллерии 16-й армии, той самой, в которой я служил раньше.

Сердечно, со слезами на глазах прощался я со своими друзьями, с которыми переносил муки плена: многим из них еще предстояло долго лечиться.

На другой день я уже был в штабе армии. Взволнованный, вошел в кабинет, щелкнул каблуками тяжеленных сапог и представился, как положено по уставу. Начальник артиллерии Хандажевский помнил меня и встретил очень тепло.

- Товарищ Воронов, вы к нам с того света прибыли совсем или в командировку? - спросил он шутливо.

Он считал меня погибшим с августа 1920 года. Начались расспросы. Хандажевский в свою очередь рассказал много новостей из армейской жизни. Наконец он объявил о моем новом назначении. Я стал командиром батареи 2-й стрелковой дивизии, которая дислоцировалась в районе Минска. В заключение начальник артиллерии пожелал здоровья и успехов в службе.

Раскрыв как-то издававшийся на Западном фронте военный журнал "Революция и война" No 4-5 за 1921 год, я нашел статью командира нашей 10-й стрелковой дивизии Н. Какурина "На пути к Варшаве". Из нее мне стал ясен ход событий в тот день, когда я попал в плен. Внимательно читая страницу за страницей, я дошел до описания боевых действий 28-й стрелковой бригады. Автор указывал, что к тому времени действия бригады уже не носили единого, цельного характера, а сводились к боям отдельных полков. 17 августа 1920 года во второй половине дня бригадный резерв - 83-й стрелковый полк - имел задачу сдерживать противника, чтобы дать возможность 82-му и 84-му стрелковым полкам пройти с артиллерией. С 83-м полком следовала первая батарея 1-го легкого артиллерийского дивизиона в составе двух орудий.

"Следуя на с. Земене, 83 стр. полк с батареей пришел около 17 часов в с. Ржахта; здесь к командиру полка прискакал разведчик первой батареи и доложил, что в тылу (?) по направлению на Юзефов и Земене идет сильная ружейная и артиллерийская перестрелка... Только тогда командир полка выслал вперед разведку на с. Юзефов. Только на основании звуков стрельбы командир полка вывел определенное заключение, что противник движется от Колбеля на Ново-Минек, а от Ново-Минска навстречу на Колбель, дабы отрезать полку путь отступления, и послал соответствующее донесение командиру бригады.

Последний тотчас прибыл к полку, который в это время подходил к с. Юзефов, полковые разведчики вступили в это время в перестрелку с противником у шоссе Колбель - Ново-Минек.

В с. Юзефов командир полка отдал приказание 1-му батальону цепью двигаться на юго-восток, а 2-му батальону цепью двигаться на северо-восток с целью, как говорит командир полка, "разрезать" цепь противника, оттеснить его и создать коридор -

одним батальоном перерезать шоссе севернее Юзефов фронтом на Ново-Минек, а другим батальоном - южнее, фронтом на Колбель, рассчитывая пропустить коридором 84 и 82 стр. полки, обозы и артиллерию.

Нет никаких указаний в реляции командира полка о том, какую задачу он дал своей артиллерии, но из донесения командира 1-го легкого артиллерийского дивизиона усматривается, что батарея снялась прямо с передков в узкой улице с. Юзефов, куда она уже успела въехать.

Чтобы вполне оценить этот маневр, припомним, что 83 стр. полк к началу боя имел всего 186 штыков в своем составе, таким образом, для атаки на каждое расходящееся направление командиром полка предназначалось по 84 стрелка.

Припомним также, что приблизительно около этого же времени у с. Подрудзе занимал позицию 86 стр. полк, примерно такой же численности, а лесом южнее Ново-Минек на Мариянки пробирался 85 стр. полк с приблизительно таким же количеством штыков; не будем удивляться поэтому, что полк, занимающий позиции у Подрудзе, не чувствует присутствия другого полка своей дивизии, готовящегося атаковать противника, несмотря на расстояние между этими пунктами всего 3 - 4 версты. Не будем слишком строги и к полкам, которые, по существу, представляли уже роты половинного военного состава, к тому же истомленные продолжительными боями и переходами. Будем только помнить это при дальнейшем изложении и обращать внимание не на название "полк", а на то, сколько в этом полку было штыков в тот или иной момент боя.

Тогда нам станет ясно и понятно, что эти "полки" с их боевыми порядками даже в масштабе двухверстной карты, в сущности, являлись лишь точками, затерянными в лесистом треугольнике внутри железных дорог: Варшава - Пилява и Пилява - Ново-Минек - Варшава.

Развернувшись в эксцентричный боевой порядок, 83 стр. полк двинулся в атаку.

Несмотря на свою малочисленность, стрелки смело бросились вперед, встреченные сильным огнем противника, огнем двух бронемашин с шоссе и танка с орудием. После минутного успеха - отхлынули назад в с. Юзефов, понеся большие потери убитыми и ранеными. Бой был настолько скоротечен, что батарея, стоявшая в узкой улице с. Юзефов, едва успела дать один - два выстрела картечью по перешедшим в атаку полякам и была захвачена противником, так как подать передки и повернуться в узкой улице, забитой бегущими людьми и обозами, она не могла и не успела. Здесь смертью храбрых пал командир 1 батареи тов.

Воронов, отстреливавшийся картечью и оставшийся один, чтобы испортить свои орудия".

Последние строки я перечитывал много раз и думал с улыбкой: нет, не погиб командир первой батареи Воронов! После ужасов плена он снова в строю и будет верно служить революции!

В мирное время

К знаниям!

Здоровье быстро восстанавливалось. Костыли я забросил еще в день освобождения из плена, а теперь расстался и с палкой. Помогли физические упражнения, нормальное питание, свежий воздух, верховая езда.

Вся артиллерия 2-й стрелковой дивизии была передислоцирована в Калугу. Началась планомерная боевая учеба. Бойцы и командиры совершенствовали свои навыки в стрельбе, тактике артиллерии, в эксплуатации техники. Врезались в память лекции по астрономии с демонстрацией большого набора диапозитивов. Лекции эти читал очень симпатичный старый ученый - астроном, который получал за это половину красноармейского пайка. Он увлекательно проводил свои занятия, и на них собирались почти все свободные от нарядов и работ.

Но недолго привелось служить в Калуге. В те годы меня часто перебрасывали с места на место. И об этом не жалею: многое увидел, многому поучился. Несколько командиров батарей были направлены на Западный фронт. В числе их был и я. Инспектор артиллерии фронта В. К. Садлуцкий послал нас в Дорогобуж на формирование батарей отдельных артиллерийских дивизионов резерва Верховного командования.

Зима 1921/22 года была тяжелой во всех отношениях - мы мерзли, недоедали. Формирование шло медленно: запаздывала материальная часть артиллерии, приборы, средства связи и конский состав.

Только к весне новая батарея была обучена и достаточно сколочена. Она стала единой дружной семьей. У нас был даже свой девиз: "Учиться - так учиться, нести службу - так нести ее по-настоящему, работать - так работать, а веселиться - так веселиться всем, скучных нам не надо!"

Мы действительно учились, а в свободные часы умели и повеселиться.

Не раз командование устраивало учебные тревоги и проверяло нашу боевую готовность. Однажды после напряженного учебного дня я отдыхал дома, когда услышал сильный стук в окно. Выглянул и первое что увидел - красивую голову моего скакуна Аполлона. В поводу его держал ординарец

Ахметов. Встревоженный до крайности, он выпалил:

- Товарищ командир, скорей в батарею! Приехал большой начальник, объявил тревогу, ругается и шумит...

Когда я галопом прискакал на батарею, она была уже построена в конном строю. Командир взвода Корольков, бывший фейерверкер царской армии, заканчивал заполнение бланка строевой записки. Он доложил мне о полной готовности. Выхватив у него записку, я поскакал к группе командиров, среди которых узнал инспектора артиллерии фронта.

Выслушав мой доклад, Садлуцкий посмотрел на часы, приказал своему адъютанту записать время и поставил задачу батарее: как можно быстрее прибыть на площадь против горисполкома.

Стало понятно: предстоит испытание на быстроту. Батарея помчалась переменным аллюром.

Впереди был крутой спуск и не менее крутой подъем. Но вот беда - батареи все еще не получили из Смоленска съемные тормоза, а без них спускаться с кручи невозможно: орудия обязательно стали бы накатываться, и могло случиться несчастье.

Батарея остановилась. Надо было быстро принять решение. Тогда мы разобрали ближайший забор и вложили колья и доски между спицами колес. Это нехитрое приспособление помогло нам провезти под гору наши орудия. А подъем преодолевать уже было легче: бойцы научились так управлять лошадьми, чтобы нагрузка равномерно падала на коренников и на уносы.

Мы галопом прискакали на площадь и оказались первыми. Встретивший нас незнакомый командир записал время нашего прибытия, приказал спешиться и ждать приезда начальства.

Когда на площадь приехал Садлуцкий, мы провели конно-батарейное учение. Инспектор артиллерии остался доволен и объявил личному составу благодарность за отличную боевую готовность батареи.

На обратном пути мы остановились у поломанного нами забора, попросили хозяина извинить нас и пообещали починить забор. Но хозяин оказался бывшим конным артиллеристом.

- Ничего не надо, сам все сделаю,- сказал он.- Я рад, что мой забор такую хорошую службу вам сослужил. А ловко вы со спуском управились, любо-дорого смотреть было!

Пока хозяин восторгался нашей выучкой и находчивостью, красноармейцы быстро поправили забор.

Летом наши дивизионы были расформированы: их сменили артиллерийские подразделения 27-й Омской стрелковой дивизии. Жаль было расставаться с друзьями, но что поделаешь!

Меня назначили командиром гаубичной батареи Омской

дивизии. Батарея оказалась неплохой, я быстро подружился с ее командирами и красноармейцами.

Осенью батарея в полном составе была направлена в Смоленск. Она вошла в состав особого учебного опытного отряда (две стрелковые роты, пулеметная рота, кавэскадрон, батарея, инженерная рота), который экспериментально отрабатывал новую форму войсковой организации, получившую название "огневая рота".

Начались длительные учения. Я получил возможность присутствовать на разборах и совещаниях, которые проводил командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский. Это было большой теоретической и практической школой.

Весной 1923 года батарею направили в Лужский лагерь для обслуживания стрельб Высшей артиллерийской школы комсостава.

Жизнь в Луге была очень интересной. Мы выходили на полевые занятия вместе со слушателями школы, которые проводили многочисленные стрельбы под руководством сильных, отлично подготовленных преподавателей. Бывало, внимательно следишь за ходом стрельбы, ее разбором и столько полезного почерпнешь из указаний преподавателя. Как мне хотелось самому поучиться в этой школе!

Летом из Москвы приехала комиссия крупных специалистов артиллерии для отработки стрельб с участием самолета-корректировщика. В этих стрельбах участвовала наша батарея. Мы отрабатывали различные приемы корректировки артиллерийского огня с воздуха. Стрельбы проводились утром и вечером.

Методы, которые испытывались в то лето, были подробно изложены в специальном наставлении артиллерии Красной Армии, а некоторые нашли применение даже в годы Великой Отечественной войны.

В свободные часы я снова, как в ранней юности, бродил по лужским лесам, охотился на глухарей и тетеревов. По-прежнему увлекался конным спортом и футболом. Закалился, окреп. Моему здоровью и силе теперь многие могли позавидовать. А ведь еще совсем недавно считали инвалидом, не годным для службы в армии!

К осени батарея вернулась в свою дивизию. И тут меня ожидала радость: предложили держать экзамены в ту самую артиллерийскую школу, которую мы обслуживали летом.

Вступительные экзамены длились почти целый месяц. Выдержал я их неплохо, и только по топографии не повезло: получил неудовлетворительную оценку не столько за пробелы в

знаниях, сколько за попытку поспорить с экзаменатором. Пережил томительные дни, пока решалась моя судьба. Нечего и говорить о радости, которую я испытал, когда увидел свою фамилию в списке слушателей Высшей артиллерийской школы.

Зимой школа квартировала в Детском Селе, под Ленинградом. Изредка я смог бывать в родном городе, навещать отца и друзей. С первых же дней с жаром взялся за учебу, до поздней ночи сидел за книгами, чертежами и топографическими картами.

Занимались снами опытнейшие преподаватели, крупные знатоки артиллерии. Каждый час занятий давал очень много. Наряду с военными дисциплинами мы с увлечением изучали историю партии, политическую экономию и партийно-политическую работу. Я прочитал первый том "Капитала" Маркса и много ленинских работ.

Наша учебная группа, состоявшая в большинстве из командиров батарей, была дружная, организованная, спаянная настоящим товариществом. Это делало учебу еще более плодотворной.

А летом я снова оказался в Луге. На хорошо знакомом мне полигоне мы проходили летнюю практику. Батарейные стрельбы проводились двух видов: методические, с разбором каждого выстрела (их слушатели называли "разговорными"), и боевые, с учетом времени и расхода снарядов в зависимости от характера поражавшихся целей. Каждому слушателю на летнюю практику отпускалось 200 снарядов разных калибров. А мне повезло - привлекли на большое артиллерийское учение в качестве командира батареи, действующей с ротой в головной походной заставе. Посредником был наш преподаватель В. В. Муев. Все стрельбы прошли под его придирчивым контролем, и каждая была тщательно разобрана.

После окончания школы меня назначили заместителем командира, а вскоре и командиром легкого артиллерийского дивизиона в той же 27-й Омской дивизии. Дивизион оказался хорошим во всех отношениях. Все три его батареи были награждены Красными знаменами ВЦИК за боевые заслуги в гражданской войне.

Командиры батарей В. Горбатов, М. Харитонов и С. Шпади - разные по характеру люди, но все трое были энтузиастами своего дела и обладали достаточным опытом. Виктор Семенович Горбатов впоследствии окончил Артиллерийскую академию, стал видным специалистом и в годы Великой Отечественной войны принес много пользы нашей артиллерии.

Боевая подготовка велась углубленно. Особенно тщательно

отрабатывалось взаимодействие пехоты и артиллерии в основных видах боя. Вопросы разведки, связи и управления, организации боевых порядков в статике и динамике современного боя, сочетания огня и маневра не сходили с повестки дня. Совместные учения с пехотой проводились систематически.

На артиллерийских стрельбах мы увлекались "уточненной стрельбой". По тем временам у нас были большие достижения в топографической подготовке исходных данных для стрельбы. Широко использовалась стереотруба и специальные рейки для точных измерений расстояний. Мне было поручено сделать доклад по "уточненной стрельбе" на собрании военно-научного общества полка. Наш опыт широко использовался в других подразделениях артиллерии дивизии и даже корпуса. В тот период я опубликовал несколько статей в журнале "Вестник АКУКС" (Артиллерийских курсов усовершенствования командного состава) и вскоре стал уполномоченным этого журнала по Витебскому гарнизону: в мои функции входили подписка, сбор статей и обсуждение опубликованных материалов среди командиров.

Дивизион, которым я командовал, был превращен в учебное подразделение, готовящее кадры младшего командного состава для артиллерии дивизии. Мы поставили себе целью добиться, чтобы учебный дивизион стал лучшим, показательным в полку. Прошло немного времени, и мы свою цель осуществили.

Из Москвы нагрянула инспекция под руководством инспектора артиллерии Красной Армии, выдающегося советского артиллериста Владимира Давидовича Грендаля. Полк серьезно проверяли, но особо тщательно - его учебный дивизион. Результаты проверки оказались лучше, чем мы сами ожидали. В. Д. Грендаль дал высокую оценку всему дивизиону, сравнил его с военно-артиллерийскими школами, готовящими командиров взводов для советской артиллерии и добавил, что у нас учеба поставлена даже много лучше, чем в некоторых школах. Это окрылило нас и прибавило энергии в работе.

В Красной Армии были введены состязательные артиллерийские стрельбы с 15-километровым пробегом. Учебные артиллерийские дивизионы были поставлены в особые, более трудные условия стрельбы, чем линейные. В день состязаний многие дивизионы уже в самом начале потерпели неудачу и не были допущены к стрельбе. Но батареи нашего дивизиона успешно пришли к финишу, показали рекордные темпы во всех упражнениях и исключительные результаты в стрельбе. Они заняли лучшие места в Белорусском военном округе.

А я мечтал об артиллерийской академии. Исподволь

готовился к вступительным экзаменам, но просить начальство направить на учебу не решался. Наконец осмелился. Рапорт дошел до командира дивизии.

Омской дивизией тогда командовал герой гражданской войны Степан Вострецов. Мы с восхищением смотрели на его четыре ордена Красного Знамени - столько же орденов имели тогда еще трое: Фабрициус, Федько и Блюхер. Комдив Вострецов был очень доступный и простой человек, пользовавшийся всеобщим уважением. пас подкупало отсутствие в нем всякой заносчивости, пытливость ума, человечность. Я рассчитывал, что он поддержит мою просьбу.

Но, увы, на моем рапорте командир дивизии наложил лаконичную резолюцию: "Отказать".

Это ошеломило меня и огорчило. При случае я попытался доказать ему, как необходимо мне высшее военное образование. Комдив терпеливо выслушал и ответил:

- Свое решение не отменю. Я отказал тебе только потому, что ты хороший строевой командир. Из тебя инженер не получится! Не обижайся, служи верой и правдой славной Омской дивизии.

Несмотря на категорический отказ, я не пал духом, а, наоборот, еще энергичнее взялся за подготовку в академию. Однако новая попытка весной 1926 года добиться направления на учебу имела те же последствия.

На мое счастье, летом начались межокружные маневры под непосредственным руководством начальника штаба РККА М. Н. Тухачевского. На эти маневры привлекались по одной сводной стрелковой дивизии по штатам военного времени из Белорусского и Ленинградского военных округов. В Белорусском округе для участия на маневрах была сформирована такая сводная стрелковая дивизия. Мне было приказано исполнять в ней должность заместителя командира сводного артиллерийского полка. Предстояло наступать против 11-й Ленинградской дивизии, которая заняла оборону.

Обе стороны старались изо всех сил. Все были охвачены стремлением успешно выдержать этот серьезный государственный экзамен, тем более что на маневрах присутствовали высокопоставленные иностранные военные представители.

Ленинградцы создали крепкую оборону. Репутация 11-й дивизии была очень высокой, и с первых же дней руководство маневрами и посреднический аппарат постоянно ставили нам в пример ее действия.

В нас заговорило ущемленное самолюбие. Каждому хотелось ни в чем не уступить ленинградцам. Мы придумывали всяческие

неожиданности для "противника", стремились применить последние новинки в тактике, чтобы ошеломить обороняющихся.

Однако в ходе наступления было плохо организовано взаимодействие между подразделениями различных родов оружия. Дружной, слаженной работы не получалось. Видимо, командование нашего корпуса не добилось единства тактических взглядов у командиров стрелковых и артиллерийских частей и подразделений.

Руководитель маневров провел частный разбор первого этапа маневров. Наступающей стороне здорово попало. Ряд критических замечаний в весьма деликатной форме было высказано и в адрес артиллерии белорусской дивизии. Замечания М. Н. Тухачевского были тонкими, глубокими, основанными на конкретных примерах. Мне впервые пришлось услышать столь мастерский разбор совместных действий пехоты и артиллерии.

Мы не впали в уныние, не опустили рук, а, наоборот, дали себе слово на втором этапе маневров, во что бы то ни стало добиться успеха. Общее настроение было боевым.

Никто ничего не знал о втором этапе маневров. Когда он начнется, где, каково будет его содержание? Все было тайной. На мою беду, заболел командир нашего полка и мне было приказано временно заменить его. Доброй половины подразделений, вошедших в полк, я не знал, и это еще более затрудняло мое положение.

Ночью меня вызвали в штаб маневров. Когда я вошел, за столом сидели Тухачевский, начальник оперативного управления штаба РККА Триандафилов и командир нашей дивизии Вострецов.

Представился. Предложили сесть. Тухачевский сказал:

- Я вас, оказывается, знаю по смоленским учениям, когда мы с таким трудом вымучивали тактику "огневой роты".

Добрые, приветливые слова успокоили меня, на душе стало легче. Тухачевский разъяснил, что сводная дивизия Белорусского округа будет теперь участвовать в маневрах в качестве обороняющейся стороны и что я, по просьбе ее командира Вострецова, на время маневров назначаюсь начальником артиллерии этой дивизии.

- Справитесь?

- Постараюсь! - ответил я, хотя особой уверенности вовсе не чувствовал.

Триандафилов предупредил, что артиллерия на этих маневрах должна сыграть большую роль.

Мы вышли из избы вместе с Вострецовым, и меня вдруг охватило сомнение: хватит ли у меня опыта и умения

командовать артиллерией дивизии на таких важных маневрах? Вострецов, видимо, заметил мое настроение.

- Не боги горшки обжигают,- сказал он.- Выдюжим.

Мы решили как можно лучше провести артиллерийскую разведку "противника", управление артиллерии максимально централизовать, но так, чтобы в резко изменившейся обстановке подразделения могли действовать и самостоятельно. Для надежности поражения "противника" будем сосредоточивать огонь, объединяя мощь нескольких батарей. Борьбу с артиллерией "противника" было решено вести путем уничтожения и подавления ее наблюдательных пунктов. Мы собирались применить некоторые тактические новинки, скрывая их даже от посредников, боялись, что через них ленинградцы могут прослышать о наших намерениях.

План действий артиллерии я доложил командиру дивизии. Он отнесся к нему с большим интересом и одобрил без колебаний.

Начался второй этап маневров. К этому времени у нас уже была составлена подробная карта, на которой нанесены очень многие объекты боевого порядка "противника", в том числе и ряд наблюдательных пунктов, выдавших себя плохой маскировкой. Разведка доносила о том, что "противник" в ближайшие часы предпримет артиллерийскую подготовку. Мы решили сорвать ее.

Командир дивизии и посредники прильнули к стереотрубам, чтобы наблюдать за нашими действиями.

Я доложил, что артиллерия открывает огонь одиннадцати батарей по самому важному командному пункту "противника". Затем мы перенесли огонь по двум другим пунктам, сосредоточив по каждому удар 5-6 батарей. Каждый раз указывалось, сколько времени ведется огонь и сколько будет выпущено снарядов.

По лицам посредников было видно, что они не ожидали такого поворота дела. Усиленно заработала нейтральная посредническая связь. В штаб маневров непрерывно докладывалось о переносах огня с цели на цель.

Во время одного из таких докладов я слышал, как посредник наступающей стороны информировал о результатах и эффективности нашего артиллерийского огня. Оказалось, что мы "вывели из строя" командный пункт командира наступающей дивизии, а сам командир дивизии признан раненым. Посредники установили, что выведены из строя два наблюдательных пункта командиров наступающих стрелковых полков и несколько пунктов старших артиллерийских начальников при них. Наступление "противника" было сорвано. Штаб руководства объявил перерыв для организации и приведения в порядок

наступающих войск.

На разборе маневров действия нашей дивизии были положительно оценены командованием. Вострецова поздравляли с успехом, а он в свою очередь хвалил командиров пехоты и артиллерии.

- Чем тебя наградить? - спросил меня Вострецов после разбора.

Тут я вновь, уже в третий раз, обратился к нему с просьбой отпустить меня учиться в Академию им. Фрунзе. Комдив вздохнул, помолчал немного, потом сказал:

- Ну что ж. Иди, учись. Против поступления в эту академию не возражаю.

Это было для меня лучшей наградой.

Поступать в Академию им. М. В. Фрунзе посоветовал один из командиров, окончивший ее и прибывший на службу в нашу дивизию. Уже по первым шагам его работы было видно, что эта академия дает основательное и всестороннее военное образование, в том числе и в области артиллерии. До сих пор я признателен товарищу за хороший совет.

В августе 1927 года сдал вступительные экзамены. Итак, я слушатель академии. Учусь упорно. Заброшены всякие развлечения, даже шахматы и охота.

Комдив Вострецов следил за моей учебой. Бывая в Москве, он обязательно встречался со мной, расспрашивал об успехах и каждый раз советовал не забывать артиллерийскую специальность.

- Она вам всегда пригодится.

Вострецов интересовался, не нуждаюсь ли я в чем,

...В двадцатых числах каждого месяца слушатели получали из учебного отдела так называемые "месячные задания", в которых все было расписано по дням и часам. Мы стремились еще до прочтения той или иной лекции изучить всю рекомендованную к ней литературу. Это очень помогало в усвоении материала.

С особым прилежанием мы овладевали марксистско-ленинским учением. Сознавали, что без этой науки не может обойтись советский командир.

В те годы шла острая, непримиримая борьба за генеральную линию партии против всякого рода ее врагов. Эта борьба не могла не захватить и академию. Троцкисты возлагали большие надежды на вузовские парторганизации, в особенности на военные.

Сколько тогда было заседаний и собраний, на которых горячо отстаивалась генеральная линия партии, разоблачались жалкие оппозиционеры, изменившие делу рабочего класса, порвавшие с марксизмом-ленинизмом.

Борьба закончилась полным разгромом троцкистской оппозиции. Для всех нас это явилось большой школой идейной закалки.

Вся наша учеба строилась на опыте первой мировой и гражданской войн. Начав с тактики стрелкового батальона, мы закончили оперативной военной игрой на картах и почти трехмесячной разработкой всех вопросов подготовки военного округа к войне.

Курс истории военного искусства слушатели изучали под руководством профессора А. А. Свечина, курс оперативного искусства преподавали Н. Е. Варфоломеев, Г С. Иссерсон и А. В. Кирпичников. Любовь к общей тактике нам прививали А. И. Верховский, Н. Н. Шварц и С Н. Красильников, восхищавшие нас своими глубокими знаниями и методическим мастерством Особенно. признательны мы были Сергею Николаевичу Красильникову, руководителю нашей учебной группы. Его занятия по тактике отличались живостью, увлекательностью. И каждый из нас стремился перенять у него методические приемы, зная, что это очень пригодится нам в будущем.

По тактике, технике и стрельбе артиллерии - предметам, которые мне были ближе всего,- с нами занимались маститые артиллеристы Е. К. Смысловский, Н. Л. Владиславский, В. К. Токаревский и Е. М. Голубинцев. С энтузиазмом овладевали мы научными основами тактики пехоты по лекциям А. Г, Лигнау и его капитальному труду "Тактика пехоты".

Запомнились занятия по военно-инженерному делу. Этот курс вел чудеснейший человек, выдающийся ученый Д. М. Карбышев. Большую пользу принесли нам лекции М. М. Загю, крупнейшего специалиста по войсковому тылу.

Сверх учебного плана мы прослушали много интереснейших лекций и докладов. Неизгладимое впечатление произвел двухчасовой доклад начальника штаба Красной Армии М. Н. Тухачевского "Будущая война в свете выполнения первой пятилетки". Михаил Николаевич показал нам, как можно и как полезно заглядывать в будущее.

В нашу учебную группу входили И. Буренин, Г. Васильев, Н. Журавлев, Г. Малышенков, А. Новиков, М. Тихонов, И. Толмачев - люди интересные, думающие. Мы крепко сдружились. Эта дружба помогала нам в учебе и в последующей службе. В годы Великой Отечественной войны нам с Главным маршалом авиации А. А. Новиковым и генерал-лейтенантом авиации Н. А. Журавлевым пришлось много совместно поработать над организацией взаимодействия артиллерии с авиацией на полях сражений. Вместе мы радовались боевым успехам стрелкового корпуса,

которым командовал генерал-лейтенант М. Ф. Тихонов. На работе в крупных общевойсковых штабах проявили свои знания и опыт генерал-лейтенант И. Н. Буренин и другие бывшие слушатели нашей учебной группы.

В коллективе слушателей жилось и работалось хорошо. Долгое время я был старостой двух общежитии академии, находившихся на улице Горького, рядом с Московским Советом. Нелегкие обязанности эти касались не только быта слушателей, но и налаживания теплых товарищеских отношений, помощи их семьям.

В академии я продолжал всерьез увлекаться фотографией. В 1929 году у нас был объявлен фотоконкурс. Я сделал ночные снимки Москвы. Работа была признана отличной, ночные снимки оказались на стендах академической выставки. Жюри присудило мне премию - замечательный фотоаппарат с набором всех принадлежностей.

Увлечение фотографией было не случайным. Я старался внедрять фотографию в боевую работу артиллерии. Не раз в дальнейшем фотография применялась для повышения эффективности артиллерийского огня. Быстро пролетели напряженные годы учебы. И вот уже защита дипломных работ.

Своеобразен был тогда порядок выбора дипломных тем: каждый слушатель имел право избрать из рекомендуемого официального списка пять тем в порядке желаемой очередности. Я избрал себе пятой темой чисто артиллерийскую: "Влияние оперативного искусства и тактики на развитие артиллерии в первую мировую войну". Она и была утверждена - четыре первые темы достались другим.

Когда же я взялся за подбор материала к этой теме, стало ясно, что она не совсем верно сформулирована: в ней все поставлено с ног на голову. В самом деле, прогресс и развитие вооружения и боевой техники оказывает прямое влияние на развитие тактики, оперативного искусства и стратегии. Конечно, тактика, оперативное искусство и стратегия тоже оказывают влияние на развитие вооружения и боевой техники, но это влияние уже вторичное.

Я возбудил ходатайство о переименовании темы. Заместитель начальника академии тов. Котов отнесся к этому ходатайству с большим вниманием. Он подробно расспросил о том, как я собираюсь разрабатывать эту тему, какими источниками пользоваться и как буду доказывать свою правоту.

Моим ходатайством заинтересовался и начальник академии Р. П. Эйдеман, он тоже захотел услышать мои доводы. Беседа с ним была короткой. Я сформулировал свою тему так: "Влияние

развития артиллерии на оперативное искусство и тактику в первую мировую войну".

Вскоре мое ходатайство было утверждено Народным комиссаром обороны в связи с тем, что весь перечень тем был утвержден им же.

После многих дней и ночей упорной работы состоялась защита диплома.

Кое-кто из слушателей-артиллеристов мечтал после окончания учебы перейти в мотомеханизированные войска или в авиацию. В то время много говорили о том, что артиллерия - отживающий род войск, что в будущих сражениях ее полностью заменят танки и авиация. Меня коробило от таких слов. Я все больше убеждался, что без артиллерии в современном бою не обойтись.

Твердо решил вернуться в артиллерию. Поэтому особо старательно изучал артиллерийские дисциплины.

С сердечной благодарностью вспоминаю я годы. учебы в академии, ее прекрасный профессорско-преподавательский коллектив, сплоченную партийную организацию.

В академии мы получили не только знания и методические навыки, здесь развивали инициативу, смелость, упорство. Академия воспитывала в своих слушателях беспредельную преданность Коммунистической партии, народу. Она дала нам путевку в большую армейскую жизнь.

После окончания академии я мечтал вернуться в Белорусский округ. Но меня ожидало разочарование: дали назначение в Москву. Я не представлял себе, как можно служить артиллеристу в столице, вдали от учебных полей, полигонов, степей и лесов.

Московская Пролетарская

Московская Пролетарская стрелковая дивизия, куда я после академии прибыл командиром артиллерийского полка, была хорошо укомплектована и отличалась высокой выучкой личного состава. Дивизия гордилась славными традициями. Служить здесь считалось большой честью.

Стояла весна 1930 года. Дивизия отправлялась в свой летний лагерь под Москвой, а артиллерийский полк - на Гороховецкий артиллерийский полигон. Предстояли батарейные стрельбы. К ним готовились серьезно, и мне, молодому командиру полка, пришлось немало потрудиться.

Поначалу меня встретили настороженно. Иные сомневались, хорошо ли знает артиллерию выпускник общевойсковой академии? Поэтому руководство первыми стрельбами и их разборы превращались в своего рода экзамен, который я должен был держать уже не перед академической комиссией, а перед

командным составом полка и дивизии. Из штаба Московского военного округа на наши батарейные стрельбы прибыл заместитель начальника артиллерии округа А. В. Кологривов, превосходный знаток артиллерии.

Он проверял, как мы готовимся к учению, а во время стрельб досконально вникал в их результаты, присутствовал на каждом разборе.

После отбоя учений старый артиллерист чистосердечно признался: он не верил, что командир, окончивший общевойсковую академию, может успешно командовать артиллерийским полком.

- Но у вас получается неплохо.

Первый экзамен в прославленной дивизии был выдержан.

За батарейными стрельбами начались стрельбы дивизионов и артиллерийских групп. Обширный полигон открывал возможности для широкого размаха учений.

Лагерной традицией были конноспортивные соревнования. Лидерами их издавна считались Московская артиллерийская школа и 108-й артполк. Среди наших артиллеристов было немало любителей конного спорта. Они дружно поддержали мое предложение всерьез заняться подготовкой к состязаниям. Для тренировок использовалась каждая удобная минута. Готовились мы без огласки, и лидеры не обращали на нас внимания. Они настолько были уверены в своем успехе, что еще до начала соревнований поделили между собой первые и вторые места. Но, к их удивлению, в этот день результаты получились совсем не такие, как обычно. Конники нашего полка завоевали первенство по всем видам соревнований. Лагерный спортивный комитет присудил нам общее первое место, и почти все призы оказались нашими.

Ликование в полку было небывалое. Конный спорт у нас сразу приобрел широчайшую популярность. Мы стали ежемесячно проводить свои полковые конноспортивные соревнования. Особенно полюбились бойцам парная езда и езда шестерочных артиллерийских запряжек. Состязание по этому виду спорта значительно улучшило маршевую подготовку батарей.

Осенью полк принимал участие в окружных маневрах, которые проходили в Московской области. Полк в целом и его дивизионы получили хорошую оценку.

Но неожиданно навалились неприятности. Сменилось руководство дивизии. Говорят, новая метла чисто метет. Комиссия, которая во время смены начальства проверяла дивизию, перестаралась и "наскребла" множество больших и малых недостатков. Все было занесено в акт. Когда председатель

комиссии доложил Народному комиссару обороны результаты проверки, тот решил созвать специальное совещание. Были вызваны командующий округом А. И. Корк и командиры всех полков нашей дивизии. Председатель комиссии начал зачитывать свой доклад. Нам стало не по себе - все было преувеличено, извращено. В защиту дивизии выступил командующий войсками округа. Нарком предоставил слово и главным "обвиняемым" командирам частей дивизии. Убедительно защищались командиры стрелковых полков Р. П. Хмельницкий, И. Д. Россман и Е. П. Дикалов. Я тоже отверг некоторые домыслы проверяющих.

Народный комиссар обороны откровенно признался, что он решил было отстранить нас от занимаемых должностей и направить в разные округа с понижением, но теперь, когда он внимательно нас выслушал, у него изменилось мнение. Комиссия, по его мнению, составила явно неправильный акт.

Вернувшись в полк, я собрал командиров, рассказал им о выводах комиссии. Пусть в этих выводах многое преувеличено, но недостатки у нас есть, и нужно мобилизовать весь личный состав на их устранение. Мы стали еще больше внимания уделять повышению качества учебы.

Наш полк был, в сущности, опытно-испытательной базой для инспекции артиллерии и Главного артиллерийского управления Красной Армии. Все время поступали поручения о проверке боевых качеств новых и модернизируемых образцов орудий, приборов и боеприпасов о проведении различных опытных учений. Инспектор артиллерии Красной Армии В. Д. Грендаль и начальник ГАУ Н. А. Ефимов давали множество заданий и, в свою очередь, оказывали полку помощь всем, чем только могли. Бывало, поручали нам проверить снаряды долговременного хранения. Их отпускалось по нескольку тысяч. Стрельбы проводились по планам и программам ГАУ со строжайшими мерами предосторожности. Испытания приносили большую пользу и нам: бойцы получали хорошую практику, а командиры совершенствовали навыки в стрельбе и управлении огнем.

В 1931 году полку пришлось построить и оборудовать новый лагерь в районе станции Алабино. Здесь был создан артиллерийский полигон, дивизионные стрельбища, а также зимние помещения и. конюшни на один дивизион. С этого времени артиллерийские подразделения полка по очереди стали в зимнее время выходить в лагерь. Тактические учения, боевые стрельбы шли теперь круглый год.

В лагере построили несколько миниатюр-полигонов на местности и небольшой винт-полигон. Шли постоянные тренировки и на других имитационных средствах.

Инспекция артиллерии Красной Армии поручила нам практически отработать и проверить новые методы подготовки к стрельбе дивизиона-группы, предложенные Зайковским. Наши командиры и бойцы быстро усвоили новые приемы. 3-й дивизион полка в продолжение двух месяцев проводил тренировки при активном участии самого Зайковского. Не раз впоследствии дивизиону приходилось демонстрировать этот метод во время различных сборов и инспекций.

Подошла пора зачетных дивизионных стрельб. В это время командиром дивизии был Р. П. Хмельницкий, любитель всяких новшеств в боевой подготовке. Я предложил провести стрельбы не на нашем полигоне, который артиллеристы излазили вдоль и поперек, а использовать соседнее пехотное стрельбище, где разместить боевые порядки дивизиона так, чтобы основное направление стрельбы было на 180 градусов к обычному.

Дивизион подняли по тревоге, командиру вручили задание и карту с нанесенной общей обстановкой. Артиллеристы начали свой марш в составе головного стрелкового батальона. Вскоре пришлось вступить в "бой". Быстро развернулась головная походная застава, которой была придана одна из батарей дивизиона. Батарея вела огонь условно, по данным посредника проводила пристрелку и стрельбу на поражение. Цель была своевременно "поражена". Вместе с головным батальоном должны были принять участие в "бою" и остальные батареи дивизиона. Им поставили задачу на местности, указали конкретные цели. Командиры батарей посчитали, что им и впредь придется все делать условно. Наспех подготовив исходные данные для стрельбы, они подали необходимые команды и доложили, что все цели уже подавлены. И тут вдруг они получили приказание начать пристрелку боевыми выстрелами. Это было полной неожиданностью.

Никто из командиров не осмелился открыть огонь. Они поскакали галопом с наблюдательных пунктов на огневые позиции, чтобы проверить их пригодность для боевой стрельбы. Пока проверяли, уточняли, поправляли, прошло много времени, что никак не удовлетворяло требованиям скоротечного встречного боя. Да и результаты стрельбы оказались неважными.

Дивизион получил посредственную оценку. Но даже она была воспринята артиллеристами как немалый успех: от тех, "то привык из года в год стрелять в полигонных условиях, почти с одних и тех же позиций и по одним и тем же целям, было трудно ожидать четких действий в изменившейся обстановке. Долго в полку помнилось это учение. Наученные горьким опытом, командиры стали проводить тренировки и стрельбы более

разнообразно, настойчиво развивать у подчиненных волю, решительность, инициативу.

Много мы тренировались в стрельбе прямой наводкой по движущимся танкам. Постепенно выработалась несложная, но весьма действенная методика обучения. Артиллеристы все более убеждались, что пушка - грозное оружие против танка. Мне пришла мысль попробовать стрелять прямой наводкой из наших 122-миллиметровых гаубиц. Результаты превзошли все ожидания: с дистанции 900 метров и ближе движущийся макет танка поражался с одного - двух выстрелов. Мы пришли к выводу: огневые позиции гаубичных батарей надо размещать так, чтобы с них всегда можно было бить танки противника. Нашими экспериментами заинтересовались, и мне даже пришлось однажды докладывать результаты наших опытных стрельб Начальнику штаба РККА М. Н. Тухачевскому, который проявил к ним живейший интерес.

Как-то на полигоне проводились учебные стрельбы по. танкам. В них принимали участие все артиллерийские подразделения дивизии. На стрельбы прибыл комдив Р. П. Хмельницкий. Условия стрельбы ему показались слишком сложными, он тут же снизил шкалу оценок на одну ступень и установил денежные премии за отличное выполнение задачи. Каково же было его удивление, когда все орудия получили отличные оценки! Делать нечего. Комдив тут же стал выдавать премии, но вскоре деньги у него кончились. Пришлось подзанять значительную сумму. Когда все деньги были розданы, комдив сказал со вздохом:

- Хоть и обобрали меня артиллеристы, но я рад вашим успехам!

Штаб полка сделал небольшой альбом, где нашли отражение условия и результаты стрельбы каждого орудия. Попадания изображались на силуэтах танка. Несколько раз я заставал командира дивизии за просмотром этого альбома. Видно, сильное впечатление произвели на него наши стрельбы!

Полк получил одиннадцать отечественных радиостанций. Требовалось освоить их в кратчайшие сроки. Но у нас не оказалось ни одного специалиста. Стали искать радиолюбителей. В учебном дивизионе знатоком радиодела оказался командир отделения Юрин. За несколько дней он научился хорошо работать на рации. Ему и поручили мы проводить занятия с командирами и красноармейцами. Мне очень хотелось самому скорее изучить новую технику, и я предложил Юрину обучать меня. Тот сначала растерялся: как это он будет учить командира полка. Но мы вместе составили программу, расписание занятий и приступили к

урокам. Пройдя программу, я попросил своего учителя принять от меня положенный зачет.

Вскоре на общем собрании личного состава полка я со всеми подробностями рассказал о своей учебе. Многие командиры последовали моему примеру, не стесняясь обращаться за помощью к младшему командиру, и стали умело применять радио на учениях и стрельбах. Наш опыт методики обучения радиоделу нашел отражение в инструкциях и пособиях для всей советской артиллерии. Был проведен ряд опытных учений, на которых командиры и радисты показали умение правильно использовать новейшее средство связи.

Командирская должность беспокойная. Доводилось заниматься самыми неожиданными делами. Полк был размещен в Москве рядом с церковью бывшего Крутицкого монастыря. Церковь действовала. Толпы молящихся старух с утра до вечера мозолили глаза нашим бойцам. Церковные службы явно не гармонировали с учебой и жизнью полка. Чуть ли не на каждом собрании бойцы и командиры выступали с требованием закрыть церковь, Я решил обратиться к М. И. Калинину. Он очень тепло меня принял и внимательно выслушал. Дело, однако, оказалось непростым: нельзя ни с того ни с сего отнять церковь у верующих. Я заявил, что если трудно "прикрепить" верующих к другой церкви, то мы согласны своими силами построить для них деревянную церковь где-нибудь на окраине города. Михаил Иванович искренне посмеялся над моими словами и сказал:

- Ну, раз вы вносите такое предложение, значит, вас допекли! Соседство полка с церковью в наших советских условиях действительно не совместимо. Церковь следует закрыть.

Это решение было встречено в полку с энтузиазмом. Вскоре церковь была закрыта и ее помещение передано полку. В этом здании мы решили оборудовать артиллерийские мастерские, в которых очень нуждался полк. Но однажды ко мне явился гражданин в кожаной куртке, с большим портфелем, назвал себя представителем горфинотдела и предъявил мне счет. Финансист заявил: в связи с тем, что здание церкви используется не на культурные, а на иные нужды, мы должны оплатить его стоимость. Балансовая стоимость помещения - 250 тысяч рублей. Для Красной Армии дается скидка - взимается всего 20 процентов балансовой стоимости, значит, с нас приходится 50 тысяч. Откуда нам взять такие деньги? И все произошло потому, что в резолюции о передаче церкви не было слова "бесплатно". Завязалась тяжба. Полку угрожало снятие денежных сумм с его текущего счета. Помогла догадливость писаря-красноармейца. Он посоветовал отдать приказ по полку, что отныне наша мастерская

именуется "учебной артиллерийской мастерской". Вот вам и получится культурное учреждение. Пусть-ка тогда придерутся! Соответствующий приказ был издан, копия его направлена в горфинотдел - упрямому инспектору. Срочно заказали вывеску с новым названием нашей мастерской. Этого было достаточно, чтобы горфинотдел прекратил всякие претензии на помещение.

Мне еще раз довелось обращаться к Михаилу Ивановичу Калинину. В тридцатых годах воинские части обязывали обзаводиться подсобными хозяйствами, продукция которых шла на питание личного состава.

Нам передали небольшой совхоз Молокосоюза, многие годы бывший нерентабельным. Однако банк заставил нас погашать старый долг совхоза. Это была грубая несправедливость, и я пошел просить защиты у Председателя ВЦИКа. Михаил Иванович распорядился снять чужой долг с плеч красноармейской части. Подсобное хозяйство быстро встало на ноги и было весьма полезным для полка.

Как и многие другие столичные воинские части, полк был связан крепкой дружбой с тружениками заводов и фабрик Москвы.

В Пролетарском районе Москвы начиналось строительство 1-го Шарикоподшипникового завода. На одном из собраний полка приняли решение взять шефство над строительством нового завода-гиганта. Проводили на стройке субботники, участники самодеятельности устраивали для строителей концерты, лучшие пропагандисты выступали на стройке с лекциями и докладами. Когда завод был построен, рабочие в свою очередь взяли шефство над полком. Мне вспоминается торжественное собрание, посвященное первой годовщине завода, в Большом театре. Воины нашего полка в стальных касках, с карабинами за плечами, с развернутым знаменем четким шагом вошли в партер театра и приветствовали своего шефа. Известный поэт Н. Н. Асеев на следующий день опубликовал в печати стихотворение "Шарикоподшипника подшефный полк" - о кровной связи народа и армии, навеянное этой волнующей встречей, Московская Пролетарская дивизия была непременным участником всех московских парадов. Мы славились высокой строевой подготовкой. Артиллеристы в конном строю рысью проходили по Красной площади. В такие минуты я особенно гордился нашими молодцеватыми красноармейцами.

Партийно-политическая работа в полку была неразрывно связана с боевой учебой. Жизнь в подразделениях била ключом, каждое собрание проходило интересно, целеустремленно. Большую популярность получили вечера вопросов и ответов.

Деятельно работал полковой клуб.

Помнится, в августе 1932 года в одно из воскресений все командиры с семьями выехали на берег реки. Были организованы игры, танцы, многие сдавали нормы ГТО по плаванию и бегу. Работники столовой готовили вкусный обед.

Внезапно к реке прискакал всадник на взмыленном коне и вручил мне пакет. Меня вызывали в штаб РККА. Туда же был вызван командир дивизии Р. П. Хмельницкий. Мы узнали, что оба назначены в состав военной миссии, направляющейся в Италию на большие военные маневры.

Итальянские маневры

Москва-Берлин-Рим. Таков был наш маршрут. Я жадно вглядывался из окна вагона в непривычный пейзаж.

На улицах Рима всюду висели фашистские флаги и портреты короля Эммануила VII и Муссолини. То и дело встречались жандармы в черных мундирах и наполеоновских треуголках. Ходили они почему-то обязательно парами. За каждым из нас, как тень, следовал прилично одетый господин... Он не отставал ни на шаг. Утром, выходя на улицу, я, прежде всего, видел своего непременного спутника. Он приветливо раскланивался.

Наша военная миссия выехала в очень красивый городок Перуджиа. Офицеры итальянского генерального штаба снабжали нас материалами о маневрах, топографическими картами, предоставили нам возможность много ездить и наблюдать за действиями обороняющихся и наступающих войск. Во время маневров миссия была Представлена "дуче" Муссолини и королю Эммануилу.

В те времена между СССР и Италией были нормальные дипломатические и торговые отношения. Это всюду подчеркивалось, особенно перед англичанами, французами и американцами. Наши легковые автомашины всегда следовали в голове колонны. Когда колонна останавливалась для показа какого-либо "боевого эпизода", все выходили из автомашин, чтобы послушать информацию генерала, представителя руководства маневрами. Итальянец обычно начинал свой рассказ, как только подходили к нему советские представители, и заканчивал его именно в тот момент, когда появлялись представители Англии, Франции и США. Итальянские офицеры наперебой твердили нам о том, что они ничего не скрывают от нас и показывают все, что только может нас интересовать. Они уверяли, что две дружественные армии никогда не будут воевать друг с другом.

Нам показали боевые стрельбы пехоты из всех видов пехотного оружия по деревянным мишеням, а также бомбежку станции железной дороги девяткой бомбардировщиков. Учебные

бомбы летели с пронзительным свистом. В метрах 100 -120 от земли они рассыпались в порошок, не причиняя никакого вреда. Бомбы нам понравились, у нас появилось даже желание закупить их образцы, но нам заявили, что это невозможно: их производством ведает военное министерство, которое торговлей не занимается. Другое дело - торговые фирмы. Они наперебой предлагали закупить у них самые современные виды вооружения и боевой техники.

Маневры проводились с большим размахом, с явной целью устрашения будущих противников. Меня поразило обилие в итальянских войсках полевых радиостанций. Понравилась четкость штабной работы, которая значительно сокращала время подготовки боевых документов. Получив боевой приказ из армейского корпуса, старший адъютант (по-нашему, начальник штаба) и адъютанты штаба дивизии быстро его изучают и одновременно наносят все необходимое на карту в присутствии командира дивизии, который в это время оценивает обстановку и принимает решение. Далее командир берет большой блокнот и карандашом пишет под копирку боевой приказа нескольких экземплярах, пользуясь справками адъютантов, стоящих около него. Под подписью обязательно ставится фамильная печать командира - без нее документ не действителен. Копии - приказа тут же рассылаются в части, которым предстоит действовать в первую очередь. Оставшийся экземпляр документа размножается, чтобы его могли получить в других частях. Не дожидаясь, адъютанты штаба начинают передавать в войска краткие предварительные распоряжения.

На составление боевого приказа командир дивизии затрачивал 50 минут, командиры полков - 35-40 минут. Такой оперативности стоило поучиться.

По моей просьбе мне показали боевую позицию артиллерийской батареи. Больше всего меня интересовали подготовка исходных данных, время приготовления к стрельбе и точность огня. Итальянские офицеры хотели блеснуть быстротой и четкостью своей работы, но как ни спешили, исходные данные для стрельбы готовили довольно медленно. От меня не ускользнуло, что один из них допустил грубую ошибку на планшете, которая при стрельбе привела бы к большому отклонению снаряда от цели. Мое замечание об этом огорошило итальянцев.

Орудия батареи были старомодного типа, времен первой мировой войны, никакого интереса не представлявшие. У нашей военной миссии составилось весьма невысокое мнение о боевых качествах итальянских войск, особенно артиллерии. Красная

Армия далеко обогнала их и по качеству вооружения, и по боевой выучке личного состава.

Возвратившись из командировки, я получил приказание приступить к подготовке артиллерийского учения с боевой стрельбой, на котором будут присутствовать итальянские генералы и офицеры. Вскоре учение состоялось. Оно произвело сильное впечатление на гостей. Итальянцы воочию убедились в высоком искусстве наших артиллеристов. На завтраке в честь гостей, который состоялся в сосновом бору, итальянский генерал Росси сказал, что ему не хотелось бы попасть под такой меткий и губительный огонь русских орудий, который он наблюдал на учении.

В 1933 году была создана комиссия по разработке 2-й части боевого устава артиллерии. Проект устава рассматривался постатейно. Тщательно обсуждалась каждая статья. Председателем комиссии был начальник штаба РККА А. И. Егоров, а комиссия состояла из командиров, имевших на петлицах изрядное количество ромбов. Я чувствовал себя среди них поначалу не совсем удобно - в моих петлицах было всего три прямоугольника. Впрочем, это не мешало мне вступать в споры, вносить предложения. Участие в комиссии принесло много пользы. Более ясными стали для меня наши оперативно-тактические взгляды. Работа комиссии не пропала даром: в 1934 году устав издали, и он стал одним из основных законов советской артиллерии.

Артиллеристы Пролетарской дивизии упорно совершенствовали свое мастерство. Меня назначили начальником артиллерии дивизии. Мы неутомимо отрабатывали вопросы взаимодействия с пехотой, методы стрельбы по танкам.

В апреле 1934 года я был назначен в Ленинград начальником и военкомом 1-й артиллерийской школы, возникшей на базе тех самых курсов, где я учился в 1918 году.

С волнением обходил классы, вспоминал свою юность: вот тут я изучал орудия, здесь занимался теорией, тут писал контрольную работу. Все было знакомо до мелочей... Работы было много - новой для меня и уже потому трудной и увлекательной. Командование и преподавательский коллектив стремились поднять качество обучения и воспитания курсантов, приблизить учебу к боевым условиям.

Нам удалось хорошо организовать совершенствование знаний и методического мастерства преподавательского состава. Мы часто выезжали на полевые занятия, стараясь сами сначала глубоко и всесторонне усвоить темы, которые предстояло проходить с курсантами. Большинство таких занятий на

местности проводил я, используя знания, приобретенные в академии.

В школе сложился крепкий и работоспособный преподавательский коллектив. Здесь трудились замечательные знатоки артиллерии П. И. Знамеровский начальник штаба школы, П. П. Филатов - начальник учебного отдела, командиры курсантских дивизионов В. А. Лисицкии, Н. Г. Лебедовский, командиры батарей Г. К. Дьячан, Е. А. Ляшко, В. А. Шомполов, преподаватели А. Д. Блинов, Н. П. Петров, В. А. Трофимов, Г. П. Кудрявцев и другие.

Хочется добрым словом вспомнить заместителя начальника школы по политической части Г. Д. Голубева, боевого политработника, умевшего вдохновить людей, развить у них чувство ответственности перед Родиной. Партийная и комсомольская организации школы вели большую воспитательную работу среди курсантов.

Наши выпускники впоследствии геройски сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Отлично воевали офицеры-артиллеристы, бывшие курсанты школы Г. С. Лебедев, А. Т. Яров, И. И. Донец и многие другие.

По постановке учебного процесса и воспитательной работы школа заняла одно из первых мест среди военно-учебных заведений. За успехи в подготовке молодых кадров для Красной Армии меня и моего заместителя Г. Д. Голубева Советское правительство в 1935 году наградило орденом Красной Звезды.

А на другой год мне довелось снова побывать в Италии.

Тогда на большие маневры выезжала наша военная миссия во главе с заместителем командующего войсками Среднеазиатского военного округа командармом 2-го ранга Окой Ивановичем Городовиковым. Кроме него в состав миссии входили командующий ВВС Ленинградского округа комдив Лопатин, комдив Хмельницкий и я.

Как и в 1932 году, на итальянские маневры собралось множество представителей различных государств. Советская миссия сразу же оказалась в особом положении в связи с тем, что наш Ока Иванович с четырьмя ромбами на петлицах был самым старшим по чину генералом. Это подчеркивалось на каждом шагу. Например, во время завтрака, обеда или ужина никто не садился, пока не придет наша миссия во главе с Городовиковым. Подобная субординация соблюдалась во время маневров и различных экскурсий.

Маневры проводились в северном районе Италии. На марше, а затем и на параде была показана новая итальянская моторизованная дивизия полного состава.

Среди войск разъезжал, рисуясь, Муссолини.

На ровной площадке выстроился батальон фашистских чернорубашечников. Они произвели из винтовок, взятых "на караул", залп холостыми патронами. У каждого чернорубашечника сверкал на поясе большой кинжал. "Дуче" обошел строй. В своей витиеватой речи он пожелал победы чернорубашечникам, отправляющимся для захвата Абиссинии, и высказал сожаление, что не имеет возможности сражаться вместе с ними в одном строю. В заключение приказал поднести к нему знамя батальона, размашисто расписался на его полотнище и сказал: "Пусть моя подпись на знамени сопутствует батальону и вдохновляет вас на великие подвиги". С отвращением смотрели мы на кривляние фашистского паяца.

Все военные миссии были приглашены на показное учение по форсированию водной преграды. Когда наша миссия подъехала к месту учения, по бурной, горной реке уже плыли сорванные понтоны. Наводка моста не удалась, форсирование реки так и не состоялось. Чтобы развлечь взгрустнувшего короля, итальянский офицер-связист предложил послать донесение на противоположный берег с собакой. Все оживились и стали следить за плывущей служебной собакой. Гости сделали вид, что это для них является новостью. Разочарованные до предела, мы поехали в Рим.

Понравилось мне на маневрах широкое применение итальянцами полевых радиостанций различного назначения. Стало обидно, что мы на родине радио еще не достигли такого высокого качества радиостанций для всех родов войск.

Нас пригласил к себе известный итальянский авиационный конструктор капиталист Капрони. Он показал на своем заводе самолеты последних выпусков, в том числе "Савойя-81". Мы внимательно осмотрели этот новейший итальянский бомбардировщик. Я не предполагал, что через каких-нибудь 15 месяцев у меня будет неприятная возможность на практике испытать его боевые качества. Хозяин явно стремился к тому, чтобы Советский Союз сделал крупный заказ на самолеты. Но нам такие бомбардировщики были не нужны, мы имели самолеты с лучшими боевыми характеристиками.

Вообще поучительного для нас в Италии было мало. Мы еще раз убедились, что итальянская армия далеко не соответствует современным требованиям. Маневры походили на большой, пышный спектакль.

Испания сражается

Волонтер Вольтер

1936 году внимание всего мира было приковано к событиям,

начавшимся в Испании. Коммунисты, социалисты, анархисты и буржуазные республиканцы Испании подписали пакт Народного фронта. Рабочие, крестьяне, мелкая и средняя городская буржуазия, передовая интеллигенция объединились на борьбу против реакции и фашизма.

16 февраля 1936 года Народный фронт одержал победу на выборах в кортесы. Образовалось новое правительство во главе с М. Асанья, который позже был избран президентом Испанской республики.

Фашисты не хотели примириться со своим поражением. В ночь на 18 июля они подняли мятеж в испанских колониях Марокко и на Канарских островах, К нему примкнули генералы-фашисты, командовавшие войсками в самой метрополии. В Испании развертывались бои. Гитлеровская Германия и фашистская Италия вдохновляли и поддерживали реакционный мятеж. Грозные события развивались при явном и прямом попустительстве великих держав - Франции, Англии и США. В мировой печати замелькали фамилии испанских генералов-заговорщиков, возглавлявших мятеж,- Санхурхо, Мола и Франко.

По призыву компартии испанский народ взялся за оружие и встал на защиту Республики. Очаги фашистского мятежа в Мадриде, Барселоне и других городах были быстро ликвидированы. Фашисты удержались лишь в ряде пунктов на юге Испании. Германия и Италия открыто на своих самолетах перебрасывали подкрепление мятежникам - марокканские войска из Африки, поставляли большие партии оружия и боеприпасов.

События в Испании глубоко взволновали советский народ. В Москве и других городах проходили многолюдные собрания и митинги трудящихся. Советские люди выражали свою братскую солидарность с испанским народом, сражающимся против озверелых банд фашизма. За короткое время рабочие и колхозники внесли в фонд помощи испанским бойцам десятки миллионов рублей.

Испанским республиканцам сочувствовали все свободолюбивые люди мира. В Мадрид из разных стран, несмотря на бесчисленные препятствия, начали прибывать добровольцы, чтобы плечом к плечу с испанским народом сражаться против фашизма. Тысячи советских граждан мечтали оказаться в числе таких добровольцев. Я тоже решил, во что бы то ни стало попасть в Испанию. Хлопоты были длительными, но наконец они увенчались успехом. Я получил заграничный паспорт и соответствующие визы. Вместе со мной ехал Петр Алексеевич Иванов, хорошо подготовленный командир, тоже вызвавшийся добровольцем сражаться в Испании. Самолет доставил нас в

Париж. Оттуда по железной дороге мы отправились к франко-испанской границе. Поезд остановился на пограничной станции. Проводник вагона, видимо догадываясь, куда и зачем следуют два иностранца, пожелал нам вернуться целыми из кипящего котла.

Процедура перехода границы была еще весьма простой (позже она стала страшно сложной). Нам предложили взять свои чемоданчики, и мы в сопровождении чиновника и двух французских жандармов зашагали по асфальту к пограничным столбам и массивной железной цепи, висевшей поперек дороги. За столбами развевались красно-черные флаги.

Нас радостно встретили испанцы. Это были анархисты с красно-черными лентами на головных уборах. Рослые ребята, опоясанные пулеметными лентами крест-накрест. Как это напомнило мне Петроград семнадцатого года! Мы показали паспорта. Нас обнимали, хлопали по плечу. В ушах все время звучало непривычное, но очень теплое: "Камарада Руссо"

Мы добрались поездом до Барселоны и в тот же день очутились в объятиях советского консула В. А. Антонова-Овсеенко - знаменитого революционера, сподвижника В. И. Ленина. Он познакомил нас с обстановкой в Испании, рассказал о трудностях, которые переживает республика, о действиях мятежников-фашистов, о "пятой колонне".

На рассвете мы вылетели на французском рейсовом пассажирском самолете "Ле-Франс". Путь пролегал над территорией, занятой мятежниками. Летели на предельной высоте - около 5000 метров и благополучно приземлились на аэродроме вблизи Мадрида. На автомашине въехали в столицу, оказавшуюся в прифронтовой полосе. Сугубо мирное чередовалось здесь с военным. На каждом шагу встречались солдаты и вооруженные рабочие.

Я получил свой постоянный псевдоним - "Вольтер". Французское имя, однако, никого не могло обмануть. Бойцы быстро и безошибочно определяли: "камарада руссо".

Наш военный атташе тов. Горин порекомендовал мне обратиться к начальнику артиллерии республиканской армии подполковнику Фуэнтесу.

Весь следующий день я безуспешно пытался разыскать его. В военном министерстве никто толком не знал, где он и что делает. Пробовали разыскивать в различных штабах вблизи Мадрида, но и там его не оказалось.

Во второй половине дня я вместе с тремя нашими товарищами-волонтерами выехал на один из участков Мадридского фронта в районе Хетафе. Здесь мы получили первое на испанской земле боевое крещение, попав под огонь

фашистской артиллерии. Мы были людьми достаточно обстрелянными, и близкие разрывы вражеских снарядов не вывели нас из равновесия, зато о нашем спокойном поведении под обстрелом пошла неплохая молва.

Поиски Фуэнтеса продолжались. Наконец один из офицеров-артиллеристов сообщил, что Фуэнтес обычно находится на своей квартире. Меня соединили с ним по телефону. Фуэнтес наотрез отказался встретиться со мной, сославшись на то, что не имеет никаких указаний от высших инстанций по поводу использования волонтеров.

До крайности раздосадованный, я вместе с переводчиком отправился прямо на квартиру Фуэнтеса. В прихожей меня встретила супруга подполковника, бойкая испанка. Она доложила мужу обо мне. За дверью слышался ее звонкий голос на повышенных тонах и резкие слова хозяина.

Переводчик сообщил, что подполковник не хотел со мной встречаться, но его супруга уговорила принять гостя.

Фуэнтес принял меня недружелюбно. Без знания испанского языка, по его мнению, я не смогу принести пользы. Подполковник самодовольно хвастался своим боевым опытом и пренебрежительно заявил, что в помощи иностранцев не нуждается.

- Напрасно вы приехали. Ничем не сможете помочь испанской артиллерии, сказал в заключение Фуэнтес и предложил найти работу в военном министерстве или генеральном штабе.

Я кипел от негодования, но удержался от резкостей и, официально раскланявшись, удалился.

На следующий день Фуэнтесу было объявлено решение военного министерства Испании, и он был вынужден примириться с моим пребыванием при нем в качестве военного советника. Читатель уже догадывается, сколько терпения, выдержки и такта пришлось мне проявить в этой роли.

Скоро я убедился, что Фуэнтес не утруждал себя фронтовыми делами. Вся его работа выражалась в малопродуктивной переписке с министерством, департаментом и штабами. Он плохо знал обстановку на фронтах и еще меньше - в подчиненных ему частях и подразделениях.

Подавляющее большинство кадровых офицеров-артиллеристов, оказалось по ту сторону баррикад. Испанская артиллерия в боевом отношении была весьма слабой. На ее вооружении состояли устаревшие орудия времен первой мировой войны, да и тех было крайне мало. Испытывался острый недостаток в боеприпасах. Зенитной и противотанковой артиллерии вовсе не было.

Все с нетерпением ждали 29 октября. На этот день было назначено контрнаступление республиканских войск под Мадридом. Задача - разгромить части мятежных войск Франко в районе Эскивиас - Сесенья - Борокс и остатки их отбросить далеко от города. Все надежды возлагались на массированное применение танков и авиации. Артиллерии отводилась скромная роль, она будет использоваться лишь на второстепенном направлении.

В Испании были верны модной в то время теории, которая считала, что артиллерия отживает свой век, а главными родами войск становятся танковые и авиационные части.

Накануне наступления в войска прибыл пламенный, но далеко не безупречный в военном отношении приказ высшего командования республиканской армии, напоминавший прокламацию:

"Слушайте, товарищи! Двадцать девятого, на рассвете, появится наша славная авиация и обрушит на подлые головы врага много бомб, она будет расстреливать его из пулеметов. Затем выйдете вы, наши смелые танкисты, и в наиболее чувствительном для противника месте прорвете его линии. А уж затем, не теряя ни минуты, броситесь вы, наша дорогая пехота. Вы атакуете части противника, уже деморализованные, вы будете бить их и преследовать до полного уничтожения..."

Текст этого приказа ночью в канун наступления был объявлен по радио. То ли по наивности, то ли по злому умыслу тайна наступления была разглашена на весь мир. Командование во всеуслышание объявило врагу: "Иду на вы!"

Вместе с остальными частями готовились к наступлению и мы на второстепенном направлении. Артиллеристы успели отработать тесное взаимодействие с пехотой, разведали и осторожно, чтобы не выдать свои намерения врагу, пристреляли цели.

В шесть часов утра 29 октября на нашем вспомогательном направлении началась артиллерийская подготовка, а за нею последовала атака республиканской пехоты. Активно действовали два импровизированных бронепоезда.

Бой развивался медленно, но верно. Если пехота задерживалась, ее выручали пушки. К исходу дня части продвинулись вперед до 4-6 километров, но не смогли развить успеха - для этого у нас, на второстепенном направлении, не хватало сил. Фашисты не раз переходили в контратаки, но все они были отбиты. Республиканские войска закрепились на новых позициях.

Весь день я с завистью посматривал налево, где наносился

главный удар. Оттуда непрерывно доносились рокот моторов и грохот взрывов: республиканская авиация усиленно бомбила вражеские позиции...

Вечером меня вызвали в Мадрид для доклада. У всех в штабе были хмурые лица. Наступление на главном направлении постигла неудача. Резко критиковались недостатки: плохое управление войсками, отсутствие четкого взаимодействия авиации, танков и пехоты на поле боя, слабое сочетание огня и маневра. Авиация и танки совершили рейд в глубину обороны противника, но их действия своевременно не поддержала пехота. В результате, потеряв несколько танков, войска отошли в исходное положение.

Когда все это было обсуждено, командование, наконец, поинтересовалось ходом действий на второстепенном направлении.

С каким удивлением все слушали мой краткий доклад, разглядывая карту! Наши скромные успехи неожиданно оказались крупнейшим достижением дня.

Это был наглядный урок. Многим пришлось призадуматься тогда об истинной роли артиллерии в современном бою. Нет, нельзя было противопоставлять артиллерию авиации и танкам - они должны действовать согласованно, в тесном взаимодействии.

Хотя военное министерство заранее раструбило о готовившемся наступлении, удар республиканской армии, тем не менее, был неожиданным для мятежников и потряс их. Фашисты стали действовать менее уверенно.

Боевой дух защитников Мадрида стал еще выше. Особенно храбро сражались дружинники народной милиции. Коммунисты сплачивали людей, мобилизовывали все силы и средства на отпор врагу. 5-й полк под командованием славного коммуниста Листера ковал стойкие кадры для молодой революционной испанской армии. Отважно дрались войска, руководимые Модесто и другими командирами-патриотами.

"Телефоника-Централь"

Я объехал наблюдательные, пункты и огневые позиции батарей Центрального фронта. Встретился с чудесными людьми, пламенными борцами, настоящими героями. Тотчас же забылась горечь первых встреч с подполковником Фуэнтесом. Я понял, что мое место - среди этих веселых и немного бесшабашных парней, беззаветно храбрых, очень похожих на наших артиллеристов времен гражданской войны. Сразу же мы нашли общий язык, быстро подружились и решили вместе бить врага. Республиканские артиллеристы просили меня скорее передать им русский опыт.

Батареи, оборонявшие Мадрид, действовали примитивными методами, разрозненно. Надо было организовать централизованное управление, чтобы сосредоточенным огнем бить по наиболее важным целям, наладить круглосуточное наблюдение за противником.

Мне приглянулось в Мадриде 16-этажное здание фирмы "Телефоника-Централь", которая владела чуть ли не всей междугородной связью Испании. Какой широкий, должно быть, обзор открывался с крыши этого высотного здания! Вот бы использовать его для командного пункта артиллерии...

Уговорил подполковника Фуэнтеса поехать на "Телефонику". Директор фирмы принял нас довольно любезно и разрешил подняться на верхний этаж, но предупредил, что в случае какого-либо несчастья фирма слагает с себя всякую ответственность.

Лифт донес нас до четырнадцатого этажа, далее мы поднимались по крутой, далеко не безопасной винтовой лестнице.

С верхнего этажа, действительно, виден был весь город и его окрестности. Отлично просматривались многие важные детали в боевых порядках противника. В бинокль я видел вражеские батареи, вспышки их орудий, дороги, по которым двигались войска.

Фуэнтес принял мое предложение организовать здесь командно-наблюдательный пункт для управления огнем республиканской артиллерии. Прежде всего, надо было срочно установить в башне телефон и подключить его к центральной станции.

Пока я с увлечением изучал расположение противника, Фуэнтес вступил в долгие и весьма темпераментные споры с представителями фирмы. Переводчик сообщил, что за установку телефона предъявлен счет на довольно крупную сумму, а Фуэнтес решительно отказывается платить. Я посоветовал представителям фирмы предъявить этот счет для оплаты военному министерству. Инцидент был тотчас улажен к обоюдному удовольствию обеих сторон.

На другой день этот важный командно-наблюдательный пункт артиллерии начал действовать. Он сыграл немалую роль в обороне Мадрида. Вскоре здесь был устроен и центральный пост ПВО.

В одинокой высокой башне, около которой постоянно пролетали со страшным свистом и завыванием снаряды вражеской артиллерии, многим было не по себе. Недаром авиационные начальники направляли дежурить сюда на пост ПВО, особо провинившихся летчиков. Это считалось строгим

наказанием. В то же время здесь несли постоянную службу лучшие, ни в чем не провинившиеся артиллеристы такова уж наша профессия.

Своеобразно была организована связь с батареями. Республиканская армия не имела телефонных аппаратов к полевого кабеля, поэтому пользовалась городской телефонной сетью. Батареи имели абонентный номер и вызывались через городскую центральную телефонную станцию. Батарейный наблюдательный пункт соединялся с огневой позицией тоже при участии барышни-телефонистки. Если телефон был занят длительное время, то барышня часто подключалась и задавала свой обычный вопрос: "Вы кончили?" Конечно, это не способствовало сохранению тайны переговоров. Впрочем, большинство телефонисток центральной станции горячо поддерживали народные войска и деятельно помогали артиллеристам в их боевой работе. В грозные минуты опасности телефонистки-патриотки с особым рвением следили, чтобы связь работала бесперебойно.

Многое казалось здесь странным. Высшие начальники, ставя перед артиллерией боевые задачи, указывали не конкретные объекты, а квадраты карты. Если внезапно появлялись важные цели, по ним некому было, в сущности, стрелять, так как батареи добросовестно долбили указанные ранее квадраты. Для переноса огня требовалось решение высших инстанций, и, чтобы уговорить их, нужно было немало времени.

В книге Михаила Кольцова "Испанский дневник" есть такие строки: "Эти объекты - не конкретные цели, батареи противника, скопления войск, здания, железные дороги, а чаще всего квадраты на карте. Начальство указывает, в какой квадрат сделать за день, сколько выстрелов - и все. Чтобы переменить цели или хотя бы квадраты, нужно письменно сноситься с начальником артиллерии всего сектора... Вольтер, француз-артиллерист (автор пытается маскировать мою национальность.- Н.В.), в отчаянии от здешних порядков. Он рассказывает, как на днях командир батареи, видя большую массу наступающей пехоты противника, не стрелял по ней, а продолжал палить в другое место. Там, согласно приказу, данному накануне, предполагалась неприятельская батарея. Этой батареи уже не было, но, как ни уговаривал Вольтер, стрельба шла в бессмысленном направлении - артиллерийский офицер боялся пойти под суд за нарушение приказа".

С большими трудностями "французу-артиллеристу Вольтеру" удалось, наконец, добиться, чтобы боевые задачи поступали сверху и снизу и чтобы относительно малочисленная республиканская артиллерия поражала достоверно известные,

наиболее важные объекты и цели.

У противника появлялось все больше легких танков с пулеметным вооружением. Я беспокоился, что непривычные к танковым атакам бойцы могут дрогнуть. Объехал пушечные батареи и познакомился с тем, как они подготовлены к стрельбе по танкам и бронеавтомобилям. Выяснилось, что командиры батарей считают борьбу с танками не своим делом. К стрельбе прямой наводкой они не были готовы. Все полагали, что для борьбы с танками должна быть создана малокалиберная противотанковая артиллерия. Но как быть, если ее нет? Простодушные командиры в ответ на этот вопрос недоуменно пожимали плечами. Впрочем, они весьма внимательно прислушивались к моим советам.

Помнится встреча с Энрике Больяносом, молодым командиром батареи, имевшей на вооружении 75-миллиметровые пушки. Он и его офицеры с удивлением встретили мои слова о том, как советские артиллеристы поражают прямой наводкой танки противника. Вместе начали тренироваться. Учеба пошла впрок. 30 октября у Гриньона группа фашистских танков ринулась в атаку. Батарея была уже хорошо подготовлена. Стреляя прямой наводкой, она поразила четыре танка при минимальном расходе снарядов.

Энрике Больянос в этом бою был ранен. После выздоровления он взял на себя тяжелую, но благородную миссию - стал ездить по всем пушечным батареям и учить артиллеристов бить танки противника.

В дни боев под Мадридом я любил нести вахту на башне "Телефоники", откуда удобнее всего руководить борьбой с вражеской артиллерией. Особенно привлекательны были дневные часы - с двух до четырех. Это время обеда. Как ни странно, в эти часы вовсе прекращались боевые действия с обеих сторон. В обеденное время я часто ходил в полный рост по передовым позициям, вне окопов и ходов сообщения и ни разу не попадал под огонь - обед у испанцев был своего рода всеобщим священнодействием. С башни "Телефоники" прекрасно просматривалось оживленное движение во вражеском стане в эти обеденные часы, что помогало нам заполучить немало ценных данных.

Однажды перед обедом, наблюдая с башни "Телефоники" за боевыми порядками фашистских войск, я обнаружил 155-миллиметровую батарею противника, которая, по-видимому, готовилась стрелять по Мадриду. Я показал эту цель командиру батареи, который имел наблюдательный пункт в этом же здании, и помог ему перенести огонь с ранее пристрелянной цели на

вновь обнаруженную. Командир батареи экономил снаряды и с моей помощью корректировал каждый разрыв.

Вскоре мы отчетливо увидели прямое попадание в одно из орудий противника, а затем и в другое. На позиции фашистской батареи началась суматоха.

Вдруг раздалась решительная команда командира батареи:

- Альто! (Стой!)

В чем дело? - воскликнул я. - Почему батарея перестала стрелять?

- Комида! - ответил переводчик. - Обед!

Мои увещевания не помогли: командир и все находившиеся с ним немедленно приступили к обеду. Артиллеристы уверяли, что сразу же после обеда фашистская батарея будет добита, она никуда не уйдет - у мятежников ведь тоже обед!

Этот обычай стал меня уже раздражать. Я отказался от предложенного мне обеда и вина и в продолжение двух часов, пока длился обеденный перерыв, непрерывно вел наблюдение за недобитой батареей противника. В конце второго часа к разбитым орудиям подошла грузовая автомашина, в нее погрузили убитых и раненых.

Ровно в четыре часа дня раздалась команда:

- Фуэго! (Огонь!)

Стрельба возобновилась. Разрывы ложились вблизи молчаливо стоящих орудий противника. Командир республиканской батареи оказался все-таки прав: мятежники за время обеда так и не притронулись к своим пушкам.

Но пасаран!

В первых числах ноября мятежники объявили, что они вступают в Мадрид, и пригласили иностранных корреспондентов быть свидетелями их торжественного марша по улицам побежденного города. Радио Рима, Лиссабона, Берлина истошно вопило о взятии Мадрида. Но героический город продолжал борьбу.

К 5 ноября 1936 года определилась явно предательская роль главы республиканского правительства Ларго Кабальеро и его ближайших приспешников. Крылатые, гордые слова великого русского полководца М. И. Кутузова: "С потерею Москвы не потеряна Россия", они перефразировали на свой лад: "С потерей Мадрида еще не потеряна республиканская Испания", не замечая, что изменились времена и условия и сейчас этот лозунг звучит предательски, деморализует защитников города.

"Пятая колонна" все чаще наносила удары в спину трудовому народу Испании. Коммунистическая партия призывала к бдительности и отпору предателям.

6 ноября правительство Ларго Кабальеро эвакуировалось из Мадрида в Валенсию. Туда же выехали все правительственные учреждения. Оборона Мадрида была поручена престарелому генералу Миаха.

В сущности, правительство Ларго Кабальеро бросило Мадрид на произвол судьбы. Но в городе остался революционный народ во главе с коммунистами. В столь сложной обстановке 5-й коммунистический полк в полном составе поступил в распоряжение генерала Миаха. В Мадриде образовался новый штаб обороны. Немалую роль сыграл подполковник Рохо, взявший на себя обязанности начальника штаба и проявивший большие организаторские способности. Он стал правой рукой генерала Миаха.

- Но пасаран! (Не пройдут!) - стало лозунгом испанских бойцов. Тысячи новых людей взяли в руки оружие.

Весь день 6 ноября я был на передовых позициях, среди войск, отбивавших атаки мятежников. Командиры и бойцы дрались до последнего патрона и были полны решимости, во что бы то ни стало отстоять город. Конечно, в эти дни, как и в последующие, по всему фронту с обеих сторон был забыт обеденный перерыв - до обеда ли было в горячке отчаянных боев!

Как же я был удивлен и расстроен, когда получил прямое приказание ночью выехать из Мадрида в Валенсию. Никакие просьбы и возражения не помогли. Я был включен в колонну, которую вел генерал Купер. Никто толком не мог объяснить причин отъезда. Все ссылались на строжайшие и категорические приказы высшего командования.

В дороге нас застал дождь, мы сбились с пути и до рассвета блуждали по горным дорогам. Наконец утром 7 ноября остановились в городе Таранконе. У всех было мрачное, подавленное настроение.

За обедом подняли бокалы в честь годовщины Великой Октябрьской революции. На Родине был праздник, а у меня тяжелый камень лежал на сердце. Я спрашивал себя вновь и вновь: правильно ли я поступил, уехав из Мадрида, надо ли было подчиняться этому приказу? Безусловно, я не мог нарушать военные порядки другой страны, но к чести ли советского человека слепо следовать безрассудным приказам?

Я предложил связаться с Мадридом и выяснить обстановку. Вскоре нас соединили со штабом генерала Миаха. Оказалось, что в Мадриде ничего не изменилось - враг стрелял и бомбил, а республиканская артиллерия вела ответный огонь. Мятежники предприняли разведку боем, чтобы выяснить, не покинут ли город. Встретили достойный отпор и откатились. Оборона

столицы с каждым часом усиливалась. Голос, доносившийся из Мадрида, звучал бодро, уверенно. Как бы между прочим было сказано, что республиканцами только что захвачен секретный приказ по войскам мятежников, раскрывающий военные планы противника.

Это сообщение переполнило чашу нашего терпения. Оно как бы послужило сигналом к действию. Мы вскочили в машины и понеслись обратно в Мадрид.

В штабе генерала Миаха царило возбуждение. В этот день республиканцы захватили итальянский легкий танк "Ансальдо". В полевой сумке убитого фашистского офицера был найден оперативный приказ генерала Варела о штурме Мадрида. В приказе были перечислены десять наступающих колонн мятежников, каждой колонне указаны районы сосредоточения, исходное положение для наступления, ближайшие задачи и направления дальнейших действий.

Штаб обороны Мадрида решил активными действиями сорвать наступление противника и разгромить его под стенами города. Правда, при этом по-прежнему далеко не полностью учитывались возможности республиканской артиллерии. Действия артиллеристов предусматривались лишь в день наступления республиканцев, причем на артиллерийскую подготовку отводилось всего 15 минут.

Я сразу же взялся с группой артиллеристов за разработку системы "концентрированного огня" (так называли испанские офицеры сосредоточенный и массированный огонь артиллерии) по всем важным объектам, перечисленным в захваченном приказе генерала Варелы. Силы республиканской артиллерии были весьма скромны, не хватало боеприпасов, поэтому надо было вести огонь экономно, но точно, нанося врагу возможно большие потери.

Мадрид с каждым часом обретал новые силы. В ряды дружинников, защищавших важнейшие подступы к городу, влилось много пожилых рабочих. Они храбро сражались на баррикадах. Жители столицы решили до последней капли крови отстаивать каждую улицу, каждый переулок.

8 ноября продолжались упорные бои с противником. Главный удар мятежники наносили в парке Каса дель Кампо и продвинулись здесь в этот день на полтора километра.

Долгие часы я проводил в башне "Телефоники" - изучал боевые порядки противника, помогал командирам батарей корректировать огонь.

Артиллеристы каким-то путем добыли немецкую звукометрическую станцию фирмы "Симменс", которую вскоре

удалось использовать для засечки стреляющих батарей противника. Данные звуковой разведки перепроверялись с помощью визуального наблюдения с башни "Телефоники". Теперь наш огонь стал еще более точным. Вскоре мы обнаружили, что и противник стреляет по нашим батареям на основе данных звукометрической разведки. Одна из наших батарей занимала огневую позицию на окраине Мадрида и успешно стреляла по фашистам. Мятежники рьяно охотились за ней, но фашистские снаряды обычно ложились на небольшой пустырь, расположенный позади огневых позиций батареи. Мадридские артиллеристы даже огородили этот пустырь и вывесили предупреждающие знаки: "Стой! Здесь смерть!"

Мы задумались, почему так происходит, и пришли к выводу: выстрелы орудий республиканской батареи, расположенной среди городских зданий, образуют искаженную звуковую волну, которая регистрируется вражеской звукометрической аппаратурой. Видимо, вера в технику у фашистов была настолько слепой, что они изо дня в день били в одну и ту же точку, хотя и видели, что огонь их не наносит вреда и республиканские орудия продолжают стрелять.

Атаки следовали за атакой. Участки парка Каса дель Кампо переходили из рук в руки. Ожесточенные бои развернулись у моста Принцессы. Мятежники попытались прорваться в Карабанчеле, у Толедского моста, но партизанский батальон ликвидировал прорыв. Беззаветно сражались бойцы интернациональных бригад, то и дело прибегая к штыковым схваткам.

Артиллерия мятежников, постоянно получая подкрепления из Германии и Италии, усиливала огонь по городу. Непрерывно, днем и ночью, бомбила Мадрид фашистская авиация, поджигая целые кварталы. Это были трагические дни.

Контрнаступление республиканцев в ноябре не удалось. Несмотря на поразительный героизм и самоотверженность бойцов, оно захлебнулось, и все попытки отбросить противника оказались безуспешными.

Но и противник не смог продвинуться вперед. Теперь он стремился при помощи авиации интервентов стереть город с лица земли, сломить боевой дух защитников непрестанными ударами с воздуха и артиллерийскими обстрелами.

Пребывание на башне "Телефоники" становилось день ото дня опаснее. Но никто не покидал боевого поста.

В один из ноябрьских дней мне особенно повезло - я обнаружил в стереотрубу колонну пехоты противника численностью более тысячи человек, располагавшуюся на привал.

Несколько республиканских батарей немедленно получили задачу подготовиться к открытию огня. Они быстро доложили о своей готовности. Когда мятежники собрались на относительно небольшой площади, была дана команда "Огонь!". Снаряды накрыли место привала. Все окуталось дымом и пылью. Когда дым рассеялся, стало видно, что противник понес большие потери.

Как-то я работал в штабе одного из секторов обороны Мадрида. Комната была большая, все говорили громко, непрерывно звонили телефоны. Я обратил внимание на командира в полевой защитной форме, шумно разговаривавшего с начальником штаба. Было видно, что это не испанец, а скорее всего иностранный офицер-доброволец. Когда шумная беседа была закончена, он подошел ко мне, представился на русском языке с иностранным акцентом. Это был командир 2-й Интернациональной бригады генерал Пауль Лукач, он же венгерский писатель Матэ Залка. Генерал был взволнован тем, что штаб отказывает ему в самой элементарной помощи.

- Войдите в мое положение! - темпераментно говорил он. - Завтра бригада вступает в бой, а командир бригады не имеет даже положенного ему револьвера!

Я тотчас расстегнул свой кожаный пояс вместе с револьвером в добротной кобуре и опоясал им своего нового товарища. Генерал Лукач был растроган и объявил меня своим другом на вечные времена.

С тех пор мы часто встречались. Это был интересный, умный, храбрый человек. Мы с ним условились, что если будем обращаться друг к другу с просьбами, то только с самыми серьезными и неотложными - не выполнить такие просьбы нельзя. И я знал, что если Лукач просит добавить ему артиллерии или срочно сосредоточить огонь в том или ином пункте, то это действительно необходимо.

Бригада Лукача, по моему мнению, была одной из лучших среди интернациональных бригад. Бойцы ее проявляли в боях подлинное геройство.

Трагическую гибель генерала Лукача, легендарного командира-интернационалиста, оплакивала вся республиканская Испания, а народ объявил его своим национальным героем.

Добрую славу заслужили интернациональные бригады, руководимые Клебером, Вальтером и другими талантливыми командирами. По ним равнялись, у них учились воевать все бойцы-республиканцы. Но, конечно, главная тяжесть борьбы с мятежниками и интервентами ложилась на испанские бригады и дивизии. Под руководством замечательных командиров -

Листера, Модесто и многих других - они выросли в грозную силу. Вдохновляемые коммунистической партией, рабочие, крестьяне, интеллигенция Испании и прибывающие из многих стран добровольцы-интернационалисты сражались плечом к плечу и проявляли невиданную храбрость в боях за республику, за кровью добытую свободу.

В середине ноября пришла помощь сражающемуся Мадриду из Каталонии: сюда прибыл из-под Сарагосы известный анархист Дурутти с тремя тысячами хорошо вооруженных бойцов. Анархистов называли "рохо-негро" - красно-черными, по цвету их рубашек и головных уборов.

Дурутти объявил, что он со своим войском пришел спасать Мадрид и, как только выполнит эту задачу, сразу же вернется под Сарагосу. Дурутти потребовал себе самостоятельный участок фронта, на котором он всем покажет, как нужно сражаться. Его направили в район Каса дель Кампо.

На следующий день анархисты ринулись в атаку, чтобы выбить из парка засевших там марокканцев.

Однако, несмотря на точные бомбовые удары республиканской авиации и не менее удачную стрельбу артиллерии, атака провалилась. Стоило противнику открыть огонь, как анархисты бросились назад.

Дурутти обещал на следующий день возобновить наступление, но из-за анархического беспорядка и недисциплинированности время было упущено марокканцы сами перешли в наступление и даже проникли в университетский городок, находящийся на окраине Мадрида. На выручку были посланы интернациональные батальоны, однако противник уже успел закрепиться в нескольких зданиях.

Дурутти стал неузнаваем - он осунулся, похудел, был до крайности подавлен сознанием, что его подчиненные пропустили врага на территорию города. Вскоре он погиб от шальной пули.

24 ноября с двух часов ночи на всем Мадридском фронте обороны завязалась ружейно-пулеметная перестрелка, затем включилась и артиллерия. Мятежники начали новое наступление. Особенно опасной была их попытка ворваться в центр Мадрида через университетский городок. Республиканцы встречали врага огнем пулеметов и артиллерии. Испанские и интернациональные батальоны и бригады не раз бросались в контратаки.

Из перехваченного по радио сообщения стало известно, что Франко обещает 25 ноября захватить Мадрид. Началась самая напряженная подготовка республиканской артиллерии по сосредоточению огня на важнейших направлениях.

Это очень пригодилось с рассветом 25 ноября, когда фашисты

усилили натиск. Мятежники сразу почувствовали на себе "концентрированный" да еще перекрестно-фланговый огонь артиллерии обороны Мадрида.

Бой шел непрерывно весь день. К вечеру мы узнали, что в оливковых рощах пригорода сосредоточивается конница, образующая десятую наступающую колонну противника. Несколько наших батарей немедленно обрушили огонь на эти рощи. Все насторожились, многие бинокли были направлены в район, где разрывались снаряды. Вскоре мы увидели, как оттуда вскачь помчались перепуганные кони, в большинстве без всадников. Не описать радости артиллеристов, наблюдавших за этим с башни "Телефоники". Вскоре от пленных стало известно о больших потерях марокканской конницы.

Франко снова просчитался. Мадрид, несмотря на по- тери, не только выстоял и на этот раз, но, по сути дела, одержал победу над хорошо вооруженным врагом. Представители "пятой колонны", как оказалось, в этот день были готовы к выступлению в центре столицы, но из-за неудач фашистов на фронте не посмели поднять головы. Трудящиеся Мадрида, отстояв город, взялись за решительное искоренение предателей.

В поисках пополнений

Силы артиллерии Мадрида все более истощались. Надо было предпринимать самые срочные меры для ее пополнения.

Конечно, никакого производства орудий в республиканской Испании не было. Все надежды возлагались на частные закупки за границей. Прибыли пушки изготовления 1914-1918 годов с большим количеством плохо сохранившихся боеприпасов. Все это было подвергнуто чистке, разборке, смазке и опробованию на полигоне. Перед стрельбой ко мне явился немецкий антифашист-артиллерист, участник первой мировой войны, и сообщил, что некоторые снаряды помечены разноцветными крестами, указывающими на их химическое наполнение. Таких снарядов оказалось значительное количество.

Мне стало не по себе. Какую свистопляску поднимут на Западе, если мы применим химические снаряды! На эту партию наложили вето. Но как проверить содержимое снарядов без соответствующей контрольной базы?

Говорят, голь на выдумки хитра. Был найден весьма простой способ. На импровизированном артиллерийском полигоне одно орудие стреляло прямой наводкой в песчаный карьер. После каждого выстрела мы, сломя голову, мчались на автомашинах нюхать образовавшееся при разрыве облако. К счастью, признаков отравляющих веществ ни разу не обнаружили. После этого все снаряды с подозрительными знаками были срочно направлены на фронт.

Республиканское правительство закупило в СССР около сотни малокалиберных противотанковых пушек. Они были крайне нужны для борьбы с танками. Срочно приступили к подготовке кадров. Я написал небольшую памятку по основам тактики и стрельбы по вражеским танкам.

Легкие и весьма подвижные пушки пользовались заслуженной любовью у республиканской пехоты и применялись не только для борьбы с танками, но и с пулеметными гнездами противника.

Прибыла небольшая партия советских зенитных пушек среднего калибра. Мадридцы встретили их с ликованием. Первые зенитчики города учились с большим увлечением и в кратчайшие

сроки освоили эту сложную технику.

Торжественно проходили боевые стрельбы артиллерии на полигоне. На наблюдательный пункт съехалось много испанских офицеров с женами и детьми. Такова уж здесь традиция. Мне рассказывали, что раньше в Испании практические стрельбы артиллеристов приурочивались обычно ко дню именин короля и проводились залпами при большом скоплении публики.

Стрельбы прошли успешно, и вскоре все батареи убыли на фронт.

К сожалению, теоретический уровень испанских артиллеристов издавна был невысок. Однажды на полигоне готовился к проведению учебной стрельбы молодой командир батареи, математик по образованию. Я немного усложнил задачу:

- В ваш наблюдательный пункт попал снаряд противника, вы и телефонист остались невредимы, уцелела связь, но все артиллерийские приборы оказались уничтоженными. Вы с пункта видите, что ваша батарея на огневой позиции готова и ждет команды для открытия огня. Готовьте исходные данные для стрельбы.

Руководящие офицеры-артиллеристы были удивлены этой вводной, не понимая, как можно действовать в такой обстановке. Однако командир батареи, немного подумав, доложил, что готов к открытию огня. Ему помогла математика. Он все сделал правильно и хорошо провел стрельбу. Мне не раз потом пришлось встречаться с этим офицером в боевой обстановке, он стал отличным командиром и каждый раз вспоминал экзамен, который я ему устроил. Он признался позднее, что после стрельбы испанские артиллерийские начальники вызвали его к себе, и он растолковал им "секрет" своего решения. Между тем в те времена в Красной Армии подобную задачу умели решать даже младшие командиры-артиллеристы.

Трудно было работать без знания испанского языка. А мой переводчик Энрико выполнял свои обязанности весьма небрежно. Обучая как-то группу молодых офицеров наводке орудия, я детально разобрал ошибки каждого. Энрико переводил мои слова очень односложно. На лицах командиров - удивление. Вблизи случайно находилась знакомая переводчица, и я спросил ее, в чем дело.

Она сказала, что Энрико все мои подробные советы излагает одной стандартной фразой: "У вас все плохо!"

Без знания испанского языка нам, советским добровольцам, работать было очень трудно. Мы ведь должны были не только советовать, но и учить тактике, управлению огнем, помогать осваивать иностранные образцы орудий, приборов и боеприпасов.

Приходилось разрабатывать проекты планов боевого применения -артиллерии, правила стрельбы, инструкции и краткие руководства. Все это требовало тщательных переводов на испанский язык. Тут нам оказывали неоценимую помощь советские переводчицы Ю. Фортес, Н. Чегодаева, А. Петрова. М. Зайцева, Л. Самсонова, Л. Константиновская и другие. Своим неутомимым трудом они внесли неоценимый вклад в наше общее дело.

Неизгладимые воспоминания остались у меня от встречи с Хозе Диасом и Долорес Ибаррури в Мурсии.

Говорили о многом. Они живо и интересно рассказали о политической обстановке на Пиренейском полуострове, об испанских рабочих, крестьянах, прогрессивной интеллигенции, о мужественной борьбе испанского народа с мятежниками и интервентами. С грустью и болью говорили о больших нехватках в вооружении и боеприпасах, о том, что неплохо бы иметь в испанской армии сильную артиллерию и надежные кадры офицерского состава.

Прощаясь, Долорес Ибаррури по существующему в Испании обычаю подарила мне сувенир. Это был толстый металлический многоцветный карандаш. Через три года подарок Долорес спас мне жизнь.

Кадры республиканской артиллерии хоть и медленно, но пополнялись. В районе Альманса был создан центр по обучению артиллеристов, а в Лорка военно-артиллерийская школа, готовившая офицеров.

Вспомнив сообразительного математика, успешно стрелявшего на полигоне, я предложил призвать в артиллерию значительную группу молодых математиков и физиков-преподавателей гражданских учебных заведений. Так и было сделано. После короткой подготовки многие из этих молодых научных работников оказались отличными командирами батарей. Я не раз встречал их потом на фронте и видел, как сноровисто они действовали в боевой обстановке.

В Каталонии

Вскоре я был направлен на Каталонский фронт, под Теруэль, где готовилась небольшая наступательная операция. Несмотря на мои настойчивые приглашения, Фуэнтес категорически отказался ехать со мной и лишь пожелал мне вернуться невредимым.

В Барселоне я встретился с членами местного анархического правительства, которые вручили мне мандат на право посещения четырех боевых колонн фронта. На мандате было поставлено 8 печатей, по две на каждую колонну. Он производил в частях магическое действие.

Русский офицер-артиллерист был здесь для всех диковинкой. Ко мне отнеслись сначала настороженно, но вскоре почувствовали, что прибыл человек, искренне желающий помочь им.

В это время анархисты готовились к захвату важного опорного пункта в обороне фашистов, расположенного на кладбище.

Капитан Гольего, начальник артиллерии Каталонского фронта, не возлагал больших надежд на свои подразделения. Он весьма туманно представлял, как артиллерия будет готовить атаку, и сопровождать огнем наступающую пехоту.

Я просил Гольего собрать артиллерийских командиров, которые будут участвовать в операции. Речь пришлось повести с азов. Я, опираясь на опыт нашей армии, рассказал о значении артиллерийской разведки, о роли артиллерийской подготовки, централизованном управлении огнем, приемах огневой поддержки атакующей пехоты. Все это показывалось на карте с учетом конкретной боевой обстановки, реальных сил и средств (еще до беседы мы вместе с Гольего провели рекогносцировку на непривычной для меня гористой местности).

Артиллеристы слушали меня с большим интересом и задали множество вопросов. Высказывались сомнения в осуществимости новой тактики в здешней обстановке. В конце концов решили рискнуть.

Прежде всего, попытались централизовать управление артиллерией. Оказалось, что в артиллерийской подготовке смогут принять участие одиннадцать батарей, но было неизвестно, согласятся ли комитеты колонн хотя бы на время выделить эти батареи в подчинение начальнику артиллерии фронта, отпустят ли снаряды. Капитан Гольего даже сомневался, могут ли все батареи одновременно начать артиллерийскую подготовку.

- Надо знать характер наших командиров батарей! - говорил он горячо. Нельзя насиловать их волю и намерения!

Будучи людьми экспансивными, каталонцы воодушевились новыми замыслами и уговорили комитеты колонн на артиллерийские эксперименты. Началась самая деятельная организация артиллерийской подготовки по русскому образцу. Я не жалел времени, чтобы растолковать своим новым друзьям порядок взаимодействия, сочетания огня и движения, помогал им наладить взаимодействие артиллерии и пехоты.

В день наступления артиллерия одновременно обрушила свой огонь на позиции противника. Артподготовка и перенос огня были выполнены довольно четко. Но атака пехоты была до удивления старомодной. Анархисты двинулись вперед медленно,

без перебежек, сплоченными рядами, в полный рост, как на демонстрации. Из-за каменной ограды кладбища раздалось несколько винтовочных выстрелов, среди анархистов оказалось двое убитых и несколько раненых. Этого было достаточно для того, чтобы колонна остановилась и двинулась назад, неся на руках убитых. Заставить повторить атаку было уже невозможно: анархисты считали необходимым, прежде всего, похоронить погибших товарищей. Соседняя колонна, следуя этому примеру, самовольно отошла в исходное положение.

Какой удачный момент был упущен! Противник, впервые испытав на себе хорошо организованный артиллерийский огонь, был основательно побит и морально подавлен. Не потребовалось бы много усилий, чтобы захватить его опорный пункт. Но все пошло насмарку, бои снова приняли затяжной характер.

На этот участок прибыла рота танков во главе с очень храбрым командиром. Мы вновь провели артподготовку, под прикрытием огня вперед рванулись танки, но пехота никак не хотела идти за ними. Дело доходило до того, что командир танковой роты вылезал из своего танка, шел во весь рост и жестами призывал пехоту двигаться вперед. Но все было безуспешно. Анархическое воспитание и низкая дисциплина делали свое вредное дело.

Однажды из Валенсии приехал знакомый мне волонтер Петрович. Перед наступлением темноты мы отправились на передовой наблюдательный пункт, с которого хорошо просматривались позиции противника.

По пути встретили военного, который нес на плече кипу одеял. Он оказался командиром "центурио" (сотни), его избрали на одну неделю, и он спешил проявить заботу о своих подчиненных. Одеяла предназначались для его солдат.

- Покажите нам фашистов, - попросил Петрович.

Командир сотни положил на землю свою ношу и долго вел нас, крадучись, по пересеченной местности.

Скоро наступили вечерние сумерки. Вдруг наш проводник остановился, показал рукой вперед и чуть слышно шепнул: "Фашиста!"

Оказывается, он подвел нас к самой фашистской траншее, на дне которой теплились угольки, и была видна фигура солдата. Я выхватил револьвер. Мы стали тихо пятиться назад и облегченно вздохнули, когда укрылись в какой-то лощинке. Фашисты нас не заметили, и мы, наконец, вернулись к тому месту, где были оставлены одеяла.

Наш случайный провожатый удивился, услышав от нас корректные упреки в безрассудстве. Испанец, в свою очередь,

обвинил нас в черной неблагодарности: ведь он сделал все, о чем его просили. Просили показать фашистов - он и показал! Нам осталось только сердечно поблагодарить его.

Подобных случаев чрезмерного усердия было немало. Работая как-то в штабе в Седрильяс, я внезапно увидел на своем столе три снаряда. Их вынули из-под плащей офицеры-артиллеристы, приехавшие с поля боя, и водрузили на стол в качестве сувениров. Эти фашистские неразорвавшиеся снаряды были далеко не безопасны, любой из них мог взорваться при малейшем прикосновении. Офицеры были искренне счастливы, что сумели преподнести мне подарки, а я с тревогой думал о том, как теперь с наибольшей безопасностью удалить эти снаряды из штаба. Пришлось освободить здание от людей, пока не были унесены злополучные "сувениры".

Заканчивался 1936 год. 31 декабря весь день шел бой и только к вечеру он затих. Мы возвратились к полуночи в Седрильяс, но в штабе уже никого не оказалось. Нам принесли скромный ужин и вино местного приготовления.

Мы вдвоем с советником В. Я. Колпакчи, тоже советским добровольцем, встретили Новый год. Вспомнилась Москва, и стало грустно. Мы подняли стаканы, произнесли тосты за Родину. Вдруг вошел телефонист и сказал: "Камарадо Вольтер, телефоника Валенсия". Я направился к телефону. Друзья поздравляли с Новым годом и прочли несколько приветственных телеграмм из Москвы. Сообщили о награждении В. Я. Колпакчи и меня орденом Ленина.

Республика наносит удары

В начале 1937 года мне пришлось участвовать в известной Харамской операции. Основной ее целью было нанесение внезапного удара с восточного берега реки Харама по правому флангу вражеских войск, наступавших на Мадрид. Вспомогательный удар намечался из района северо-западнее Мадрида с таким расчетом, чтобы взять в клещи группировку мятежных войск в этом районе.

Подготовка к операции велась тягуче-медленно. Части, выделяемые для участия в наступлении, прибывали с большим опозданием. Разведка боевых порядков противника велась слабо, огневая система фашистской обороны изучалась плохо. Командир республиканской танковой бригады генерал Пабло на совместной рекогносцировке говорил мне:

- Подавите артиллерией противотанковые пушки противника, и мои танки нанесут невиданный удар по врагу!

Я попросил его на местности показать, где и что нужно подавить.

- Вон, видите, три высотки? Бейте по ним. Но в промежутки между ними не стреляйте: там пойдут наши танки, они своим огнем проложат себе дорогу.

Артиллеристы строго выполнили эту заявку. Огневые точки на высотах были нами надежно подавлены, оттуда не выстрелила ни одна противотанковая пушка, но в лощинах республиканские танки наткнулись на сильный огонь малокалиберных пушек и понесли потери.

Канитель с подготовкой к наступлению привела к тому, что противник разгадал замысел республиканцев и решил опередить их. 6 февраля он атаковал наши позиции. У фашистов на этом участке имелось не более десяти батальонов пехоты и сорока орудий разного калибра. У республиканцев к этому времени войск сосредоточилось больше, но они были застигнуты врасплох. В продолжение недели шли кровопролитные бои. Врагу удалось выбить республиканские войска с западного берега Харамы и захватить переправы. Мятежники все время получали подкрепления. К исходу 13 февраля они уже имели до сорока батальонов, около ста орудий и столько же танков. А республиканской армии понадобилась еще целая неделя на перегруппировку и организацию надежного управления войсками.

Артиллерию (70 орудий) мы свели в группы по нескольку батарей. Управление ими с большим трудом удалось централизовать. Заградительный огонь, который одновременно вели до 6-8 батарей, управляемых командиром артиллерийской группы, помогал отражать многократные атаки противника. В то же время наши огневые удары с участием до 3-4 батарей наносили большие потери вражеским резервам.

Мятежники, перед тем как перейти в атаку, обычно проводили длительную - до двух часов, - но довольно бестолковую артиллерийскую подготовку. Республиканские артиллеристы не мешали противнику бесцельно тратить снаряды на обстрел пустых окопов, а сами в это время наносили удары по передовым подразделениям пехоты и наблюдательным пунктам артиллерии мятежников. Этот прием давал неплохие результаты - противник нес потери, терял управление, атаки его проходили вяло и быстро затухали.

Было радостно сознавать, что республиканская артиллерия стала действовать куда более слаженно, повысилась эффективность ее огня, улучшилось взаимодействие с пехотой. Существенную помощь республиканским артиллеристам оказали советские добровольцы Н. П. Гурьев, Я. Е. Извеков, В. И. Гоффе, П. А. Лампель и другие.

Большим событием было появление у нас среднекалиберной

зенитной артиллерии. Ее огонь в сочетании с умелыми действиями истребительной авиации довольно надежно прикрывал войска с воздуха. Самолеты противника теперь днем редко появлялись над полем боя.

Республиканские войска наконец захватили инициативу и перешли в наступление. Но опять сказались недостатки оперативно-тактических решений. Все усилия были направлены на овладение господствующей высотой Пингаррон, находившейся в руках мятежников. Вместо того чтобы попытаться обойти ее, войска штурмовали в лоб эту отлично укрепленную позицию. Много раз после длительной артиллерийской подготовки и авиационных налетов войска атаковали высоту, частично захватывали ее, а потом вновь откатывались, неся большие потери.

С 28 февраля обе стороны перешли к обороне.

Харамская операция, хотя и не оправдала возлагавшихся на нее надежд, принесла пользу. Она выявила недостатки в боевой подготовке республиканских вооруженных сил, показала, что необходимо настойчиво учить войска прорывать оборону противника и развивать успех.

В это время поступили тревожные сообщения: Германия и Италия перешли к открытой интервенции; они не только усиленно помогали Франко вооружением и боевой техникой, но и посылали в Испанию свои войска.

Пока шли бои на реке Хараме, итальянцы сосредоточили свой экспедиционный корпус под Гвадалахарой, северо-восточнее Мадрида. Франко и его генералы были уверены, что после Харамской битвы республиканцы израсходовали все свои резервы и не смогут оказать сопротивление хорошо вооруженным итальянским интервентам. Итальянцы настолько были убеждены в своей победе, что захватили с собой парадные мундиры для участия в празднествах после захвата Мадрида.

Итальянский корпус состоял из четырех дивизий, в том числе одной полностью моторизованной, из двух смешанных испано-итальянских бригад, каждая из которых по численности могла быть приравнена к дивизии. Корпус насчитывал 60000 человек, 1800 пулеметов, 250 орудий, 140 танков и броневиков, 120 самолетов, 5000 автомашин. Все это было сосредоточено перед фронтом 12-й республиканской пехотной дивизии, имевшей всего 10000 человек с 85 пулеметами и 15 орудиями.

Противник начал наступление 8 марта. Республиканское командование в то время еще не знало действительных сил врага и преуменьшало его возможности. Началась перегруппировка войск. На опасное направление выдвигались лучшие части

Центрального фронта во главе с прославленными командирами Листером, Модесто, Нанетти. Они образовали новый 4-й армейский корпус в составе 11, 12 и 14-й дивизий численностью до 30 000 человек. Он имел 360 пулеметов, 39 орудий, 54 танка, 70 - 75 самолетов.

В ночь на 11 марта батальон имени Гарибальди захватил штаб пулеметного батальона итальянской дивизии "Литторио". Командир батальона майор Лучиано, оказавшийся в числе плененных, знал намного больше, чем ему полагалось по его скромной должности. Человек болтливый, он сообщил на допросе ценнейшие сведения. Республиканскому командованию стало известно о численности и вооружении итальянского корпуса, его боевых порядках. Это сразу облегчило нам дело, помогло правильно расставить силы, использовать маневр.

Заносчивые итальянские генералы недооценивали возможностей республиканцев. Наступать они стремились по дорогам, избегали действий на широком фронте. Это давало испанским войскам возможность активно маневрировать силами. С первых же дней боев на противника стал наводить страх огонь малочисленной артиллерии, бомбежки с воздуха и танковые атаки республиканцев.

Итальянцев подводило обилие автотранспорта. Как-то я прибыл на наблюдательный пункт одной из батарей Интернациональной бригады. Видимость с чердака домика была отличная. Отсюда просматривалась дорога, на большом протяжении забитая автомашинами, стоявшими вплотную друг к другу в несколько рядов. На машинах было много солдат - не менее полка.

- Что вы медлите? Открывайте огонь, - сказал я командиру. Тот ответил, что на огневой позиции осталось всего лишь 50 снарядов - неприкосновенный запас, который он не имеет права расходовать без специального разрешения.

- Стреляйте,- настаивал я.- Ответственность будем делить вместе.

Трудно описать, какое действие произвели полсотни снарядов, полетевших в скопище вражеских машин. Десятки грузовиков запылали. В бинокль было видно, как в ужасе разбегаются в разные стороны уцелевшие солдаты и офицеры.

Я горячо поздравил командира батареи, венгерского волонтера Реже Санто, с боевым успехом и сфотографировал его. После окончания боев подарил ему фотографию с надписью: "Отличному артиллеристу республиканской артиллерии. Вольтер. Март 1937 года".

Впоследствии мы встретились в Москве с этим славным

товарищем. Он вынул из бокового кармана конвертик из прочного пергамента и показал фотокарточку. Мы долго вспоминали Испанию, наших боевых друзей.

Республиканские войска наносили интервентам удар за ударом. Подходили новые резервы, включаясь в бои. Солдаты Муссолини наталкивались на жесткую оборону, на сокрушительный огонь. Республиканцы захватывали итальянские танки, автомашины, пушки, брали пленных. Воодушевление войск нарастало. Бойцы сражались, не жалея жизни.

На фронт прибыла передвижная радиовещательная установка. На много километров был слышен ее голос. "Не верьте фашистской пропаганде, смело сдавайтесь в плен, иначе вам не унести ног из Испании!" - предлагалось итальянским солдатам. Эти выступления имели успех. Усилился поток перебежчиков. Много хлопот доставила наша радиоустановка фашистскому командованию. Ей приходилось постоянно менять свои позиции, чтобы не пострадать от артиллерийского огня, так как противник неотступно охотился за ней.

Четверо суток напряженных боев стоили интервентам огромных потерь. Войска их были морально подавлены. Командир итальянского корпуса генерал Манцини вечером 12 марта отдал приказ о прекращении дальнейшего наступления и о переходе к обороне. Это, по сути дела, решило исход всей операции.

Еще не зная о новом приказе итальянского генерала, республиканцы уже на другой день почувствовали перемены. Они начали натыкаться на войска противника, явно не собиравшиеся наступать и в то же время не готовые к. обороне. При первом же ударе они обращались в бегство.

19 марта началось наше стремительное наступление. После непродолжительной артиллерийской подготовки и мощного налета авиации республиканские части решительным штурмом взяли город Бриуэга. Итальянцы откатились. Наши войска захватили много пушек, автомобилей, боеприпасов и даже фашистские знамена. По дорогам потянулись толпы пленных. А республиканские войска все наносили удары. "Завоеватели" бесславно удирали, показывая пятки...

Еще несколько дней боев - и победа одержана, победа малыми силами над превосходящим противником. Вся Республика отметила эту победу как большой праздник.

Мог ли я подумать тогда, что через пять лет мне придется снова иметь дело с итальянской армией, но уже на среднем Дону и что полученный мною боевой опыт весьма пригодится при защите Родины?!

Бои все шли. Слишком неравным было соотношение сил.

Интервенты беспрерывно получали подкрепления. Фашистские правительства Германии и Италии во все возрастающих размерах поставляли мятежникам оружие и технику. А республиканская армия испытывала нужду во всем. Пресловутая политика "невмешательства", которую проводили Англия и Франция, являлась, по существу, предательством по отношению к законному республиканскому правительству и героическому народу Испании.

С конца апреля 1937 года мятежники предприняли наступление на Северном фронте. Весь май здесь продолжались упорные бои. Республиканские войска несли большие потери из-за почти полного отсутствия артиллерии, танков и самолетов. Баскония была изолирована от остальной республиканской Испании, испытывала серьезные трудности в материальном обеспечении по вине правительства Ларго Кабальеро, не оказавшего своевременно помощи басконцам. Теперь мятежные генералы спешили как можно скорее ликвидировать Северный фронт.

В мае вспыхнул мятеж в Барселоне, сорганизованный "поумовцами" троцкистами, к которым примкнул кое-кто из анархистов. Ларго Кабальеро своими действиями стремился нарушить единство партий, которые поддерживали республиканское правительство. Он тормозил реорганизацию армии, противился созданию новых формирований и развалил тыл армии. По решительному настоянию Коммунистической партии Испании Ларго Кабальеро был отстранен от управления. Главой нового правительства стал Негрин, который отменил преступные решения, принятые Ларго Кабальеро. Всем сразу стало легче работать.

Еще в мае стал разрабатываться план крупной наступательной операции на брюнетском направлении с целью разгрома фашистского корпуса, продолжавшего осаждать Мадрид. Для этой операции намечалось привлечь максимальное количество артиллерии. Я участвовал лишь в предварительной разработке этой операции.

В Испании мне приходилось часто встречаться с замечательным коммунистом Яном Карловичем Берзиным - старшим военным советником. Сменил его Григорий Михайлович Штерн, талантливый общевойсковой командир, смелый, решительный и дальновидный.

В июне я получил указание возвратиться в Москву. Фуэнтес был огорчен моим отъездом и сказал, что просто не представляет, как теперь без меня будет работать...

Свои обязанности сдал нашему добровольцу, хорошему

командиру-артиллеристу Н. А. Кличу.

Самые светлые воспоминания остались у меня о боевых друзьях, советских добровольцах-артиллеристах, которые вместе со мной работали советниками в республиканской армии,- о А. П. Фомине, В. И. Димитрове, В. И. Гоффе, Э. В. Тойко, Н. П. Гурьеве, Я.Е. Извекове, П. А. Лампеле и других. Все они много и плодотворно трудились на фронте и в артиллерийских тылах, под огнем обучали испанских товарищей, передавали им свой опыт.

Нам полюбился испанский народ, мы горели желанием с честью выполнить наш интернациональный долг - помочь республиканской Испании отстоять свою свободу и независимость.

В последний раз я объехал артиллерийские позиции, учебные заведения, побывал на башне "Телефоники", сердечно распрощался с многочисленными боевыми друзьями по фронту, ставшими мне родными и близкими.

По странной случайности, выезжая из Мадрида, я попал под бомбежку авиации противника. Налеты вражеских самолетов преследовали нас на всем пути - в Таранконе, Валенсии, Барселоне и даже в Порт-Боу.

Перед бурей

Высокий пост

Немало приятных новостей ожидало нас в Москве. Прежде всего, группу товарищей, вернувшихся из Испании,- Д. Г. Павлова, Я. В. Смушкевича, И. И. Копеца, К. М. Гусева и меня - сразу же принял нарком обороны и попросил подготовить выводы и предложения, вытекающие из боев в Испании, чтобы доложить членам Политбюро ЦК партии о нашем боевом опыте.

- Устали, товарищи? - спросил в заключение К. Е. Ворошилов и тут же добавил: - Но отдыхать сейчас не время, на отпуск и не рассчитывайте!

К вечеру того же дня мы были в Кремле - все в гражданских костюмах, с записными книжками в руках: каждый набросал краткий конспект своего сообщения на столь ответственном заседании. Конечно, все изрядно волновались - ведь впервые в жизни предстояло выступать перед руководителями партии и правительства.

Нас пригласили в зал заседаний. Сразу же завязался деловой разговор. Я. В. Смушкевич рассказал о действиях авиации в Испании, Д. Г. Павлов - о действиях танков, я - о боевом применении артиллерии. Старался выделить возросшую роль наземной и зенитной артиллерии в современной войне. Члены Политбюро задали много вопросов. Их интересовало, как комплектовалась и оснащалась артиллерия Испании, в чем

проявились недочеты в действиях итальянского экспедиционного корпуса. Затем летчики И. И. Конец и К. М. Гусев рассказали о проведенных ими воздушных боях.

После того как наши доклады были выслушаны, нарком предложил поблагодарить нас за выступления и на этом закрыть заседание, а все остальное решить завтра.

- Зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? - послышался возглас Сталина.- У нас ведь все уже предрешено. Нужно это сейчас же объявить.

Мы получили новые - воинские звания, но не очередные, а через одну ступень. Мне, в частности, было присвоено звание "комкор".

Затем пошла речь о новых назначениях. Павлов был утвержден заместителем начальника Бронетанкового управления Красной Армии, Смушкевич - заместителем начальника Военно-воздушных сил. А я - начальником артиллерии Красной Армии.

Должно быть, у всех нас был очень удивленный и растерянный вид. Члены Политбюро подходили к нам, жали руки, отечески напутствовали, ободряли.

- А теперь в отпуск!- сказали нам.- Берите свои семьи и отправляйтесь на юг. Потом с новыми силами приступите к работе.

Я вышел с этого заседания с тревогой в душе. Хватит ли у меня данных, чтобы руководить всей советской артиллерией? Но отступать уже было нельзя...

Начинался новый период в моей жизни.

Перед отъездом в Сочи начальник Генерального штаба А. И. Егоров вручил мне проект второй части боевого устава артиллерии и предложил на досуге подготовить замечания и предложения по этому проекту. Можно представить, какой у меня был отдых!

Весь месяц в Сочи я напряженно трудился. Стояли жаркие, душные июльские дни. Раздумья о судьбах нашей артиллерии, о ее дальнейшем совершенствовании захватили меня. Я еще не знал ни объема своей новой работы, ни обстановки в наркомате. Все казалось загадочным и сложным. Как вести новые дела, за что, прежде всего, взяться? Об этом думалось непрерывно. Запершись в комнате, я начал набрасывать программу своих действий.

Чем в то время была вооружена наша артиллерия?

Батальоны имели 45-миллиметровые пушки образца 1932/37 гг. на раздвижном лафете. Полки - 76-миллиметровые полковые пушки образца 1927 года на коробчатом лафете. Дивизионная артиллерия состояла из 76-миллиметровых дивизионных пушек

образца 1902/30 гг., со стволом в 40 калибров на коробчатом лафете, 76-миллиметровых дивизионных пушек образца 1936 года (Ф-22) на раздвижном лафете и 122-миллиметровых гаубиц образца 1910/30 гг.

Все эти орудия были на конной тяге.

Корпусная артиллерия имела на вооружении 107-миллиметровые пушки образца 1910/30 гг. на коробчатом лафете и на конной тяге. На замену им поступала 122-миллиметровая пушка образца 1931 года на раздвижном лафете и на механической тяге. Снаряд к ней долго дорабатывался, чтобы получить нужные баллистические качества. Имелись еще 152-миллиметровые гаубицы образца 1909/30 гг. на конной тяге. На смену им поступала 152-миллиметровая пушка-гаубица образца 1937 года на раздвижном лафете и на механической тяге.

Артиллерия большой и особой мощности состояла из 152-миллиметровых пушек образца 1935 года и 203-миллиметровых гаубиц образца 1931 года (и те и другие на коробчато-гусеничном лафете и на механической тяге), а также 305-миллиметровых гаубиц образца 1915 года - разборных, перевозимых по железной дороге.

Минометов на вооружении не было.

Даже такой краткий перечень довольно полно характеризует нашу артиллерию тех лет и определяет многие проблемы, которые следовало решать без промедлений. Надо было повышать дальнобойность и мощность орудий и в то же время увеличивать их маневренность. Конная тяга, конечно, уже не могла удовлетворить нас. Создание новых систем, новых боеприпасов являлось сложнейшей задачей. Но задача эта, пусть страшно трудная, был а вполне разрешимой: промышленность наша бурно развивалась в результате выполнения грандиозных пятилеток.

Моим неизменным партнером на теннисных кортах в Сочи был А. И. Верховский, профессор Академии имени М. В. Фрунзе. Но часто мы забывали о ракетках и затевали бесконечные опоры о дальнейшем развитии оперативного искусства. Верховский был увлечен бурным развитием танков и авиации. Возлагая на них все надежды, он невольно умалял значение артиллерии. Бурные перепалки с ним натолкнули на мысль, что прежде всего надо дать отповедь теоретикам, которые считают артиллерию второстепенным, чуть ли не отмирающим родом войск.

Да, будущая война будет маневренной, с массированным применением танков и авиации. Что же может явиться барьером для этих новейших средств войны? Такого заслона, кроме артиллерии, не существовало.

Рост советской наземной и зенитной артиллерии должен

идти в ногу с бурным развитием танковых и авиационных сил. Пусть за границей шумят об отмирании артиллерии - мы пойдем своим путем.

Я был настолько убежден в этом, что принялся составлять планы самого широкого развития артиллерии всех систем и калибров. Надо было, прежде всего, немедленно браться за разработку таких орудий, которые способны пробить любую танковую броню. Броня у танков все более утолщалась. Значит, следует непрерывно совершенствовать орудия, чтобы обеспечить победу снаряда над броней. Я ставил себе задачу - ни на минуту не ослаблять контроля за улучшением наших орудий, за созданием новых мощных бронебойных снарядов. Противотанковая артиллерия Красной Армии должна быть первоклассной!

Уходила в прошлое конная тяга артиллерии. Чтобы поспевать за танками, орудиям нужны механические тягачи.

Но больше всего партия требовала думать о кадрах, о воспитании и правильной их расстановке. Было ясно, что подготовку командного состава артиллерии надо вести не только в военных училищах, на курсах усовершенствования и в артиллерийской академии, но и на специальных сборах, где командиры могли бы выработать единство взглядов, ознакомиться со всем новым, что есть в военном искусстве, научиться эффективно использовать технику.

Вновь и вновь обсуждали мы в кругу артиллеристов уроки боев в Испании.

Необходимо было добиться полного единства взглядов на развитие и боевое использование артиллерии. Артиллеристы страны взялись за разработку новых, отвечающих современным требованиям уставов, наставлений, инструкций - единых и твердых воинских законов.

Развернулась деятельная работа по созданию нового вооружения и боевой техники. На пленумах артиллерийского комитета ГАУ обсуждались теоретические вопросы, рассматривались тактико-технические данные будущих образцов артиллерийского вооружения. В этих обсуждениях участвовали строевые командиры, виднейшие ученые, известные конструкторы, представители министерств, производящих артиллерийское вооружение.

В этой большой и ответственной работе очень помог заместитель Народного комиссара оборонной промышленности, а с 1939 года Народный комиссар Б. Л. Ванников со своим большим практическим опытом и постоянным стремлением к новому. С первой встречи у нас установились хорошие, дружеские

отношения. Задача перед нами стояла тяжелая - в кратчайшие сроки наладить массовое производство орудий и минометов различных калибров, с высокими боевыми качествами, с большой живучестью. Г. И. Кулик и некоторые его приближенные вдруг поставили перед промышленностью задачу производить красивые орудия. Борис Львович разъяснил всю несуразность этого требования и предупредил меня, что ненужная красивость пойдет за счет значительного снижения количества производимых орудий. Для меня, начальника артиллерии Красной Армии, количество имело очень большое значение. Вскоре выяснилось, что погоня за показной красотой, прилизанностью орудий привела бы к сокращению производства орудий на 20 процентов.

Приняли разумное решение: производство добротных орудий постепенно увеличивать, боевые качества их должны быть высокими, это - главное. Великая Отечественная война полностью подтвердила правильность принятого решения.

На случай войны мы должны быть готовы к применению крупных артиллерийских масс, к созданию больших артиллерийских группировок на главных направлениях, должны иметь мощный резерв артиллерии в руках верховного командования.

К началу 1938 года мы уже разработали план-систему вооружения артиллерии, пехоты, танков и противовоздушной обороны, начиная от пистолета и кончая полевыми орудиями 305-миллиметрового калибра. Этот документ имел важное значение, в нем, как в зеркале, отражалась возросшая мощь нашей социалистической индустрии. В плане наряду со стройной гаммой орудий различного предназначения впервые в истории отечественной артиллерии была предусмотрена такая же стройная гамма минометов различных калибров до особой мощности включительно.

На полигоне проводились опытные стрельбы артиллерии большой и особой мощности. Они дали много ценных данных, в частности о способах разрушения долговременных огневых точек.

Еще в 1936 году была испытана и принята на вооружение 76-миллиметровая пушка Ф-22 известного конструктора В. Г. Грабина вместо модернизированной пушки такого же калибра образца 1902/30 гг. Новая пушка имела раздвижной лафет, большие утлы горизонтального и вертикального обстрела, раздельную наводку для ускорения стрельбы с закрытых позиций. Однако она страдала рядом конструктивных недостатков. Начались дополнительные испытания в зимних условиях. Комиссия под моим председательством записала в акте испытаний, что новое орудие нуждается в дальнейшем

совершенствовании и пока не может быть принято на вооружение Красной Армии.

Это заключение вызвало в Москве недоброжелательную реакцию. Дело разбиралось в высших инстанциях с участием руководящих работников наркомата обороны, промышленности и конструкторов. После моего краткого доклада нарком оборонной промышленности пытался взять под сомнение наши выводы и всячески старался восхвалять свое детище. Военные молчали. Нарком обороны был раздражен моим докладом: на него, видимо, подействовали выступления представителей промышленности. А меня до крайности удивляло, как могли эти товарищи расхваливать свою явно недоброкачественную продукцию.

Дело оборачивалось круто. Я было уже решил, что на этом и закончится моя работа в центральном аппарате наркомата обороны. Но поддержали представители ЦК партии.

- Производство пушек - не производство мыла! - сказали они.- Нужно прислушиваться к критике, нужно устранить у пушки все обнаруженные недостатки, чтобы она стала боеспособной...

Была создана комиссия, в состав которой включили и меня. Ей поручалось еще раз все взвесить и подготовить соответствующее решение. Я облегченно вздохнул: Одержана трудная победа в борьбе за качество военной продукции.

Для выбора лучшего образца провели длительные параллельные испытания четырех пушек: штатной образца 1902/30 гг., Ф-22, Л-10 и еще одной. Испытания проводились по большой программе: с пробегами, длительным ведением огня, стрельбами на кучность боя и на предельные дальности, проверкой скорострельности по подвижным целям. После этого на одном из подмосковных полигонов пушку Ф-22 показали в стрельбе К. Е. Ворошилову. Он воочию убедился в ее недостатках, и только тогда было принято решение о доработке этого образца. Одновременно ГАУ заказало промышленности проектирование новой дивизионной пушки со значительно меньшим весом. Тому же В. Г. Грабину позже удалось создать орудие, получившее название "УСВ", которое после испытаний приняли на вооружение.

В связи с переводом орудий на механическую тягу требовалось большое количество гусеничных тягачей. Однако машины этого типа, выпускавшиеся в небольшом количестве, имели серьезные конструктивные и производственные недостатки. Их производством занимались танковые заводы, и без того перегруженные. Мы предложили создать специальные заводы по производству гусеничных тягачей новых конструкций, полностью отвечающих современным требованиям. Однако

начальник ГАУ Г. И. Кулик и начальник автобронетанкового управления Д. Г. Павлов выступили против этого предложения. Они заверили, что и существующие заводы полностью удовлетворят наши заявки. К сожалению, их заверения остались пустым звуком. До сих пор не могу себе простить, что не добился осуществления этого предложения. Два завода на Урале могли быть построены уже к концу 1939 года, и задолго до начала войны мы получили бы их продукцию, столь нужную для нашей артиллерии.

На практических стрельбах выяснилась относительная слабость действия снаряда 76-миллиметровой зенитной пушки. Решено было приступить к конструированию нового орудия калибром 100 миллиметров. Лучшие артиллерийские конструкторы создали первые опытные образцы таких пушек. Но начальника ГАУ Г. И. Кулика смущало то, что эти орудия имели вес на 400-500 килограммов больше утвержденного правительством. Уменьшить вес не представлялось возможным без снижения прочности орудий. Кулик побоялся доложить правительству об этих расхождениях постановления с практикой. В результате 100-миллиметровые зенитные пушки не были приняты в производство, и мы вступили в войну, не имея мощной зенитной артиллерии.

Как-то вместе с Куликом побывали на заводе, производившем 76-миллиметровые зенитные пушки. Возникла мысль, нельзя ли, пользуясь большим запасом прочности лафета этого орудия, наложить ствол большего калибра? Идея была тут же подхвачена конструкторами и инженерами. При нас они произвели предварительные расчеты. Оказалось, что есть полная возможность увеличить калибр ствола на 9 миллиметров. Так появилось на свет зенитное орудие 85-миллиметрового калибра образца 1939 года. К нему были сконструированы снаряд, гильза и заряд. Конечно, это орудие не могло по своим тактико-техническим характеристикам заменить мощную стомиллиметровую пушку, но другого пока не было.

Все шире привлекались научные силы к конструированию и производству новых орудий, минометов, приборов, боеприпасов. В Ленинграде находилась Артиллерийская академия имени Ф. Э. Дзержинского, имевшая в своем составе большой коллектив ученых, но оторванная от заводов, конструкторских бюро и военных учреждений. Правительство пошло нам навстречу и приняло решение о переводе академии в Москву, создало хорошие условия для ее работы. Начальники артиллерии РККА и ГАУ могли теперь опираться на мощный коллектив ученых, который стал активнее помогать в создании нового

артиллерийского вооружения и техники.

В присутствии наркома обороны мы на подмосковном полигоне испытали опытные образцы реактивной артиллерии. Новое залповое оружие произвело сильное впечатление, но бросились в глаза и его недостатки - значительное рассеивание снарядов, трудность маскировки огневой позиции во время стрельбы. Несмотря на это, опытный образец получил положительную оценку.

Нам указали держать новое оружие в строгом секрете, быстро совершенствовать его, но на массовое производство поставить лишь в предвидении войны. Предложили заняться конструированием для него осколочно-фугасного снаряда. Как сожалели мы потом, что своевременно не приступили к производству этих грозных установок, не подготовили для них необходимые кадры!

Но мне тогда казалось, что доведение опытных образцов установок и снарядов займет много времени и что все это должен сделать коллектив, работавший над новым видом вооружения. Безусловно, я недооценил этого оружия. Вот почему все опытные работы остались с намеченным ранее боевым предназначением в руках прежних начальников.

Важнейшей задачей была подготовка командного состава артиллерии. Текучесть в личном составе подчас принимала угрожающие размеры. Стоило немалого труда добиться, чтобы все назначения и перемещения старшего звена командного состава артиллерии производились только с нашего ведома, чтобы все артиллерийские военно-учебные заведения подчинялись единому центру. На нас была возложена переаттестация нескольких десятков тысяч артиллерийских командиров, находившихся в запасе, что помогло правильнее решить вопрос об усовершенствовании знаний и навыков этой категории командного состава.

В 1937 году в результате произвола, порожденного культом личности Сталина, были оклеветаны и погибли многие преданные делу партии работники, коммунисты и беспартийные. Большие потери в кадрах командного состава понесла и наша артиллерия. Много опытнейших командиров было дискредитировано, опорочено, уволено из рядов армии и репрессировано.

В середине декабря я послал личное письмо Народному комиссару обороны, в котором взял под сомнение огульные обвинения комсостава артиллерии и привел для примера десять фамилий хорошо мне известных командиров, которые подлежали увольнению из армии. За них я ручался головой, просил

вмешаться и оказать помощь. По моему настоянию все десять артиллеристов были оставлены в армии. Впоследствии, в годы Великой Отечественной войны, они зарекомендовали себя отличными боевыми командирами.

Излишняя подозрительность доходила до нелепостей. Из одного военного округа пришло, например, донесение, что штыки у пехотных винтовок стали гнуться, они явно "вредительские" и для боя не пригодны. Специальная комиссия из Москвы на месте установила, что шум о негодных штыках поднял какой-то оружейный техник. Однажды ему взбрело в голову зажать конец штыка в больших стационарных тисках и попытаться, опираясь всем телом на ложе винтовки, погнуть штык. Это ему удалось. Вот и поднялась тревога. После тщательной проверки комиссия установила, что штыки имели большой запас прочности и были вполне пригодны для боя.

В одном из отдаленных военных округов получили рабочие чертежи деревоземляных блиндажей для полигонов. Начальник артиллерии округа заявил, что эти чертежи, поступившие из инженерного ведомства, являются вредительскими. Я затребовал их. Блиндажи для размещения полигонных команд, наблюдающих за ходом стрельб, должны были надежно выдерживать одно прямое попадание 152-миллиметрового снаряда. По документам же было установлено, что блиндажи разрушались лишь при третьем, четвертом и пятом прямых попаданиях. Таким образом, их прочность оказалась выше возможных ожиданий. Пришлось разъяснить всю нелепость и вздорность обвинений. Как виновато и неловко себя чувствовали потом эти "искатели вредительства"!

Артиллерийские училища нуждались в добротных стабильных учебниках. Было решено создать учебник "Артиллерия" в 10-12 книгах. Коллектив авторов возглавил отличный знаток артиллерии, один из старейших военных педагогов А. Д. Блинов. В процессе работы над учебником я предложил, прежде всего, издать первый, вводный том, в котором собрать все важнейшие сведения об артиллерии. Расчет был такой: в случае надобности в ускоренной подготовке командиров-артиллеристов этот том должен обеспечить прохождение курса обучения по сокращенной программе.

Все издание несколько затянулось, но хорошо уже то, что первый том вышел из печати накануне Великой Отечественной войны. Он сыграл большую роль в подготовке молодых артиллерийских командиров для фронта.

На Дальнем Востоке

В конце июля 1938 года японцы начали провокации у озера Хасан. С началом военных действий в этом районе нарком

обороны предложил мне вместе с группой офицеров выехать на Дальний Восток, чтобы оказать необходимую помощь артиллерийским частям. Может случиться, что к нашему приезду боевые действия уже закончатся (нарком приказал ехать поездом). Тогда мы должны будем провести проверку боевой подготовки войск Дальнего Востока вдоль всей границы от Благовещенска до острова Русского на Тихом океане. Одновременно с теми же задачами туда направлялась группа общевойсковых командиров во главе с начальником управления боевой подготовки В. Н. Курдюмовым. Мы решили объединиться и работать совместно.

Прибыв в Хабаровск, мы узнали об успешном окончании боев в районе озера Хасан. Командующий войсками Дальнего Востока Маршал Советского Союза В. К. Блюхер рассказал нам, как развивались события.

Советские воины проявили беспримерный массовый героизм. Оказались на высоте и наши командиры. И все же в ходе боев вскрылись существенные недостатки в обучении войск. Прежде всего, мобилизационная готовность частей была недостаточно высокой. Как отмечал позднее нарком обороны, действия войск не были молниеносными и четкими, в особенности в организации взаимодействия и нанесения концентрированного удара. В боевой подготовке допускалось много условностей. Недостаточно четко работали штабы.

Я спросил Василия Константиновича:

- Что нового было обнаружено в действиях японской артиллерии?

Он ответил, что противник прибег к новинке: стрельбой отдельными орудиями вводил в заблуждение наших командиров, и потому мы посчитали, что у него больше артиллерии, чем было на самом деле... Я взял со стола командующего наш новый боевой устав артиллерии и прочел статьи, в которых говорилось о действиях кочующих орудий. Это оказалось для него не меньшей новостью. В том была и моя вина: я не принял мер, чтобы в достаточной мере познакомить общевойсковых командиров с нашими новыми артиллерийскими уставами.

Работали мы напряженно. На автомашинах, поездах, верхом на лошадях, на полуглиссерах, лодках, пешком добирались до самых отдаленных гарнизонов. Проверяли строго и сразу же оказывали помощь в устранении недочетов.

В ряде частей и подразделений процветали условности и упрощенчество в боевой подготовке. Например, артиллерия одной из стрелковых дивизий проводила учебные стрельбы прямо из своего лагеря, занимая огневые позиции возле передней

линейки. Наблюдательные пункты располагались на небольшом удалении впереди. Стрельбы велись в район полигона, где была установлена постоянная мишенная обстановка.

Когда мне стало известно об этом, я поставил начальнику полигона задачу: выбрать в тайге удобный район для создания новой мишенной обстановки, а места для огневых позиций вынести на 20-25 км от лагеря, причем всю эту работу провести в строгой секретности.

Когда новый район для стрельбы был подготовлен, за три часа до рассвета раздался сигнал боевой тревоги. Артиллерийские части и подразделения двинулись; маршем в тайгу. В заданном районе они развернулись, командиры доложили о готовности к открытию огня. Я дал указание начать пристрелку реперов. Через 15-20 минут посыпались доклады о том, что пристрелка произведена. Однако за это время не раздалось ни одного выстрела, никто не видел ни одного разрыва: все производилось "условно". Я отдал приказ провести пристрелку боевыми выстрелами. До сих пор помню растерянность командиров. Стрельба шла медленно, общепринятые нормы не соблюдались.

К концу учения начался сильный дальневосточный ливень. Дороги стали ужасными. Ночной марш в таких условиях был нелегок. Артиллеристы на опыте убедились, что учиться, как раньше, нельзя.

Надо все же отдать должное дальневосточникам: в большинстве частей и подразделений учеба была поставлена по-настоящему, уставные требования и инструкции выполнялись строго.

Тщательная проверка боевой подготовки, а затем повторный контроль встряхнули всех. А мы, возвратившись в Москву, доложили о том, с чем встретились в дальневосточных войсках. В армии развернулась борьба с упрощенчеством в боевой подготовке. Занятия и учения стали все чаще проводиться в условиях, близких к боевым.

В эти годы все более широкое хождение приобретали взгляды о том, что мы будем вести наступательные бои на территории врага с "малой кровью". Поэтому мало внимания уделялось отработке оборонительного боя. Были сильны тенденции к линейному построению обороны, недооценивалось создание глубоко эшелонированных оборонительных полос и опорных пунктов. Все эти недостатки обнаружились, к сожалению, поздно,- когда устранение их потребовало огромного напряжения и жертв.

Халхин-Гол

В июне 1939 года империалистическая Япония внезапно

напала на дружественную нам Монгольскую Народную Республику. Монгольские и советские войска вступили в бой с агрессором. Группа ответственных работников наркомата обороны во главе с заместителем наркома Г. И. Куликом была направлена в район Халхин-Гола. В состав этой группы вошел и я.

Мы вылетели на самолете Си-47. Отлет задержался почти на 40 минут в связи с тем, что мне никак не могли подобрать парашют. Бесконечные примерки надоели, и я пошел на хитрость - так сгорбился, что лямки оказались по фигуре. Потом удивлялись: зачем нас мучили этими примерками? Когда мы уселись в кабине, наши парашюты забросили на полку. Летчик предупредил: дверь в воздухе открыть невозможно, ее сильно прижимает потоком воздуха. А окна в самолете такие маленькие, что в них и без парашюта не протиснешься.

Полет был длительным, с несколькими посадками.

Наконец мы у цели. На полевом аэродроме стояли новейшие по тем временам бомбардировщики и истребители с красными звездами на крыльях. Мы долго кружились над аэродромом: в районе посадочной полосы авиаторы на мотоциклах гонялись за верблюдами, упорно не желавшими покидать зеленую лужайку. Наконец упрямцев все-таки удалось прогнать, и самолет благополучно приземлился.

Быстро смеркалось. Нам предстоял длительный путь по степи в район Хамар-Даба, где был командный пункт. Две передовые машины на большой скорости быстро исчезли из виду. Водитель нашей арьергардной машины объяснил, что к Хамар-Даба идут две дороги, причем одна из них короче на 30 километров. Нам не удалось догнать ушедшие вперед автомашины. Наступила абсолютная темнота. Тогда было принято решение ехать по более длинной дороге: вдоль нее стояли телеграфные столбы, и мы, по крайней мере, не рисковали заблудиться.

На командном пункте узнали, что две автомашины, двигавшиеся впереди нас, еще не прибыли, и мы, естественно, начали беспокоиться. Вести розыски ночью не имело смысла. По всем телефонам было передано предупреждение войскам и пограничникам.

Спутники наши явились на рассвете. Ночью они сбились с пути, ушли в сторону озера Буин-Нур, и их задержали пограничники на монголо-китайской границе.

Командный пункт располагался на господствующей высоте Хамар-Даба. Оттуда отличная видимость по фронту и в глубину, хорошо просматриваются расположение противника и боевые порядки наших войск. Решили создать здесь пункт централизованного управления артиллерийским огнем.

На следующий день съездил на Баин-Цаган, где недавно наши войска умелой контратакой нанесли серьезное поражение японцам. На поле боя оставалось много вооружения и боевой техники противника. Мрачно выглядели наши бронеавтомобили, сожженные бутылками с горючей жидкостью.

Обстановка в районе Халхин-Гола была не из легких. Противник сосредоточил здесь отборные части Квантунской армии, хорошо оснащенные для боевых действий в полупустынных степях.

В наших уставах были главы, именуемые "особые условия". Обычно на изучение этих глав не хватало времени. А теперь наши войска попали как раз в типичные "особые условия".

Бескрайние голые монгольские степи. Кое-где небольшими островками поднимаются над ними невысокие песчаные барханы. Редко-редко можно встретить озеро с соленой водой. Днем жара достигает 50-60 градусов, а ночью бывает подчас очень холодно.

В ближайших тылах у японцев - железная дорога, от нас же до железнодорожных путей 650-700 километров. Большие трудности испытывались с подвозом продовольствия, боеприпасов, горючего, воды, топлива: Вокруг сыпучий песок, прочных укрытий в нем не построить. На подвоз лесных материалов рассчитывать не приходилось.

С заходом солнца мириады комаров набрасывались на все живое. От их укусов пухли лицо, шея, руки.

Японские солдаты имели марлевые накомарники, на руках перчатки, у нас ничего этого не было. Сравните пребывание в "секрете" японского солдата и нашего красноармейца. Первый может наблюдать спокойно, а наш боец непрестанно хлопает себя по лицу, отгоняя комаров, и выдает свое присутствие.

Срочно передали в Москву просьбу прислать накомарники. В ответ пришла встречная просьба: прислать рабочие чертежи или образцы японских накомарников. Дело кончилось тем, что первые сетки неважного качества прибыли из Москвы только к концу боев.

Меня спасли наши артиллеристы. Видя мои мучения, они подарили трофейный накомарник.

На фронте не затихали перестрелка и воздушные бои. Противник вел активную разведку и пытался даже наступать небольшими силами. Мы принимали все меры к упрочению обороны, стремились выиграть время, накопить силы и уже тогда перейти к решительным действиям.

Наши передовые части находились за рекой Халхин-Гол и занимали там значительный плацдарм. Под прикрытием ночи туда был выведен стрелковый полк только что прибывшей

дивизии. Утром противник обнаружил плохо замаскированные боевые порядки полка и открыл артиллерийский огонь. Молодые красноармейцы, которым до этого, как говорится, не доводилось нюхать порох, растерялись. В отдельных подразделениях возникла паника. Командиры пытались навести порядок, но это не всегда удавалось. На наше счастье, японцы не смогли воспользоваться растерянностью наших бойцов. Видимо, у противника ушло много времени на организацию моторизованных отрядов. Когда они, наконец, начали наступать, по ним открыли огонь четыре наши батареи, срочно выдвинутые по моему приказанию на открытые позиции. Под прикрытием артиллерии свежие стрелковые батальоны восстановили положение.

Дрогнувший полк был отведен в резерв, среди его бойцов провели большую воспитательную работу. Через несколько дней эти же люди пошли в бой и дрались храбро.

Но случай с необстрелянными бойцами произвел сильное впечатление на председателя московской комиссии Г. И. Кулика. Он вдруг предложил отдать приказ об отходе наших частей с плацдарма. Командование группы войск пыталось доказать нецелесообразность такого решения, а потом наотрез отказалось выполнить его. Об этом узнала Москва. Оттуда пришло указание - войска не отводить, а комиссии Кулика немедля возвратиться в столицу.

Мы начали собираться к отлету. Грустно было покидать друзей, которым предстояли тяжелые испытания. Ночью из Москвы пришло обрадовавшее меня уточнение: комкору Воронову остаться до особого распоряжения.

Утром проводили улетающих. Все облегченно вздохнули, когда самолет взмыл в воздух: Кулик вносил много путаницы.

Противник все настойчивее готовился к наступлению. Усилились действия его авиации, активизировалась артиллерия, разведка доносила о сосредоточении танков (вскоре выяснилось, что это - макеты, сделанные из подручных материалов, с гусеницами из белой жести).

Наши войска улучшали свою оборону, вели разведку противника. Мы обнаруживали у японцев важные цели вне досягаемости огня наших орудий. С большим трудом удалось получить одну четырехорудийную батарею 122-миллиметровых пушек с дальностью стрельбы порядка 20 километров. Прибытие этой батареи и ее первая внезапная стрельба по штабным палаткам японцев произвели переполох в стане противника. Командовал ею Леонид Михайлович Воеводин, впоследствии Герой Советского Союза (ныне генерал-лейтенант артиллерии).

Много времени я проводил на Хамар-Даба, центральном командно-наблюдательном пункте. Здесь возник скромный артиллерийский штаб со столь же скромными средствами связи. Отсюда мы с начальником артиллерии группы войск генералом Корзиным управляли огнем наших батарей и вели наблюдение. Вражеские батареи были точно засечены, и мы не давали им покоя.

Наша пехота несколько раз пыталась захватить выгодные высотки - барханы, чтобы создать более благоприятные условия для предстоящего наступления. Во время одного из таких боев артиллеристы хорошо "наложили" свой огонь на большой бархан, который тут же должна была захватить стрелковая рота. По установленному сигналу артиллерия перенесла огонь несколько вперед, однако рота продолжала лежать у подножия холма. Атака не состоялась.

Не выдержав, я направился в эту роту. На пути встретился командир батальона и доложил, что рота упустила удачный момент для атаки, а теперь два японских пулемета не дают поднять головы. Орудия сопровождения почему-то молчат. Когда я добрался до командира роты, мне все стало ясно. Артиллерия стреляла через головы наших войск, до японского переднего края обороны оставалось всего лишь около 200 метров. При сплошных разрывах наших снарядов земля тряслась так, что невольно каждый зарывался как можно глубже в сыпучий песок. Грохот взрывов оглушал, дым и пыль стояли стеной. Не мудрено, что необстрелянные бойцы опасались и голову поднять.

Очень симпатичный командир роты чувствовал себя неловко. Он стойко защищал честь своего подразделения и уверял, что при повторении артиллерийской подготовки бойцы обязательно захватят бархан. Я посоветовал ему, как лучше организовать движение вслед за разрывами наших снарядов. Прощаясь со мной, командир роты сказал запомнившуюся мне фразу:

- Война дело простое, вот только нужно уметь воевать!

Он был, конечно, прав. Наши бойцы были еще новичками в бою, а против них находилась хорошо обученная, отборная японская пехота.

Вскоре артиллерия повторила свой налет, рота поднялась и с криками "ура" захватила бархан.

Так накапливался опыт тесного взаимодействия артиллерии с пехотой. У красноармейцев крепла вера в мощь своей артиллерии и точность её огня.

Мне довелось быть свидетелем интересного боевого эпизода. После непродолжительной артиллерийской подготовки стрелковая рота поднялась в атаку, вклинилась в оборону

противника, но вдруг ее левый фланг заколебался: застрочил уцелевший японский станковый пулемет. Вся рота залегла, продолжая вести огонь из ручного оружия. Казалось, назревала очередная неудача. В это время с бокового наблюдательного пункта мы увидели, как из ближайшего тыла к позициям роты, высоко подымая пыль, на большой скорости двинулся не то танк, не то бронеавтомобиль. Вскоре оказалось, что это тягач "Комсомолец" с 45-миллиметровой пушкой на прицепе. В кузове тягача строго по уставу сидел орудийный расчет. Подойдя поближе, тягач остановился, бойцы спрыгнули на землю, мгновенно привели орудие к бою и открыли огонь по пулемету противника. После 2-3 выстрелов пулемет был уничтожен. Рота немедля пошла в атаку и выполнила задачу.

Командование группы решило наградить отважных артиллеристов. Трое суток разыскивали отличившийся орудийный расчет. Дело в том, что командир орудия действовал по своей инициативе и теперь опасался, как бы его не наказали за самовольство. И только когда бойцам разъяснили существо их подвига, доблесть их командира, проявившего решительность и похвальную самостоятельность в бою, отважный расчет удалось найти. Весь личный состав его был награжден. О делах этого орудийного расчета узнали войска как об образце взаимодействия артиллеристов с пехотой.

23 июля в 8 часов утра японцы начали артиллерийскую подготовку. Их авиация пыталась бомбить боевые порядки и тылы наших войск. В воздухе стоял сплошной шум моторов, шли ожесточенные воздушные бои.

Почти час грохотали японские пушки. Пехота противника стала сосредоточиваться в окопах переднего края. Но когда она собиралась уже кинуться в атаку, по ней ударила наша артиллерия, которая почти не пострадала во время огневых налетов противника. Застрочили и наши пулеметы, находившиеся на переднем крае. Мощный огонь сорвал японскую атаку.

Противник приступил к повторной артиллерийской подготовке. Она длилась дольше первой, но результаты были прежние. Мы вновь уловили момент, когда японцы готовились перейти в наступление. Новый огневой налет нашей артиллерии и меткие очереди пулеметов сделали свое дело - квантунцы, вылезшие из окопов, неся потери, снова уползли обратно.

Так повторялось несколько раз. Много раз враг пытался атаковать нас и все безрезультатно. Наконец бой стал затихать.

После выяснилось, что 23 июля было днем генерального наступления японцев. Наблюдать их действия приехали многие генералы и журналисты иностранных государств. Командование

Квантунской армии было уверено в победе и хотело показать гостям картину полного разгрома советско-монгольских войск. А вместо этого показало свое бесславное поражение.

Мы продолжали всесторонне готовиться к решительному наступлению. Конечно, для предстоящих действий хотелось иметь возможно больше войск, танков, артиллерии, авиации. Но реальные возможности наши были весьма скромны. В то же время мы не могли надолго откладывать начало активных действий.

Разработку плана операция вели заместитель командира группы войск Абрамов, я и начальник политотдела группы Цебенко. К нам никто не допускался, вся работа велась в величайшем секрете. План был рассмотрен и утвержден командованием.

Больших трудов стоило мне убедить начальника артиллерии Ф. Г. Корзина в необходимости планировать боевые действия артиллерии в масштабе всей группы войск, а противобатарейную борьбу взять целиком в свои руки. Возражения его были обычными: зачем зря голову ломать, куда прикажут, туда и бить будем! Пришлось мне прийти на командно-наблюдательный пункт и самому приняться за разработку плана боевых действий артиллерии. Подействовало! Корзин и его помощники устыдились, взялись за карты и документы. И надо сказать, хорошо справились с делом.

Особенно тщательно обдумывался нами срок начала операции. Мы приняли во внимание некоторые особенности быта японских войск. Было известно, что офицеры обычно в субботу уезжают на все воскресенье в глубокий тыл, оставляя вместо себя фельдфебелей. Кроме того, в воскресенье в войска противника завозили из Мукдена и других городов Маньчжурии женщин легкого поведения для увеселения унтер-офицеров и солдат.

Потому-то нашим командованием и было принято решение начать наступление на рассвете в воскресенье 20 августа.

Чтобы усыпить бдительность противника, еще за две недели до назначенного срока три танка БТ-7 с умышленно ослабленными гусеницами бродили по ночам по нашему переднему краю, вызывая вначале немалую тревогу среди японцев. Враг освещал местность осветительными ракетами, открывал артиллерийский огонь. В наших войсках возмущались "расхлябанностью" танкистов и требовали строго наказать виновных. Но танкисты сделали свое дело: противник быстро привык к лязгу гусениц и настолько успокоился, что даже прозевал момент, когда основная масса наших танков заняла исходное положение для наступления.

Войска хорошо маскировались, умело использовали ночную

темноту для подготовки к операции. Опытные командиры встречали прибывающие части на дальних подступах к Халхин-Голу, делились боевым опытом, беседовали с младшими командирами и бойцами, рассказывали о противнике, предупреждали о предстоящих трудностях.

Мне тоже пришлось однажды встречать стрелковый полк, прибывший с Урала. Полк прошел от станции железной дороги походным порядком около 400 километров в сильную жару, в степной пыли. Однако настроение у всех было приподнятое. Разговорились мы с уральцами. И вдруг слышу:

- Нельзя ли сдать в стирку грязное белье?

В условиях Халхин-Гола такая просьба звучала более чем странно. Я показал обступившим меня командирам и бойцам на близлежащее озеро и предложил еще до отхода ко сну заняться стиркой, чтобы утром у каждого было чистое белье и на себе и в вещевых мешках. Так все и поступили.

На рассвете 20 августа, собравшись на командном пункте, мы с нетерпением ждали появления главных сил нашей бомбардировочной авиации. Их удар должен был стать сигналом начала наступления.

И вот взрывы первых бомб слились с грохотом наших пушек. Позиции противника окутались дымом. За 15 минут до конца артиллерийской подготовки авиация нанесла свой повторный удар по вражеской обороне. Во время налетов авиации наша артиллерия успешно накрывала своим огнем зенитные батареи противника.

Сопровождаемые огнем артиллерии, двинулись вперед танки. Вслед за ними ринулись передовые подразделения пехоты.

Противник был застигнут врасплох, и нес большие потери. Наступление развивалось успешно, в полном соответствии с планом.

Бои шли непрерывно одиннадцать суток. Наши пехотинцы, танкисты и артиллеристы проявляли образцы мужества и упорства. Дело доходило до того, что даже 152-миллиметровые гаубицы прямой наводкой уничтожали орудийные и пулеметные гнезда противника.

Японцы, ослепленные религиозным фанатизмом, сопротивлялись отчаянно. Как правило, в плен они не сдавались. Многие из них предпочитали плену самоубийство.

Обороняет, например, бархан японская рота, она уже окружена, и положение ее безвыходно. Огонь постепенно слабеет и, наконец, совсем затухает, лишь последние фанатики достреливают свои патроны. Наши бойцы захватывают бархан и берут в плен только нескольких пленных, не находя ни орудий,

ни пулеметов. Не сразу мы догадались, куда девалось оружие. Оказывается, в самую последнюю минуту японцы закапывали его в сыпучий песо". Прятали в песке даже орудия больших калибров. После боя наши бойцы вооружались лопатами и откапывали трофеи.

Враг был разбит, граница вновь восстановлена и взята под охрану пограничниками. Все радовались победе. Мы собрали трофеи в одно место. Мне довелось показывать захваченные у противника пушки, пулеметы, личное оружие и боевую технику Маршалу Монгольской Народной Республики Чойбалсану. Он рассматривал их с большим любопытством.

Японцы обратились с просьбой передать им трупы погибших соотечественников, чтобы они смогли сжечь их тела, а пепел в специальных урнах отправить на родину, Это было разрешено.

На поле битвы встречалось немало колышков с дощечками, на которых с солдатской лаконичностью было выведено: "Здесь зарыты самураи - 11 штук". "Здесь зарыто самураев 5 штук". Много таких "штук" мы сдали японской комиссии.

Бои в районе Халхин-Гола были серьезной проверкой сил. Победила наша армия, потому что опиралась на поддержку всего народа, на мощь растущей социалистической экономики.

Оправдалась советская военная доктрина, предполагающая использование в бою всех родов войск. Несмотря на бурное развитие авиации и танков, роль артиллерии, в частности, не только не умалилась, а еще больше возросла. Советская артиллерия превзошла японскую во всех отношениях. Оперативное и тактическое использование ее в частях Красной Армии оказалось значительно лучшим, чем в хваленой Квантунской армии. Снова подтвердилось важное значение артиллерийской разведки, хотя она у нас была еще на невысоком уровне, нуждалась в техническом оснащении.

Бои показали важность планирования боевых действий артиллерии и необходимость централизованного управления ею. Все убедились, какая огромная роль в наступлении принадлежит орудиям непосредственного сопровождения пехоты и танков.

Я возвращался в Москву с чувством удовлетворения: операция под Халхин-Голом подтвердила, что развитие артиллерии Красной Армии идет по правильному пути. Первый серьезный экзамен нашими артиллеристами выдержан с честью.

Но плох тот командир, который не извлекает уроков из каждого боя. Уроки, полученные под Халхин-Голом, были в высшей степени поучительными. Они свидетельствовали о том, что мы до сих пор довольно упрощенно рассматривали маневренный характер современной войны. Бон и сражения стали

стремительными и скоротечными. Новая техника требовала большей гибкости, искусного. маневра, а главное - непрерывного, ни на один момент не нарушаемого взаимодействия пехоты, танков и артиллерии.

Одной из особенностей маневренной войны является стремление наступающего обойти противника с флангов, взять его в окружение. Это еще плохо получалось у наших войск. А в обороне то и дело проявлялась склонность к линейному построению войск, и это делало ее маломаневренной, недостаточно гибкой и поэтому не всегда надежной.

Да, многое надо улучшать, думалось мне на обратном пути в Москву. Никаких послаблений в боевой учебе! Ее надо вести в условиях, самых близких к фронтовым. Искусством маневра должны овладевать все - от полководца до красноармейца. А нам, артиллеристам, надо еще много и много учиться, чтобы умело организовать непрерывную артиллерийскую поддержку пехоты, танков на всю глубину боя и операции.

В пути я намечал планы предстоящей работы. Хотелось всерьез взяться за расчеты по увеличению плотности артиллерии на направлении главного удара при прорыве обороны противника. Пришла пора решительно переводить артиллерию с конной тяги на механическую. При наличии подвижных войск, больших танковых масс конная тяга казалась уже анахронизмом, в особенности на широких степных просторах. Предстояло всемерно ускорять конструирование новых образцов орудий и боеприпасов к ним.

Все заботы последующих месяцев сосредоточились на этих неотложных делах.

В Москве я пробыл недолго. Меня направили в Белорусский военный округ. В Минске встретился с командующим округом М. Т. Ковалевым, давним знакомым. Он работал в 1925 году заместителем командира 27-й стрелковой дивизии, где я командовал артиллерийским дивизионом. Ковалев познакомил меня с обстановкой.

Трудящиеся Западной Белоруссии и Западной Украины поднимались на борьбу с ненавистным буржуазным режимом и ждали помощи от своих советских братьев. Буржуазное правительство Польши, напуганное наступлением гитлеровцев, бежало в Румынию, бросив народ на произвол судьбы. Советские войска приступили к освобождению исконно родных нам западных земель, чтобы спасти их население от фашистского рабства.

Граница оказалась позади. Трудящиеся западных областей Белоруссии. восторженно, со слезами радости встречали наши

войска, сердечно благодарили советских людей за освобождение от панского гнета и фашистской неволи.

Не все шло гладко. На подступах к городу Новогрудок образовалась большая "пробка". Служба регулирования не смогла правильно организовать движение, и на дороге скопилось много машин и танков. Остановились тут и наши машины. Мы направились в город пешком, по пути стараясь ликвидировать "пробку". Улицы города тоже были забиты войсками. В этом и была причина столпотворения. Здесь шло настоящее народное празднество. Город ликовал, народ заполнил улицы. Регулировщики оказались бессильными. Пришлось срочно вмешаться, вызвать командиров и потребовать не нарушать порядок марша. Движение возобновилось. Вскоре в город прибыл Маршал Советского Союза С. М. Будённый.

А ночью раздались винтовочные и пистолетные выстрелы. Выяснилось, что в городе осталось много переодетых полицейских и жандармов. Это они и устроили ночную провокацию: обстреляли одну из наших колонн, забросали ручными гранатами отдельные учреждения. Комендант города генерал И. В. Болдин решительными действиями быстро ликвидировал выступление пилсудчиков.

Днем мы отправились в передовые эшелоны наших войск. Продвижение шло успешно, строго по плану. Население продолжало встречать наши войска радостно, с цветами, хлебом-солью. Где бы мы ни останавливались, сразу подходили к нам мужчины и женщины с приветствиями и множеством вопросов. Крестьян волновало больше всего главное - когда и как будет отбираться земля у помещиков и передаваться беднякам?

Освобождение Западной Белоруссии подходило к концу. Я решил вернуться в Минск, чтобы связаться с наркомом обороны, доложить обстановку и получить разрешение вылететь в Западную Украину.

Наша "эмка" шла по шоссе. Вдруг блеснули лучи фар встречной автомашины. Шофер пытался отвернуть, но встречная машина уже неслась на нас. Произошло столкновение. Позднее рассказывали, что подоспевшие к месту катастрофы пограничники вытащили меня, адъютанта и шофера из-под обломков машины и доставили на ближайший медпункт. Я пришел в себя лишь в Минском госпитале и узнал склонившегося надо мной врача. Это был главный хирург доктор Левин, в прошлом мой сослуживец - полковой врач артиллерийского полка 27-й Омской стрелковой дивизии.

Врачи установили сотрясение мозга, надлом четырех ребер и прописали строгий постельный режим.

В левом кармане гимнастерки лежал у меня многоцветный металлический карандаш, подаренный Долорес Ибаррури. Этот карандаш и спас мне жизнь. Во время катастрофы какой-то кусок металла ударил в грудь. Массивный карандаш помешал осколку проникнуть в сердечную полость, расплющился, но смягчил удар. Как я был благодарен пламенной Пассионарии за ее чудесный подарок!

Через две недели мне разрешили выехать в Москву в сопровождении врача и медсестры. Меня доставили в Центральный госпиталь.

Пролежал месяц, а потом отправился в отпуск, который провел в охотничьем хозяйстве, на свежем воздухе.

Финские леса

Был уже ноябрь, когда я снова приступил к работе. Народный комиссар обороны предложил мне выехать в войска Ленинградского военного округа для всесторонней их проверки. Я возглавил большую комиссию, в которую входили командиры различных родов войск и служб.

В середине ноября комиссия направилась в район Ухты и Петрозаводска. Работа была напряженная и ответственная. О ходе ее часто приходилось докладывать по телефону Народному комиссару обороны или начальнику Генерального штаба.

Приграничные районы произвели большое впечатление своими "особыми условиями". Здесь были могучие леса, плохие пути сообщения, множество озер и межозерных дефиле. Использовать здесь танки и другую мощную технику было на редкость трудно.

В 18-й стрелковой дивизии, выдвинутой на оборонительный рубеж к границе, мы встретились с командующим войсками Ленинградского округа К. А. Мерецковым и секретарем Ленинградского обкома партии А. А. Ждановым, которые тоже объезжали войска, проверяя их боевую готовность.

Я подолгу беседовал с командирами о значении артиллерии в современной войне, об уроках боев в Испании и на Халхин-Голе, призывал изучать своего вероятного противника, объективно оценивать его силы, не зазнаваться, не скатываться к "шапкозакидательству", избегать условностей в боевой подготовке. В одной из дивизий после беседы ко мне подошли несколько командиров и политработников. Они были не согласны с оценкой сил вероятных наших противников:

- Это неверные установки, запугивающие личный состав,- заявили они.- Они идут вразрез с указаниями высших инстанций.

- Я вам высказал не только свои взгляды. Это - требования жизни. Наконец,это требование наркома, который прислал меня

сюда.

И все же мои слова, видимо, подействовали мало. Трагической была для этой дивизии недооценка сил противостоящего противника. Когда начались бои, она попала в окружение в лесах Карелии и понесла большие потери.

Закончив проверку частей, расположенных к северу от Ладожского озера, комиссия направилась на Карельский перешеек.

Обстановка на советско-финской границе становилась в эти дни все более напряженной. Правительство Таннера - Маннергейма сосредоточивало на границе свои войска, провоцировало пограничные инциденты.

Советское правительство несколько раз обращалось к правительству Финляндии с предложениями заключить пакт о взаимопомощи, рассмотреть вопрос об обмене приграничными территориями, причем Финляндии предлагались земли по площади вдвое большие, чем мы просили у нее. Наши аргументы были весьма вескими: в напряженное время нельзя мириться с тем, чтобы граница проходила в непосредственной близости от Ленинграда. Но все предложения были отвергнуты правителями Финляндии, вступившими в прямой сговор с Гитлером. Провокации на границе тем временем принимали угрожающий характер.

Нам было известно, что на Карельском перешейке, в непосредственной близости от Ленинграда, финны возвели линию Маннергейма. Их генералы открыто хвастались: как только сюда будет подвезена мощная артиллерия, они откроют огонь по советскому городу. Нападения можно было ожидать в любой момент.

Незадолго до начала военных действий я побывал у К. А. Мерецкова. У него в это время были заместители: Народного комиссара обороны Г. И. Кулик и Л. З. Мехлис.

- Вовремя приехали! - воскликнул кто-то из них, завидя меня.- Вы знаете о тревожной обстановке? Подумали, сколько снарядов нужно для возможного проведения боевых операций на Карельском перешейке и севернее Ладожского озера? Какая нужна артиллерия усиления? На что можно рассчитывать?

- По-моему, все зависит от обстановки,- ответил я.- Собираетесь обороняться или наступать? Какими силами и на каких направлениях? Между прочим, сколько времени отводится на операцию?

- Десять - двенадцать суток.

- Буду рад, если удастся все решить за два - три месяца.

Мои слова были встречены язвительными насмешками. Г. И.

Кулик приказал мне вести все расчеты с учетом продолжительности операции 12 суток.

Сколько мы имеем времени на подготовку к боям, никто не знал. Говорили одно: финны могут напасть в любой момент.

30 ноября завязались бои, спровоцированные белофиннами - с первых же дней тяжелые, ожесточенные. На Карельском перешейке наши войска впервые встретились с глубокими полосами противотанковых препятствий, гранитными надолбами, противотанковыми рвами, мощными лесными завалами. Танки тут пробивались с трудом. Финская пехота, хорошо применяясь к местности, осыпала наших бойцов ливнем свинца: многие финские солдаты были вооружены автоматами.

Только тогда мы вспомнили, что еще в начале тридцатых годов нами был приобретен образец автомата "Суоми" и даже испытан комиссией специалистов по пехотному оружию. Комиссия вынесла решение: это - полицейское оружие, для боевых действий войск не пригодное. Конструирование и производство подобных автоматов сочтено было делом лишним.

Советский конструктор В. Г. Федоров по собственной инициативе в те годы создал маломощный автомат с патроном револьвера "наган". После испытаний этот автомат также забраковали.

Теперь, столкнувшись с широким применением автоматов в финской армии, мы горько сожалели об этих просчетах.

Недооценка автомата объяснялась тем, что наши общевойсковые командиры слепо верили в силу одиночного винтовочного огня и боялись большого расхода боеприпасов. Многие говорили, что красноармейцу нельзя давать автоматическую винтовку, иначе патронов для нее не напасешься. Идеальной считалась винтовка системы Мосина со скользящим затвором для ручного перезаряжания после каждого выстрела. Надеялись на ручные и станковые пулеметы, которые имели хорошие баллистические качества, но излишне большой вес.

Теперь, уже во время боевых действий, началось лихорадочное конструирование и производство советских автоматов. Наш первенец пистолет-пулемет Г. С. Шпагина (ППШ) с большой любовью был встречен в войсках.

За первые 13 суток наступления наши части продвинулись севернее Ладожского озера на 70-130 километров. Пользуясь лыжами, они вели лесные бои, преодолевали межозерные пространства, наступали ночью в белых халатах по льду замерзших озер.

Трудности встречались на каждом шагу. Финская пехота умело использовала особые условия местности и стойко дралась в

обороне. Инженерные сооружения и заграждения прикрывались многослойным огнем.

В районах расположения наших войск появились финские "кукушки": одиночные стрелки - фанатики, прихватив с собой большой запас патронов, залезали на деревья и открывали внезапную стрельбу. Нередко "кукушки" действовали небольшими группами и своим перекрестным огнем обстреливали лесные дороги.

Не сразу наши войска научились истреблять этих головорезов. Помнится случай, происшедший севернее Ладожского озера, когда "кукушка" парализовала единственную дорогу, идущую от штаба корпуса на его командный пункт. Обнаружить снайпера было нелегко. Он уничтожал наших смельчаков, пытавшихся его разыскать.

На командный пункт прибыли два комсомольца, вызвавшиеся уничтожить "кукушку". Они решили ночью подобраться поближе, а днем выследить вражеского стрелка. Однако ночью и весь следующий день "кукушка" по-прежнему обстреливала дорогу, а от наших добровольцев - никаких сведений. Мы стали волноваться за их судьбу.

Наконец вечером перед нами предстали с сияющими лицами оба комсомольца. Бойцы отрапортовали, что свою задачу выполнили: захватили в плен финского снайпера.

Оказывается, еще до рассвета они подобрались поближе к лесу, где засела "кукушка", и засекли вспышки выстрелов. Красноармейцы сняли с себя полушубки и остались в ватниках и белых халатах. Они ползали по кювету, выставляя напоказ свои "кожухи". Финский снайпер начал стрелять по ним. Наконец они подобрались к дереву, где сидела "кукушка", и открыли огонь. Финский снайпер, расстреляв все патроны, понял безвыходность положения. Он слез с дерева и поднял руки. Его связали и привели в штаб.

Когда повествование было закончено, один из добровольцев вздохнул и сказал:

- Ну и хитрый же этот финн!

Хитрее оказались все же два наших замечательных бойца. Оба они были награждены.

Наши войска встретились с большим количеством инженерных "сюрпризов" - на дорогах и в поселках было разбросано много ярких предметов: патефонов, портсигаров и т. д. Достаточно было к ним притронуться, как взрывалась мина. После первых жертв красноармейцы стали осторожнее и даже научились обезвреживать эти "сюрпризы".

Однажды мы с начальником артиллерии армии М. А.

Парсеговым вечером возвращались пешком с передовых наблюдательных пунктов. По пути поравнялись с двумя бойцами, шагавшими с пустыми термосами, В лощинке они остановились, один из них предложил:

- Ну, что ж, давай здесь закурим на память! Мы спросили:

- Почему на память?

Тот, кто предлагал закурить, ответил:

- Да как же. Вот здесь утром наступала восьмая рота, а мы, артиллеристы, двигались за ней вплотную. Вдруг видим на снегу красивый портсигар. Я к нему, а товарищ хвать меня за руку: - "Подожди, говорит, тут что-то неладно". Присмотрелись - проволочка от портсигара тянется. Осторожно разгребли руками снег. Товарищ проволоку держал, чтобы она не стронулась, а я в это время осторожно отвязал портсигар. Вот и курим сегодня заграничные сигареты. Угощайтесь! Правда, это дрянь по сравнению с нашими папиросами, но ради интереса можно попробовать.

Завладев портсигаром, бойцы и о товарищах не забывали. Указали саперам на опасную полянку, а чтобы кто-нибудь на нее не набрел, воткнули колышек с надписью "мины".

Мин было много. Наши войска не подготовились к уничтожению их. Специальной техники для обнаружения мин не было.

В первые дни войны А. А. Жданов принял в Смольном двух ленинградских инженеров, создавших новый миноискатель. Этот прибор быстро определял местонахождение даже очень мелких металлических предметов: маленькие гвозди, спрятанные в разных местах под толстым ковром кабинета, обнаруживались сразу, и в наушниках раздавались резкие звуки. На меня это импровизированное испытание произвело сильное впечатление.

Тотчас же была заказана первая серия миноискателей, которые быстро поступили на вооружение. Хотя они были довольно примитивны, но принесли много пользы.

Перед линией Маннергейма

Наши войска подошли к линии Маннергейма. Взять с ходу прочную, разветвленную цепь опорных пунктов и инженерных сооружений не удалось. Стали готовиться к штурму.

В тот год стояла суровая зима с сильными морозами, туманами, обильными снегопадами. Наши войска страдали от лютого холода в густых лесах Карельского перешейка, пока не оборудовали блиндажи и землянки.

29 декабря 1939 года я присутствовал при обсуждении в Ставке вопроса о том, как потеплее одеть войска. Суконный островерхий шлем, прозванный "буденовкой", в эту зиму не

оправдал себя. Он заменялся сибирской шапкой-ушанкой. Из Ставки тут же позвонили по телефону секретарю Новосибирского обкома и дали срочный заказ на 150-200 тысяч таких шапок.

Тут же был решен вопрос об улучшении питания фронтовиков. В их суточный рацион вводились водка и сало.

Было ясно, что наша остановка будет длительной. Как ни пытались некоторые части "прогрызть" оборону противника на отдельных участках, ничего путного не получилось. Надо было тщательно изучить весь комплекс вражеских укреплений.

На наблюдательных пунктах началась кропотливая работа. Используя все имевшиеся средства разведки, аэростаты наблюдения и разведывательную авиацию, войска стали накапливать сведения о противнике.

Постепенно мы установили, что укрепленный район перед фронтом наших войск состоял из системы крупных опорных пунктов, расположенных на господствующих высотах, на важнейших путях движения. Между опорными пунктами пролегали хорошо подготовленные оборонительные позиции, подступы к которым простреливались косоприцельным и фланговым огнем. Основой укрепленного района были железобетонные сооружения - пулеметные и орудийные, тщательно приспособленные к местности, с широким обзором и обстрелом. Впереди и по сторонам каждого из таких сооружений возводились три - четыре деревоземляных полукапонира с покрытиями из гранита, выдерживавшими 1-2 прямых попадания снарядов 152-миллиметровой гаубицы. В свою очередь, каждый полукапонир прикрывался рядом огневых точек.

Большинство сооружений так искусно вписывались в местность, что их удавалось рассмотреть лишь на близком расстоянии. В лесных районах обычно не было ясно видимых расчисток секторов обстрела, лишь кое-где вырубались отдельные деревья. Фланговый и косоприцельный огонь нацеливался по просекам, иногда специально вырубленным. Пулеметы располагались в глубине сооружений, потому были плохо видны вспышки выстрелов и слабо слышен звук стрельбы. Не видя вспышек и обманываясь на слух, наши разведчики часто искали эти пулеметы значительно дальше, чем они в действительности находились. Огневые позиции часто менялись. Каждая финская батарея имела несколько запасных огневых позиций и наблюдательных пунктов.

Огневые средства вводились противником строго последовательно. По нашим разведчикам, как правило, стрельбу открывали секреты, располагавшиеся в районе надолб, завалов и колючей проволоки, а также огневые точки, прикрывавшие

полукапониры. В исключительных случаях вступали в действие пулеметы из полукапониров. Доты открывали огонь лишь тогда, когда через передний край прорывались наши пехота и танки. При полной блокировке дота его гарнизон закрывал заслонки и пытался отсидеться, иногда сигнальными ракетами или трассирующими пулями вызывая на себя огонь соседних дотов.

Все основные точки местности перед своим передним краем обороны финны заранее пристреляли, чтобы в любой момент обрушить на них шквал пулеметного и минометного огня. Выяснилось, что противник ведет огонь в строго определенных направлениях.

Опрос пленных показал, что кадровые финские солдаты имели хорошую одиночную стрелковую подготовку, умели ловко маскироваться и применяться к местности. Отборные поисковые партии противника вели активную разведку, проникая через стыки наших частей и подразделений. Действия их были дерзкими и напористыми, но, встречая энергичный отпор, финны быстро приходили в замешательство.

Враг дрался упорно, пока не появлялась угроза обхода с флангов и окружения. Открытого боя, а тем более штыковых атак финны обычно избегали.

Финская артиллерия была гораздо слабее нашей. На ее вооружении были 37-миллиметровые противотанковые пушки "Бофорс", 76-миллиметровые пушки старого русского образца, 122- и 152-миллиметровые гаубицы системы Шнейдера и устаревшая 107-миллиметровая пушка. Финны пользовались старыми снарядами, изготовленными до 1917 года,- некоторые трубки и взрыватели даже покраснели от ржавчины. Подчас более трети снарядов не разрывались.

Обычно финские артиллеристы не принимали контрбатарейных поединков и таились в своих сооружениях. Они вели огонь урывками, с таким расчетом, чтобы наша звукометрическая аппаратура не успевала произвести засечку, а аэростат наблюдения - скорректировать ответный огонь наших орудий. Мы почти не имели потерь от огня финской артиллерии средних и крупных калибров.

В целях тщательного изучения укреплений противника и системы его огня наши передовые подразделения и наблюдательные пункты были пододвинуты как можно ближе к вражескому переднему краю. Для этого сооружались хорошо замаскированные убежища и ходы сообщения. Вместе с тем во избежание неоправданных потерь мы следили, чтобы днем на передовых позициях было возможно меньше людей. На тех направлениях, где вражеские разведчики пытались пролезать в

наш тыл, устраивались засады, для обеспечения стыков назначались части прикрытия.

Наши разведчики все более тревожили противника. Поиски велись днем и ночью. Наши бойцы проникали в тыл противника, перерезали его средства связи и коммуникации.

Выяснились любопытные детали: финские войска широко применяли маскировочные сети белого цвета, которые хорошо скрывали огневые средства, наблюдательные пункты, различные инженерные сооружения от нашей наземной -и воздушной разведки. Батареи белофиннов очень часто занимали свои огневые позиции на опушках леса, под деревьями. Обычно при стрельбе снег с деревьев осыпается, и оголенные от снега ветви могут выдать месторасположение батареи. Чтобы избежать этого, оголенные ветви деревьев финны покрывали ватой.

При стрельбе впереди орудий образуется так называемый задульный конус потемневший сектор растаявшего и разбросанного снега. Это обычно выдает орудия при фотографировании с самолета. Но на такой случай у финнов имелись белые маскировочные сети мелкого плетения, которыми они и закрывали демаскирующие секторы перед стволами орудий при появлении нашей авиации.

Особенно тщательно маскировались долговременные сооружения. Финны очень умело применяли и ложные сооружения - чаще всего это были естественные камни различных размеров с нарисованной амбразурой.

Наши бойцы научились разгадывать все эти хитрости. За каждым подозрительным местом устанавливалось круглосуточное наблюдение. Терпеливо, но крупицам, собирались необходимые сведения. Мы тщательно изучали признаки, характеризующие расположение дотов: движение солдат, дым от отопительных печек, стрельба со специфическим глухим звуком выстрелов, обилие искусственных и естественных препятствий вокруг и т. д. Наши наблюдатели учитывали при этом, что и у ложного сооружения можно организовать движение людей, стрельбу из кочующего пулемета, разжечь костер. Противник одинаково искусно маскировал и настоящие доты и ложные огневые точки, чтобы ввести нас в заблуждение.

Был такой случай. На одном участке фронта наблюдатели обнаружили дот, но посчитали, что перед ними ложное сооружение - уж очень хорошо была видна амбразура. Но вот наблюдатель заметил, что против амбразуры стоит собака, уткнув в нее нос и виляя хвостом. Начали следить с трех наблюдательных пунктов. Вскоре к собаке подполз финский солдат и отогнал ее. Это убедило нас, что перед нами не ложное,

а настоящее инженерное сооружение, занятое гарнизоном противника. Оставалось установить, какое оно - железобетонное или деревоземляное. Вступила в действие огневая разведка. Стали обстреливать дот из орудий средних калибров. Снаряды срывали маскировку, по характеру разрывов снаряда мы пытались определить материал, из которого сооружена огневая точка. Длиннофокусным фотоаппаратом производилась серия снимков. Сопоставив все полученные данные, мы определили, что имеем дело с железобетонным сооружением.

Некоторые командиры-артиллеристы иногда наугад оценивали результаты стрельбы, без достаточных оснований докладывали о прямых попаданиях и уничтожении дотов. Была введена всесторонняя проверка этих данных. Теперь мы знали четкие признаки прямых попаданий. Когда снаряд попадает в железобетон, облако разрыва окрашивается в серый цвет. При близком наблюдении можно увидеть отколовшиеся куски бетона, и даже отверстие, пробитое бетонобойным снарядом. Только такие объективные данные принимались в расчет.

Детально изучив приемы и способы маскировки противника, подытожив опыт наших разведчиков, я послал донесение в Москву. Документ, составленный мною, был одобрен и разослан в части и соединения Красной Армии.

Трудные метеорологические условия, в которых приходилось действовать самолетам разведывательной авиации, побудили нас форсировать испытание нового щелевого фотоаппарата конструкции Семенова. Он давал хорошие результаты при аэрофотосъемке с малых высот, на бреющем полете. Но косность некоторых фотоспециалистов ВВС надолго задержала массовое производство таких аппаратов.

Настойчиво разрабатывался план прорыва линии Маннергейма. Мы стремились возможно полнее использовать уроки операций по прорыву укрепленных полос в годы первой мировой войны. Глубоко обдумывались тактика различных родов войск, их взаимодействие, вопросы разведки и управления войсками.

По опыту первой мировой войны было известно, как это трудно - прорывать укрепленные полосы, а еще труднее обеспечивать в таких условиях перерастание тактического успеха в оперативный.

Меня больше всего заботила организация взаимодействия артиллерии с пехотой и танками во время прорыва. Отрабатывалась стрельба прямой наводкой из тяжелых орудий по напольным стенкам железобетонных и деревоземляных сооружений. Артиллеристы при этом старались попадать в

амбразуры. Шла подготовка к своевременному подавлению вражеской артиллерии. На каждую батарею противника нацеливалось несколько наших батарей. К фронту подтягивалась артиллерия большой и особой мощности. Она впервые получала боевое крещение. Разработанные для нее способы стрельбы на разрушение, многократно проверенные на полигонах, должны были теперь осуществиться на практике, в трудных боевых условиях,

Тщательно готовились топографическая и даже геодезическая основы стрельбы артиллерии. Каждая батарея большой и особой мощности получила конкретные цели. По полным таблицам стрельбы определялись наивыгоднейшие углы встречи снаряда с напольной стенкой или покрытием долговременного инженерного сооружения. Исходя из этих данных, устанавливались дальность стрельбы, вид снаряда, номер заряда, установка взрывателя. Свой наблюдательный пункт командир батареи стремился оборудовать в таком месте, откуда лучше всего виден объект, который должен быть разрушен. Обычно НП располагался в створе стрельбы батареи, чтобы легче было корректировать огонь. Важно было предусмотреть и такой элемент, как высота траектории стрельбы батарей, без чего немыслимо надежное взаимодействие с самолетами-корректировщиками и со всей авиацией, обеспечивающей с воздуха прорыв обороны противника.

Командный состав артиллерии большой мощности овладевал способами стрельбы по знакам наблюдения и с большим смещением - способами, которым, к сожалению, мы до этого уделяли мало внимания. Командиры батареи практиковались корректировать огонь, находясь в танках. Это весьма пригодилось им в боях. Офицеры всех видов артиллерии работали рука об руку, совместно изучая противника и готовя мощные удары по его обороне.

Словом, подготовка к прорыву велась всесторонне. Делалась попытка обойти линию Маннергейма по льду Финского залива, чтобы ударить по тылам противника. В районе Кингисеппа для этого сосредоточивалась группа войск под командованием Д. Г. Павлова. Когда я туда прибыл, мне доложили подробный план операции. Намечалось использование легких пушек и гаубиц.

- Когда наши пехота и танки пойдут к вражескому берегу, артиллерия со льда поддержит их своим огнем,- сказали мне.

- А вы пробовали стрелять со льда из орудий? - спросил я.

- Нет, не пробовали. А разве это так трудно? Пришлось напомнить товарищам о силе отката орудий, а также об отсутствии у артиллеристов опыта стрельбы со льда.

Только после этого руководители операции задумались всерьез. Организовали опытные стрельбы на замерзшем озере. Пушки при выстреле столь стремительно откатывались по льду, что орудийные расчеты подвергались серьезной опасности. Меткость огня и скорострельность при этом не выдерживали никакой критики. Но русская смекалка и тут нашла выход. Для каждого орудия стали пробивать четыре лунки, в них вставляли деревянные опоры, поддерживавшие брус, в который упирался сошник орудия. На каждое орудие была запасена такая деревянная оснастка.

Передовые отряды двинулись ночью по льду залива. По вине метеогидрослужбы в пути они наткнулись на битый лед. Два танка погибли, попав в полынью. Войска вернулись назад.

На Карельский перешеек прибыла береговая артиллерия на железнодорожных установках. Она была крупного калибра, с большими дальностями стрельбы. Нарком обороны приказал обстрелять из этих орудий Выборгский укрепленный район. Данные для стрельбы подготовили старательно, но все же хотелось прокорректировать ее с самолета. Произвели два выстрела с уменьшенными зарядами на средние дальности стрельбы. Поднятые в воздух самолеты, однако, не заметили разрывов. Тогда решили нанести удар ночью. В темноте открыла огонь наша артиллерия разных калибров. Это было сделано, что бы замаскировать стрельбу батареи особой мощности, которая выпустила всего шесть снарядов.

В первую мировую войну немцы, обстреливая Париж из гигантской пушки "Колоосаль", ждали французских газет, чтобы выяснить, куда попали снаряды и какой нанесен ущерб. Мы же надеялись на радио и разговорчивых пленных. Наши ожидания оправдались. Утром из финской радиопередачи мы узнали, что "красная артиллерия вновь вела ночью бешеный огонь, напрасно разбрасывая снаряды, и лишь только шесть ее снарядов разорвались в районе Выборга".

Мы были вполне удовлетворены результатами стрельбы.

Были и курьезные случаи. Из Смольного мне позвонили с просьбой принять одного инженера с серьезным предложением, касающимся моей прямой специальности.

Просили не откладывать встречу и поскорее определить судьбу предложения.

На следующий день этот инженер прибыл на командный пункт в район Бобошино. Он вошел в землянку, тщательно закрыв за собой дверь.

- Наш разговор не будет подслушан? - спросил он и предупредил, что прибыл ко мне по вопросу большой

государственной важности.

Я пообещал сохранить нашу беседу в строгой тайне.

Инженер сообщил, что ему стало известно, что наша артиллерия не может разрушать финские железобетонные долговременные сооружения, так как снаряды отскакивают от них. По его мнению, финские доты покрыты толстым слоем особо прочной резины. При ударе о нее наши снаряды рикошетируют и потому не наносят вреда. Слушая эти "секреты", я с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться.

Изобретатель развернул эскизные наброски нового образца снаряда. Это был обычный штатный снаряд, на кончике которого изображен какой-то завиток. Он оказался солидным штопором. По мысли автора, снаряд этим штопором будет ввинчиваться в резину, а потом своим взрывом разрушать укрепление.

- Благодаря моему изобретению снаряды не будут теперь отскакивать от финских дотов,- уверенно заявил изобретатель.

Он снова просил сохранить в строжайшей тайне его открытие и как можно скорее принять новый снаряд на вооружение. Велико было его разочарование, когда я объявил, что это предложение безграмотно во всех отношениях, что у финнов нет никаких дотов, покрытых резиной, а их броня и железобетон успешно пробиваются нашими бронебойными и бетонобойными снарядами.

Долго смеялись мы потом над снарядами со штопором. Вот до чего может дойти изобретатель, если о деле знает только понаслышке.

Нужна новая тактика

План прорыва линии Маннергейма принимал все более конкретные очертания. Участки прорыва, их ширина и глубина выбирались с учетом наиболее эффективного использования артиллерии и танков. Удары намечались там, где легче разрушить систему вражеского огня, противотанковые препятствия и развить успех.

Чтобы противник не смог разгадать нашего замысла, мы всячески дезориентировали его. Действия разведки приобретали все большую скрытность. Перегруппировка войск шла незаметно для врага. Пристрелка орудий и разрушение вражеских укреплений намеренно велись на широком фронте, а не сосредоточивались лишь на участках прорыва. Полевые радиостанции группировались так, чтобы у противника создалось ложное представление о направлении нашего главного удара. Движение автотранспорта специально усиливали на второстепенных участках и максимально маскировали на главных.

Мы решили по-новому организовать артиллерийскую подготовку. Во время наших частных операций противник привык улавливать конец артподготовки и начало переноса огня в глубину его обороны. В эту паузу финская пехота выбегала из укрытий и занимала места для отражения нашей атаки. Теперь мы решили устраивать ложные переносы огня. Искусственно создав паузу, мы снова накрывали артиллерийским огнем передний край противника и ударяли по скопившейся пехоте. Если создать два - три таких ложных переноса огня, противник окончательно растеряется, понесет немалые потери и не угадает начало нашей атаки. Кстати сказать, подобные приемы после широко применялись нами в боях Великой Отечественной войны.

Артиллерия приступила к систематическому разрушению сооружений противника, подавлению участков переднего края и ближайшей глубины вражеской обороны, наносила удары по резервам белофиннов, не давала производить восстановительные работы на вражеских позициях. Каждую ночь мы вели плановый беспокоящий огонь.

Дивизионная артиллерия срывала маски с долговременных сооружений врага, разрушала огневые точки, а также неподвижным заградительным огнем пресекала все попытки противника атаковать наше расположение. У нас накапливалось все больше данных о противнике. Специально назначенные батареи определяли "прицел дня" для каждого калибра. Батареи продолжали глубже закапываться в землю, улучшали свои огневые позиции, совершенствовали маскировку.

В те дни я представил наркому обороны свои соображения по прорыву линии Маннергейма, сложившиеся на основе изучения опыта первой мировой войны, в результате личных наблюдений, бесед со многими командирами. Мои предложения были одобрены и рекомендованы командованию для практического использования. Хочется познакомить читателя с отдельными деталями плана прорыва укрепленного района противника.

В ночь перед атакой все батальонные и полковые пушки наступающих частей занимают открытые огневые позиции для стрельбы прямой наводкой, окапываются и хорошо маскируются. Основная их задача во время артиллерийской подготовки уничтожить заблаговременно разведанные огневые точки на переднем крае противника. Ряд батарей своим огнем расчищает проходы в проволочных заграждениях. Во время огневых налетов артиллерии по переднему краю все орудия прямой наводки поражают свои цели. С начала атаки артиллеристы стараются уничтожить все уцелевшие противотанковые пушки, пулеметы и прочие вражеские огневые точки, мешающие продвижению

пехоты и танков. Часть орудий снимается с позиций и идет за пехотой и танками, прокладывая им дорогу своим огнем, как на переднем крае, так и в глубине обороны противника. Обилие снега, отсутствие дорог должны быть учтены командирами.

Дивизионная артиллерия проделывает проходы в минных полях, надолбах, срывает эскарпы рвов, подавляет всю систему огня противника на переднем крае и в ближайшей глубине. В специально выделенный период артподготовки она участвует в разрушении дотов и препятствует их восстановлению.

В период артиллерийской подготовки производится не менее трех-четырех огневых налетов на передний край, при этом делается несколько ложных переносов огня в глубину обороны противника. В промежутках ведется методический огонь по конкретным целям. Далее дивизионная артиллерия сопровождает наступление пехоты и танков огневым валом, прочесывая своим огнем промежутки между его рубежами. Переносы огня с рубежа на рубеж производятся по сигналам специально назначенных командиров, следующих с передовыми группами пехоты и танков. Огонь переносится лишь после полного захвата полосы, лежащей позади разрывов снарядов нашей артиллерии.

Рубежи огневого вала должны накладываться там, где обнаруживалось наибольшее скопление огневых точек противника.

Для лучшего обеспечения взаимодействия командиры артдивизионов находятся на наблюдательных пунктах вместе с командирами стрелковых батальонов, командиры батарей - с командирами рот, а передовые наблюдатели - командиры взводов управления батарей двигаются вместе с атакующими подразделениями пехоты, некоторые из них следуют в танках.

Так как продвижение вперед будет медленное, нет надобности сразу двигать много батарей дивизионной артиллерии за пехотой, но несколько из них следует заранее переместить в район исходного положения для атаки, хорошо окопать и замаскировать. Эти батареи участия в артподготовке не принимают. Они поддерживают батальоны при прорыве переднего края.

На случай контратак противника часть батарей и дивизионов должна быть готова к неподвижному заградительному огню на флангах наших атакующих частей.

Подробно указывались задачи корпусной артиллерии. Ей поручалось уничтожать артиллерию противника (ни одна вражеская батарея не должна стрелять по нашим позициям!), парализовать штабы, командные пункты и тылы, надежно обеспечивать наши фланги и стыки, поражать огневые средства

противника, фланкирующие наш боевой порядок.

Артиллерия разрушения (орудия большой мощности) нацеливалась на уничтожение дотов.

В тактике пехоты главное внимание обращалось на сочетание огня и движения. Наступать рекомендовалось не густыми группами, а развернуто, на широком фронте. Не толпиться около танков, так как противник по ним обычно сосредоточивает огонь. Если танки застряли, не останавливаться ни на минуту.

Передовые группы пехоты должны быть составлены из лучших лыжников, которых необходимо было обеспечить пьексами (в валенки их обувать нельзя: отвязывать и завязывать ремни лыжных креплений в бою - значит замедлить движение, понести излишние потери).

Блокировочные группы следуют вслед за передовыми отрядами. Их обязанность - блокировать обойденные нашими подразделениями доты и следить, чтобы с флангов не проникали диверсионные группы противника. При вводе в бой вторых эшелонов рекомендовалось избегать перемешивания частей и подразделений, ни в коем случае не терять управления.

Действия танков также приобретали несколько специфический характер. Часть их выделялась в блокировочные группы, им предстояло преодолевать препятствия перед дотами. Танки назначались и для закрепления успеха: они будут создавать на захваченном участке своеобразный броневой укрепленный район, держа под обстрелом местность перед фронтом, на флангах и даже частично в тылу. Крупные танковые части намечалось ввести только после полного прорыва линии Маннергейма и выхода войск на оперативный простор.

Наша армия в то время лишь приобретала навыки боевых действий в современной войне. Эти навыки были выстраданы, добыты немалой кровью. Опыт, полученный нашими кадрами в боях с белофиннами, весьма пригодился в годы Великой Отечественной войны, особенно в битвах под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге.

В первые дни февраля были проведены частные операции, чтобы командиры, штабы и отдельные части приобрели практический опыт прорыва укрепленной полосы противника, разрушения и захвата отдельных долговременных сооружений. Кроме того, эти операции имели целью на некоторых участках улучшить исходные позиции для предстоящего наступления.

Одна такая частная операция предпринималась в 7-й армии, чтобы захватить несколько долговременных сооружений противника в главной полосе обороны. После короткой артиллерийской подготовки части пошли в наступление, но

успеха не имели. Израсходовали 20 тысяч снарядов разных калибров. Всю вину свалили на начальника артиллерии 7-й армии М. А. Парсегова и начальника артиллерии корпуса М. П. Дмитриева - оба получили по выговору. Это было в высшей степени несправедливо, потому что виноваты были, прежде всего, общевойсковые командиры. Вскоре этот приказ был отменен.

На опыте местных боев мы убедились, что необходимо усилить наши войска артиллерией, авиацией, танками, инженерными частями и другими специальными службами. Встал вопрос о правильном использовании минометов - сравнительно нового оружия в то время. Это сильное средство непосредственной поддержки пехоты внедрялось еще плохо.

Командир одной из стрелковых дивизий полковник Зайцев уверял меня, что минометы хорошо используются. И вдруг выяснилось, что за последние трое суток в дивизии не израсходовано ни одной мины. Стали проверять, и оказалось, что по приказанию командира дивизии минометы даже не были выданы в стрелковые полки и продолжали лежать на складе. Этот случай стал известен командующему 7-й армией К. А. Мерецкову. С присущей ему энергией он принялся за внедрение в войсках нового вида вооружения. Использование минометов в боевых условиях вскоре стало у нас обычным явлением.

Штурм

11 февраля 1940 года началась продолжительная артиллерийская и авиационная подготовка. Вначале основной целью ее было разрушение укреплений и расчистка проходов в препятствиях и минных полях. Противник понес значительный урон. Огонь еще более усилился перед тем, как наши пехота и танки перешли в атаку. Медленно, но верно войска "прогрызали" главную полосу обороны, преодолевая упорное сопротивление врага. В последующие два дня она была наконец прорвана.

На выборгском направлении наступление развивалось значительно медленнее. Отдельные долговременные сооружения оставались невредимыми даже после ожесточенных бомбовых и артиллерийских налетов и мешали расширению общего прорыва. Особенно трудным "орешком" оказался большой опорный пункт Суммы.

Кто-то из штаба Северо-Западного фронта поспешил преждевременно включить в оперативную сводку, направляемую в Москву, сообщение о захвате Суммы. Московское радио оповестило о крупном нашем успехе, а финны немедленно опровергли это сообщение. К А. Мерецкову и мне было весьма неприятно выслушивать незаслуженные обвинения из Москвы - ведь в сводках 7-й армии о взятии проклятого опорного пункта

ничего не говорилось.

15 февраля на Суммы обрушился ураган наших бомб и снарядов. Я был на передовом наблюдательном пункте. Когда артиллерия перенесла свой огонь на установленную глубину, пехота и танки дружно устремились в атаку и стали успешно продвигаться вперед. На этот раз противник не выдержал. Его фланги оказались под угрозой окружения, и он начал отход.

На моих глазах опорный пункт пал. Вернувшись на командный пункт 7-й армии, я оказался свидетелем телефонного разговора Мерецкова с наркомом. В Москве никак не хотели поверить, что наши войска захватили Суммы. Увидев меня, Мерецков сказал в телефонную трубку:

- Товарищ народный комиссар, вот вошел Воронов, он все своими глазами видел.

Я подробно доложил наркому, как протекал бой. Но он все-таки еще трижды переспросил, верно ли сообщение о взятии опорного пункта.

Наконец раздраженный тон сменился теплым и добрым. Нарком пожелал войскам успешного завершения наступления.

Осмотрели захваченный опорный пункт и его сооружения. Противник оставил вокруг много мин. На моих глазах подорвалось несколько наших автомашин.

Мне очень хотелось поглядеть на два наших опытных танка новейшего образца, застрявших перед дотами противника. Использование в бою этих опытных машин было большой ошибкой. Мы благополучно добрались до танков и через открытые люки осмотрели их внутренность. Осмотр проходил с максимальной осторожностью. Но когда мы отошли, вдруг раздался взрыв - один из танков оказался заминированным. Люди, стоявшие поблизости, получили ранения.

На знаменитой высоте 65,5 был финский дот с броневой напольной стенкой. Подойдя к нему вплотную, мы увидели, что узкая амбразура этого дота заклепана меткими попаданиями бронебойных снарядов 45-миллиметрового калибра. Кто-то высказал предположение, что это работа танков, но я усомнился.

Против амбразуры на почтительном расстоянии действительно стоял подорвавшийся на минах танк. Но кучность попаданий была слишком высока для танкового орудия. К тому же изуродованная броня дота уже успела заржаветь, значит, укрепление выведено из строя давно, а танки появились тут только в последние дни.

Я начал поиски следов стрелявшего орудия. В глубоком снегу была найдена 45-миллиметровая пушка с разбитыми колесами. Орудие находилось почти перпендикулярно к броневой плите дота. Отсутствие следов рикошетов от броневой стенки давало повод считать, что отличилось именно это орудие.

По номеру на стволе пушки мы нашли подразделение, где она состояла на вооружении. Командир орудия И. Е. Егоров рассказал, как было дело.

Орудийный расчет участвовал в частной операции. Передвигаясь перекатами вслед за пехотой, он обнаружил пулемет противника, стрелявший из дота. Артиллеристы били по нему до тех пор, пока он не замолчал, Но и орудие пострадало - в него угодил вражеский снаряд. Весь расчет орудия, кроме командира, был выведен из строя, а Егоров вернулся в свое подразделение.

С тех пор почти полтора месяца он изо дня в день видел на нейтральной полосе ствол своей пушки, торчавший из снега. Егоров уже командовал другим орудием, но его непосредственные начальники не давали ему покоя, обвиняя в потере пушки. Все его ночные попытки спасти орудие успеха не имели.

За стаканом чая у меня в землянке Егоров признался, что был страшно перепуган моим вызовом, подумал, что его решили привлечь к ответственности за потерю орудия.

Если бы вы знали, какая гора свалялась с моих плеч, когда я узнал, что мое орудие все-таки нашли!

Вскоре И. Е. Егорову было присвоено звание Героя Советского Союза. Его замечательная пушка находится на вечном хранении в Артиллерийском историческом музее в Ленинграде и служит живым примером того, как можно относительно маленьким снарядом поразить такое мощное сооружение, как бронированный дот.

Когда линия Маннергейма была прорвана, командование

приняло решение создать для развития успеха подвижные танковые группы. Пехота следовала на броне танков. Перед угрозой выхода наших войск в его тыл противник 17 февраля был вынужден начать отход на вторую полосу обороны.

Десять суток ушло у нас на подготовку прорыва второй оборонительной полосы. Тем временем моряки Балтийского флота после упорного четырехдневного штурма овладели фортом Мурила.

28 февраля наши войска возобновили наступление и к исходу 1 марта успешно преодолели оборону противника на всю ее глубину. Впереди был Выборгский укрепленный район. Наши передовые части по льду залива обошли город с северо-запада и перерезали железную дорогу и шоссе Выборг - Хельсинки.

Советские войска наносили противнику удар за ударом. Перед лицом неминуемого разгрома Финляндия запросила мира. 12 марта в Москве был подписан мирный договор. По нему боевые действия прекращались в 12 часов дня 13 марта.

В это время я был в войсках 8-й армии севернее Ладожского озера. Тут дела шли успешно. Одно из соединений сумело обойти фланги противника и замкнуть полукольцо. Как были огорчены наши славные бойцы, когда они узнали, что им теперь надлежит расступиться и пропустить противника из окружения.

Запомнился возмутительный случай. Утром 13 марта стрельба на фронте затихла. 11 часов 45 минут. Оставалось всего четверть часа войны, после чего можно выйти из укрытий, свободно вздохнуть, помыться, привести себя в порядок, помечтать...

В это время в расположении финнов открыли огонь артиллерийские батареи. Мы услышали свист снарядов и разрывы их на наших позициях. Войска понесли жертвы. Советская артиллерия была вынуждена как следует ответить и отомстить за гибель своих товарищей.

Ровно в 12.00 наступила тишина. Бойцы и командиры радостно поздравляли друг друга с победой. За успешное выполнение заданий в этой войне В. Д. Грендалю и мне было присвоено звание командарма 2 ранга.

В конце марта состоялся Пленум Центрального Комитета партии, который уделил много внимания рассмотрению уроков войны. Он отметил серьезные недостатки в действиях наших войск, в организации воспитания и обучения воинов. Мы еще не научились использовать все возможности новой техники. Критиковалась нечеткая работа тыла. Войска были плохо подготовлены к действиям в лесах, в условиях сильных морозов и бездорожья. Партия требовала всесторонне учесть боевой, опыт,

накопленный на Хасане, Халхин-Голе и Карельском перешейке, совершенствовать вооружение, улучшить организацию и обучение войск. Возникла необходимость срочно переработать уставы и наставления, привести их в соответствие с требованиями современной войны.

Указания партии обязывали советских воинов пристально следить за развитием военного дела, постоянно двигать его вперед.

Мы, артиллеристы, еще энергичнее взялись за совершенствование своего мастерства, за лучшее оперативно-тактическое использование всех видов и калибров артиллерии, за повышение точности стрельбы, за улучшение подготовки кадров.

Особые заботы вызывала материальная часть артиллерии. В Финляндии при сильных морозах в орудиях отказывала полуавтоматика. Нужно было срочно разработать новые виды смазки. 152-миллиметровая пушка-гаубица при сильных перепадах температуры воздуха стреляла ненормально. Пришлось провести большие исследовательские работы. После некоторых усовершенствований эти орудия блестяще выдержали экзамен в Великой Отечественной войне.

Началась разработка нового Полевого устава, основанного на боевом опыте последнего времени. Я внес предложение изъять из устава главу "Особые условия" и перенести ее основные указания в главы, где излагались положения о наступательном, оборонительном и встречном боях. Это предложение было принято.

Поступает новая техника

После окончания советско-финляндской войны наша артиллерия стала пополняться новыми видами вооружения и боевой техники. Этому способствовала крепнущая мощь нашей социалистической индустрии. Центральный Комитет партии уделял постоянное внимание развитию промышленности. Возникали новые заводы, расширялись. старые. Многие из них работали на нужды обороны страны, в том числе на артиллерию. У нас сложились прочные, непрерывно растущие связи с обкомами, горкомами, заводскими партийными организациями. Когда нужно было решить какую-нибудь сложную задачу по производству вооружения, мы обращались к партийным организациям, а через их посредство - и к многотысячной армии рабочих, инженеров и техников. Работа была грандиозной по масштабам, страшно сложной, очень часто совершенно новой для нашей промышленности. Но советские труженики, понимая, что от них зависит обороноспособность государства, самоотверженно выполняли свой патриотический долг и успешно решали

труднейшие задачи.

Артиллерийский комитет, Главное артиллерийское управление (ГАУ) и главные управления военной промышленности работали рука об руку. Как и раньше, основным заказчиком являлось ГАУ. Оно заказывало оружие не только для артиллерийских частей, но и для пехоты, кавалерии, бронетанковых войск. Сроки проектирования, изготовления и испытания опытных образцов были очень краткими. Все стремились как можно скорей оснастить Красную Армию наиболее эффективным и надежным оружием.

Внимательно рассматривались эскизные проекты и тактико-технические требования к проектируемому образцу. Часто мы выезжали на заводы, встречались с конструкторами, инженерами, техниками, мастерами и рабочими, стремились доходчиво разъяснять им цель заказа, его важность и ответственность. Поездки в институты, лаборатории, на полигоны всегда были крайне полезными для нас, артиллеристов.

Большими, радостными событиями были заводские испытания новых образцов. Крупнейшие артиллерийские специалисты участвовали в этих испытаниях, всесторонне оценивая новое орудие. После этого опытный образец направлялся на полигонные испытания. Оно начиналось с полной разборки орудия, тщательного обмера деталей и скрупулезной проверки их соответствия рабочим чертежам. Далее следовали стрельбы. Они проводились в самых разнообразных условиях - в лютый холод и жару, в дождь, в пыль, в сильный ветер, днем и ночью. Материальная часть проверялась на марше по дорогам с разным покрытием. Недаром однажды крупный инженер-иностранец, увидев наши испытания, воскликнул:

- Ну, мы теперь можем сказать, что если образец выдержал русские испытания, то на войне он выдержит все!

Если в ходе испытаний выяснялись какие-либо недостатки, образец отправлялся на доработку, после которой весь процесс проверки повторялся заново.

В случае успеха полигонных испытаний заказывалась малая серия опытного образца, которая поступала уже на войсковые испытания. В войсковой обстановке образцы проверялись авторитетной комиссией под председательством крупного специалиста-артиллериста.

Строгая и надежная система разработки, производства и проверки опытных образцов вооружения способствовала оснащению советской артиллерии добротной боевой техникой. Может быть, некоторые из наших орудий не были столь красивыми, как иные заграничные. Но в боевых качествах их

сомневаться не приходилось.

Конечно, трудностей встречалось немало. Допускались и ошибки. Однажды прокатилась волна преждевременных разрывов снарядов при стрельбах на полигонах. Для выяснения причины была назначена комиссия под моим председательством, в которую вошли В. Д. Грендаль, И. А. Серов и другие специалисты. Как всегда бывает в таких случаях, сразу найти виновников оказалось трудно.

Комиссия проверила работу ряда заводов, производивших артиллерийские боеприпасы. На новых заводах ведущей силой были молодые инженеры и техники и еще более молодые рабочие и работницы, которым не хватало знаний и сноровки. Техническое оснащение заводов не всегда умело использовалось.

На заводах, производивших корпуса снарядов, мы обнаружили, что приемка продукции отделами технического контроля и представителями от армии ведется по старинке, на глазок, на ощупь.. По указанию комиссии большая партия уже принятых корпусов была подвергнута проверке гидравлическим способом. Некоторые из корпусов сразу же дали течь. Это был явный брак. Если корпус пропускает жидкость, то пороховые газы при выстреле, развивающие огромное давление, тем более смогут проникнуть во внутреннюю часть снаряда. Неизбежен преждевременный взрыв, возможно, даже в самом стволе орудия, что грозит его разрушением, человеческими жертвами.

Очень ответственная задача возлагалась на работниц, проверявших головные части снарядов. Они должны были выявлять возможные трещины или "волосовины" зачатки трещин. С этой целью головка снаряда опускалась в специальную жидкость, в которой дефекты на металле проявлялись нагляднее. Мы заинтересовались этой стадией контроля. И опять обнаружили значительный процент брака в уже принятой продукции, В беседе с девушками-контролерами было установлено, что первые два - четыре часа их работа идет хорошо, а потом глаза устают и замечать дефекты становится все труднее.

Разобрались мы и в качестве наполнения корпусов снарядов взрывчаткой. И здесь мы нашли нарушения технологического процесса. Когда мы ночью проходили с директором завода по шнековальному цеху, я пошутил:

- Насмотревшись на ваше производство, я не буду удивлен, если в одном из снарядов мы найдем зашнекованного кота.

Директор тяжело вздохнул и серьезно ответил:

- Нет, этого быть не может.

Проверили мы и процесс производства взрывателей. Дело это не простое. Известно, что современный взрыватель в снаряде -

механизм поточнее и посложнее, чем карманные или ручные часы. Какие бы мудреные часы ни были, их всегда можно исправить, заменить детали, отрегулировать. Взрыватель же не исправишь, и сработать он должен точно, независимо от того, когда будет пущен в дело: сегодня или через десятки лет. В производстве взрывателей тоже допускались отступления от инструкций. У контролеров в руках мы увидели напильники: если деталь не подходила, они просто слегка ее подпиливали без всяких измерений. И это там, где ошибка в десятые, даже сотые доли миллиметра недопустима! Все это делалось в целях скорейшего выполнения плана. Мы взяли 10 тысяч взрывателей, готовых к отправке, и направили в другой город на такой же завод для их разборки и тщательной проверки. Обнаружились сотни случаев производственного брака с отклонением от рабочих чертежей и установленных допусков. Одних удлиненных жал выявили 114. Только этот дефект мог дать 114 преждевременных разрывов!

В заключение комиссия провела многочисленные опытно-экспериментальные стрельбы. Они воочию доказали, что конструктивно боеприпасы безупречны, но качество их изготовления необходимо улучшить.

Комиссия потребовала наладить технологический процесс, повысить техническую грамотность работников, решительно поднять трудовую дисциплину, внедрить новые, прогрессивные методы контроля. Производственники поняли свои ошибки и приложили все силы, чтобы выпускать продукцию высокого качества.

Недостатки, выявленные нами, были серьезными. После нашего доклада комитету обороны кое-кто стал высказывать мнение, что за такие промахи виновников надо жестоко наказать. Предлагали снять с работы некоторых директоров, главных инженеров, главных технологов. Эти настроения были и у некоторых членов нашей комиссии.

Но мне и моему заместителю по комиссии В. Д. Грендалю было ясно, что наказанием мало поможешь делу. Снять и наказать людей просто, а где взять в данное время лучших специалистов? Как бы не променять кукушку на ястреба!

Пришлось взять под защиту многих руководящих работников заводов. Наши выводы и предложения были приняты и утверждены. Все остались на местах. Производство артиллерийских боеприпасов вскоре было хорошо налажено.

Мне много раз приходила в голову мысль о том, что история с преждевременными разрывами снарядов могла быть создана и умышленно, чтобы поколебать нашу уверенность в пригодности

производимых артиллерийских боеприпасов. Представьте себе, если бы мы стали наспех вносить изменения в чертежи, необоснованно браковать снаряды с точки зрения конструкции и многого другого - все это могло привести к тому, что наша артиллерия к началу войны при отличной материальной части осталась бы без боеприпасов. Комиссия своей добросовестной работой, таким образом, внесла свой вклад в укрепление обороноспособности страны. А сколько труда это нам стоило! Ведь в наш адрес сыпались заявления, предупреждения, анонимки поднявших голову клеветников, склочников, болтунов и шептунов, обливавших грязью честных работников.

Вспоминается случай с пулеметными патронами для самолетов-истребителей. Вдруг ни с того ни с сего авиационные пулеметы системы "ШКАС" стали часто давать осечки.

По поручению Народного комиссара обороны С. К. Тимошенко нам пришлось заняться этим делом. Мы организовали опытные стрельбы. Они показали, что все сомнительные патроны в обычных винтовках, ручных и станковых пулеметах сухопутных войск работают безотказно, а в авиационных пулеметах продолжают давать осечки. Выявилось и то, что есть какие-то партии патронов, которые не дают осечек при стрельбе из "ШКАС". Но какие и почему - этого никто не мог точно установить.

На очередном заседании комиссии я обратил внимание на лежащие на столе образцы боевых капсюлей. Стал внимательно их рассматривать и обнаружил одну деталь: фольга в месте крепления с капсюлем была покрыта красным или черным лаком. Красный лак был импортным, а черный - отечественным. Провели новые стрельбы. Капсюли, покрытые импортным лаком, не давали осечек. Вторые, наоборот, дали осечки.

Все патроны с капсюлями, покрытыми черным лаком, были немедленно изъяты из ВВС и переданы для использования в сухопутные войска. Военно-воздушные силы стали снабжаться патронами с капсюлями, покрытыми красным лаком. Комиссия предложила также провести тщательные исследования качества отечественного лака. Оказалось, что наши химики не доработали: лак, предложенный ими, вредно влиял на фольгу. Было предложено срочно устранить этот дефект. Вскоре создали новый лак, вполне отвечающий предъявляемым к нему требованиям. Осечки прекратились.

Участие в ответственных комиссиях хотя и отнимало много времени, но зато обогащало знаниями и опытом в различных областях артиллерийского вооружения и боевой техники.

За Днестром

Во второй декаде июня 1940 года Народный комиссар обороны приказал мне немедленно выехать в Киевский особый военный округ и оказать помощь артиллеристам. Моим попутчиком был В. Д. Грендаль, ехавший с подобным же поручением в Одессу. Хотя конкретные задачи мы должны были получить на месте, оба догадывались, что наша скоропалительная командировка безусловно связана с событиями на румынской границе. Так и оказалось.

Получив полную ориентировку от командующего войсками Киевского округа, я без промедления направился в группу советских войск, приведенных в предбоевое положение в районе Коломыя.

Артиллерийские начальники выехали на советско-румынскую границу для изучения местности. Начальник артиллерии группы войск на этом направлении генерал Н. В. Гавриленко и другие артиллеристы старались убедить меня в наличии большого количества долговременных огневых точек на оборонительных рубежах Румынии. Товарищи настолько верили в это, что я с трудом мог удержаться от смеха. Вот к чему может привести плохое знание экономических возможностей противника. Экономика королевской Румынии никогда не осилила бы сложное и дорогостоящее оборонное строительство, о котором говорили мне товарищи. Я показал несколько мест на границе, где рядами стояли убогие деревянные надолбы. Доты и дзоты не могли, конечно, сочетаться с распиленными, не очень толстыми бревнами, небрежно воткнутыми около дороги. Мои доводы, кажется, убедили артиллерийских начальников, они стали реальнее смотреть на оборонительные сооружения румын.

26 июня 1940 года Советское правительство обратилось к правительству Румынии с предложением возвратить Советскому Союзу Бессарабию - выполнить договор, заключенный в марте 1918 года. Правительство Румынии приняло предложение мирным путем решить бессарабский вопрос.

К двум часам дня 28 июня 1940 года советские войска, построившись в колонны для марша, тронулись в путь. Я с двумя сопровождавшими командирами прибыл на шоссе Коломыя - Черновицы, к мосту через небольшую речку непосредственно на границе. По ту сторону уже не было видно ни одного румынского пограничника. Группками собрались местные жители. Мост оказался деревянным, довольно ветхим, он не выдержал бы тяжести наших танков. Саперное подразделение немедленно приступило к ремонту. С того берега подошли несколько молдаван и стали умело помогать нашим красноармейцам. Через некоторое время через мост перешли два старика молдаванина и,

низко кланяясь, заговорили на своем языке вперемешку с русским.

Все увеличивающаяся толпа молдаван с обнаженными головами приветствовала своих освободителей. Перед толпой оказался оркестр народных инструментов человек в сорок, который очень хорошо исполнил старинный русский марш "Тоска по родине".

Раздался шум моторов - наша танковая колонна подошла к мосту и точно в 2 часа дня перешла границу. Под радостные возгласы и громкие аплодисменты молдаван проходила кавалерия, мотопехота, артиллерия.

На следующий день на одном из перекрестков я встретил легковую автомашину с двумя румынскими офицерами и переводчиком. Они подошли ко мне и высказали упрек: наши войска движутся слишком быстро. Впервые в жизни мне встретились королевские офицеры-щеголи с подведенными бровями и ресницами, напудренными и подкрашенными лицами, а у одного из них была даже черная мушка на щеке. Персонажи из оперетты, да и только! Объяснил им, что марш наших войск проходит в строгом соответствии с планом, утвержденным обеими сторонами. Советские войска продолжали двигаться за Днестр.

Мирное освобождение Бессарабии и Северной Буковины закончилось парадом советских войск в Кишиневе при большом стечении жителей этого красивого южного города. Ликование освобожденного народа было неописуемо.

Во время парада я обратил внимание на священника в долгополой рясе, с большим красным бантом на груди, в шляпе с большими полями. Он стоял на придорожной тумбе, держась за фонарный столб, и, поднимая правую руку вверх, выкрикивал: "Христолюбивому русскому воинству - ура!", "Русскому солдату ура!", "За Русь святую - ура!"

Когда прошли войска, и мы спустились с трибуны, священник подошел к нам, снял шляпу, поздоровался и тут же задал вопрос:

- Как и на каких основаниях я могу вступить в коммунистическую партию?

Многие не сразу нашли ответ. Выручил член Военного совета округа. Он ответил кратко и вразумительно:

- На общих основаниях, батюшка! Священник поблагодарил за ответ и отошел в сторону.

Возвращаясь в Москву, я радовался, что наконец-то ликвидирована вопиющая несправедливость. Народы, населяющие Бессарабию и Северную Буковину, освобождены, и теперь они смогут зажить полнокровной жизнью в братской семье

народов Советского Союза.

Новые назначения

Совсем случайно мне стало известно, что заместитель Народного комиссара обороны начальник ГАУ Г. И. Кулик и заместитель начальника Генерального штаба И. В. Смородинов разрабатывают проект ликвидации должности начальника артиллерии Красной Армии и его аппарата и передачи их функций в ГАУ. У меня не укладывались в голове эти неразумные предложения. Недавно только закончилась советско-финляндская война, которая подтвердила возросшую роль и значение артиллерии в современной войне.

Вскоре меня официально предупредили, что вопрос уже решен высшими инстанциями. Я получил извещение прибыть на заседание в Кремль.

Главным докладчиком был генерал И. В. Смородинов. Его дополнил Г. И. Кулик. На стене висела большая схема организации нового ГАУ. Она доказывала, что без начальника артиллерии можно вполне обойтись. Ряд его функций переходят к ГАУ, другие, видимо, в ведение Генерального штаба.

Я выступил против, но мой единственный "глас" оказался "вопиющим в пустыне". После этого снова выступил Г. И. Кулик и в своей витиеватой речи попросил учесть, что ему пора перейти работать на другое направление и поэтому нужно освободить его от работы в ГАУ. Куда он метил - этого он не сказал, но пояснил, что его перемещение соответствовало бы его высоким оперативным познаниям и опыту работы, что у него выработан большой оперативный "нюх". Кулик внес предложение назначить меня начальником нового ГАУ.

Я попросил снять мою кандидатуру, так как не согласен с новой структурой, и предложил оставить на этой должности Г. И. Кулика: пусть на деле докажет полезность предлагаемых им новшеств.

Большую ошибку я тогда допустил, что не отстоял свою точку зрения.

Начальником ГАУ был утвержден Г. И. Кулик, я - его первым заместителем, Г. К. Савченко - вторым, В. Д. Грендаль - третьим.

Моя работа в роли первого заместителя начальника ГАУ была не из легких, она требовала большого внимания и настороженности. Г. И. Кулик был человеком малоорганизованным, много мнившим о себе, считавшим все свои действия непогрешимыми. Часто было трудно понять, чего он хочет, чего добивается. Лучшим методом своей работы он считал держать в страхе подчиненных. Любимым его изречением при постановке задач и указаний было: "Тюрьма или ордена". С

утра обычно вызывал к себе множество исполнителей, очень туманно ставил задачи и, угрожающе спросив "понятно?", приказывал покинуть кабинет. Все, получавшие задания, обычно являлись ко мне и просили разъяснений и указаний.

В столь же тяжелых условиях находились Г. К. Савченко и В. Д. Грендаль. Мы часто составляли "триумвират" и коллективно добивались положительных решений от своего начальника.

С большим трудом удалось доказать необходимость создания противотанковых артиллерийских соединений. Гитлеровские захватчики уже более года на полях Европы широко демонстрировали массированное применение танков. Нам надо было готовить надежные артиллерийские заслоны против них. Наконец удалось убедить командование.

Вышла в свет директива о формировании десяти артиллерийских противотанковых бригад - первых специальных соединений, предназначенных для борьбы с танками противника.

Формирование велось ускоренными темпами. Большое внимание уделяли подбору руководящих кадров. На должности командиров этих бригад были назначены лучшие, наиболее способные артиллеристы. Приняты меры, чтобы весь личный состав соответствовал своему назначению. Спешно разрабатывались указания по боевому применению формируемых соединений. Бригады получали новейшие артиллерийское вооружение и боевую технику.

Все, казалось, шло хорошо. Но вдруг появилась новая директива - о прекращении формирования бригад.

Кто был инициатором этого вредного мероприятия, мне не известно.

Много понадобилось времени, чтобы добиться отмены этого документа. Некоторые бригады, далеко не закончив вторичного формирования, втянулись в бои начавшейся Великой Отечественной войны. Тем не менее они сумели доказать целесообразность своего существования. Бригады дрались геройски.

А у меня опять несчастье: обострилась болезнь - последствия автомобильной катастрофы. После лечения направили в санаторий "Барвиха". Несмотря на всякие запреты, тайно от медицинского персонала рецензировал научные труды, касающиеся нашей артиллерии. Я имею в виду труд Академии имени М. В. Фрунзе под редакцией В. Д. Грендаля и труд Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского под редакцией А. К. Сивкова. Оба труда имели большое значение для подготовки кадров командного состава артиллерии. Мне хотелось, чтобы в этих книгах не было ошибок. Многие из моих

замечаний были учтены.

Пока я лечился, состоялся очередной сбор начальников артиллерии округов. Руководил им Г. И. Кулик и, конечно, допустил ряд ошибок. Он, например, абсолютно незаслуженно дискредитировал наши новые правила стрельбы наземной артиллерии, разработанные большим коллективом специалистов на основе результатов многих опытных стрельб. На сборе Кулик обещал вскоре издать другие правила стрельбы. Вызвал к себе работника, занимавшего небольшую должность в арткоме ГАУ, и приказал ему в две недели заново разработать правила и представить их на утверждение. Офицер пришел ко мне в большом расстройстве, ибо ему поручили явно непосильную задачу. Недоразумение было ликвидировано после моей длительной беседы с Г. И. Куликом с глазу на глаз.

Как-то в "Красной звезде" я прочел насторожившую меня статью по стрельбе артиллерии.

Очень не хотелось, чтобы на страницах нашей печати разбалтывалось то, над чем мы работаем. Ко мне то и дело. обращались с настойчивыми просьбами представители военных газет и журналов, уговаривали поделиться с читателями боевым опытом, думами и пожеланиями на будущее. Настойчиво требовали статей. Но я оставался непреклонен. И правильно делал! Фашистская Германия многого не знала тогда о нашей артиллерии и не учла ее возможностей в своих планах "блицкрига".

В начале 1941 года проверялось качество артиллерийской подготовки в Академии имени М. В. Фрунзе. Выяснилось, что слушатели - общевойсковые командиры - слабо изучают вопросы боевого применения артиллерии. Эта проверка помогла руководству академии исправить крупные недостатки в учебном процессе.

Продолжалась разработка проекта нового Полевого устава. В канун Великой Отечественной войны на моем столе лежала уже 17-я верстка этого проекта. Работа нашей комиссии протекала медленно. Нередко менялись председатели комиссии, они иногда начинали все заново - тогда приходилось возвращаться к уже принятым статьям и разделам устава, вносить бесконечные, зачастую несущественные, поправки. Это задерживало выход в свет важнейшего документа.

В конце мая 1941 года меня вызвали в ЦК партии и предложили согласиться с возможным моим назначением на должность начальника Главного управления противовоздушной обороны страны. Это было полной неожиданностью. Мне не хотелось уходить из артиллерии, которой я отдал много лет

своей жизни.

Тепло и дружески говорили со мной, подчеркивая всю важность дела, которое мне поручалось.

- Вы должны взяться за эту работу всерьез и надолго. Вообще-то все уже предрешено, мы ждем только вашего согласия.

- А если его не будет? - спросил я.

- Все равно вы будете назначены, Николай Николаевич.

Мне оставалось сказать, что я согласен.

19 июня, за трое суток до начала войны, я вступил в должность начальника Главного управления ПВО.

Всегда на новой работе бывает масса трудностей, но на этот раз они были особенно многочисленны. Больше всего тревожило, что некоторые военные товарищи не понимали значения ПВО в современных условиях. С первых же дней многое казалось поставленным не так, как должно бы быть. Но я не спешил с окончательными выводами: надо же во все вникнуть, глубоко изучить новое дело. Тем не менее, сразу же взялся за повышение боевой готовности войск ПВО. Я был охвачен стремлением как можно быстрее сделать противовоздушную оборону страны отвечающей современным требованиям.

Система управления войсками ПВО была весьма нестройной. Так, например, вся служба воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) находилась в ведении непосредственно главного штаба ПВО в Москве, а все активные средства противовоздушной обороны подчинялись командующим военными округами и лишь по вопросам специальной подготовки - начальнику Главного управления ПВО. Это, конечно, не способствовало четкости и оперативности в управлении.

Мне и моим ближайшим помощникам - генералам Н. Н. Нагорному, А. А. Осипову и корпусному комиссару П. К. Смирнову пришлось засучив рукава взяться за дело.

Над Родиной смертельная опасность

Роковые просчеты

Очень тревожно было на душе. Война надвигалась с каждым часом - об этом сигнализировали донесения с границы, сводки ВНОС, сообщения о перелетах немецких самолетов. А в наркомате обороны обращали мало внимания на угрожающие симптомы.

Странным кажется, почему наше руководство, зная о нарастающей военной опасности, не сочло нужным собрать наиболее ответственных начальников наркомата обороны, чтобы обменяться мнениями о создавшейся военно-политической обстановке.

В апреле, мае, июне в Генеральном штабе составлялись документы большой важности. В них сообщалось о больших

оперативных перевозках немецких войск к нашим западным границам с перечислением номеров корпусов, пехотных и танковых дивизий. Авторы этих документов не делали четких выводов, а ограничивались лишь голой констатацией фактов. Было ясно, что Генеральный штаб не рассчитывал, что война может начаться в 1941 году. Эта точка зрения исходила от Сталина, который чересчур верил заключенному с фашистской Германией пакту о ненападении, всецело доверялся ему и не хотел видеть нависшей грозной опасности.

Между тем тревожных данных было немало. Наши люди, побывавшие в Германии, подтверждали, что немецкие войска движутся к советским границам. Мало того, даже Уинстон Черчилль нашел нужным еще в апреле предупредить Сталина об опасности, грозящей Советскому Союзу со стороны фашистской Германии.

Итак, за два месяца до начала войны Сталин знал о подготовке нападения на нашу страну. Но он не обращал внимания на все тревожные сигналы.

Несмотря на свою занятость, я урывками по ночам стал составлять проект докладной записки начальнику Генерального штаба. Собирал все данные о вероятном противнике, анализировал их, намечал предложения общего порядка и отдельно - по вопросам ПВО. Над проектом я мог работать только сам, не привлекая никого, и даже решил представить документ, написанный от руки.

Надеялся полностью закончить работу к 25-26 июня. К утру 22 июня у меня был только карандашный черновик в весьма сыром виде, с уймой помарок.

Как жалел я после, что поздно взялся за свою докладную записку!

Я в то время не знал, есть ли у нас хоть какой-нибудь оперативно-стратегический план на случай войны. Знал лишь, что "План-система артиллерийского вооружения и боевой артиллерийской техники" все еще не был утвержден высшими инстанциями, хотя первый его вариант был разработан в 1938 году. В практической работе мы руководствовались этим неутвержденным проектом, действовали на свой страх и риск.

Многие вопросы волновали в эти предвоенные дни. Было известно, например, что наши войска, стоявшие на западных границах, не выводились на свои рубежи обороны в приграничную полосу из-за боязни спровоцировать войну. Но вместе с тем в это же время осуществлялись большие оперативные перевозки войск из глубины нашей страны к западным границам. Шли сюда небоеспособные части, которые

нуждались в людских пополнениях, оснащении вооружением. Вдогонку им двигались многочисленные транспорты с техникой и боеприпасами. Это большое оживление на железных дорогах легко могло быть вскрыто агентурой противника и его воздушной разведкой.

Тут было явное противоречие. Зачем было бояться выдвигать наши войска непосредственно к границам и развертывать их на этих рубежах, если мы уже в это время совершали большие оперативные перевозки, сосредоточивали войска в определенных районах?

Военно-воздушные силы совершенно неоправданно размещались по мирной дислокации. Почему нельзя было под видом обычных учений рассредоточить их по полевым аэродромам, а всю истребительную авиацию приграничных округов нацелить на противовоздушную оборону войск, командных пунктов и важных тыловых объектов?

Как могло наше руководство, не построив нужных оборонительных полос на новой западной границе 1939 года, принять решение о ликвидации и разоружении укрепленных районов на прежних рубежах?

Прямые указания сверху - ни в коем случае не идти на провокации гитлеровцев порождали смехотворные нелепости. Многие наши части, находившиеся в приграничных округах, перед началом войны не имели даже винтовочных патронов, не говоря уже о боевых снарядах. Не без ведома Генерального штаба средства механической тяги в это время изымались у артиллерийских частей и использовались на строительстве укрепленных районов вдоль новой западной границы. В результате орудия остались на "приколе", их невозможно было применить в неожиданно развернувшихся боях.

Впрочем, нашлись командиры, которые по собственной инициативе держали свои части в боевой готовности. Например, 16-й стрелковый корпус Прибалтийского военного округа к маю 1941 года скрытно подготовил главную полосу обороны вдоль государственной границы. Артиллеристы корпуса, обеспокоенные усиленным сосредоточением немецко-фашистских войск в этом районе, подвезли на огневые позиции боеприпасы. Командование округа, узнав об этом, приказало вернуть боеприпасы обратно на склады. Артиллеристы, с разрешения командующего армией, не сдали боеприпасы.

Командование корпуса и армии располагало тогда точными данными, что в этом районе одному нашему корпусу противостоят три немецких. Обстановка была грозная. Вот почему командование армии и корпуса не выполнило приказ

командующего округом.

Когда на рассвете 22 июня 1941 года фашистская Германия начала войну, войска 16-го корпуса смело приняли бой и успешно отразили атаки противника.

Артиллеристы, заранее обеспечив себя боеприпасами, умело вели борьбу с гитлеровскими танками и нанесли врагу большие потери.

Есть основания предполагать, что подобные случаи инициативных действий были и в других приграничных округах, но они, конечно, не могли оказать решающего влияния на ход боевых действий. Возможности для организации отпора врагу были упущены нами в роковые предвоенные месяцы.

Особенную тревогу переживали тогда мы, руководящие работники ПВО. Широкая сеть постов ВНОС подробно сообщала обо всех полетах немецких разведывательных самолетов над территорией наших приграничных округов. Эти данные наносились на специальные карты и немедленно докладывались в Генеральный штаб. Очень часто нам отвечали: "Уже знаем. Не беспокойтесь".

Мы имели категорическое приказание не открывать огня по немецким самолетам. Наши истребители получили указание: в случае встречи с немецкими самолетами не трогать их, а предлагать им приземлиться на любой из наших аэродромов. Однако такие предложения немцами, конечно, не принимались, они спокойно уходили на свою территорию, на прощание помахивая рукой нашим летчикам.

По приказу командующего войсками Прибалтийского военного округа Ф. И. Кузнецова вводилось затемнение городов и отдельных объектов, имеющих военное значение. Я сразу же по телефону доложил об этом начальнику Генерального штаба Г. К. Жукову, чтобы получить разрешение на проведение таких затемнений и в других приграничных округах. В ответ услышал ругань и угрозы в адрес Кузнецова. Через некоторое время командующему Прибалтийским округом было дано указание отменить этот приказ.

За несколько дней до начала войны я случайно встретился в Москве с командующим войсками Белорусского военного особого округа Д. Г. Павловым, которого я хорошо знал по совместной работе в наркомате обороны и по боям в Испании.

- Как у вас дела? - спросил я его.

- Войска округа топают на различных тактических батальонных и полковых учениях, - ответил Павлов. - Все у нас нормально. Вот воспользовался спокойной обстановкой, приехал в Москву по разным мелочам.

В таком благодушном настроении находился командующий одним из важнейших приграничных военных округов.

В тот же день я был на приеме у заместителя наркома обороны Г. И. Кулика. Разговор коснулся последних сводок Генерального штаба о продолжающемся усиленном сосредоточении немецких войск, их штабов и тылов у наших западных границ. Данные были правдивыми - в них указывались номера немецких корпусов, пехотных и танковых дивизий. Кулик по этому поводу сказал:

- Это большая политика, не нашего ума дело!

И это говорил заместитель наркома обороны!

Сталин по-прежнему полагал, что война между фашистской Германией и Советским Союзом может возникнуть только в результате провокации со стороны фашистских военных реваншистов, и больше всего боялся этих провокаций. Как известно, Сталин любил все решать сам. Он мало считался с мнением других. Если бы он собрал в эти дни военных деятелей, посоветовался с ними, кто знает, может быть, и не произошло бы трагического просчета.

Сталин, безусловно, совершил тогда тягчайшую ошибку в оценке военно-политической обстановки, и по его вине страна оказалась в смертельной опасности.

Огромных жертв стоила советскому народу эта ошибка.

Во многом был виновен и Молотов, с декабря 1930 года занимавший должность Председателя Совета Народных Комиссаров и председателя Совета труда и обороны, а с мая 1939 года по совместительству и Народный комиссар иностранных дел.

Невольно вспоминается, с какими трудностями решались некоторые вопросы, связанные с обороной, на заседаниях, проводимых Молотовым в канун Великой Отечественной войны. Он тоже должен держать ответ за то, что мы пришли неподготовленными к войне.

Если бы вероломно напавшие на нас немецко-фашистские захватчики на рассвете 22 июня 1941 года встретили организованный отпор наших войск на подготовленных оборонительных рубежах, если бы по врагу нанесла удары наша авиация, заблаговременно перебазированная, рассредоточенная на полевых аэродромах, если бы вся система управления войсками была приведена в соответствие с обстановкой, мы не понесли бы в первые месяцы войны столь больших потерь в людях и боевой технике. Тогда ход войны сложился бы совершенно иначе. Не были бы отданы врагу огромные территории советской земли, народу не пришлось бы переносить столько страданий и

тягот.

Гром грянул.

Обстановка изо дня в день осложнялась, а нас, руководящих работников наркомата обороны, никто не собирал. Новых установок не было, а старые выглядели так: войны не будет, надо лишь остерегаться возможных провокаций со стороны гитлеровских войск; огня зенитной артиллерии не открывать, немецких самолетов не сбивать...

Утром 21 июня 1941 года по пути на службу я раздумывал, как распланировать субботний вечер и воскресный день, чтобы и поработать над докладной запиской и вместе с тем возможно лучше отдохнуть.

Москва жила мирной жизнью. Трамваи, троллейбусы и автобусы шли переполненными. Люди спешили на работу. Погода была ясная, солнечная.

День прошел, как обычно, в потоке текущих дел. К начальству попасть не удалось, меня обещали принять с докладом только в понедельник или вторник. Папка с бумагами, не терпящими отлагательств, заняла свое место в массивном сейфе.

На душе было неспокойно. К концу дня получили приказание, чтобы все ответственные работники находились в своих служебных кабинетах до особого распоряжения.

Поздно вечером по службе ВНОС стали поступать сообщения с западных границ о том, что в расположении немцев слышится усиленный шум моторов в различных направлениях. Из какого-то округа сообщили даже, что в ряде мест немцы делают проходы в проволоке. Мы передали сведения в Генеральный штаб. Тем не менее никаких новых распоряжений не поступало.

Всю ночь мы не спали. Вести с границ поступали все более тревожные. Около четырех часов получили первое сообщение о бомбежке вражеской авиацией Севастополя. Вскоре через ВНОС поступили сведения о воздушных налетах на Виндаву и Либаву. Я позвонил Народному комиссару обороны С. К. Тимошенко и попросил принять меня немедленно по особо важному делу. Через несколько минут я уже был у него с данными о бомбежках целого ряда наших городов. В кабинете наркома находился и начальник Главного политического управления Л. З. Мехлис.

Я доложил все имевшиеся в моем распоряжении данные о действиях авиации противника. Не высказав никаких замечаний по моему докладу, нарком подал мне большой блокнот и предложил изложить донесение в письменном виде. Когда я писал, за спиной стоял Мехлис и следил, точно ли я излагаю то, что говорил. После того как я закончил, Мехлис предложил подписаться. Я поставил свою подпись, и мне разрешили

продолжать исполнять текущие обязанности.

Я вышел из кабинета с камнем на сердце. Меня поразило, что в столь серьезной обстановке народный комиссар не поставил никакой задачи войскам ПВО, не дал никаких указаний. Мне тогда показалось: ему не верилось, что война действительно началась. Зачем нужно было в это время, когда дорога каждая минута, краткий и ясный устный доклад обращать в письменный документ?

Мозг работал лихорадочно. Было ясно, что война началась, признает это нарком обороны или не признает. Я обдумывал, с чего начать, что нужно делать в первую очередь. Конечно, надо прежде всего, подготовиться к отражению налетов вражеской авиации на важнейшие объекты нашей страны. Вспомнилось, что целый ряд самых срочных вопросов, о которых я докладывал в последние дни в наркомате, были отложены высшими инстанциями и не рассмотрены. Я негодовал: упущено время. Теперь нельзя терять ни минуты.

Шофер на предельной скорости гнал машину по безлюдной Москве. Город еще спал мирным сном. По-летнему были раскрыты окна. Дворники сонно поливали улицы. Миллионы людей еще ничего не знали о начавшейся войне. Меня охватил ужас при мысли, что враг может внезапно обрушить бомбы и на столицу. Тронув шофера за плечо, я попросил его ехать еще быстрее.

На моем рабочем столе лежало уже много телеграфных лент с донесениями о бомбежках все новых и новых городов от Финского залива до берегов Черного моря.

Вбежала дежурная по бронетанковому управлению, расположенному по соседству, молодая женщина-офицер в берете и с револьвером на поясе. Встревоженная, бледная, она сказала, что в секретном ящике бронетанкового управления лежит большой пакет со многими сургучными печатями и надписью: "Вскрыть по мобилизации". Дежурная спрашивала, что делать? Никакой мобилизации не объявлено, но война-то уже идет... Я посоветовал вскрыть пакет и действовать согласно указаниям документа. В срочном порядке вызвать генералов и офицеров. В нашем управлении большинство командиров уже были на своих местах.

Посты ВНОС непрерывно оповещали не только о воздушной, но и наземной обстановке. На всем протяжении наших западных границ немцы перешли в наступление. Сообщения были до крайности тревожными. Воины службы ВНОС героически выполняли свой долг. Многие из них, не получив приказа на отход, до последней возможности оставались на своем посту и

доносили о проходящих мимо них немецких частях, танках и орудиях. Эти сообщения наши люди, презирая опасность, передавали по радио порой за несколько секунд до своей гибели.

Нередко только по этим сведениям в Москве определялась действительная обстановка на фронте. Во время кровопролитных боев быстро терялось управление войсками. Фронтовые и армейские штабы не успевали своевременно выяснять обстановку, доносить и докладывать о ходе боевых действий.

Были приняты экстренные меры для противовоздушной обороны важнейших объектов, для развертывания резервных частей. Наркомат обороны отдал распоряжение о всеобщей мобилизации.

В полдень правительство по радио оповестило народ о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну: это было словно гром среди ясного неба. Вся страна мгновенно пришла в движение, перестраиваясь на военный лад.

Москва сразу изменилась. Гневные, тревожные лица. Толпы людей около уличных репродукторов. Молодежь устремилась в военкоматы с просьбой немедленно, тотчас же отправить на фронт. Выходной день был забыт.

Тысячи людей ринулись на фабрики, заводы, в учреждения, чтобы занять свое место в общем строю.

Второй и третий дни войны проходили в Москве не менее напряженно. Но никто не предавался отчаянию. Каждый стремился как можно больше сделать для защиты Родины.

В войсках ПВО создавали новые формирования, пополняли части и подразделения, понесшие потери в первых боях. Большое внимание обращалось на восстановление и укрепление службы ВНОС. Началась ускоренная подготовка кадров всех необходимых специальностей, нужных для противовоздушной обороны. Мы упорно добивались скорейшей доставки на фронты необходимого вооружения и техники. Много энергии уходило на то, чтобы вернуть отдельные подразделения и части ПВО, ранее отошедшие в состав других войск и использовавшиеся в это время в качестве пехоты. Потребности были огромные, а возможности строго ограниченные.

Непрерывно велось наблюдение за боевыми действиями авиации противника, ее повадками и приемами. Все новые данные становились достоянием войсковых штабов.

В ожидании налетов вражеской авиации на Москву пришлось много поработать над совершенствованием и усилением ПВО столицы. Деятельно трудились в этом направлении генералы М. С. Громадин, Н. Н. Нагорный и Д. А. Журавлев. Я и Нагорный несли ответственность за ПВО в целом объектов страны,

Громадин - за Московскую зону противовоздушной обороны, Журавлев - за противовоздушную оборону столицы.

Обстановка в Ставке

На второй день войны была сформирована Ставка Главного командования Вооруженных Сил СССР во главе с Народным комиссаром обороны Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко.

30 июня 1941 года был образован Государственный комитет обороны (ГКО), в его руках сосредоточивалась вся полнота власти в Советском государстве.

10 июля 1941 года он принял решение - в целях улучшения руководства боевыми действиями войск образовать три главных направления: Северо-Западное, Западное и Юго-Западное.

В связи с этим Ставка Главного командования была переформирована в Ставку Верховного Главнокомандования.

Я редко видел Сталина в первые дни войны. Был он в подавленном состоянии, нервный и неуравновешенный. Когда ставил задачи, требовал выполнения их в невероятно короткие сроки, не считаясь с реальными возможностями.

В первые недели войны, по моему мнению, он неправильно представлял масштабы начавшейся войны и те силы и средства, которые действительно смогли бы остановить наступающего противника на широчайшем фронте от моря и до моря.

В то очень трудное время Ставка и Государственный комитет обороны частенько отвлекались на мелочи, излишне много времени уделяли снайперской и автоматической винтовкам, без конца обсуждали, какую оставить винтовку на вооружении пехоты - пехотного или кавалерийского образца? Нужен ли штык? Трехгранный или ножевого типа? Не отказаться ли от винтовки и не принять ли вместо нее карабин старого образца? Много занимались ружейными гранатами, минометом-лопатой. По этим видам вооружения запрашивалось мнение командования фронтов и армий. Ответы приходили самые разнообразные и противоречивые.

В то время в Ставку поступало много донесений с фронтов с явно завышенными данными о потерях противника. Может быть, это и вводило Сталина в заблуждение: он постоянно высказывал предположение о поражении противника в самом скором времени. Из-за неправильной оценки масштабов войны Сталин первое время не уделял достаточного внимания созданию мощных резервов.

В первые дни войны Генеральный штаб плохо знал обстановку на фронтах. Обычно каждый вечер его генералы докладывали работникам наркомата о ходе боевых действий. Эти

сообщения были невыразительными, похожими одно на другое и редко отражали подлинную картину развернувшихся сражений. Маршалу Советского Союза Б. М. Шапошникову, назначенному начальником Генерального штаба, приходилось из-за этого переживать горькие минуты. В высшей степени деликатный, Борис Михайлович часто брал на себя вину подчиненных за несвоевременную информацию. Однажды утром в Ставке я присутствовал при докладе общей обстановки на фронтах. Шапошников сказал, что, несмотря на принятые меры, с двух фронтов так и не поступило сведений. Сталин сердито спросил:

- Вы наказали людей, которые не желают нас информировать о том, что творится у них на фронтах?

Добрейший Борис Михайлович с достоинством ответил, что он обоим начальникам штабов фронтов объявил выговор. Судя по выражению лица и тону голоса, это дисциплинарное взыскание он приравнивал чуть ли не к высшей мере наказания. Сталин хмуро улыбнулся:

- У нас выговор объявляют в каждой ячейке. Для военного человека это не наказание.

Но Шапошников напомнил старую военную традицию: если начальник Генерального штаба объявляет выговор начальнику штаба фронта, виновник должен тут же подать рапорт об освобождении его от занимаемой должности.

Сталина, видимо, удовлетворил такой ответ, и он приказал лишь предупредить всех начальников штабов, что за подобные проступки Ставка будет принимать строгие меры. Не знаю, какие меры в дальнейшем применялись, но все-таки в конце июня и июле 1941 года наши посты ВНОС по-прежнему оставались одним из важных источников информации не только о воздушной, но и наземной обстановке на фронтах.

Работа Генерального штаба медленно перестраивалась на военный лад. Мы, работники управлений, особенно остро чувствовали это. Нервозность, неразбериха часто тормозили осуществление важных решений. Порой мы натыкались на бесконечные бюрократические рогатки. Некоторые начальники привыкли в мирное время отвечать на многочисленные запросы: "Нет и не будет!" Теперь требовался другой ответ: "Должно быть и как можно скорее!" Но они все еще ехали на старом коне...

Из разных источников мы знали, что со дня на день, а вернее, с ночи на ночь нужно ждать налетов вражеской авиации и готовить ей достойную встречу.

Однажды ночью в июле 1941 года посты ВНОС сообщили о приближении к Москве с запада двух неизвестных военных самолетов. Все средства наблюдения в данном секторе были

сосредоточены на этих целях и "вели" их, не теряя из вида, до Московской зоны ПВО. Я приказал зенитной артиллерии огня не открывать, а истребительной авиации принять меры к посадке этих самолетов. Но когда самолеты подошли к ближним подступам ПВО Москвы, генерал Д. А. Журавлев по своей инициативе приказал зенитной артиллерии открыть огонь.

Тогда Москва впервые услышала на рассвете грохот зениток и увидела в розовом предрассветном небе ватные комочки разрывов. Это были тревожные и тягостные минуты. Но самолеты оказались советскими: их самочинно, без всякого предупреждения отправили в Москву с одного из фронтов.

Не успела смолкнуть стрельба, начался разбор этого инцидента. Меня срочно вызвал Л. З. Мехлис, якобы получивший поручение свыше расследовать и определить мою личную виновность в обстреле своих самолетов.

Возмущенно я отвел все обвинения. Пока мы спорили с Мехлисом, в Ставку вызвали генерала Громадина, и там было принято решение немедля навести порядок в полетах нашей авиации, потребовать строжайшей дисциплины в воздухе.

Неприятное ночное событие решили считать учением противовоздушной обороны Московской зоны ПВО. Тут же было сформулировано официальное сообщение для печати. А начальникам ПВО приказали повысить бдительность и боевую готовность всех войск противовоздушной обороны.

Ночной инцидент послужил хорошим уроком, он приковал всеобщее внимание к нуждам противовоздушной обороны, к созданию строгого режима в воздухе, повышению бдительности всех сил и средств ПВО.

Как ни важна и ответственна была работа по охране страны с воздуха, меня все же постоянно отрывали от прямых обязанностей. В Ставке обсуждались вопросы стратегической обороны Украины. Решили начать там большие работы по сооружению оборонительных рубежей. И вдруг, к моему удивлению, Сталин предложил назначить меня главным руководителем этого строительства. Его предложение поддержал Молотов. Пришлось доказывать, что я вовсе не специалист этого дела. Посоветовал возложить работу по строительству рубежей на начальника Главного инженерного управления, ведь она же непосредственно входит в круг его обязанностей. Оба были удивлены:

- Разве такой у нас есть?

- А как же. Начальником инженерного управления у нас генерал Котляр.

С моим предложением согласились.

И все-таки в июне - июле по заданию Ставки мне привелось дважды выезжать на Западное направление по делам, вовсе не относящимся к противовоздушной обороне.

Я побывал во многих соединениях, помогая налаживать противотанковую оборону. После возвращения доложил на заседании Государственного комитета обороны о недостатках в борьбе с вражескими танками и внес конкретные предложения, которые были одобрены. На их основании был разработан специальный документ. Впоследствии я показал его начальнику артиллерии Московской зоны обороны генерал-майору артиллерии Л. А. Говорову. Ему он понравился, мы вместе "отшлифовали" каждую фразу. По приказанию начальника Генерального штаба документ был разослан во все части для руководства и исполнения. Это послужило началом большой работы по четкой организации противотанковой обороны.

Снова командую артиллерией

19 июля 1941 года в моем рабочем кабинете шло совещание. Заместители Народного комиссара путей сообщения наседали на меня с требованием усилить противовоздушную оборону железнодорожных узлов, мостов, отдельных участков пути. Все заявки и требования путейцев, конечно, удовлетворить не удалось, и мы кропотливо, общими усилиями определяли наиболее важные объекты, которые надлежало надежно прикрыть от налетов с воздуха.

Внезапно раздался звонок кремлевского телефона. Меня вызывали в Ставку. Причина вызова не была известна, и поэтому я на ходу перебирал в памяти наболевшие вопросы, чтобы не забыть их поставить, пользуясь пребыванием в Кремле.

Главное управление ПВО помещалось тогда в наркомате обороны на Красной площади. До Кремля - рукой подать.

Я был принят немедленно.

- Считаете ли вы правильным, что находитесь на должности начальника Главного управления ПВО? - спросил Сталин. - Правильно ли, что в такой большой войне у нас фактически должность начальника артиллерии Красной Армии отсутствует?

Мне пришлось ответить, что, поскольку в свое время было соответствующее решение Политбюро и правительства, я должен считать это правильным.

- Это вы мне говорите официально, а я вас вызвал поговорить неофициально. Я хотел бы узнать по этому вопросу ваше личное мнение.

Тут я уже имел полную возможность высказать все, о чем много раз думал, за что болела моя душа. Откровенно рассказал, как тяжело переживал свой уход из артиллерии, и заявил, что в

Красной Армии безусловно нужно иметь начальника артиллерии, который всецело отвечал бы за этот огромный и мощный род войск.

Мне было задано много вопросов. Речь шла о боевом применении артиллерии и взаимодействии ее с другими войсками. Далее меня спросили, кто может быть начальником ПВО и есть ли у меня заместитель, который первое время справился бы с этой должностью. Не придав этому вопросу должного значения, я назвал генерал-майора артиллерии А. А. Осипова, очень хорошего специалиста-зенитчика.

- Это - скромный и дисциплинированный генерал.

- Неужели у него нет никаких недостатков?

- Есть один: боится начальства. Больше всего меня удивил вопрос:

- Как могло случиться, что наша армия осталась без начальника артиллерии? Кем и когда было принято такое решение?

"Да вами же!" - хотелось ответить мне. В нескольких словах я напомнил о заседании в Кремле, где решался этот вопрос.

В управлении меня встретил обеспокоенный корпуС-ной комиссар П. КСмирнов. Кратко рассказал ему о беседе в Ставке.

- Видимо, недолго нам придется вместе работать, - вздохнул комиссар.

Прошло минут 40 после моего возвращения из Кремля, как раздался телефонный звонок.

Мне зачитали только что подписанное постановление Государственного комитета обороны о восстановлении должности Начальника артиллерии Красной Армии и о назначении на эту должность меня.

- Проект приказа, штат и положение вам надлежит доложить Государственному комитету обороны завтра.

Я был, конечно, обрадован возвращением в родную артиллерию. Оставалось, не теряя времени, засесть за составление документов для завтрашнего доклада.

Через два - три дня я завершил передачу дел в управлении ПВО и уже был готов выехать на Западное направление с особым заданием Ставки, как вдруг стало известно, что ночью ожидается большой налет авиации противника на Москву.

Ставка разрешила мне остаться в столице, чтобы руководить отражением налета.

Всю эту ночь я провел без сна на командном пункте ПВО. Наша противовоздушная оборона была приведена в боевую готовность, но противник не прилетел. Следующую ночь я был уже далеко от Москвы и с замиранием сердца слушал рокот

моторов вражеских самолетов, летевших бомбить нашу столицу.

Дни проходили в хлопотах. Впервые в истории у нас появился штаб артиллерии Красной Армии с отделами оперативной и разведывательной работы, а также управления боевой подготовки, кадров и формирований. Генералы и офицеры штаба и управлений работали энергично, дружно и организованно.

Мы добивались установления постоянного контакта с начальниками артиллерии фронтов, отдельных армий и их штабами, стремились оказывать им максимальную помощь, оперативно откликаться на заявки и просьбы.

Первостепенной задачей для всех нас было формирование новых и пополнение поредевших в боях артиллерийских частей. Эту работу следовало осуществить в самые краткие сроки. На наши плечи легла забота о подготовке кадров командного состава артиллерии, правильной их расстановке. Очень беспокоило, что несколько артиллерийских училищ еще продолжали находиться на фронтах, сражаясь, как обычные строевые части. Много хлопот понадобилось, чтобы училища были вывезены в глубокие тылы и могли заняться своим основным делом - готовить командиров взводов для артиллерийских частей.

Не меньших трудов стоило вывести с фронтов в тыл артиллерию большой и особой мощности. Тогда, в оборонительных боях, от нее было мало пользы. Но эту величайшую силу требовалось во что бы то ни стало сохранить и подготовить для будущих наступательных операций.

Как-то вечером мне сообщили, что полк 203-миллиметровых орудий застрял в районе станции Туманово без дизельного горючего для тягачей. Другой такой же полк попал в бедственное положение на дороге Юхнов - Малоярославец. Все это происходило в дни наступления немцев на Москву. Запоздай мы с помощью, оба полка стали бы добычей немецко-фашистских захватчиков. Я попросил срочно послать железнодорожную "летучку" с дизельным топливом на станцию Туманово. Начальник тыла Красной Армии А. В. Хрулев по моей просьбе выслал машины с горючим на шоссе Юхнов - Малоярославец. Помощь из Москвы пришла своевременно, и полки были спасены.

Тревожные дни переживал Ленинград. Бои приближались к городу. 21 августа Государственный комитет обороны направил в Ленинград специальную комиссию. Ставка предложила нам добираться до Череповца самолетом, а дальше специальным поездом.

До Череповца долетели благополучно, пересели в поезд, но на станции Мга задержались. Незадолго до нашего прибытия станция подверглась налету немецко-фашистской авиации.

Железнодорожные пути были разрушены. Ремонтные работы велись в полной темноте и подвигались медленно.

Мы шли по разбитым путям. А. И. Косыгин светил электрическим карманным фонариком рабочим, забивавшим костыли. Сами были готовы взяться за работу, но нужно срочно связаться с Ленинградом,

К утру за нами прибыл небольшой поезд. Вскоре мы были в городе на Неве.

К моему удивлению, город продолжал жить очень спокойно. Можно было подумать, что бои разворачиваются на ближних подступах к Берлину, а не под стенами Ленинграда. К эвакуации населения еще не приступали. Здесь явно недооценивали угрозы, которая надвигалась на город.

Десять суток работала наша комиссия. Она признала необходимым ликвидировать изжившее себя Северо-Западное направление и передать его функции Ленинградскому фронту.

Резко ставился вопрос о необходимости срочной эвакуации из Ленинграда детей, женщин и стариков, а также научных учреждений и тех заводов, продукция которых не могла быть использована для нужд города и фронта. Комиссия потребовала скорейшей перестройки всей жизни на военный лад.

Противник теснил наши войска, стремясь окружить город. Я видел свою задачу в том, чтобы лучше организовать боевую деятельность артиллерии фронта и войск ПВО и правильно поставить противотанковую оборону. Наладили систему наблюдения и своевременного оповещения войск о танковой опасности. Артиллеристы готовились стрелять по вражеским машинам с открытых и закрытых огневых позиций.

Ленинградцы в это время усиленно строили укрепления на подступах к городу.

За противотанковую оборону войск фронта отвечал генерал-майор артиллерии С. А. Краснопевцев, который в прошлом был преподавателем Академии имени М. В. Фрунзе. Хорошо подготовленный в теоретическом отношении, он теперь жадно впитывал боевой опыт. Скромный, авторитетный и храбрый генерал с честью справлялся со своим делом.

С начальником артиллерии фронта генерал-майором В. П. Свиридовым мы разрабатывали вопросы борьбы с артиллерией противника, налаживали тесное взаимодействие с береговой и корабельной артиллерией Балтийского флота.

Меня беспокоило, что артиллеристы на некоторых участках не проявляли стремления к организации централизованного управления огнем, не были готовы к тому, чтобы износить по врагу массированные удары. Этот недостаток пришлось

решительно исправлять.

Вместе с командиром корпуса ПВО Ф. Я. Крюковым мы добивались эффективной борьбы с авиацией противника. Улучшилась служба ВНОС, которая до этого работала с некоторыми перебоями, запаздывала оповещать истребительную авиацию и зенитную артиллерию о появлении вражеских самолетов. Зенитчикам хорошо помогали ленинградские рационализаторы. Я здесь впервые увидел бинокль, в правом окуляре которого были изображены точные силуэты немецких самолетов. Наблюдатель, пользуясь таким биноклем, мог легко опознавать самолет, сопоставляя его с выгравированным на стекле силуэтом. К сожалению, мы тогда не имели возможности использовать это ценное новшество на других фронтах.

Не все ладилось во взаимодействии зенитной артиллерии с истребительной авиацией: бывало так, что во время боя с воздушным противником они мешали друг другу. Мы приняли экстренные меры, чтобы исправить это упущение. Командование корпуса ПВО добивалось также повышения живучести зенитной артиллерии, улучшило инженерное оборудование огневых позиций и наблюдательных пунктов. Создавалась стройная система запасных позиций, отрабатывался четкий план маневра артиллерии ПВО. Зенитчики стали лучше охранять важные объекты. Они наносили значительный урон авиации противника, заставляли ее действовать с больших высот, вести поспешные бомбежки, лишь бы скорее выйти из зоны огня нашей зенитной артиллерии.

По окончании работы комиссии я вернулся в Москву. Но ненадолго. Вскоре командование Ленинградского фронта попросило Ставку снова командировать меня в Ленинград для оказания помощи в проведении частных наступательных операций.

Ленинград уже находился в блокаде.

Перелет из Москвы в Ленинград проходил днем. Пока наш самолет в сопровождении пятерки истребителей низко, прижимаясь к самой воде, летел над Ладожским озером, мы дважды видели в стороне вражеские "мессеры", но они не рискнули напасть на нас, и путешествие закончилось благополучно.

Изменился облик города. Ленинград жил уже по военному. Всюду соблюдался строгий порядок.

Командование фронта поделилось своими замыслами. Предполагалось провести разведку боем, а затем начать частные операции на разных направлениях фронта. Но, прежде всего надо было обеспечить надежную борьбу с вражеской артиллерией и

авиацией.

Не теряя времени, я встретился с генералом В. П. Свиридовым, опытным, хорошо подготовленным в общевойсковом отношении артиллеристом, любящим и знающим свое дело. Продумали с ним, как лучше организовать централизованное управление артиллерийским огнем. Мне вспомнились башня "Телефоники" в Мадриде и высота Хамар-Даба в районе Халхин-Гола. Где создать в Ленинграде такой центр управления? Самая высокая точка - купол Исаакиевского собора. Решили использовать его. На высоких зданиях окраин были созданы дополнительные наблюдательные пункты в каждом секторе обороны. Начальник артиллерии фронта предпочел свой пункт иметь на элеваторе, уступив купол Исаакия противовоздушникам. Ленинградские артиллеристы умело применяли аэростаты наблюдения. К сожалению, под Ленинградом оказалось очень мало самолетов-корректировщиков. Их функции частично стали исполнять истребители: некоторые летчики быстро научились искусству корректировки артиллерийского огня.

Связь по телефону и радио работала безотказно и хорошо обеспечивала управление огнем артиллерии.

Наши звукометрические станции засекали стреляющие батареи противника и давали их координаты с вполне достаточной точностью. В эти дни я много раз вспоминал добрым словом нашего замечательного конструктора, который создал эти станции.

Ленинградские артиллеристы умело использовали все виды и средства инструментальной разведки. Сказалось то, что на Ленфронте собралось много командиров, в довоенное время принимавших активное участие в опытных артиллерийских учениях, на которых разрабатывались разнообразные приемы контрбатарейной борьбы. Эти товарищи задавали тон в поисках наиболее эффективных методов подавления вражеских батарей.

Гитлеровцы предпринимали отчаянные попытки взять город штурмом. Немецкое командование не раз объявляло по радио, что остаются считанные дни до захвата Ленинграда. Генералы и офицеры фашистских войск уже готовились пировать в "Астории".

Наиболее ожесточенные бои развернулись у подступов к Пулковским высотам. Защитники Пулкова стойко отбивали яростные атаки противника. Артиллеристы Ленинграда ставили здесь надежные огневые заслоны, преграждавшие дорогу врагу.

Обычным признаком надвигавшегося очередного штурма было внезапно наступавшее полное радиомолчание в расположении немецко-фашистских войск. Прекращение работы вражеских радиостанций сразу настораживало нас. Пехотинцы

готовились к решительному отпору. Артиллерия всех видов и калибров нацеливалась на скопления войск противника.

Так было и в один из сентябрьских дней. Все немецкие радиостанции прекратили свою обычную работу. Шли томительные часы в ожидании начала активных действий противника. Вдруг к командующему войсками фронта вошел дежурный связист и доложил, что перехвачена небольшая радиограмма противника. В ней содержалось приказание командира немецкого тяжелого артиллерийского дивизиона к рассвету следующего дня подать на огневые позиции дивизиона два боевых комплекта боеприпасов.

Наша авиация, наземная, береговая и корабельная артиллерия на этот раз упредили противника. Обрушив на него мощные удары, они нанесли врагу большие потери. Наступление гитлеровцев было сорвано. Пленные показывали на допросах, что гитлеровское командование ошеломлено неудачей наступления под Ленинградом.

Войска Ленинградского фронта предприняли в сентябре ряд частных наступательных операций, но особых территориальных успехов не имели; сказывалось недостаточное умение наступать, четко организовать взаимодействие в бою различных родов войск, сочетать огонь и движение. Командиры и штабы плохо управляли войсками при переходе от обороны к наступлению. Тем не менее, эти бои сыграли немалое значение: враг нес потери, наши активные действия не давали немцам возможности снимать войска из-под Ленинграда и перебрасывать их на другие фронты, а главное, наши бойцы и командиры получили большой опыт, который пригодился им впоследствии в крупных наступательных операциях.

В частях стало больше порядка и организованности. Более четко осуществлялось взаимодействие артиллерии фронта с артиллерией Балтийского флота, укрепилась оборона на подступах к городу.

В Ленинграде в эти опаснейшие дни не было и признака паники. Трудящиеся города стойко переносили все невзгоды военного времени.

Враг вынужден был отказаться от попыток взять город штурмом, зарылся в землю, подтянул к городу дальнобойную артиллерию. Началась длительная, затяжная контрбатарейная борьба. Ленинградские артиллеристы проявили высокое мужество и мастерство.

Им было нелегко. Доставлять боеприпасы в осажденный город становилось все труднее и труднее. Приходилось беречь каждый снаряд.

В Ленинграде я повидался с отцом. Он проявлял кипучую энергию по эвакуации детей на Большую землю, а сам категорически отказался выехать в тыл страны.

В этот раз я провел двадцать суток в осажденном городе.

В конце сентября меня вызвали в Москву: в Ставке накопилось много срочных дел.

Ночной разговор

Время было горячее. Все забыли об отдыхе. Не успел я проработать в своем управлении несколько дней, как получил задание Ставки немедленно выехать на Московский фронт для проверки боевой готовности частей и соединений. Вражеские войска подходили все ближе к столице. Наш резервный Московский фронт мог со дня на день войти в соприкосновение с противником.

В проверке боевой готовности 33-й армии принимала участие группа преподавателей Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского во главе с генералом П. М. Прохоровым. Мы вникали во все, вплоть до размещения и использования станковых и ручных пулеметов. Я обратил внимание на отлично отрытый и замаскированный окоп. Распоряжался в нем пожилой командир отделения, настолько грузный, что ремень у него на поясе еле сходился. Завидя меня, он четко отдал честь,

- Господин генерал! - начал он свой рапорт.

Разговорились. Оказывается, он был унтер-офицером в царской армии, служил и при Керенском. С тех пор еще застряло в голове обращение "господин генерал". Давно бы на покой пора старику, но не смог усидеть, когда враг подошел к самой Москве. Добровольно вступил в народное ополчение. Получился из него замечательный командир. Его отделение показало себя с самой лучшей стороны.

На Московском фронте не хватало артиллерии. Но пока мы не могли ее пополнить. Оставалось одно: побольше завезти боеприпасов на огневые позиции.

Командование попросило меня порекомендовать опытного специалиста на должность начальника артиллерии фронта. Я назвал имя начальника Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского генерала Л. А. Говорова. Предложение тут же приняли в Ставке и без промедления оформили приказом.

Внезапно меня вызвали в Ставку. Наша машина стрелой полетела в Москву. Вечером в тот же день я был в маленьком, неприметном особняке на Кировской улице. В приемной встретил А. И. Микояна. Он сказал, что меня ждут.

Потребовали краткий доклад о состоянии и боевой готовности частей и соединений Московского фронта, в которых

мне удалось побывать.

Вдруг раздался заунывный сигнал воздушной тревоги.

Всем пришлось уйти в правительственное бомбоубежище. Свой доклад я продолжал здесь. Члены правительства подробно расспрашивали меня об организации обороны, настроениях людей. Особое внимание уделяли артиллерии.

Речь зашла и об управлении огнем артиллерии. Я пожаловался на недостаток в средствах связи. Сейчас же была затребована справка о производстве у нас полевых телефонных аппаратов, телефонного кабеля, радиостанций. Цифры, приведенные в ней, были большие. Наша промышленность производила много, но потребности были еще больше.

Пригласили А. И. Микояна и предложили ему срочно и в возможно больших количествах закупить средства связи за границей.

- А ваше дело, - сказали мне, - проследить, чтобы артиллерия стала главным их потребителем. Так и передайте начальнику связи Красной Армии.

На следующий день я позвонил генералу И. Т. Пересыпкину и информировал его о решении Ставки. После этого артиллерия всю войну снабжалась средствами связи в первую очередь.

В эту ночь противник летал и бомбил очень много, но лишь несколько бомб упало в черте города. Все остальные были сброшены на огневые позиции зенитной артиллерии. Когда об этом доложили в Ставку, Сталин сказал мне:

- Вот видите, как они охотятся за нашей артиллерией. Знают ей цену. Нам нужно беречь ее.

Наконец раздался отбой. Все вышли из убежища. На улицах уже было светло, в воздухе тихо.

Через несколько дней мне позвонил начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников и попросил приехать к нему. Я прибыл без промедления. Шапошников сидел за. письменным столом, без кителя, курил папиросу за папиросой и пил крепкий, почти черный чай. Он был, как всегда, приветлив, извинился, что из-за жары вынужден работать без кителя, и начал деловой разговор своим любимым выражением: "Ну, батенька мой". Шапошников рассказал, что поздно ночью получил указание разработать и внести в Ставку предложение о постоянном прикрытии пехотой нашей артиллерии из расчета: взвод пехоты на батарею, рота пехоты - на дивизион.

- Уж не вы ли явились инициатором этой затеи? - спросил меня Шапошников. Он спрашивал строго, раздраженно. Мне пришлось дать ему честное слово, что впервые слышу об этом.

Предложение звучало нелепо. Но у него, конечно, нашлись

ярые сторонники. Чтобы угодить Сталину, эти люди подвели и "историческую базу", раскопали сведения, что в первую мировую войну всегда выделялось прикрытие для артиллерии и именно в таком количестве. Какие-то советчики предложили пойти дальше: создать постоянные подразделения пехоты при артиллерии.

Борис Михайлович сделал подсчеты и получил, конечно, астрономические цифры. Десятки стрелковых дивизий пришлось бы снимать с фронта.

- Что же делать будем?

Думали мы долго. Наконец решили внести такое предложение: общевойсковые командиры должны выделять для прикрытия штатной и приданной им артиллерии пехотные подразделения, если это вызывается обстановкой. Кроме того, необходимо ввести на вооружение артиллерии, без увеличения численности ее личного состава, станковые, ручные пулеметы и автоматы. Когда Б. М.Шапошников докладывал об этом в Ставке, я поддержал его, подтвердил его выводы. Под натиском убедительных доказательств вопрос был решен так, как предложили мы.

Дела повседневные

Мы работали в тесном контакте с начальником ГАУ Н. Д. Яковлевым и его первым заместителем И. И. Волкотрубенко. Я держал их в курсе принимаемых решений в Ставке, чтобы они не падали как снег на голову. А директивы сыпались без конца. Они требовали больше и больше оружия, да еще обязательно в краткие сроки. Это ставило нас в труднейшие условия. Неожиданные решения часто принимались без нашего ведома и участия.

Получив вызов в Государственный комитет обороны или в Ставку, я по пути гадал, по каким же вопросам придется держать ответ. Поэтому на всякий случай брал с собой большой портфель, набитый разнообразными материалами. А в кармане всегда была наготове памятная книжка со справочными данными. Кстати сказать, я не стеснялся открыто пользоваться этой книжкой. Вскоре стало ясно, что являться в Ставку и в Комитет обороны мне нужно всегда вместе с начальником ГАУ, чтобы тут же принимать необходимые решения и докладывать конкретные предложения. Скоро к этому привыкли, и нас стали вызывать вместе.

Как-то в частной беседе А. И. Микоян поделился со мной мыслями о значении резервов в народном хозяйстве, о трудностях их создания. В большой войне не бывает ничего лишнего, и резервы выручают в тяжелой обстановке. Слова Анастаса Ивановича заставили меня всерьез подумать о создании резервов

артиллерийского вооружения и боевой техники. Вместе с Н. Д. Яковлевым мы решили заняться этим делом, несмотря на трудности и нехватки. До поры до времени было решено не раскрывать нашей тайны. Мы откладывали в резерв Ставки то немногое, что оставалось у нас за счет перевыполнения планов промышленностью, производящей артиллерийское вооружение и боеприпасы.

Обычно раз в месяц я и Н. Д. Яковлев (а когда я был в отъезде, то он один) докладывали в Ставке проект распределения вооружения и боеприпасов на следующий месяц войны.

Однажды при утверждении такой ведомости Сталину бросились в глаза цифры: "Для НКВД - 50000 винтовок". Он забросал нас вопросами: кто конкретно дал эту заявку, зачем столько винтовок для НКВД? Мы сказали, что сами удивлены этим, но Берия настаивает. Тотчас же вызвали Берия. Тот пытался дать объяснение на грузинском языке. Сталин с раздражением оборвал его и предложил ответить по-русски: зачем и для чего ему нужно столько винтовок?

- Это нужно для вооружения вновь формируемых дивизий НКВД,- сказал Берия.

- Достаточно будет и половины - двадцати пяти тысяч,

Берия стал упрямо настаивать. Сталин дважды пытался урезонить его. Берия ничего не хотел слушать. Тогда раздраженный до предела Сталин сказал нам:

- Зачеркните то, что там значится, и напишите десять тысяч винтовок.

И тут же утвердил ведомость.

Когда мы вышли из кабинета, нас догнал Берия и бросил злобно:

- Погодите, мы вам кишки выпустим!

Эту фразу он неоднократно бросал мне и Н.Д.Яковлеву в минуты, когда был недоволен нашими докладами или действиями. Мы не придавали тогда должного значения его словам, считали их своего рода восточной шуткой. Только позже стало нам известно, что этот выродок и предатель обычно приводил свои угрозы в исполнение.

Спустя некоторое время мы вновь докладывали проект распределения артиллерийского вооружения и боеприпасов на следующий месяц. Яковлев шепнул мне, что пора доложить о накопленных нами резервах. Мы опасались, что Верховный рассердится: в такое тяжелое время мы припрятывали кое-что про запас. Все знали его крутой нрав. Но опасения оказались напрасными. Он очень обрадовался, когда узнал, что в его резерве есть около миллиона 76-миллиметровых снарядов. Похвалил нас

и тут же увеличил некоторым фронтам отпуск снарядов. Так был узаконен постоянный резерв, за счет которого можно было удовлетворять внезапно возникающие потребности фронтов.

Мне еще раз пришлось выехать по заданию Ставки на западное направление, в 24-ю армию, оборонявшуюся в районе Вязьмы. Вместе с артиллерийскими командирами мы разработали систему борьбы с вражескими танками, наметили рубежи заградительного огня, наладили управление огнем, взаимодействие с пехотой.

Во время объезда оборонительных рубежей 24-й армии я не раз побывал в Вязьме. Бросались в глаза значительные запасы зерна, нефти и других ценностей, которые могла уничтожить авиация противника. Когда я опрашивал, почему все это не вывозится в глубь страны, обычно следовало:

- Нет указаний... А если бы они и были, то нет транспорта. А если бы и транспорт нашелся, то дело остановилось бы из-за отсутствия тары, рабочих рук и по многим другим причинам.

Я позвонил в Москву Маленкову. Тот посчитал этот вопрос, видимо, слишком мелким для себя. Тогда я поговорил с А. А. Андреевым. Он выслушал меня внимательно и пообещал немедленно принять меры.

Действительно, на следующий день, снова проезжая через Вязьму, я с удовлетворением увидел, что погрузка и отправка зерна, нефти и других запасов идут полным ходом. Распоряжение А. А. Андреева встряхнуло местных руководителей, заставило взяться за дело. Сразу все нашлось для спасения ценных запасов.

В конце июля 1941 года в войска была разослана специальная директива об организации боевого применения артиллерии в обороне. В ней давались указания о наиболее эффективном использовании артиллерии в борьбе с танковыми и моторизованными частями, артиллерией и авиацией противника. Обращалось внимание на необходимость улучшения артиллерийской разведки, службы наблюдения и оповещения о вражеских танках. От артиллерийских частей и подразделений требовалась постоянная готовность к открытию огня как по атакующим танкам и мотопехоте противника прямой наводкой - с открытых позиций, так и по танкам на маршрутах их движения, местам их сосредоточения, рубежам развертывания - с закрытых огневых позиций. В директиве также указывалось на необходимость подготовки заградительного огня перед противотанковыми препятствиями (рвы, минные поля, надолбы, засеки), а также привлечения для отражения атак пехоты, следующей за танками, не только пушечной, но и гаубичной артиллерии.

Директива Ставки требовала постоянной готовности всей артиллерии, легкой и тяжелой, к стрельбе по батареям и наблюдательным пунктам противника. Указывалось, что успех борьбы с артиллерией противника в значительной мере зависит от устойчивости боевых порядков нашей артиллерии. Это может быть достигнуто хорошим инженерным оборудованием и маскировкой, созданием большого количества запасных и ложных огневых позиций и наблюдательных пунктов.

Серьезное внимание обращалось на необходимость организации и проведения артиллерийских контрподготовок.

Контрподготовка должна была обеспечивать: поражение артиллерии противника, подавление его живой силы и огневых средств в районах сосредоточения и с исходном положении для атаки, разрушения путей подхода и линий связи, расстройство управления и в конечном счете срыв артиллерийской подготовки и самой атаки противника.

В директиве было также указано на необходимость прикрытия боевых порядков основной массы нашей артиллерии огнем зенитной артиллерии.

Эта директива Ставки сыграла немаловажную организующую роль в оборонительных боях и операциях Красной Армии первого периода войны.

Враг приближается к Москве

Немецко-фашистское командование рассчитывало захватить Москву путем глубокого обхода с флангов и сокрушительного удара с фронта.

30 сентября начали свое продвижение к столице части 2-й танковой армии противника. Остальные силы группы армий "Центр" - 2 октября. Гитлер в своем приказе заявил: "Созданы наконец предпосылки к последнему огромному удару, который еще до наступления зимы должен привести к уничтожению врага". Японскому послу в Берлине он пообещал овладеть Москвой к 12 октября. Захват Москвы должен был стать сигналом для начала военных действий империалистической Японии против Советского Союза на Дальнем Востоке.

На дальних подступах к столице развернулись упорные бои. Наши войска под сильным напором врата постепенно отходили на Можайскую линию обороны.

Враг был временно остановлен на рубеже восточнее Волоколамска, Можайска, Малоярославца и Калуги.

Москва представляла в эти дни вооруженный лагерь.

В конце октября гитлеровцы возобновили наступление. На ряде участков фронта создалась тяжелая обстановка.

Тревожные дни переживала Москва. Как-то я застал Сталина,

когда он стоял у стола и возбужденно говорил с кем-то по телефону.

- Парашютисты? Сколько? Рота? А кто видел? Вы видели? А где высадились? Вы - сумасшедший. Не может быть, я не верю. Я говорю вам, не верю. Вы скоро скажете, что на ваш кабинет тоже уже высадились!

Верховный с раздражением бросил трубку телефона и сказал мне:

- Вот уже несколько часов меня терзают воплями о немецких парашютистах, не дают работать. Все ссылаются на слухи, а сами не видели и понятия не имеют. Болтуны и паникеры!

Я рассказал, как недавно, в бытность мою начальником Главного управления ПВО, вот так же звонили по телефону и докладывали о том, что в направлении города Владимира прорвалась группа вражеских дирижаблей, которая производит высадку крупного воздушного десанта. Наши командирские разъезды отправились для выяснения района высадки и определения хотя бы примерного количества немецких парашютистов. Кроме того, была послана воздушная разведка. Вскоре выяснилось, что никаких дирижаблей и немецких парашютистов не было да и быть не могло. Просто-напросто необычного вида кучевые облака приняли за дирижабли противника, а уж дальше вовсю разыгралась перепуганная фантазия. В первые дни войны при стрельбе нашей зенитной артиллерии по самолетам противника снарядами старого образца обычно образовывались в воздухе белые облачка, которые очень часто принимали за раскрывшиеся парашюты противника. Это тоже было основанием для паники.

Во время нашего разговора звонки о мнимых парашютистах противника продолжались. Сталин уже не хотел слушать эти доклады и отвечал, бросая трубку:

- Вранье! Нужно судить таких злостных паникеров военно-тюлевым судом!

В этой напряженной обстановке доклад, с которым я прибыл, отказался своевременным. Я предложил сформировать новые противотанковые артиллерийские дивизионы для усиления обороны Москвы, вооружив их 76-миллиметровыми орудиями, накопившимися в нашем резерве. Орудий других калибров под руками у нас тогда не было.

- Теперь даже пушки стали прятать от меня? - сказал Верховный. - Сколько дивизионов сможете сформировать?

- Десять по шестнадцать орудий в каждом.

- Это, конечно, мало. Хотя бы еще столько же...- Он задумался.- Слушайте, а что если мы эти дивизионы назовем

полками?

Я стал возражать, какой же это полк из шестнадцати пушек?

- Нет, нет, вы вдумайтесь. Что значит дивизион? В нашем понимании, это единица маленькая. Командир дивизиона попадет в подчинение к какому-нибудь небольшому общевойсковому начальнику, с ним никто и считаться не будет, а в результате и артиллерию используют неправильно. Давайте, право же, назовем новые подразделения полками. Командир артиллерийского полка - это звучит! С ним не только командир дивизии, глядишь, и командир корпуса посчитается! Мало орудий в полку? Что же поделаешь. Сейчас случается, что в дивизии людей меньше, чем в нормальном полку. Но командир дивизии все-таки остается командиром дивизии. Так что пусть у нас будут артиллерийские полки. После мы увеличим в них количество батарей, как только наша промышленность получше снабжать нас будет.

Назвать артдивизион полком - просто, но как на деле осуществить эту реорганизацию? Для полка требовалось больше командного и личного состава, а взять их в те тяжелые осенние дни было неоткуда. К тому же общевойсковые командиры в боевой обстановке сразу поймут, с кем и с чем они имеют дело. Но что поделаешь, пришлось подчиниться приказу.

Отвели нам на формирование новых полков десять суток. Я попросил выделить в мое распоряжение людей двух противотанковых артиллерийских полков из бригады полковника Полянского, которые сейчас используются на Северо-Западном фронте в качестве обычной пехоты.

- Эти люди,- сказал я,- в свое время отличились под Шауляем. Они сражались до последнего снаряда. Не их вина, что в бою погибли их пушки. Теперь они передадут свой опыт борьбы с вражескими танками воинам новых полков.

Предложение тут же было принято. Действительно, боевые артиллеристы вскоре сыграли немалую роль в обучении бойцов новых подразделений и геройски сражались под Москвой. Это благодаря им вновь созданный 289-й артиллерийский противотанковый полк под командованием майора Ефременко в октябре - ноябре 1941 года на подступах к столице уничтожил и повредил 186 вражеских танков. 296-й артиллерийский противотанковый полк под командованием капитана Алешкина подбил тогда же 88 вражеских танков. Отличившиеся бойцы и командиры получили высокие правительственные награды.

Напряженными, бессонными были октябрьские ночи. Все силы брошены на оборону Москвы. Каждый чувствовал личную ответственность за безопасность любимой столицы. Приказом

НКО устанавливалось новое служебно-правовое положение для старшей группы комсостава артиллерии: начальников артиллерии фронтов, армий, корпусов, дивизий и бригад назначить заместителями соответствующих общевойсковых командиров, предоставив им все права, установленные существующими уставами и положениями Красной Армии. Это имело большое значение для нашей артиллерии.

Ставка Верховного Главнокомандования и ГКО в трудные октябрьские дни 1941 года не покинули Москвы, а продолжали напряженно работать. Их присутствие в сражающемся городе вдохновляло людей, побуждало воинов и трудящихся еще более стойко оборонять родную столицу. Близость к фронту помогла Ставке более целеустремленно и оперативно руководить боевыми действиями войск.

Решили подтянуть под Москву ряд артиллерийских полков большой и особой мощности для стрельбы по противнику на больших дальностях и более мощными снарядами. Нам это стоило огромного труда. Упорство и изобретательность проявляли штаб начальника артиллерии, его отделы и Главное артиллерийское управление. Генерал М. С. Громадин мобилизовал силы и возможности ПВО страны на формирование частей наземной артиллерии для обороны Москвы, вооружив их зенитными орудиями.

Как-то пришел ко мне временно исполнявший должность начальника Артиллерийской академии А. А. Благонравов и доложил о том, как стало трудно в такой обстановке готовить кадры для артиллерии. Академию задергали. Комендант города Москвы вызвал как-то Благонравова и предложил получить со складов значительное количество взрывчатых веществ.

- Зачем, для чего? - удивился Благонравов.

- Уничтожать танки противника на улицах Москвы.

- Каким образом?

- Силами личного состава академии надо рассыпать взрывчатое вещество по улицам города. Танки противника пойдут и будут взрываться.

Мы вместе с А. А. Благонравовым искренне посмеялись над военной безграмотностью уважаемого коменданта. Но я пришел к выводу, что учебному заведению надо помочь. При первом же разговоре в Ставке я предложил немедленно эвакуировать Артиллерийскую академию из Москвы. Со мной согласились. Воспользовавшись этим, я высказался о целесообразности эвакуации еще двух академий - воздушной и бронетанковой. И на это было дано согласие. Три академии были срочно эвакуированы.

Ночью мы разработали по заданию Ставки предложения по увеличению производства минометов, а утром я поехал к Народному комиссару вооружения Д. Ф. Устинову для согласования выдвигаемых предложений. Быстро договорились по всем вопросам. В кабинете собралось много товарищей. Все переживали за судьбу столицы, к тому же кое у кого было неправильное, излишне мрачное представление о положении на фронте.

Как мог, я пытался ободрить людей, кратко рассказал об обстановке. Да, она тяжелая, но причин для уныния и растерянности нет.

- Знаете что,- сказал я,- а вы не примете у меня заказ на охотничье ружье?

- Сейчас мы его не выполним. Ведь под Тулой идут бои.

- Ну, ладно. Сделайте, когда будет возможно.

Дмитрий Федорович взглянул на меня и достал из-за шкафа прекрасное, тульской работы, штучное ружье 16калибра:

- Вот бери, Николай Николаевич. Я не охотник, а тебе пригодится.

Мне пришлось выискивать причины для отказа: калибр не тот, да и легковато для моей комплекции. Попросил Д. Ф. Устинова взять лист бумаги и записать заказ на новое ружье. Дмитрий Федорович все записал. По моему настоянию заказ был принят без указаний срока изготовления.

- Вы всерьез надеетесь охотиться? - недоверчиво спросили меня.

- А как же! Вот только разгромим немцев... Лица товарищей повеселели. Мы обменялись взаимными пожеланиями успеха и по-братски распрощались. Красивое и ценное ружье вновь заняло свое место за шкафом.

Точно в срок я докладывал в Ставке о готовности Новых противотанковых артиллерийских полков. Примем уже не десяти, а двадцати! Я испросил разрешение обратиться в Генеральный штаб за директивой: куда и когда направлять эти части. Верховный посмотрел на меня с недоумением:

- А кто там сейчас это может решить? Давайте сейчас, здесь же примем решение и отправим полки немедля на фронт. А вы должны проследить, чтобы они попали именно туда, куда направляются Ставкой.

Тотчас же была развернута карта, и Сталин отметил на ней, куда направить новые части. Я доложил также о переформируемых, перевооружаемых и восстанавливаемых артиллерийских полках большой и особой мощности.

Я торопился быстрее распорядиться об отправке на фронт

артиллерийских резервов. Поэтому попросил разрешения уйти, но мне было предложено подождать. Позвонил в штаб и приказал приступить к подготовке всех необходимых документов, а также дать частям предварительные распоряжения.

В эти часы я был свидетелем кипучей деятельности Ставки, куда были вызваны для решения неотложных задач по обороне столицы крупные партийные и советские работники. Когда большинство вопросов выяснилось, мне сказали:

- Сейчас вами займемся. Принято решение направить вас в Ленинград полномочным представителем Ставки. Вы подождите, вам должны дать пакет особой важности для командования Ленинградского фронта.

Вскоре принесли этот пакет. Огромный конверт из плотной бумаги был скреплен массивными сургучными печатями. Мне пересказали краткое содержание пакета и предложили хорошо запомнить. Это были указания о наступательных действиях в районе Невской Дубровки. Встречными ударами Ленинградского фронта и 54-й армии, наступавшей с востока, предполагалось пробить брешь в обороне противника и разорвать кольцо блокады.

Неожиданной критике подверглись работники Генерального штаба:

- Как можно в таком виде вручать важный документ!

Последовало распоряжение сделать пакет маленьким, а документ напечатать на тонкой папиросной бумаге, чтобы при опасности можно было его мгновенно уничтожить. Пришлось терпеливо ждать, пока все переделают.

Мне предложили позвонить командующему Военно-воздушными силами П. Ф. Жигареву и потребовать, чтобы он выделил для меня специальный самолет и истребители сопровождения дальнего действия.

Героический Ленинград

На оружии - ленинградская марка

На аэродроме меня ждал большой пассажирский самолет. Через некоторое время прилетели пять двухместных истребителей. Командир и штурман воздушного корабля были опытными летчиками, но, к сожалению, они никогда не летали во время войны в Ленинград. Им был неизвестен даже курс перелета от Хвойной до Новой Ладоги и далее на бреющем полете над Ладожским озером. Штурман признался, что у него нет никакой уверенности в успехе полета.

Я позвонил Жигареву. Тот пообещал быстро исправить ошибку и попросил подождать другой самолет. Прошло несколько часов. Наконец самолет появился. Но и этот экипаж

тоже ни разу не летал в Ленинград, к полету не готовился, проложить курс по карте штурман не смог.

Погода была по-прежнему плохой - туман, снегопад. Время шло, а я продолжал сидеть на Центральном аэродроме в Москве, кляня безответственность руководителей Военно-воздушных сил.

Я не захотел вновь обращаться к командующему ВВС, а позвонил начальнику Гражданского воздушного флота и попросил выручить меня из беды, дать надежный самолет, летавший осенью в Ленинград и обратно. Тот охотно согласился. Экипаж присланного им пассажирского самолета хорошо знал условия перелета в блокированный врагом город. Но летчики умоляли отказаться от прикрытия истребителей. По их мнению, без них они надежнее доставят меня по назначению.

Как я мог согласиться на это, помня длительные вчерашние хлопоты в Ставке? Я объяснил командиру корабля, что мне приказано лететь в сопровождении истребителей ВВС. Тяжело вздохнув, он согласился.

Мы наконец поднялись в воздух. Пятерка истребителей летела за нами на малой высоте. Вскоре вошли в полосу сплошного тумана. Когда прояснилось, мы насчитали только четыре истребителя. Где же пятый? Около двух часов дальнейшего полета я не находил себе места, опасаясь гибели исчезнувшего самолета.

На бреющем полете прошли над Ладожским озером. Выглянуло солнце. Влево от нас на большой высоте промелькнули два "мессершмитта": то ли они нас не заметили, то ли побоялись связываться.

Вскоре благополучно приземлились на аэродроме, где нас уже ждали. Настроение у меня было плохое - переживал потерю пятого самолета.

К нашей группе подошли два летчика. Они скромно стояли в сторонке и слушали наш оживленный разговор. Эти летчики оказались экипажем "потерявшегося" истребителя. Выйдя из полосы тумана, они решили в Москву не возвращаться, а взяли курс на Ленинград через территорию, занятую немцами, и прибыли раньше нас.

Прямо с аэродрома я поехал в Смольный к Андрею Александровичу Жданову. Разговор касался предстоящей наступательной операции по восстановлению связи с Большой землей. А. А. Жданов подробно рассказал о состоянии фронта и города.

Ленинград переживал тяжелое время. Кольцо блокады замкнулось накрепко. Противник оставил попытки взять город штурмом - у него не хватило на это сил,но теперь решил

задушить его голодом, постоянным артиллерийским огнем и бомбежками. Гитлеровцы трезвонили по радио о том, что большевистская твердыня неизбежно падет, она сама сдастся на милость победителей.

На сердце было тревожно. Ленинград никогда в своей истории не был в таком опасном положении. Делом чести нашего поколения было его спасти. Все мы верили в стойкость и мужество ленинградцев, знали, что никто из них не будет просить пощады у врага. Проезжая по улицам и площадям, я видел амбразуры, появившиеся в стенах домов, дзоты, построенные на перекрестках. Город приготовился к бою... Но вместе с тем бросалось в глаза и другое: город стал словно еще многолюднее.

Жданов подтвердил это: да, в Ленинград из окрестных районов съехалось много тысяч людей, не пожелавших попасть под власть гитлеровцев. Продовольственные запасы в городе истощались - немецкая авиация подожгла знаменитые Бадаевские склады. Путей эвакуации населения из осажденного города почти нет: на Ладоге бушуют штормы, трасса через озеро находится под огнем фашистской артиллерии, над ней постоянно барражируют вражеские самолеты. Да, нужен, как воздух, хотя бы узенький коридор в этом зловещем кольце блокады, без него не спасти жизни тысяч и тысяч детей, женщин и стариков, не снабдить город продовольствием, боеприпасами.

Жданов настаивал, чтобы в Ленинград доставлялось больше боеприпасов. Я же уверял, что производство снарядов и мин можно организовать на предприятиях Ленинграда. По моим подсчетам, ленинградцы вполне могли изготовить уже в ноябре не менее миллиона снарядов и мин всех калибров, а в декабре - еще больше. К этому я прибавил, что и впредь следует рассчитывать не только на подвоз с Большой земли нужного количества пороха и взрывчатых веществ, а постараться использовать местные резервы.

На следующий день мы продолжили беседу. Жданов уже был озабочен тем, как лучше и скорее наладить производство нужных фронту боеприпасов.

В тот же день я повидался с членом Военного совета фронта А. А. Кузнецовым и секретарем городского комитета партии Я. Ф. Капустиным. Оба были согласны развернуть выпуск боеприпасов на ленинградских предприятиях. Вскоре Жданов пригласил к себе Кузнецова, Капустина и меня. Еще раз обсудили вопрос. Я обещал необходимую помощь от ГАУ и наркомата боеприпасов. Договорились о некотором упрощении технических требований к производству боеприпасов, в частности о том, чтобы упростить укупорку и отказаться от окраски снарядов и мин - ведь на длительное хранение их теперь рассчитывать не приходилось. Я нажимал на то, что нужно всемерно увеличивать производство артиллерийского вооружения и боеприпасов: ленинградцы должны будут, по мере возможности, даже делиться своей продукцией с другими фронтами.

Состоялось совещание секретарей райкомов партии и директоров заводов. Товарищи высказали деловые предложения по развертыванию производства, организации кооперирования между заводами, обмену опытом.

Миллион снарядов и мин в месяц стало конкретной задачей ленинградской промышленности. Можно было не сомневаться, что производство вооружения и боеприпасов будет организовано хорошо.

В постановлении Военного совета Ленинградского фронта от 28 ноября 1941 года было предусмотрено на декабрь производство уже 1 миллиона 722 тысяч штук мин и снарядов. То, что еще недавно казалось невозможным, стало вполне реальным делом.

Героический рабочий класс Ленинграда заверил партию и Советское правительство, что справится с любым их заданием. Рабочие, инженеры, все ленинградцы работали не жалея сил, преодолевая немыслимые трудности, обрушившиеся на осажденный город. Это был подвиг труда, стойкости, самоотверженности.

Ленинград испытывал страшные лишения. Люди жили на голодном пайке. Участились перебои с электроэнергией, не хватало сырья, топлива. Заводы работали под вражескими обстрелами и бомбежками. Чтобы не тратить силы на дорогу, многие рабочие и работницы ночевали в цехах,

Мне довелось беседовать с работницами одного предприятия, находившегося под систематическим обстрелом вражеской артиллерии. Люди получали ежедневно всего лишь по 125 граммов хлеба низкого качества, но трудились с огромным напряжением. Они говорили:

- Мы готовы на все, даже отказаться от нашего скудного

пайка, только вы, военные, не пускайте врага в город.

Чудеса трудового героизма проявляли рабочие Кировского завода. Этот завод был очень близок к фронту. Вражеские снаряды и бомбы разрушали цеха. Но ленинградцы продолжали работать. На Кировский завод часто поступали поврежденные орудия прямо с огневых позиций. Ремонт производился быстро, и пушки снова уходили на фронт.

Промышленность Ленинграда продолжала производить 76-миллиметровые полковые пушки образца 1927 года, освоила выпуск минометов и противотанковых орудий. Производился даже ремонт сложных звукометрических станций.

С ноября 1941 года ленинградцы не только снабжали свой фронт некоторыми видами артиллерийского вооружения, но и смогли делиться кое-чем с другими фронтами. С волнением получали бойцы оружие, снаряды и мины с маркой ленинградских заводов. Люди, ослабевшие от голода, создавали это оружие, вкладывая в него всю любовь к Родине и всю ненависть к врагу.

Отправка его производилась самолетами. В Ленинград они везли продовольствие, а в обратный рейс летели с оружием. Насколько это было трудным делом, выразительно говорят донесения тех дней.

В ноябре я доложил, что готовы к отправке полковых пушек 76-мм без передков - 200 штук, минометов 120-мм - 140 штук с ходами, 82-мм - 30 штук и 50-мм - 500 штук. Из этого числа в Хвойную уже отправлено 16 и 21 ноября 21 полковая пушка и 7 ходов к 120-мм минометам. Основным тормозом является отсутствие нужного количества самолетов для переброски пушек и минометов. Просим вас обязать тов. Жигарева ежедневно присылать возможно большее количество ТБ-3. Переброску с Хвойной по назначению желательно организовать автотранспортом, до безопасных станций погрузок.

Генерал-полковнику Жигареву я сообщил, что 22 ноября ни один самолет ТБ-3 в Ленинград не прибыл. Когда же и в каком количестве можно ожидать ТБ-3 для переброски пушек и минометов?

24 ноября 1941 года самолетами было отправлено 48 полковых пушек, 120-мм минометов - 3, стволов к 120-мм минометам - 22, 50-мм минометов - 81. ТБ-3 прибыло в Ленинград десять, 6 из них убыли с пушками, 4 остались на ночлег. Должно было быть 13. Три потеряны на маршруте Череповец - Ладожское озеро. Вскоре после этого я напомнил Яковлеву, что в 54-й армии лежит резерв Ставки 69 полковых пушек с передками. Попросил доложить об этом Народному

комиссару обороны. Их следует переотправить. Добавил я, что сегодня специальным самолетом на Московский фронт отправлено минометов 82-мм - 20 и 50-мм - 30 сверх отправок по постановлению Госкомитета обороны.

В те дни только воздушный "коридор" связывал Ленинград с Большой землей. Организация перевозок по воздуху отнимала у нас уйму времени. Ставка непрерывно запрашивала о ходе перевозок артиллерийского вооружения. Однажды мною была послана следующая телеграмма в Ставку:

"Для борьбы с танками противника Ленинград имеет возможность отправить до 50 тысяч корпусов для 76-мм бронебойных снарядов. В среднем транспортный самолет "Дуглас" или ТБ-3 может взять 350-370 корпусов. Для переброски 50 тысяч корпусов нужно 138- 143 самолето-рейсов. Прошу ваших указаний. Воронов".

В Москве, по-видимому, не поверили этим цифрам. Позвонили мне в Ленинград по телефону и попросили еще раз совершенно объективно разобраться: сколько реально ленинградцы могут дать корпусов бронебойных снарядов.

- Учтите, что в них очень нуждаются другие фронты. Подсчитайте и доложите! Сообщите, сколько самолетов требуется для переброски?

Я подтвердил уже сообщенные мною цифры. Вскоре началась переброска этой продукции. Самолеты, однако, летали нерегулярно, их было мало, и отгрузка шла медленно. В довершение ко всему ГАУ дало распоряжение перевозить корпуса снарядов в укупорке - это увеличивало общий груз еще на двадцать процентов. От укупорки мы решительно отказались - вмятины на корпусах, если бы они и появлялись при перевозках, никакого значения не имели: ведь стрельба по танкам велась на малых дальностях.

Ленинградцы издавна производили полевые телефонные аппараты. Их немало скопилось в Ленинграде. А на других фронтах была страшная в них нужда. Я доложил об этом в Ставку. Меня спросили:

- А нельзя ли взять их в Ленинграде побольше? Срочно отгружайте.

И отгрузка началась. Управление связи потребовало посылать эти прочные деревянные коробки в специальной упаковке. Как мы ни убеждали, что прочные деревянные коробки все равно не разобьются, ничто не помогало. В конце концов, мы все-таки поступили по-своему: весь груз отправляли без упаковки, и он доходил до других фронтов целехоньким.

Да, долго еще сказывались привычки мирного времени у

некоторых работников центрального аппарата наркомата обороны. Их склонность к перестраховке не только раздражала фронтовиков, но и порой наносила прямой ущерб делу.

Немецкая авиация усиленно охотилась за нашими самолетами, летавшими по "воздушному коридору", стремилась лишить Ленинград последней возможности сообщения со страной. Героически действовали истребительные части Ленинградского фронта. Летчики часто вступали в неравные поединки в воздухе и выходили из них победителями. Подвиги ленинградских летчиков еще ждут своего летописца. Благодаря их беспримерному мужеству я смог 30 ноября послать в Москву радостное известие:

"Москва, ЦК ВКП(б). 30.11.41. Самолетами из Ленинграда отправлены последние пятнадцать пушек по ноябрьскому плану. Воронов".

Вместе с орудиями и боеприпасами удалось послать из Ленинграда пять тысяч артиллерийских целлулоидных кругов, столь нужных при стрельбе по наземным целям, а также почти весь тираж учебника артиллерии для военных училищ, отпечатанный в Ленинграде еще накануне войны. Этот учебник оказал неоценимую помощь в подготовке кадров для фронта.

Наступление ранней зимы прибавило ленинградцам новые трудности, однако заводы все более усиливали выпуск вооружения и боеприпасов. Это позволило А. А. Жданову в своей речи на сессии Верховного Совета СССР в июне 1942 года сказать об итогах блокадной зимы:

"Никогда еще ленинградская промышленность, ее кадры не проявляли такой маневроспособности, такого большевистского умения выйти из самых трудных положений и выполнить во что бы то ни стало свою задачу, как это было в самые суровые месяцы прошедшей зимы, в условиях блокады. Танки, пушки, минометы, автоматическое оружие, снаряды, мины, гранаты и многое другое давала и продолжает давать фронту ленинградская промышленность".

Невская Дубровка.

Оперативная директива Ставки, которую я доставил из Москвы, стала осуществляться. Войска Ленинградского фронта готовились к боям в районе Невской Дубровки, чтобы проложить путь на восток для соединения с наступавшими навстречу им войсками 54-й армии.

В штабе фронта решались сложные вопросы организации взаимодействия войск. Много трудностей предстояло преодолеть при форсировании Невы. Обсуждались вопросы боевого применения всех видов артиллерии, особенно той, которая

должна была сопровождать переправившуюся на противоположный берег реки пехоту, изыскивались силы и средства для действий не только на главном, но и на второстепенных направлениях фронта.

Неожиданно командующий войсками Ленинградского фронта генерал И. И. Федюнинский обратился с просьбой поставить вопрос перед Ставкой об освобождении его от должности. Заявил, что этот пост ему не по плечу, ему очень трудно. Я переговорил об этом с А. А. Ждановым. Он удивился. Потом, подумав немного, сказал:

- Докладывайте, пусть Ставка решает.

Вдруг Жданов предложил этот пост мне и стал приводить массу доводов в подтверждение своего предложения. Я ответил, что всегда готов работать там, куда меня назначат, но вопрос этот решается не нами. Я являюсь заместителем Народного комиссара обороны, начальником артиллерии Красной Армии, а в данное время - представителем Ставки. Слагать с себя эти обязанности мне никто права не давал.

- Предположим, я дал бы вам свое согласие. А как это расценят в Ставке? Вероятнее всего, как попытку уйти от трудностей, - сказал я в заключение.

На этом разговор и закончился.

В тот же день я доложил в Ставку о просьбе И. И. Федюнинского. Она была удовлетворена. Командующим фронтом назначили генерал-лейтенанта М. С. Хозина.

Наши части начали активную разведку боем в полосе предстоящего наступления.

Мне довелось участвовать в рекогносцировке, которую проводила группа командиров во главе с начальником штаба фронта генералом Д. Н. Гусевым. Чтобы не привлекать внимания, все мы оделись в обмундирование рядовых бойцов - в ватные брюки и куртки.

С рассвета до темноты пробыла наша группа на переднем крае, изучая противника и определяя наиболее удобные места для форсирования реки. Несколько артиллерийских наблюдательных пунктов размещалось в полуразрушенном здании бумажного комбината. Отсюда в бинокль, а особенно в стереотрубу, хорошо просматривался передний край обороны противника, проходивший по восточному берегу Невы. Все остальное скрывалось в лесу. Противник тщательно маскировал свои позиции, и изучить их было нелегко.

Постепенно создавался общий план форсирования Невы и захвата плацдарма на ее восточном берегу. Скрытно подтягивались средства переправы, как штатные, так и

подручные. Их было немало. Сюда подвозились даже прогулочные лодки с водных станций Ленинграда.

В землянках артиллеристов шел разговор о том, как лучше помочь пехоте преодолеть реку. Было решено, что конец артподготовки должен совпасть с криками "ура" высадившейся пехоты. Пусть передовые подразделения без промедления двинутся вперед за огневым валом, уходящим в глубь вражеской обороны.

Молодые командиры внимательно слушали мои советы. Люди рвались в бой, но у многих еще не хватало боевого опыта, знаний, практических навыков. Поэтому приходилось давать подробные указания, останавливаться подчас на элементарных вещах. Обсуждали недостатки в тактике. Их было немало. При планировании артподготовки поражаемая площадь разбивалась механически на клетки-квадраты. Батареи не получали конкретных целей (огневых точек), поэтому подчас вели огонь по пустым местам. Нередко артподготовка планировалась кратковременной и однообразной, противник быстро приспосабливался к нашему артиллерийскому огню. Все эти упущения необходимо было исправить как можно скорее.

Когда мы закончили рекогносцировку и собирались уезжать, противник точно спохватился, его артиллерия обрушила свой огонь на наши позиции. Налет длился долго, но не причинил большого ущерба войскам. Едва замолк грохот, мы вышли из землянки. Нужно было пройти до машин около трех километров. Противник неожиданно начал новый налет. Не раз приходилось нырять в кюветы или в воронки, чтобы спастись от осколков.

Противник не жалел боеприпасов. Невская Дубровка слыла тогда опаснейшим местом на Ленинградском фронте. Группировка противника на этом участке представляла серьезную силу, была вооружена большим количеством пулеметов, орудий и минометов, ее оборонительные позиции располагались на выгодных рубежах.

Ставка торопила с началом наступательных действий. Весь Ленинград ждал подхода с востока 54-й армии - "армии-спасительницы", о которой уже складывались легенды.

Хотя надежда на успех была невелика, командование Ленинградского фронта решило начать операцию, рассчитывая больше всего на отчаянный порыв войск, стремившихся во что бы то ни стало "прорубить" коридор в кольце блокады.

Части с боями переправились на восточный берег Невы, захватили небольшой плацдарм, но расширить его, а тем более продвинуться вперед не смогли. Переправа войск происходила под сильным огнем противника с флангов. Артиллерия

сопровождения наших войск из-за недостатка плавсредств не смогла своевременно переправиться на "пятачок", и передовые части пехоты оказались в трудном положении.

Многократно делались попытки возобновить наступление, но все безуспешно.

Опыт боев первой половины ноября 1941 года выявил типичные ошибки в действиях нашей артиллерии: плохо поставлена артиллерийская разведка, слаба связь с пехотными частями, неумело планируется огонь, недостаточно точная корректировка, увлечение стрельбой по площадям.

В документе содержались практические указания, как устранить недочеты. После того как он был получен, многие меня уверяли, что все меры ими приняты, промахи учтены и больше не повторяются. Но на деле было далеко не так. Вникая в ход боев, я убеждался, что артиллерийские командиры упорно цепляются за старое. Положение было трудным, и это определяло характер и стиль распоряжений. Вот подлинный текст моего разговора по Бодо с начальником штаба артиллерии 8-й армии Степановым:

"У аппарата генерал-полковник артиллерии Воронов. Здравствуйте, товарищ Степанов. Вашей работой и работой вверенной вам артиллерии Военный совет фронта остается недоволен. Вы израсходовали очень много боевых выстрелов и не добились никаких результатов. Атакующие пехота и танки после вашей артиллерийской подготовки были остановлены вражеским огнем. Ваши данные об уничтожении и подавлении противника остаются во многом мифом".

Далее пришлось напомнить важнейшие требования разосланной в части директивы. Закончил я разговор словами:

"Я просто поражаюсь, как до сих пор вы можете допускать, что на таком узком участке у противника остаются целыми отдельные пушки ПТО: они не расстреливаются не только во время артиллерийской подготовки, но даже и тогда, когда открывают огонь по нашим атакующим танкам. Из этого я делаю вывод, что генерал-майор Краснопевцев и вы, его начальник штаба, не выполняете прямых неоднократных указаний - резко улучшить и поднять эффективность огня артиллерии всех видов".

Мне пришлось вести по аппарату Бодо неприятный разговор и с начальником артиллерии 54-й армии Т. А. Бесчастновым:

"Учтите, что пехота часто не предъявляет претензий к вам из-за непонимания ваших задач. Вы говорите, что ваши передовые наблюдательные пункты находятся в пехоте. Это хорошо, но они должны быть все в передовых линиях пехоты.

Уделите серьезное внимание вопросам пристрелки и стрельбы на поражение. Если бы была у вас высокая

действенность огня, некоторые ваши дивизии были бы давным-давно в Ленинграде. Я говорю от Свиридова, но пока не слышно ваших выстрелов и разрывов. Эти дни должны быть решающими в вашей работе. Обратите серьезное внимание на боевое применение минометов. Прикажите всем артиллеристам оказать минометчикам помощь в проведении пристрелки и стрельбы на поражение".

Впоследствии я с удивлением прочел приказ по 54-й армии, в котором Военный совет армии чрезмерно восхвалял действия своей артиллерии. В нем прямо говорилось, что "она в полной мере справилась с поставленными задачами и в боевой работе добилась значительного совершенствования своего артиллерийского дела в соответствии с требованиями боя". Военный совет армии отмечал, что к артиллерии и ко всему ее личному составу ни один общевойсковой и пехотный начальник не предъявлял сколько-нибудь серьезных претензий, а тем более обвинений в невыполнении требований пехоты и по времени и по месту.

Как известно, 54-я армия, которую возглавлял Г. И. Кулик, а затем М. С. Хозин, не выполнила своей задачи. Она не смогла разорвать кольцо блокады и обеспечить надежные пути подвоза продовольствия и всего необходимого для населения города и фронта. Боевую задачу армия не выполнила, но, как ни странно, командование к своей артиллерии претензий не имело!

В чем же причины неудачи? Их было много. И главная из них, по-моему, заключалась в том, что мы к тому времени еще не научились как следует воевать.

Не было современного боевого опыта у командиров, штабов и войск, неумело организовывалось взаимодействие и управление, мало уделялось внимания войсковому тылу.

Одно немного утешало: уроки этих боев многому нас научили, и прежде всего тому, что наступательные операции нужно готовить особенно тщательно.

Контрбатарейная борьба

Обстановка в Ленинграде ухудшалась. Население голодало. Город и его окрестности днем и ночью обстреливала вражеская тяжелая артиллерия. Интенсивность обстрелов постепенно нарастала и в ноябре стала угрожающей. Противник ежедневно выпускал по городу 200-250 снарядов. За семь суток ноября в Ленинграде было зарегистрировано 1534 разрыва вражеских снарядов. 581 снаряд угодил в воду или на пустыри, не нанося никакого ущерба, но 953 других причинили много вреда: 280 убитых и 900 раненых из гражданского населения.

Героизм ленинградцев заставил врага отказаться от штурма.

Он теперь хотел задушить защитников города костлявой рукой голода, бомбежками и артиллерийскими обстрелами.

Немецкие газеты выходили с зловещими аншлагами: "Ленинград под обстрелом", "Твердыня большевиков будет разрушена". Гитлеровские артиллеристы, взятые в плен под Ленинградом, цинично хвастали своими злодеяниями. Пленный ефрейтор 1-й батареи 768-го артдивизиона Вилли Бекер прямо заявил: "Задача дивизиона состояла в обстреле Ленинграда. Когда я прибыл в дивизион, командир батареи мне сказал: "Наша задача - уничтожить Ленинград". Мы знали точно, что в Ленинграде много гражданского населения, по нему мы и стреляли".

Гитлеровцы сосредоточили под Ленинградом дальнобойную артиллерию крупных калибров, оборудовали для нее хорошо укрепленные основные и запасные позиции. У врага было огромное преимущество - он мог подвозить боеприпасы в любых количествах. У ленинградцев же каждый снаряд был на счету.

Возможности разорвать кольцо блокады или хотя бы отогнать противника на расстояние, превышающее дальность стрельбы его артиллерии, у ленинградцев пока не было. Поэтому особо важное значение приобрела борьба с батареями, обстреливавшими город.

Снова и снова я мысленно возвращался к тому, что пережил в Мадриде. Там тоже враг наседал со всех сторон. Но здесь все имело иные, более крупные масштабы - и город, и размах боев, и силы, столкнувшиеся на этом плацдарме. Все было неизмеримо сложнее.

С вершины Исаакия я смотрел на город, видел посты ПВО и зенитные пулеметы на крышах домов, боевые корабли на Неве, наши передовые позиции и вдалеке вспышки стреляющих фашистских батарей. Мой родной город, израненный, измученный, отбивал вражеские удары.

То и дело над Исаакием пролетали немецкие снаряды - купол собора был прекрасным ориентиром.

Пожалуй, правильно, что командование артиллерии Ленинградского фронта свой командный пункт основало на элеваторе: и ориентир не столь приметный, и к вражеским позициям ближе.

Гибкое управление артиллерией осуществлялось хорошо поставленной связью. Командующий артиллерией фронта мог мгновенно соединиться с любым наблюдательным пунктом, с любым подразделением. Это помогало своевременно сосредоточивать огонь в нужных направлениях.

Войска Ленинграда были оснащены средствами артиллерийской инструментальной разведки лучше, чем другие фронты. И все же средств этих не хватало. Наиболее эффективной

оказалась звукометрическая разведка. Она дополнялась и другими методами определения координат вражеских батарей. В Ленинграде действовало семь разведывательных артиллерийских дивизионов и столько же воздухоплавательных отрядов наблюдения. Информация о вражеских батареях поступала также от всех частей фронта. Ценную помощь ленинградским артиллеристам оказал начальник разведывательного отдела штаба артиллерии Красной Армии полковник М. В. Ростовцев, отличный знаток и патриот своей специальности. Умело организованная артиллерийская разведка быстро сказалась на успехах контрбатарейной борьбы, несмотря на весьма ограниченные нормы расхода боеприпасов. Больше всего отличились в этой борьбе артиллерийские полки офицеров Витте, Гнидина, Жданова.

Неимоверные трудности стояли перед нашими артиллеристами. Их позиции располагались в пригородах, среди зданий. Задача уничтожения батарей противника была нам не под силу - не хватало орудий и боеприпасов. Довольствовались систематическим подавлением вражеских батарей и попутным их уничтожением. Фашистская артиллерия несла потери от нашего огня, и значительное количество снарядов расходовала на борьбу с нашими батареями. Отважные артиллеристы, намеренно вызывали на себя огонь противника, чтобы уменьшить обстрелы города.

Много времени я проводил с артиллеристами. Командный пункт артполка, которым командовал офицер Гнидин, располагался в верхнем этаже Дома Советов на Московском шоссе. Это здание построили перед самой войной, оно предназначалось для ленинградского Совета. Заканчивалась отделка помещений, когда грянула война. Теперь на чердаке гигантского дома расположились артиллерийские командно-наблюдательные пункты. Немцы не жалели снарядов - в стенах нового здания уже зияло немало пробоин.

Я нашел командный пункт артполка без особого труда. Есть верный способ у артиллеристов - искать по проводам. Они привели меня по лабиринтам лестниц и коридоров к самому командиру полка, который вел наблюдение из слуховых окон на чердаке. В это время немецкая авиация бомбила Кронштадт. Из района Пулковской высоты наши батареи вели огонь по противнику. Вражеские снаряды, шурша и свистя, пролетали над нашими головами.

Командный пункт был организован хорошо. Отсюда четко направлялась вся боевая работа дивизионов и батарей. Я встретил здесь немало опытных артиллеристов, которые еще до войны

тщательно отрабатывали на учениях методику и тактику контрбатарейной борьбы. Теперь они умело подавляли немецкие батареи. Рядом с командным пунктом артполка размещался пост наблюдения береговой и морской артиллерии. Артиллеристы армии и флота действовали совместно, по единому плану, всеми силами помогая друг другу.

Запомнился мне и наблюдательный пункт одного из дивизионов, который размещался на крыше эллинга судостроительного завода. Отсюда хорошо просматривались позиции противника. При мне фашисты начали обстреливать эллинг из противотанковой пушки прямой наводкой бронебойными болванками. Видимо, заметили, как мы пробирались по фермам здания. Болванки оглушительно свистели, вызывали страшный грохот при ударе о металлические балки. В минуты обстрела мои земляки-артиллеристы проявляли удивительное спокойствие. Лишь обострившиеся от усталости и недоедания лица еще более побледнели. Я встретил и на эллинге моих старых знакомых. С ними мы до войны на Лужском полигоне испытывали новые орудия и отрабатывали разнообразные методы стрельбы. Приобретенные там знания и навыки сейчас пригодились.

Мастерство ленинградских артиллеристов быстро росло. Особенного успеха они добивались, когда наносили удары вместе с летчиками-бомбардировщиками. Об одной из таких удач я подробно сообщил в Ставку:

"Противник применил "Толстую Берту" - орудие калибра 420 мм. Всего выпущено 10 снарядов по району Колпино, один из них не разорвался. Звукометрическая разведка определила место стоянки орудия, и его обстреляла наша тяжелая артиллерия. Вот уже третьи сутки вражеское орудие молчит. По собранным осколкам, размерам воронки (диаметр 8 метров, глубина 2,5-2,8 метра) и дальности стрельбы сделан вывод, что орудие не новое, а времен первой империалистической войны. Из-за плохой погоды не удалось разведать его фотографированием. Воздушная визуальная разведка результатов не дала".

"Толстая Берта" занимала огневую позицию в 6 километрах от нашего переднего края. Предельная дальность ее стрельбы была около 14 километров, вес снаряда 890 килограммов, разрывной заряд - 107 килограммов. При падении снаряд проникал в грунт на глубину до 12 метров.

В дальнейшем было установлено, что после первой же стрельбы батарея оказалась подбитой огнем нашей артиллерии и ее пришлось отправить в Германию на капитальный ремонт. На том и закончился визит "Толстой Берты" к стенам Ленинграда.

Весной 1942 года Военный совет Ленинградского фронта потребовал от своих артиллеристов переходить в контрбатарейной борьбе от оборонительных действий к наступательным - не только подавлять артиллерию противника, но и воспрещать ей обстрелы города. На Ленинградском фронте были люди, увлекавшиеся терминологией, пытавшиеся жонглировать понятиями времен первой мировой войны, вместо принятых и узаконенных нашими уставами: уничтожение, разрушение и подавление. Реальность задачи - воспрещать врагу обстреливать город - вызывала серьезные сомнения. Ее можно было решить только путем полного уничтожения батарей противника, обстреливавших город. Но и в этом случае через какой-то промежуток времени враг наверняка создал бы новую группировку артиллерии, и город вновь оказался бы под огнем. Уничтожение батарей противника может быть осуществлено на малых и средних дальностях стрельбы, а на больших дистанциях, особенно близких к предельным, оно явно нереально. Решение задачи на уничтожение вражеских батарей - требовало огромного расхода боеприпасов крупных калибров, а их и так не хватало в осажденном Ленинграде. Разрушение инженерных построек на огневых позициях батарей противника тоже было немыслимо без большого расхода боеприпасов и, конечно, отличного наблюдения и тщательной корректировки огня. Реально возможным оставалось для нашей артиллерии лишь подавление вражеских батарей. При удачных попаданиях или близких разрывах наших снарядов фашистские артиллеристы вынуждены были прекращать огонь на какой-то промежуток времени, а затем, конечно, пушки противника опять "оживали" и открывали стрельбу по городу.

Условия стрельбы были весьма неравными: враг стрелял по большому городу, каждый его снаряд попадал в цель. Наши же батареи вели огонь с городских окраин, фактически по точке на местности, где далеко не каждый снаряд, при существующем рассеивании, может оказаться в опасной близости от вражеских орудий. Немецкие батареи обстреливались короткими налетами с малым расходом снарядов. Наши артиллеристы отважно принимали на себя огонь вражеской артиллерии и тем самым сокращали количество огневых налетов на городские кварталы. Наш ответный огонь поддерживал моральный дух защитников города.

Артиллеристы наращивали мастерство. Лучше становилось взаимодействие различных видов артиллерии, а также взаимодействие с авиацией. Противник утратил возможность безнаказанно обстреливать Ленинград, и в этом, безусловно, была большая заслуга советских артиллеристов.

Грозной силой Ленинграда стала корабельная и береговая артиллерия Балтийского флота. К сожалению, мы, армейцы, раньше плохо знали возможности этой артиллерии. Трудная боевая обстановка на Ленинградском фронте заставила нас серьезно взяться за организацию взаимодействия с моряками. Многое сделал в этом отношении замечательный артиллерист полковник М. А. Рерле, знакомый мне еще со времен гражданской войны (он был командиром дивизиона, в который входила наша батарея). Рерле мы величали нашим полпредом у моряков: он был связующим звеном между командованием артиллерией фронта и флота.

Вся морская артиллерия Кронштадта и Ленинграда находилась в подчинении контр-адмирала И. И. Грена и привлекалась к стрельбе по наземным целям в порядке тесного взаимодействия с артиллерией Ленинградского фронта. Вначале допускалось немало недостатков в использовании этого могучего огневого кулака. Доходило до того, что некоторые общевойсковые командиры ставили перед этой мощной и дорогой во всех отношениях артиллерией задачи, далеко не соответствующие ее боевым возможностям, например, подавление незначительных групп пехоты. Приходилось снова и снова разъяснять нашим товарищам известную артиллерийскую аксиому: калибр снаряда должен соответствовать характеру цели.

В середине ноября 1941 года Военный совет фронта решил "потрясти" запасы моряков. Начальник флотского тыла, перелистывая ведомости, старательно докладывал Военному совету о наличии того или иного имущества. Докладчик невозмутимо, несмотря на улыбки и даже смех присутствующих, докладывал, например, о том, что манильским тросом флот обеспечен всего лишь на 1,5 года войны и что "эта позиция неудовлетворительная"; выстрелами по такому-то калибру флот обеспечен на 3 года войны, что, дескать, тоже нельзя считать удовлетворительным.

Флотские товарищи, по-видимому, считали, что блокада Ленинграда продлится многие годы.

Заседание было шумным, оживленным. Выяснилось, что флот имеет большие резервы, которые используются весьма слабо. Например, обнаружилось, что моряки хранят "на черный день" огромное количество мин заграждения. Военный совет фронта принял решение немедленно использовать взрывчатое вещество этих мин для снаряжения боеприпасов, производимых на ленинградских заводах. Пришлось морякам поделиться и запасами снарядов, топлива, продовольствия.

Большое значение в те дни имела противовоздушная оборона

города. Ее возглавлял генерал-майор артиллерии Ф. Я. Крюков, умелый организатор, отличный знаток своей специальности. Во время налетов авиации противника включались в борьбу с ней и береговые батареи и артиллерия боевых кораблей, стоявших в Кронштадте и на Неве. Несколько зенитных батарей располагались в Финском заливе на специально приспособленных баржах, поставленных на якоря. Противовоздушная оборона Ленинграда имела в своем распоряжении первые наши отечественные радиолокационные станции кругового обзора РУС-1 и РУС-2, которые легко обнаруживали летящие самолеты противника в любых условиях дня и ночи.

Зенитная артиллерия взаимодействовала с истребительной авиацией ПВО, хотя и не всегда четко. В октябре и ноябре зенитчики были значительно стеснены в расходе боезапаса, особенно по среднему калибру: на подвоз особенно рассчитывать не приходилось, а заводы Ленинграда еще только налаживали это новое для них производство. Тем не менее, зенитчики Ленинграда своим огнем значительно подняли потолок вражеской авиации, чем уменьшили эффективность ее налетов. Нередко вражеские летчики сбрасывали свой бомбовый груз куда попало.

Огнем зенитной артиллерии ПВО Ленинградского фронта было сбито значительное число самолетов противника.

Мужественно действовала истребительная авиация ПВО. За воздушными боями наблюдало все население города, восхищаясь героизмом наших летчиков.

На командный пункт в Смольном во время налетов вражеской авиации все время передавалась воздушная обстановка. Как было приятно слышать: "Наши истребители атакуют фашистский бомбардировщик. Вражеский самолет загорелся, падает вниз!" или: "Разрывы зениток буквально окружили самолет противника... задымил... валится на левое крыло... в месте падения взрыв!" Мы ликовали, кричали "ура", спешили от души поздравить летчиков и зенитчиков с успехом.

Дни в Смольном

Я жил в Смольном - боевом штабе обороны города. Темп работы был напряженным - все трудились днем и ночью. Гитлеровцы часто обстреливали Смольный, не раз пытались его бомбить. Для безопасности мы обычно спали в бомбоубежище, общая спальня которого напоминала строгую солдатскую казарму.

Город готовился к Октябрьской годовщине. Уполномоченный Государственного комитета обороны по продовольственному снабжению населения города и войск Ленинградского фронта

Дмитрий Васильевич Павлов, много и плодотворно потрудившийся в дни блокады, пишет в своей книге: "Праздник отметили выдачей детям по 200 гр. сметаны и по 100 гр. картофельной муки, а взрослым - по пяти штук соленых помидоров. 6 ноября в сумерки, проезжая по улицам Ленинграда, я был поражен огромными очередями у городских парикмахерских - защитники города хотели получше встретить праздник. Но как-то он пройдет? Вечером гитлеровцы предприняли ожесточенный налет на город. В эти часы по радио транслировали из Москвы торжественное заседание, которое состоялось на станции метро "Маяковская".

Мы сидели в Смольном у радиоприемника и напряженно вслушивались в слова доклада. Слышимость была плохая,

Вскоре я позвонил в Москву, начальнику ГАУ Н. Д. Яковлеву. Он только что вернулся с торжественного заседания, был радостно взволнован и кричал мне в телефон:

- Новость, большая новость!

Он повторял какое-то слово, но я никак не мог его разобрать.

- Скажите по буквам! - наконец попросил я и начал записывать. И опять не поверил.

- Парад? Какой парад? Где? Когда?

В конце концов, понял, что в Москве на Красной площади завтра утром состоится праздничный военный парад. Это казалось совершенно неправдоподобным в разгар войны, в дни ожесточенных бомбардировок Москвы, Ленинграда и других городов.

Когда я рассказал об этой новости Жданову и другим товарищам, они посмотрели на меня с недоумением:

- Да что вы! Это просто пошутили над вами. Жданов пошел звонить в Москву. Вернулся к нам сияющим от радости:

- Вы оказались правы. Да, завтра парад!

7 ноября весь Ленинград ликовал. Парад в Москве многое значил. Он еще и еще раз свидетельствовал о том, что партия и правительство уверены в победе. Значит, оккупантам не сдобровать! У всех прибавилось сил и энергии.

Важнейшей заботой руководителей города была организация Дороги жизни через Ладожское озеро. Сначала возник проект проложить по льду железную дорогу. Это, конечно, выглядело заманчиво, но уже тогда казалось нереальным и, главное, весьма затяжным делом. А времени не было. Укрепление шпал на льду - этого еще никто не делал в. короткие сроки. Решили немедленно, как сомкнутся льды, проложить трассу для автомашин.

А. А. Жданов пригласил к себе ученых. Уточнили: всегда ли замерзает Ладожское озеро зимой, какая средняя толщина льда,

его структура, какова его "грузоподъемность". Жданов дал ряд ценнейших советов строителям новой дороги, одобрил предложение искусственно наращивать лед на некоторых участках трассы.

Обсуждался вопрос о прикрытии ледового пути с воздуха сначала с помощью авиации и зенитных пулеметов, а когда лед станет толще, то и с помощью малокалиберной зенитной артиллерии.

В середине ноября Ладогу сковали льды. На озеро выслали пешую разведку. Командование приказало провести аэрофотосъемку будущей трассы. Все в Смольном нетерпеливо ждали результатов. Хлебные запасы в городе истощались. Люди умирали от голода. Остановились трамваи и троллейбусы. Замерзли водопроводные линии. Не хватало угля, нефти, дров. Надо было спешить. Местные жители между тем сообщали о частом торошении льдов на озере, о больших полыньях.

Вслед за пешей разведкой была выслана конная. Действительно, на Ладоге обнаружили большие полыньи, но тут же нашли обходные пути. И сразу же с восточного берега Ладоги потянулись в Ленинград первые хлебные обозы.

Дорожные батальоны, пользуясь сильными морозами, приступили к прокладке ледовой трассы, к созданию вдоль нее оборонительного пояса. К озеру двинулись тысячи машин.

В двадцатых числах ноября колонна автомашин с хлебом для ленинградцев совершила первый рейс по Дороге жизни. Ленинград облегченно вздохнул.

В эти трудные дни я не раз встречался с отцом и сестрой. Они продолжали работать и по-прежнему не хотели эвакуироваться на Большую землю. Оба готовы были перенести любые трудности, лишь бы остаться в родном городе и помочь отогнать врага.

В свободные минуты я звонил отцу по телефону. Случалось, его голос внезапно прерывался и в трубке слышался сильный грохот. Проходили томительные минуты, и снова доносилось знакомое покашливание отца. Немецкая артиллерия посылала по утрам свои плановые восемь тяжелых снарядов по квадрату, где помещалось учреждение, в котором работал отец. Он обычно рекомендовал не звонить с четверти до половины десятого.

- В эти минуты я получаю от немцев артиллерийский привет, видимо, потому, что у меня сын артиллерист,- шутил старик.

Однажды, пока мы разговаривали, снаряд разорвался поблизости от учреждения, где работал отец. В здании вылетели рамы и двери, от взрывной волны отвалилась штукатурка потолка, но отец продолжал разговор в совершенно спокойном тоне.

Вечером 1 декабря мне передали приказание Ставки - завтра же вылететь в Москву. Но ночью разбушевалась метель. Она не стихала трое суток.

Пользуясь задержкой с отлетом, я составил проект указаний Военного совета фронта о недостатках при наступлении на оборонительные позиции противника. Особое внимание хотелось обратить на необходимость сочетания огня всех видов оружия с движением пехоты и танков, посоветовать, как вести ближний бой в конкретных условиях Ленинградского фронта, закреплять достигнутые успехи, как использовать штатное артиллерийское вооружение, находящееся в пехоте, и улучшить планирование огня артиллерии. Проект был принят и в несколько расширенном виде, уже в форме приказа по фронту, пошел в войска.

На Ленинградском фронте я был очевидцем массового героизма бойцов и командиров. Не щадя своей жизни, воины шли на любой подвиг. В этих условиях важно было без промедления награждать отличившихся. У нас же был другой порядок - представление командира или красноармейца к правительственной награде очень медленно проходило через множество инстанций до Москвы. Хотелось ускорить этот процесс.

Посоветовавшись с товарищами, я внес предложение об изменении порядка награждения отличившихся в боях и предоставлении этого права военным советам фронтов и армий. Предложение было принято, и вскоре был обнародован соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР.

Утром 5 декабря из Хвойной за мной прилетел наконец транспортный самолет.

Тяжело было оставлять родной город и своих земляков в столь трудном положении. Но приказ есть приказ.

С фронта на фронт

Боевые будни

Поздно вечером 5 декабря мы прилетели на подмосковный аэродром. Только я и мои спутники сели в машины, как зазвучал сигнал воздушной тревоги. Под заунывный вой сирен мы мчались по затемненному, обезлюдевшему городу. Раздались дружные залпы зениток.

Вошел в свой рабочий кабинет, где не был полтора месяца. В учреждении пусто, большинство работников эвакуировались в Куйбышев, здесь остались лишь небольшие оперативные группы. Предложили обогреться горячим чаем, но меня срочно вызвали в Ставку. Она находилась теперь в Кремле.

В Ставке, перешедшей на время воздушной тревоги в подземное убежище, заслушали мой краткий доклад о положении

в Ленинграде и на Ленфронте, о героизме ленинградцев. В ответ порадовали сообщением о подготовленном на утро крупном контрнаступлении под Москвой, предложили включиться в дело и помогать всем, чем только возможно. Б. М. Шапошников бегло познакомил с замыслом и целями завтрашнего удара по немецко-фашистским войскам. С радостью, волнением слушал я Бориса Михайловича, следил за красным карандашом, которым он водил по карте с нарисованными на ней стрелами, далеко идущими на запад. Восторг мой омрачили слова Сталина: - Ставка недовольна работой начальника ГАУ. Подумайте, кто может заменить Яковлева.

Что случилось, откуда взялись такая оценка и поспешные оргвыводы? Я тут же высказал свое мнение о нежелательности замены начальника ГАУ, но Сталин не захотел даже слушать.

- Серьезно подумайте и доложите завтра свое предложение.

Когда мы с Борисом Михайловичем шли к выходу из убежища на Кремлевскую площадь, я пытался выяснить у него причины столь резкого разговора о Главном артиллерийском управлении и его начальнике. Мой собеседник глубоко вздохнул и сказал, что этот разговор и для него оказался неожиданностью. Вышли на воздух. Стрельба зениток продолжалась. В черном небе соединились в пучок лучи прожекторов, видимо нащупавших ночного разбойника.

Прибыв к. себе, я сразу же позвонил Н. Д. Яковлеву и по телефону завел с ним речь о текущих делах. Все как будто не так уж плохо.

- А какие трудности вы испытываете? Николай Дмитриевич, не задумываясь, ответил:

- Нас здесь, в Москве, небольшая оперативная группа, ГАУ в Куйбышеве. А объем работы большой, заявки и задания сыплются как из рога изобилия, и все срочные, важные. Никто не интересуется реальными возможностями и не хочет их знать.

По поводу завтрашнего контрнаступления Яковлев сказал, что обеспечить его в артиллерийском отношении стоило огромных усилий.

Сразу же все стало ясно.

Несмотря на усталость и голод, я сел за работу. Моим предложением могло быть только одно: во что бы то ни стало оставить Яковлева на его посту и вернуть ГАУ в Москву.

Во второй половине дня 6 декабря меня вызвали в Ставку по ряду вопросов, касавшихся активно действовавших фронтов. Когда эти вопросы были решены, я доложил свою оценку ГАУ и его начальника. Хотя у меня был по этому поводу подготовлен небольшой письменный доклад, мне предложили изложить его

устно. Доклад мой был выслушан внимательно, без реплик и вопросов, и тут же получил утверждение. Н. Д. Яковлев остался на своем месте, а ГАУ разрешили реэвакуировать.

Я был искренне рад за Николая Дмитриевича и то учреждение, которым он руководил. И все же было горько. Как часто Сталин принимал решения не по разумению, а по настроению!

Вскоре ГАУ полностью вернулось из эвакуации. Я принял все меры, чтобы другие центральные управления установили более тесный контакт с этим учреждением.

Контрнаступление под Москвой развивалось. Наши войска успешно продвигались вперед.

Эфир заполнился немецкими докладами, переговорами и сообщениями без всякого кода. В стане врага царила паника. Приятно было читать радиоперехваты. Противник смертельно напуган, отступает, бросая боевую технику. Штабы гитлеровских частей и соединений потрясены внезапностью нашего мощного наступления на столь широком фронте.

Я связывался с командованием фронтов, выяснял. в чем испытывается нужда, какая требуется помощь. Фронты просили подбросить орудия, пулеметы, минометы, винтовки, автоматы, тягачи и автомашины. И, конечно, боеприпасы, от них никто не отказывался.

Между тем изо дня в день увеличивались трудности с артиллерийским снабжением, пути подвоза растягивались, а возможности далеко не соответствовали все возрастающим потребностям. В заявках, которые мы получали, как в зеркале отражались характеры командующих фронтами. Одни требовали с явным "запасом", старались урвать побольше, другие, понимая наши трудности, просили лишь то, без чего нельзя было обойтись. У меня сохранилась небольшая, на клочке бумаги, записка:

"Дорогой Николай Николаевич, - привет! Прошу помощи: тысячи три винтовок, десятка четыре пулеметов и минометов. С товарищеским приветом. Захаркин. 9.12.41".

Прислал мне ее генерал-лейтенант И. Г. Захаркин, командующий армией, прославившейся в боях под Москвой. Более чем скромная заявка для армии, уже четвертые сутки продолжавшей наступление.

А в Ставке тем временем решались самые разнообразные вопросы. Так вдруг неожиданно было принято решение о производстве миномета-лопаты.

История этого оружия началась за год до войны. Весной 1940 года во время большого учения в Московском военном округе

один из младших командиров обратился к Народному комиссару обороны С. К. Тимошенко с предложением превратить малую саперную лопату в миномет, сделав ручку стальным стволом. Немалого труда стоило убедить изобретателя в малой эффективности предложенного им оружия.

Теперь, во время войны, автор изобретения сумел вновь поднять вопрос о реализации своего предложения. Кто-то его поддержал, делу дали ход. Мне пришлось выехать на испытания малютки-миномета. Толку от него, конечно, было мало. И не оружие, и не лопата. Крохотная 37-миллиметровая мина была очень слаба. О точности стрельбы и говорить не приходилось. Но вопрос уже был предрешен, возражений наших никто не слушал. Начальник ГАУ Н. Д. Яковлев спросил, в каком же количестве надо производить эти минометы-лопаты.

- Миллион штук! - был короткий ответ. Яковлев только головой покачал:

- А вы представляете, сколько тогда понадобится заготовить для них мин? Сто миллионов! Причем это только на первый случай...

Присутствовавших товарищей поразила такая большая цифра, и они сразу же стали уменьшать заказ.

Дело с производством минометов-лопат закипело, и они стали поступать в войска. Однако новое оружие не оправдало себя и вскоре от него пришлось отказаться. Но труда, металла и времени эта затея отняла много.

В конце декабря 1941 года в мой адрес поступил акт об испытании миномета-лопаты. Проводил его по собственной инициативе начальник артиллерии 53-й стрелковой дивизии. В документе приводились результаты стрельб на дистанции от 100 до 300 метров. Оценка дана, к моему удивлению, положительная, с указанием, что "миномет-лопата применим при наступательном и оборонительном бое в групповом использовании". А далее, читая акт, я был потрясен до глубины души: "Начартдив 53 пробовал произвести выстрел с живота - в результате сильная боль. С живота стрелять нельзя..." Вот до чего доводит излишнее рвение! Тут же удалось прикинуть примерную динамическую силу удара во время выстрела из миномета-лопаты. К нашему удивлению, она оказалась равной почти половине тонны. Хорошо, что испытатель стрелял стоя, а не лежа, иначе на этом и закончилось бы его участие в Великой Отечественной войне...

Вскоре Ставке стало известно, что на Западном фронте неправильно использовалась артиллерия особой мощности. Огромные орудия применялись для борьбы с танками противника, дорогие снаряды тратились попусту. Мне

предложили немедленно выехать на этот фронт, разобраться и строго наказать виновных. Я побывал на батареях и убедился, что в неправильном использовании мощной артиллерии повинны общевойсковые и артиллерийские начальники. Пришлось провести немалую разъяснительную работу и с этими начальниками, преподать им урок бережного отношения к дорогостоящей технике, с таким трудом созданной нашей промышленностью.

После войны я получил письмо от гвардии капитана Халемского, которое начиналось такой фразой: "Это письмо пишет Вам гвардии капитан, на батарее которого в декабре 1941 года под Москвой Вы сказали, что надо, беречь наши тяжелые орудия - из них мы будем бить по Берлину. И эти Ваши слова, сказанные в трудные декабрьские дни 1941 года, блестяще подтвердились".

В боях под Москвой с успехом показало себя и наше "секретное оружие" реактивные минометы. О них впервые в полный голос рассказала фронтовая газета "На разгром врага", напечатав слова песни "Гвардейская катюша", написанные солдатом-гвардейцем Анатолием Скобло. Песня, возможно, и преувеличивала возможности нового оружия, но хорошо передавала веру бойцов в его мощь:

"Шли бои на море и на суше,
Над землей гудел снарядов вой,
Выезжала из лесу "катюша"
На рубеж знакомый, огневой.
Выезжала, мины заряжала
Против немца-изверга, врага.
Ахнет раз - и роты не бывало,
Бахнет два - и нет уже полка..."

Так воспевались боевые подвиги знаменитой "катюши", начинавшей свое грозное шествие по полям сражений,

В Ставке состоялся просмотр хроникального кинофильма "Битва под Москвой". Фильм забраковали: плохо отражал боевую работу советской артиллерии. Там же при просмотре кинофильма обязали председателя комитета кинематографии тов. Большакова связаться со мной и правдиво показать нашу артиллерию путем дополнительных съемок. Пришлось артиллеристам оказать некоторую помощь киноработникам. Фильм вскоре был выпущен на экраны.

Приближался новый, 1942 год. Вечером 31 декабря, когда я занимался многими неотложными делами, вдруг позвонили из Ставки. Сказали, что два лыжных батальона должны срочно отправиться на фронт, но у них нет ни одного автомата, их надо

вооружить в срочном порядке. Я попросил дать мне разобраться с нашими возможностями. Выявилось, что в нашем распоряжении в этот момент имелось всего 250 автоматов - таковы были у нас тогда резервы стрелкового вооружения! Я доложил Ставке наши "автоматные возможности". В ответ получил распоряжение:

- Срочно выдайте лыжным батальонам сто шестьдесят автоматов, а девяносто имейте в своем резерве.

Так мы встретили 1942 год. Хоть и скромны были тогда наши возможности, но мы глубоко верили, что и на нашей улице, настанет праздник!

На опыте боев под Москвой возникла важная директива Ставки от 10 января 1942 года о так называемом артиллерийском наступлении, которая сыграла большую роль в оперативно-тактическом использовании всех видов советской артиллерии, ее массированном применении и более тесном взаимодействии с другими родами войск. Документ этот приобрел большую популярность в войсках и помог дальнейшему укреплению мощи нашей артиллерии.

Самые поразительные неожиданности встречались в моей работе. Отрывая от прямых обязанностей, Ставка беспрерывно посылала меня своим представителем на разные фронты и в то же время строго спрашивала за малейшие недостатки в артиллерии и ее снабжении.

Так случилось и в январе 1942 года, когда на Волховский фронт прибыла из резерва Ставки общевойсковая армия, которой командовал генерал-лейтенант Галанин. Армия была только что сформирована в глубоком тылу и далеко не полностью снабжена вооружением. Тем не менее, Ставка и Генеральный штаб приняли решение передислоцировать ее из глубокого тыла на фронт. Транспорты с оружием и техникой для нее все еще шли по старому адресу. Внезапная передислокация армии потребовала срочного изменения маршрутов бесчисленных вагонов и платформ. Где-то на станциях надо было искать эти грузы и срочно посылать в обратном направлении. Естественно, что армия прибыла на фронт без самого необходимого. Артиллерия ее оказалась без средств связи, без оптических приборов. Тем не менее, армию сразу же ввели в бой. Конечно, тотчас же обнаружилась весьма низкая эффективность огня ее артиллерии. Излишняя поспешность привела к ненужным потерям.

Ночью мне позвонили из Ставки. Сказали, что я должен срочно отправиться на Волховский фронт и принять все необходимые меры, чтобы артиллерия армии стала боеспособной.

В это время на Волховском фронте находился по поручению Ставки Л. З. Мехлис. По своему обыкновению, он бил тревогу

шифровками и телефонными звонками.

Утром выяснилось, что все недостающее для артиллерии этой армии находится в пути, но когда прибудет, никому не известно. Я приказал загрузить несколько вагонов телефонными аппаратами, полевым кабелем и другими средствами связи, а также артиллерийскими приборами наблюдения и стрельбы.

Поздно вечером поезд тронулся по "зеленой улице". Я приехал на Волховский фронт очень быстро и сразу же попал на совещание, которое проводил командующий. Увидя меня, Мехлис с язвительной усмешкой сказал:

- Ну вот, прибыл главный виновник, приславший сюда артиллерию, которая стрелять не может. Посмотрим, как он будет оправдываться.

Не хотелось вступать с ним в полемику. Ведь ему было невдомек, что меня даже не поставили в известность об отправке армии из тыла на фронт.

Я как ни в чем не бывало попросил ознакомить меня с обстановкой, конкретным решением командования фронта по предстоящей операции, а потом объявил, что командиры артиллерийских частей могут немедленно выслать приемщиков на станцию Будогощь и получить все недостающие средства связи и артиллерийские приборы.

Мои слова были встречены с недоверием, а представители снабжения заявили, что на этой станции ничего нет и быть не может. Поверили, лишь когда съездили туда. Такой прием оказания "скорой помощи" всем пришелся по душе.

Начались хлопоты по обеспечению артиллерии фронта боеприпасами. На прифронтовых железнодорожных путях все время образовывались "пробки", терялись не только вагоны, но и целые эшелоны. Мне говорили, что легче эшелон "протолкнуть" из Москвы, чем вытащить его из "пробок" фронта.

Условия ведения войны здесь были очень трудными. Леса и болота, плохие пути сообщения, постоянные туманы раздражали всех, особенно артиллеристов. Мягкий грунт снижал поражающее действие снарядов и мин.

К тому же у наших войск не было опыта наступления в лесисто-болотистой местности. Широкие оперативные замыслы командования вступали в явное противоречие с имеющимися возможностями. Было ясно, что здесь неуместна спешка в развитии наступательных действий. Требовалось сначала тщательно и всесторонне подготовить к ним войска. Но, как всегда, Ставка торопила... Ох, как дорого нам обходилась эта ненужная торопливость!

Нередко случалось и обратное: мы медлили, когда надо было

спешить. В феврале и марте 1942 года с фронтов стали поступать сообщения о появлении у немцев новых танков с более толстой броней. Эти данные заставили нас, артиллеристов, вновь серьезно подумать о создании более мощных противотанковых орудий и снарядов с повышенной бронепробиваемостью.

На одном из заседаний Государственного комитета обороны я вновь поставил вопрос об усилении нашей противотанковой артиллерии. Свои предложения обосновывал данными о появлении на фронтах новых танков противника.

Сталин неожиданно взял мои доводы и предложения под сомнение, стал даже обвинять меня в паникерстве. Он заявил, что никаких новых орудий производить никто не будет, и предложил запретить мне ставить в ГКО вопросы о танковой опасности.

С заседания Комитета обороны я уходил с камнем на сердце. Было очень больно, что не удалось доказать свою правоту, но еще больнее было то, что меня никто не поддержал. А данные о новых танках противника все поступали, подтверждая, что мои выводы правильны: нам обязательно нужны более мощные орудия ПТО.

Однажды меня вызвали в Государственный комитет обороны. Сталин встретил словами:

- А ведь вы оказались правы, когда докладывали нам о появлении у противника новых танков с более толстой броней.

Прервав заседание, он стал задавать мне вопросы о том, какие наши пушки смогут успешно бороться с этими танками. Речь зашла о новой корпусной 100-миллиметровой, пушке.

Я доложил, что конструктор пока набросал только Эскизный проект - красивую картинку будущей пушки.

- Крайне необходимо по этому вопросу срочно заслушать Грабина, - добавил я.

В ближайшие дни состоялось специальное заседание Государственного комитета обороны, на котором разбирался эскизный проект новой пушки.

- Когда мы сможем приступить к производству этого орудия? - спросил я Грабина.

Василий Гаврилович, по обыкновению, назвал нереальный срок. На конструирование, заводские, войсковые испытания и принятие на вооружение он потребовал всего лишь 6-8 месяцев. Даже в условиях войны, при напряжении всех сил и возможностей, это было явно невыполнимо.

В своем выступлении я одобрил проект орудия и просил принять решение о быстрейшем конструирования и изготовлении опытных образцов. Срок 6-8 месяцев мною был взят под большое сомнение, что впоследствии и подтвердилось. До той поры, когда на вооружение станут поступать новые пушки, я предложил

продолжать производство 122-миллиметровых пушек. С этим предложением все согласились. К сожалению, мне не удалось убедить в необходимости увеличить производство таких пушек.

Неудачи

В мае 1942 года советских людей омрачили события в Крыму. Войска Крымского фронта, хорошо вооруженные, снабженные всем необходимым, неожиданно были разгромлены сравнительно немногочисленными силами противника. Из-за этого стало невозможным дальнейшее сопротивление славных защитников Севастополя.

Много причин поражения называлось после крымской катастрофы, но мне хочется вспомнить наиболее важные из них.

На Крымском фронте создалась нетерпимая обстановка. Слабовольный командующий фронтом генерал-лейтенант Козлов и полномочный представитель Ставки Мехлис создали каждый свой автономный штаб. Два этих штаба бесконечно противоречили друг другу, много заседали и плохо работали. Создавшееся двоевластие дергало и дезориентировало войска. Оба штаба явно недооценивали силы и возможности противника и, увлеченные междоусобными дрязгами, не обращали внимания на приготовления гитлеровцев к наступлению.

После успешно проведенной Керченско-Феодосийской операции в декабре 1941 года, когда наши войска высадились в Крыму и захватили большой плацдарм, Крымский фронт без всякого к тому повода засел в обороне. Несколько месяцев его многочисленные войска, имевшие достаточное количество наземной и зенитной артиллерии, топтались на месте, дав немцам опомниться, подтянуть силы. Новое наступление наших войск готовилось очень медленно. А ведь у них была благороднейшая цель - снять блокаду с героического Севастополя и очистить Крым от немецко-фашистских захватчиков.

В предвидении активных действий фронта я направил туда группу опытных командиров-артиллеристов для оказания помощи артиллерии Крымского фронта. Но наша помощь запоздала.

Противник внезапно начал свои наступательные действия как раз в том направлении, где его меньше всего ждали - на левом фланге 44-й армии. Это могло случиться, лишь из-за скверно поставленной разведки. Из рук вон плохо была организована противотанковая и противовоздушная оборона. Ничего не предусматривалось, чтобы сорвать попытки противника к наступлению. Взаимодействие артиллерии с пехотой и танками в обороне не было налажено. Совершенно не продумывались боевые действия на случай наступления противника и вынужденного отхода наших войск. Без всякого контроля

оставалось артиллерийское снабжение во фронте и армиях. По вине командования фронта стрелковые дивизии, находившиеся в резерве, оказались без своей штатной артиллерии, которая была взята для усиления частей на переднем крае. Так волею командования фронтовые резервы были приведены в небоеспособное состояние. В довершение всего на обе ноги хромало управление войсками. Командующий артиллерией фронта генерал В. О. Бушуев тоже допустил много ошибок.

В результате первые же удары противника вызвали растерянность, суматоху, потерю управления войсками. Наши части стали беспорядочно отступать, не заботясь даже о прикрытии своих флангов.

Мне известен факт, когда один гаубичный полк на конной тяге 44-й армии, находившейся на главном направлении прорыва противника, отступая с боями, боролся с танками противника и добрался до Керчи с небольшими потерями. Но в Керчи командир полка и его подчиненные были ошеломлены. Перед ними, прибывшими сюда последними, раскрылась мрачная картина. Улицы города были забиты машинами с разнообразным имуществом и оборудованием. Вывезти их так и не удалось. Только неорганизованностью можно объяснить такую тяжелую обстановку.

Крупные неудачи постигли нас и на юго-западном направлении. Успешно начавшаяся наступательная операция войск Юго-Западного и Южного фронтов в районе Харькова стала постепенно затухать, встречая все нарастающее сопротивление противника.

В эти дни было очень приятно получить высокую оценку боевых действий артиллерии от командующего войсками Юго-Западного фронта С. К. Тимошенко. Он представил девять отличившихся в боях командиров-артиллеристов к награждению только что учрежденным орденом Отечественной войны. Это представление было немедленно доложено правительству и поддержано им. Таким образом, артиллеристы первыми были награждены новым орденом.

Гитлеровцы упорно рвались вперед. Весной 1942 года последовал контрудар противника по левому флангу нашей 9-й армии. Ее слабая оборона не выдержала, наши части стали отходить. С каждым днем отхода возрастала угроза левому флангу Юго-Западного фронта.

Много сил и средств было израсходовано на недавнее наше большое наступление на этом направлении. Оно готовилось несколько месяцев. Каждый шаг продвижения вперед стоил огромных усилий. А теперь наши войска откатились. Огромная

энергия требовалась от советского тыла, чтобы возместить серьезные потери в технике.

Наше счастье, что силы советского тыла неисчислимы. В это трудное время он дал для гвардейских минометов новые типы реактивных снарядов с повышенным весом разрывного заряда, с возросшим фугасным действием. У нас начала создаваться тяжелая реактивная артиллерия. Первое время она имела свое командование, подчинялась непосредственно Ставке и была ее резервом.

В начале июня 1942 года по заданию Ставки я принимал участие в подготовке и проведении частных наступательных операций на левом фланге Западного фронта. Было решено осуществить их силами 1, 6-й и 61-и армий. Хотя цели этих операций были ограниченные, но средств для них было выделено немало. В частности, здесь было решено массированно применить реактивную артиллерию. Сюда прибыл командующий этой артиллерией В. В. Аборенков. Вскоре состоялось обсуждение предстоящих действий, в котором участвовали командующие армиями К. К. Рокоссовский и П. А. Белов и командующий артиллерией фронта И. П. Камера. Присутствовавший при этом Аборенков, по образованию военный инженер-химик, не искушенный в тактике и оперативном искусстве, настаивал, чтобы ему выделили участок фронта в полосе действий ударной группировки. На этом участке, по его мнению, должна действовать только реактивная артиллерия, всю ствольную артиллерию и минометы следовало использовать в других местах. Аборенков заверял всех, что реактивная артиллерия способна решать любые задачи самостоятельно.

Мы недоуменно переглядывались. Уважаемый инженер абсолютно не представлял себе природы современного боя. Он не понимал, что после артиллерийской подготовки нужно будет надежно сопровождать огнем наступление нашей пехоты и танков. Кто же будет вести непрерывную борьбу с артиллерией противника? Кто будет уничтожать многочисленные вновь выявленные цели в непосредственной близости к нашим наступающим войскам? Далеко не всем было известно, что по своим техническим особенностям реактивная артиллерия не могла поражать эти цели. Пришлось мне выступить и постараться внести ясность: реактивные установки, как новый вид артиллерии, должны применяться в бою не обособленно, а в сочетании с другими видами артиллерии. На оперативной карте я показал объекты в расположении противника, по которым огонь гвардейских минометов мог бы быть наиболее эффективным.

Предложения генерала Аборенкова, конечно, приняты не

были. Решили использовать реактивные минометы массированно на важнейшем направлении, по важнейшим объектам в сочетании с огнем других видов артиллерии, использовать не только для артподготовки, но и в процессе наступления.

Мне было непонятно, зачем расходовать силы и средства на ряде фронтов для проведения частных операций с ограниченными целями, а тем более привлекать для этого такое новое мощное оружие, как реактивная артиллерия, которое могло бы сыграть немалую роль в наступательных операциях с более решительными целями? Зачем нужно начинать наступление двух армий одного и того же фронта с разницей во времени в одни сутки? Кого хотели обмануть? Противника? Мне думается, больше обманывали себя. Трудно представить, чтобы при активной воздушной разведке противник не смог заметить наших перегруппировок. Это учтено не было. Вот и получилось, что вражеская авиация обрушила свои удары вначале на боевые порядки наступавшей группировки 61-й армии, а затем столь же ожесточенно стала бомбить перешедшие в наступление войска 16-й армии.

Пехота была еще слабо подготовлена к наступлению. Радовало, что артиллерия, авиация и танки вели бои хорошо. От их огня и бомбежек противник понес большие потери. Поучителен был и первый опыт боевого применения новых реактивных установок. Это мощное оружие требовало умелого использования и применения к местности. Только полная скрытность подготовки установок к открытию огня может дать нужный эффект. Бои показали, что гвардейские реактивные минометные части следовало применять в сочетании со всеми другими видами нашей артиллерии.

В те дни командованию стало ясно, что нужно сформировать 4 - 5 тяжелых артиллерийских дивизий специально для проведения наступательных операций и надежного обеспечения прорыва. Кроме того, возникла мысль создать отдельные гвардейские минометные бригады, которые находились бы в распоряжении Ставки и придавались фронтам для прорыва обороны противника.

Вопрос о накапливании мощных артиллерийских резервов встал со всей остротой. Это было тем более трудным делом, что в то время нам приходилось восполнять большие потери в артиллерии на фронтах, много помогать войскам южного направления.

Находясь на КП 16-й армии вместе с командармом К. К. Рокоссовским, я наблюдал за развитием образовавшегося прорыва в обороне противника. Наступление продолжалось уже несколько

часов, но в прорыв почему-то все еще не вводились механизированные войска, как предусматривалось планом операции. Связь с этими войсками после вражеских бомбежек оказалась прерванной. Мы с Рокоссовским сами поехали к командованию группы мехвойск.

К нашему удивлению, увидели, что механизированные войска вовсе не готовы к немедленному вводу их в прорыв. Выяснилось, что повинен в этом начальник штаба армии. По своему усмотрению он дал указание, что мехвойска будут вводиться в прорыв лишь на второй день операции, как это было принято делать в мирное время на больших учениях и маневрах. Самовольство начштаба, его приверженность к шаблону во многом помешали 16-й армии полностью выполнить стоявшие перед ней задачи.

Приказом Народного комиссара обороны на меня были возложены все дела по вопросам изобретательства и рационализации, касающиеся нашего наркомата. Трудное, хлопотливое занятие! Радовало стремление советских патриотов сделать все, чтобы наша армия стала еще сильнее. Но многие изобретатели, не зная, что действительно нужно нашим войскам для борьбы с врагом, и не имея инженерно-конструкторской подготовки, нередко предлагали такое, что приходилось только диву даваться. Каких только не было предложений! В каждом случае приходилось разбираться и давать обоснованные заключения. Некоторые изобретатели, пользуясь войной, пытались протащить свои старые, отвергнутые ранее предложения. Каждый отказ, конечно, воспринимался болезненно, на меня и моих подчиненных сыпались жалобы в разные инстанции, порой дело доходило даже до прямой клеветы. Надо было стойко держаться, внимательно отделять годное от негодного.

Один изобретатель, например, предложил авиационную бомбу значительных размеров и веса с полым цилиндром во всю ее длину. По замыслу изобретателя, при ударе бомбы о грунт от нее разлетятся на 300 метров начиненные взрывчаткой сегменты, которые будут взрываться при падении. В это же время в нижней части полого цилиндра придет в действие скорострельный пулемет с круговым обстрелом, автоматически открывающий огонь при соприкосновении с землей. В тот же момент из цилиндра должна вылетать вверх мощная осветительная ракета - это для того, чтобы ночью помочь определению реальных потерь противника. Помнится, сколько времени отняло у нас это "изобретение" - автор его был страшно назойлив.

Бывали неприятности и покрупнее. Один из изобретателей

внес хорошее предложение: создать навесные тралы, с помощью которых танки смогут проделывать для себя проходы в минных полях. Эти тралы сберегли бы жизнь многим саперам, которым со смертельным риском приходилось вручную обезвреживать минные поля противника. Кроме того, работа саперов сразу выдавала противнику наши участки прорыва. Предложение изобретателя обеспечивало внезапность прорыва вражеских заграждений.

Тралы были быстро сконструированы. Командование бронетанковых войск почему-то решило провести испытания их на фронте, в реальной боевой обстановке. Но испытания организовали безответственно, один танк с тралом застрял на минном поле и попал в руки противнику. Меня вызвали в Ставку, я выслушал строгое нравоучение Сталина и его угрозу наказать меня за передачу государственной тайны врагу. С трудом удалось доказать мою непричастность к происшедшему.

Приведу еще один поучительный случай.

Из глубокого тыла пришло как-то неожиданное письмо от инженера-мелиоратора, который предложил создать бронебойный снаряд новой конструкции. Он доказывал, что его снаряд будет лучше пробивать броню, приводил обоснования и расчеты. Предложение было весьма актуальным и заманчивым. Мы создали специальную комиссию под председательством генерала Е. А. Беркалова. Она с недоверием отнеслась к предложению изобретателя, не имеющего артиллерийского образования, и вынесла отрицательное заключение. Изобретатель написал мне второе, личное письмо, в котором настаивал на ценности своего изобретения и просил назначить другую экспертную комиссию. В это время других крупных специалистов в моем распоряжении не было, поэтому я предложил той же комиссии вновь рассмотреть заявку изобретателя. При этом предупредил Беркалова, что, не дожидаясь заключения комиссии, мы, пожалуй, попробуем практически осуществить предложение - сконструировать и испытать новый бронебойный снаряд на боевых стрельбах.

Генерал Беркалов и члены комиссии отнеслись на этот раз к делу со всем вниманием и убедились, что поспешили с выводами. Инженер-мелиоратор оказался хорошим математиком и в своей работе опирался на последние достижения советских ученых. Этот сугубо гражданский человек долго и настойчиво изучал теорию артиллерии. Поэтому открытие вовсе не было случайностью. Разработанный им снаряд обещал обладать действительно высокими качествами. Сам Беркалов теперь вызвался быть постоянным консультантом изобретателя. В дальнейшем инженер-мелиоратор создал отличные бронебойные

снаряды для нашей артиллерии. За достижения в этой области его неоднократно награждали.

Однажды он рассказал мне, кто посоветовал ему заняться конструированием бронебойных снарядов. Его вызвал секретарь райкома партии и сказал:

- Я знаю, артиллерия - не ваша специальность. Но вы математик и инженер. Подумайте над тем, как улучшить бронебойные снаряды, которые сейчас выпускает промышленность нашего района. Эти снаряды очень нужны фронту.

Инженер-мелиоратор и принялся за изучение конструкции бронебойных снарядов, зная, как трудно было нашим бойцам в то время бороться с вражескими танками. Большую помощь оказали ему научные работники эвакуированной из Москвы Артиллерийской академии, заинтересовавшиеся его пытливыми поисками.

Во время войны выросли талантливые творцы новой боевой техники, которые внесли свою лепту в победу над врагом.

Союзники не торопятся...

Меня срочно вызвали в Ставку. Советское правительство назначило специальную комиссию для ведения переговоров с видными военными деятелями Англии, прибывшими в Москву вместе с Черчиллем. В комиссию вошли К. Е. Ворошилов, Б. М. Шапошников и я.

Вскоре переговоры начались. Главной темой было открытие второго фронта. Однако с первых минут совместного заседания наши английские партнеры стали доказывать нам невозможность в скором времени начать военные действия на Западе. Начальник генерального штаба Англии генерал Брук долго говорил о невероятных трудностях, с которыми сталкиваются союзники. Англия и США испытывают большой недостаток в десантных средствах. Нужны подходящие порты для выгрузки тяжелого снаряжения, в этом отношении Кале и Булонь не подходят: они малы и очень легко могут быть блокированы противником.

Больше всего нас поразило заявление этого генерала о том, что США и Англия смогли бы для создания второго фронта в Европе выделить всего лишь шесть дивизий против двадцати четырех немецких дивизий, находящихся во Франции. При таком соотношении сил, конечно, нельзя было рассчитывать на то, чтобы отвлечь хотя бы часть гитлеровских войск с советско-германского фронта.

Генерал долго и нудно говорил далее о том, как было бы трудно обеспечивать всем необходимым эти шесть дивизий, если бы даже они успешно высадились во Франции.

Со своими доводами выступил маршал авиации Тедер. Он развернул перед нами карту, на которой разноцветными карандашами была изображена схема предполагаемого авиационного прикрытия морской десантной операции. Тедер старался нас убедить, что у Англии нет сейчас возможности завоевать господство в воздухе в данном районе.

Нам было непонятно, почему для такой важной десантной операции Англия из наличных двадцати дивизий сможет выделить менее одной трети. А ведь в это время в Англию уже прибыли две американские дивизии и ожидалась третья. Довольно долго мы не могли добиться нужных нам разъяснений, но наконец генерал Брук сообщил нам, что английское правительство решило вместо открытия второго фронта в Европе начать военные действия. в Африке. А пока Англия будет продолжать воздушные налеты на Германию, проводить отдельные рейды морскими силами у побережья Франции и накапливать силы и средства для открытия второго фронта в Европе в 1943 году.

- Какими силами и когда будет проводиться Африканская наступательная операция? - спросил Ворошилов.

Генерал Брук ответил, что он не уполномочен премьер-министром развивать вопрос об этой операции.

Стало ясно, что наши союзники скрывают от нас свои намерения и не хотят открывать второй фронт в Европе.

С вопросами к нам обратился генерал Уэйвел :

- Меня, как командующего английскими войсками в Индии, интересует Кавказ. Ухудшение обстановки там создает прямую угрозу правому флангу наших войск в Индии. Кроме того, очень важно обеспечение путей снабжения через Персию. Надеюсь, вы получите разрешение от своего правительства на ведение переговоров ПО этому вопросу?

К. Е. Ворошилов ответил, что нам не нужно какого-то специального разрешения правительства вести обмен мнениями о военных действиях в районе Кавказа. Это разрешение потребуется в случае принятия каких-либо конкретных решений.

Во время следующей встречи продолжалось обсуждение кавказского вопроса. Уэйвел снова обратился к нам с просьбой осветить положение на Кавказе. По тону этих вопросов было ясно: наши собеседники всерьез сомневаются в том, что мы сможем удержать Кавказ в своих руках.

Глава нашей делегации твердо заявил, что мы не собираемся отдавать противнику Кавказ, что вражеское наступление остановлено и приняты надежные меры по обеспечению обороны этого района.

Генерал Брук спросил:

- Какими силами вы обороняете Кавказ?

- У нас в этом районе сил и средств не меньше, чем у немцев,- ответили ему.- А ведь они наступают, а мы обороняемся.

После этого англичане стали еще настойчивее предлагать нам. свою помощь на Кавказе. Впрочем, скорее символическую, чем реальную.

Из длинного выступления генерала Брука стало ясно, что помощь может быть оказана только авиацией, и то лишь после завершения операции в Африке. Брук предложил выделить группу для ведения переговоров по этому вопросу. Попутно он пытался обвинить нас в том, что мы менее откровенны, чем они. Англичанин упорно расспрашивал, надежно ли закрыты подступы к Баку и Батуми, а также к центру Кавказа.

- Какую же все-таки конкретную помощь авиацией мы можем получить? допытывались мы.

Ответ был смехотворным - речь шла всего о восьми эскадрильях.

Наконец наши партнеры постепенно приоткрыли свои карты. Под предлогом подготовительных работ на аэродромах они хотели ввести в район Кавказа свои аэродромные части и подразделения. Конечно, мы не могли на это согласиться.

На том переговоры и закончились. Стало ясно, что союзники выжидают, рассчитывают на полное истощение сил Советского Союза и Германии с тем, чтобы потом диктовать свою волю.

Уинстон Черчилль в своих мемуарах "Вторая мировая война" неправильно изобразил эти переговоры:

"Технические военные переговоры шли не особенно успешно. Наши генералы задавали всевозможные вопросы, на которые их советские коллеги не были уполномочены отвечать. Единственное требование Советов было: "второй фронт сейчас". В конце концов, Брук даже повел себя несколько резко, и военное совещание было прервано довольно внезапно".

Нас, конечно, весьма интересовало в то время открытие второго фронта. Английские генералы нам сразу заявили, что военных действий в Западной Европе в 1942 году начато не будет. Генерал Брук с большим трудом выдавил из себя фразу о том, что они предполагают воевать в Африке. На все наши вопросы по поводу этой операции он отвечал, что не уполномочен нам что-либо сообщить без разрешения премьер-министра. Премьер-министр У. Черчилль по многим очень важным военным вопросам был правдиво ориентирован Сталиным, а сам не принял необходимых мер, чтобы его имперский начальник штаба хотя бы немного приоткрыл план предстоящей Африканской операции.

Английская делегация проявила необычайный интерес к Кавказу. Но и тут она преследовала корыстные цели, стремилась ввести в этот район свои наземные группы вспомогательных войск для весьма туманного в будущем обслуживания неведомых военно-воздушных сил.

На лицах английских генералов, которые вели с нами переговоры, было написано неверие в наши силы и возможности, а их вопросы и высказывания только подтверждали эти настроения и убеждения.

Такова историческая правда о совещании военных представителей СССР и Англии в 1942 году.

Результаты встреч с представителями союзного командования были доложены Советскому правительству. Наши действия и предложения получили одобрение.

Нас возмущало неверие английских генералов в силы нашего народа. Нужно было им доказать, что есть еще у нас порох в пороховницах. По указанию Ставки на одном из подмосковных полигонов гостям из Англии был и показаны стрельбы нашей молодой реактивной артиллерии. Англичане видели залпы гвардейских минометов, наблюдали действие их снарядов. Стрельбы произвели на гостей сильное впечатление. Англичане засыпали нас вопросами, сказали, что они желали бы иметь такое оружие и в своей армии.

Я был в числе приглашенных на обед, устроенный Советским правительством в честь английского премьер-министра и сопровождавших его лиц. Прием состоялся в одном из красивейших залов Кремлевского дворца. Мы были одеты по форме, которая положена для торжественных случаев.

В зале собрались все члены правительства, а высокого гостя все еще не было. Наконец дверь отворилась и в зал шумно вошел Уинстон Черчилль. На нем был темно-синий комбинезон танкиста. Всех удивил этот костюм. Не менее нас был удивлен и Черчилль, увидев, что все окружающие строго соблюдают установленные традиции дипломатического протокола. И это в разгар труднейшей войны! Уже такая маленькая деталь должна была бы показать гостям, как велика в Москве уверенность в победе.

Обед прошел в дружеской обстановке и продолжался долго. Было произнесено немало речей и высказано много хороших пожеланий. Я внимательно наблюдал за Черчиллем - ему было явно не по себе в теплом комбинезоне, особенно после изрядной порции советского коньяка, который ему очень понравился. В своей речи на этом обеде английский премьер обещал открыть второй фронт в Европе в 1943 году. Но уже и тогда мы не верили

его словам.

Неотложные вопросы

Ставка подвела итоги боевого применения танковых и механизированных частей и соединений. Были выявлены серьезные недостатки в их использовании. В специальном приказе Народного комиссара обороны, посвященном этому вопросу, говорилось и об артиллерии.

Указывалось, что танки бросаются на оборону противника без должной артиллерийской поддержки. Артиллерия до начала танковой атаки не подавляет противотанковые средства на переднем крае обороны противника, орудия танковой поддержки применяются не всегда. При подходе к переднему краю противника танки встречаются огнем вражеской противотанковой артиллерии и несут большие потери. Танковые и артиллерийские начальники, поддерживающие танковую атаку, управляют огнем артиллерии с удаленных наблюдательных пунктов и не используют танков, оборудованных радио, в качестве подвижных передовых артиллерийских наблюдательных пунктов.

Далее в приказе ставились артиллеристам задачи: артиллерия до выхода танков в атаку должна уничтожать противотанковые средства обороны противника. В период атаки переднего края и боя в глубине обороны противника подавлять по сигналам танковых командиров огневые средства, мешающие продвижению танков, для чего артиллерийские командиры обязаны руководить огнем артиллерии с передовых подвижных наблюдательных пунктов из радийных танков. Артиллерийские и танковые командиры совместно устанавливают сигналы вызова и прекращения огня артиллерии... При появлении на поле боя танков противника основную борьбу с ними ведет артиллерия. Танки ведут бой с танками противника только в случае явного превосходства в силах и выгодного положения.

Этот приказ сыграл немалую роль в дальнейшем улучшении взаимодействия артиллерии с танками. Он четко определил взаимные обязанности этих двух сильнейших родов войск в различных условиях боя.

В те дни мне довелось прочесть интересную статью французского офицера, командовавшего артиллерийским дивизионом во время наступления немецко-фашистских войск на Францию в 1940 году. Автор вскрывал серьезные просчеты французской артиллерии. Оказывается, французы возлагали всю борьбу с танками противника на специальные противотанковые орудия малого калибра. Вся остальная артиллерия не готовилась к стрельбе прямой наводкой по танкам. Автор статьи сетовал на то, что наиболее распространенная во французской армии 75-

миллиметровая пушка не смогла стать в то время грозой для немецких танков, так как имела прицельные приспособления устаревшего типа. С большим трудом можно было навести орудие на движущийся танк, к тому же после каждого выстрела наводка сбивалась и наводчик не мог ее быстро восстановить. Кроме того, бронебойные снаряды к этой пушке появились лишь во время начавшейся войны, да и то в небольшом количестве.

Вот в каком неприглядном виде вступила во вторую мировую войну бывшая законодательница артиллерийских мод и новинок - французская артиллерия!

На юго-западе и юге гитлеровцы перешли в наступление и вновь стали теснить наши войска. Противник здесь имел значительное превосходство в силах и средствах. Наши войска, ведя оборонительные бои, вынуждены были отходить.

Меня вызвали в Ставку. Там я узнал, что в донские степи из резерва Ставки выдвигаются две свежие армии (62-я и 64-я), которые должны будут создать фронт обороны в тылах двух наших отступающих фронтов и остановить наступление противника. Ставка заинтересовалась, каковы возможности обеспечения этого района боевых действий в артиллерийском отношении. Я доложил, что в Приволжье заканчивается формирование десяти истребительно-противотанковых полков. Туда же по решению Ставки продолжали отводить артиллерию большой и особой мощности, которую предполагалось применить в будущих наступательных операциях. Кроме того, в глубоких тылах отступавших фронтов восстанавливалось несколько артиллерийских полков, их тоже можно направить на усиление двух свежих армий.

Мне приказали проверить боевую готовность этих двух армий и оказать им помощь, Я получил полномочия как представитель Ставки.

В тот же день я уже был на берегу Волги.

В кабинете командующего Сталинградским округом генерала Герасименко на столе была разостлана большая карта, на ней бросались в глаза длинные синие стрелы и только кое-где - небольшие красные стрелки и точки. Синие стрелы обозначали силы противника, красные - наши войска.

Над картой в глубоком раздумье стоял Герасименко. Его окружали авиационные офицеры и генералы ПВО города,

По моей просьбе авиационные начальники повторили свои доклады об оперативной обстановке.

- Уверены ли вы, что все эти длинные синие стрелы на карте действительно изображают реальные силы противника? - спросил я. - Какие есть доказательства?

Меня заверили, что летчики-истребители из состава ПВО города ясно видели знаки фашистской свастики на танках противника.

- А куда же девались войска двух наших отступающих фронтов?

На этот вопрос авиаторы ответить не смогли, так как на переправах на Дону летчики не видели каких-либо значительных скоплений наших войск.

Когда я еще подлетал к Волге, мне бросилось в глаза, что автомашины, идущие по дорогам, поднимали тучи пыли. В этой пыльной завесе нельзя было даже определить количество машин, а тут говорят, что видели даже фашистскую свастику на танках!

Тем не менее авиационные начальники продолжали настаивать на точности своих данных. Я не верил им уже потому, что эти данные представили не специалисты воздушной разведки, а летчики-истребители ПВО, как правило, слабо разбирающиеся в оперативно-тактической обстановке на земле.

Командующий округом продолжал размышлять над грозной обстановкой. Новых сведений о противнике не поступало.

Я предложил генералу Герасименко: раз авиационные начальники твердо убеждены в своих данных, пусть авиация ПВО немедля нанесет удары по подходящим колоннам противника. Одновременно по всем важнейшим путям, идущим от Волги на запад, следует выслать на автомашинах специальные офицерские разъезды с автоматчиками, чтобы уточнить обстановку.

Услышав мое решение, которое было умышленно заострено, представители авиации ПВО попросили разрешения сначала доразведать обнаруженные колонны противника, а потом уже совершить налеты на них. Я на это и рассчитывал.

Вскоре выяснилось: все обнаруженные колонны, как и следовало ожидать, оказались нашими войсками и тылами Юго-Западного фронта, отходящими на восток.

В этот день меня занимало неотложное дело: нужно было срочно выделить 140 автомашин для новых артиллерийских полков, которые направлялись на фронт. Срок исполнения, установленный Ставкой, - одни сутки. В округе автомашин не оказалось. Я обратился за помощью к местным властям. Мобилизовали машины в городе. Большую распорядительность проявил комендант города майор В. Х. Демченко.

Срочно направив десять артиллерийских полков на фронт, я с группой командиров выехал для проверки готовности обороны 62-й и 64-й армий. Стояла нестерпимо жаркая погода. Все дороги были закрыты сплошными тучами пыли.

Войска наши продолжали отходить. Все спешили, как можно

скорей переправиться через Дон и добраться до матушки-Волги. На переправах царила толчея и суматоха. Я вглядывался в усталые лица. Люди смотрели виновато, как бы стыдясь своих фронтовых неудач и отступления. Часто прямой призыв к совести и чести был лучшим средством подъема их духа. Как важно, думалось мне тогда, большим начальникам быть среди войск в такие минуты! Солдаты и офицеры нуждались в теплом слове, ободрении. Я не упускал случая собрать бойцов, завести с ними беседу, рассказать о подходящих или уже подошедших резервах, о делах на других фронтах, о героизме тружеников тыла. Сразу менялось настроение людей. Куда девались усталость, уныние и безразличие!

В этом особая сила наших людей - не умеют они унывать, быстро переходят к всеобщему воодушевлению, которое так необходимо в бою.

Мы объехали дивизии, уже занявшие оборону на дальних подступах к городу. Основное внимание уделяли организации системы артиллерийского огня. и управления им. Батареи ориентировались так, чтобы можно было взять под обстрел не только подступы к переднему краю, но и объекты в ближайшей глубине своей обороны на случай вклинения противника. В дивизиях усиленно готовились к борьбе с танками противника. Боевую готовность артиллерии мы проверяли тщательно и всесторонне. Занимались даже отдельными орудиями, расположившимися на открытых огневых позициях для стрельбы прямой наводкой по танкам противника. Сопровождавшие меня офицеры подразделений не раз бывали вынуждены признать, что они не всегда умело контролируют действия своих подчиненных: то плохо подготовлена карточка противотанкового огня, то не выверены прицельные приспособления, то не отработано взаимодействие с соседом.

Подходя к одному из орудий, я издали услышал стук костяшек: орудийный расчет играл в домино. Наше появление на огневой позиции было полной неожиданностью. Все растерялись. Командир орудия робко доложил о том, что "орудие занимается по расписанию"!

- Готовы ли к немедленному открытию огня? - спросил я.

- Так точно! - был ответ.

Приказали ему показать карточку противотанкового огня. Ее не оказалось. Выяснилось, что орудие совершенно не готово к эффективной стрельбе по танкам. На огневой позиции остался представитель дивизии, чтобы проследить за устранением недочетов. Орудийный расчет энергично взялся за работу.

Побывал я и в только что сформированных артиллерийских

полках, прибывших с берега Волги. Личный состав их много поработал и неплохо освоил новые 76-миллиметровые пушки. Командиры и бойцы дали обещание до конца выполнить свой долг перед Родиной. Свое обещание они вскоре с честью сдержали.

Вернувшись в город, я встретился с командующим фронтом С. К. Тимошенко и членом Военного совета Н. С. Хрущевым, рассказал им о своей работе. На следующий день всех нас троих вызвали в Ставку. Когда я смотрел из кабины самолета на город, растянувшийся вдоль правого берега Волги почти на 60 километров, густо населенный, с очень большим количеством деревянных строений, без постоянных мостовых переправ через Волгу, я думал о том, как трудно будет отстаивать его от бомбежек с воздуха и вызванных ими пожаров. Облик города, запечатлевшийся мне в тот день с самолета, непрестанно стоял перед моими глазами все дни героической обороны волжской твердыни.

В Москве шла лихорадочная работа по формированию новых артиллерийских частей и соединений. Высокими темпами создавались резервы артиллерии для предстоящих активных действий наших вооруженных сил.

В центре и на фронтах велась большая работа по введению в строй поврежденного оружия. В Москве была организована выставка образцов артиллерийского вооружения, прошедших ремонт и восстановление. Мне показали простреленный ствол легкой полевой гаубицы, заткнутый специальной пробкой, обеспечившей полную надежность боевой стрельбы из орудия. По понятиям мирного времени ствол с таким дефектом должен был направляться на переплавку. А он стрелял. Много чудесных дел показали на этой выставке рационализаторы и изобретатели артиллерийских баз.

Под впечатлением увиденного на Сталинградском фронте я еще оттуда написал письмо в Центральный Комитет партии. Оно было рождено долгими раздумьями и выражало не только мои взгляды, но и мысли многих товарищей, с которыми довелось поговорить в той тревожной обстановке.

Жизнь настоятельно требовала укрепления единоначалия в армии. Институт военных комиссаров, введенный в начале войны, сыграл свою роль. Наши славные комиссары, которых партия и правительство поставили рядом с командирами, чтобы они на равных правах с ними несли всю ответственность за действия частей и подразделений, обучение и воспитание воинов, сделали очень много для повышения боеспособности войск. Но времена изменились. В огне сражений наши командиры выросли, идейно

закалились, приобрели боевой опыт. Настала пора сделать их единовластными руководителями, чтобы в бою командир мог принимать самостоятельные, быстрые решения и до конца нести ответственность за действия вверенных ему войск. Это еще больше повысит дисциплину. Введение единоначалия будет способствовать и улучшению политического воспитания воинов, так как освободит политработников от несвойственных им командных функций и даст им возможность посвятить все свои силы политической работе - важнейшему условию высокого боевого духа войск.

"Нужно поднять авторитет командиров,- писал я в донесении,- чтобы они могли полностью, единолично отвечать за все хорошее и плохое. Без этого не создать условий для роста командира, воспитания у него силы воли, решительности, смелости, энергичных действий и т. д. Путь один - вернуться к единоначалию...

С введением единоначалия, я убежден, многое у нас в армии сразу улучшится, будем успешнее воевать".

В записке содержались конкретные предложения: главную ответственность за политико-моральное состояние части возложить на командира; вместо комиссаров ввести заместителей (я назвал их помощниками) командиров по политической части и т. д.

По-видимому, не я один обращался с этой мыслью в ЦК. Были, наверное, и другие письма, так как вопрос этот назрел. Но нашлись и противники. Об этом как-то мне сказали в Ставке. Через несколько месяцев постановление о введении единоначалия было наконец принято.

На Волге и Дону

Секретная миссия

Осенью 1942 года в Ставке в обстановке строгой секретности назревал замысел разгрома немцев под Сталинградом. Началась деятельная подготовка.

В сентябре А. М. Василевскому и мне приказали побывать на Сталинградском, Юго-Западном, а затем и Донском фронтах, изучить обстановку, уточнить силы и средства противника в этом районе, выяснить действительные возможности наших войск для предстоящих наступательных действий. Надо было подсчитать, что реально может быть привлечено на каждом фронте для наступления, чтобы затем окончательно решить вопрос об усилении этих фронтов. Нам поручалось наметить такие направления прорыва, где наиболее всего вероятен успех. Мне, как артиллеристу, надлежало, кроме того, продумать вопросы сосредоточения необходимого количества артиллерийских частей

и подвоза боеприпасов для предполагаемой операции.

И еще было строгое предупреждение: своими действиями мы не должны были давать даже намеков на то, что в этом районе предполагается переход к активным действиям. В Ставке условились, что в целях соблюдения полной секретности в первоначальный период вовсе не будут издаваться по этому поводу директивы и оперативные приказы, - все должно выполняться путем личного общения, устных распоряжений и условных обозначений на оперативных картах.

Из Москвы мы летели втроем - к нам присоединился член Военного совета Сталинградского фронта Никита Сергеевич Хрущев. Во время перелета мы обменялись мнениями по очень многим важным вопросам. Благополучно добрались до одного из приволжских аэродромов. Но тут не оказалось автомашин, и нам пришлось ожидать их довольно долгое время.

Невдалеке в поле работали колхозники. Никита Сергеевич подошел к ним и стал расспрашивать. Они оказались эвакуированными с Украины. Не узнавая Никиту Сергеевича, колхозники жаловались на непорядки и вспоминали хорошую организацию дел на Украине. Никита Сергеевич, чтобы оживить беседу, нарочно усомнился в этом. Тогда один из собеседников заявил, что их колхоз был лучшим на Украине.

- С чего вы это взяли? - спросил его Никита Сергеевич и стал называть другие хорошие колхозы.

- Перед войной я был на слете лучших колхозников Украины,- заявил колхозник Вовк.- На нем был сам товарищ Хрущев. Он хвалил наш колхоз, а мне посчастливилось даже лично разговаривать с Никитой Сергеевичем.

Никита Сергеевич стал вспоминать некоторые подробности этого слета, отметил характерные черты лучших колхозов и их председателей. Собеседник был крайне удивлен этими подробностями и спросил:

- Откуда ты это все знаешь? - И, внимательно всмотревшись в лицо собеседника, радостно вскрикнул:- Никита! - и бросился к нему. Они расцеловались. Картина была трогательная. Все колхозники потянулись к Никите Сергеевичу, жали ему руку. На лицах их отражалась сердечная радость. Заговорили о своих делах, о том, что они будут делать на Украине после победы над врагом. Нет, они не собирались опускать руки, твердо верили в победу. Я необыкновенно остро ощутил в эти минуты свою личную ответственность перед этими людьми, как и перед всем советским народом, за успех того великого наступления, которое готовилось в междуречье Волги и Дона.

Вскоре доложили, что машины прибыли. Мы отправились на

командный пункт Сталинградского фронта.

Нам предстояли встречи с командующими фронтами - генералами Еременко, Рокоссовским, а затем и с Ватутиным. Это были опытные, волевые, энергичные полководцы, хотя очень не похожие друг на друга по характеру, манерам и методам работы.

Генерал-лейтенант А. И. Еременко встретил нас с большим радушием и сразу же "атаковал", требуя новых пополнений, боевой техники и вооружения. Андрей Иванович мечтал, как можно больше перемолоть немцев огнем артиллерии, бомбежками с воздуха и активной обороной. Он с воодушевлением рассказывал, что войска фронта стоят насмерть на занятых позициях.

У меня состоялся разговор с начальником артиллерии фронта генералом В. Н. Матвеевым и начальником его штаба полковником И. С. Туловским. Я интересовался количеством и качеством артиллерии, ее возможностями с точки зрения обороны, а сам размышлял о том, как все это можно использовать в наступлении.

То и дело раздавался характерный свист тяжелых снарядов. Это била по врагу знаменитая Заволжская артиллерийская группа. Артиллерия большой и особой мощности была своевременно выведена за Волгу. Конечно, эта группа меня интересовала до деталей.

Бросились в глаза недочеты в управлении ее подразделениями. Возникло решение сформировать из Заволжской артиллерийской группы, имевшей на вооружении орудия калибром 203 - 280 миллиметров, отдельную тяжелую артиллерийскую дивизию. Тогда всю эту мощь будет легче собрать в один кулак. Об этом поставили в известность А. И. Еременко, доложили в Ставку, и оттуда получили согласие. Таким образом, в войсках Сталинградского фронта появилась первая тяжелая артиллерийская дивизия.

Да, моя миссия на этот раз была очень своеобразной. Я вел долгие беседы с генералами и офицерами об обороне, а думал в это время о наступлении. Я не имел права и, словом обмолвиться об открывающихся перспективах.

Внезапность наступления покупалась очень дорогой ценой за счет снижения качества подготовки операции в ряде звеньев - и это тревожило нас. Правда, в дальнейшем предусматривалось постепенное ознакомление некоторых категорий командиров с предстоящим планом действий, но только "в части, их касающейся".

Вместе с А. М. Василевским мы на "виллисах" выехали на левый фланг Сталинградского фронта. Нашим проводником был

генерал Георгий Федорович Захаров, старый мой знакомый и сослуживец по Пролетарской стрелковой дивизии. Проезжая по степным районам, я с тревогой отмечал, насколько местность здесь не соответствует замыслам Ставки. Скрытность действий, маскировка войск будут страшно трудными.

День выдался солнечный, видимость отличная. Вдоль фронта - мертвая тишина. Вражеские войска, видимо, всячески стремились, чтобы тут была "тишь да гладь". Противник обладал здесь небольшими силами и вовсе не помышлял о наступлении. В этом районе мы усиленно вели артиллерийскую разведку. В частях пока никто не вносил каких-либо предложений о переходе от обороны к наступлению. Для этого здесь не было достаточных сил и средств. Мне понравилось, что общевойсковые и артиллерийские командиры всех звеньев хорошо изучили противостоящего противника, отлично знают силы, средства и моральное состояние румынских королевских войск.

Закончив объезд, мы пришли к выводу, что этот фланг хорошо прикрыт нашими войсками.

Затем мы побывали в ближайшей к городу 57-й армии, которой командовал генерал Ф. И. Толбухин. Я был хорошо знаком с ним по совместной службе в Ленинградском военном округе, часто встречался на сборах, военных играх и учениях. Федор Иванович мне нравился своим недюжинным умом, большими знаниями, умением работать и организовать работу своих подчиненных. Он хорошо знал штабную службу и имел неплохие административные навыки. Нечего и говорить, как радостна была для нас встреча здесь, на фронте.

Ф. И. Толбухин вместе с нами объехал ряд командных и наблюдательных пунктов, рассказывал Василевскому и мне о характерных особенностях этого района, о группировке противника и расположении наших войск. Длительная поездка на вездеходах дала себя знать - у меня начался очередной приступ болезни. Я был вынужден лечь на твердую койку, пролежать на ней более суток без пищи и малейшего движения. Из-за этого мне, к величайшему сожалению, не удалось побывать в знаменитой 64-й армии, которой командовал Михаил Степанович Шумилов, боевой генерал, отличный организатор, мастер взаимодействия родов войск на поле боя.

На командном пункте Сталинградского фронта мы вновь встретились с Андреем Ивановичем Еременко и Никитой Сергеевичем Хрущевым, поделились своими впечатлениями и выводами, сделанными в результате объезда значительной части войск фронта.

Рано утром выехали на вновь организованный Донской

фронт. Над сражающимся городом высоко в небо поднимались дым пожарищ, пыль от разрывов снарядов и бомб. Языки пламени, тучи черного пепла висели над городом, где шел непрерывный бой. Хотя мы и удалялись от города все дальше и дальше, он не терялся из виду. Больно щемило сердце. Еще острее мы, посланные сюда с заданием Ставки, почувствовали свою ответственность за судьбу этого огромного города.

Донским фронтом командовал генерал К. К. Рокоссовский, которого я знал еще по Ленинградскому военному округу, где он в 1936 - 1937 годах командовал кавалерийским корпусом. А всего несколько месяцев назад мы встречались с ним на Западном фронте, где Константин Константинович командовал 16-й армией. Он всегда мне нравился - я ценил его знания, умение руководить войсками, большой опыт, исключительную скромность и тактичность в обращении с людьми. Рокоссовский пользовался какой-то особой любовью у своих подчиненных.

Командующий Донским фронтом нарисовал нам правдивую и точную картину состояния войск противника. Много рассказали мне начальник артиллерии фронта генерал В. И. Казаков, мой сослуживец по Московской Пролетарской стрелковой дивизии, и его начальник штаба Г. С. Надысев.

Мы подсчитали силы противника, наметили меры повышения боевых возможностей артиллерии фронта. Я мысленно прикидывал, какие плотности огня могут быть созданы здесь, на решающих направлениях, во время предстоящей наступательной операции.

Оставаясь наедине, мы, представители Ставки, непрестанно обсуждали способы прорыва обороны противника и, конечно, развития успеха на всю ее глубину. Шли споры и о том, как во время наступления одновременно "сматывать" вражескую оборону в обе стороны от места первоначального ее прорыва, для этого в планах артиллеристов должны быть предусмотрены огневые налеты и методический огонь, накладываемый на обнажившиеся фланги противника. Именно "сматывание" обороны противника должно было обеспечить, по нашему мнению, наибольшее развитие прорыва по фронту и в глубину.

Разведка противника, артиллерийская подготовка, артиллерийское сопровождение наступающих войск, борьба с вражеской артиллерией и танками, правильный расчет потребностей в боеприпасах, своевременный подвоз их к огневым позициям - все эти и многие другие вопросы предстоящего наступления занимали меня более всего.

Общаясь с артиллерийскими командирами, мысленно прикидывал, на что они и их подчиненные способны, смогут ли

они обеспечить выполнение задачи. Очень часто было трудно увидеть в условиях обороны, насколько тот или иной командир обладает умением и способностями руководить своими подчиненными в наступлении.

Ставка торопила нас и рекомендовала не задерживаться на мелочах. Но ведь крупные вопросы возникали часто из мелочей.

Мы, представители Ставки и командующие войсками фронтов, видели, что противник напрягает последние свои силы и вот- вот выдохнется. Тут-то по нему и надо ударить, пока он еще не закопался основательно в землю. Только бы не прозевать удачный момент для нанесения решающего удара!

Сердечно распрощавшись с К. К. Рокоссовским, двинулись на вновь созданный Юго-Западный фронт. Дорога проходила по районам, где был неплохой урожай. Хлеба уже настолько созрели, что вот-вот можно приступать к уборке. На полях работали старики, женщины и дети. В разговорах с местными жителями мы слышали только одну настойчивую просьбу:

- Не пускайте сюда немца! За хлеб не беспокойтесь: уберем!

Действительно, проезжая снова по этим же районам через 8-10 дней, мы увидели, что весь хлеб с огромных площадей убран.

Снова и снова убеждаешься в богатырских силах колхозного крестьянства. Новый человек вырос в нашей советской деревне. Теперь это не забитый нуждою темный мужик-горемыка. Представителя деревни ныне с трудом отличишь от горожанина. Это грамотный, думающий человек, привыкший иметь дело и с машинами, и с наукой. Колхозники в армии становятся замечательными бойцами. А их ведь большинство в войсках. Единой семьей воюет народ - рабочие, колхозники, интеллигенция. Воспитанные партией в духе пламенной любви к социалистической Родине, наши люди изумляют мир своей отвагой, стойкостью, мужеством.

И еще бросалось в глаза, когда мы проезжали по прифронтовым селам: судьба нашего сельского хозяйства в те дни почти целиком находилась в руках женщин. Проводив мужей на фронт, колхозницы-солдатки приняли на свои плечи все заботы о снабжении армии и огромной страны. Им приходилось трудиться за двоих, за троих, справляться с работами, которые до этого считались мужскими. Так было не только в деревне. И на заводах теперь трудились большей частью женщины и подростки. Матери, жены, сестры солдат заменили мужчин у станков. Им было трудно. И смело можно сказать: советские женщины в тылу проявили героизма не меньше, чем воины на фронтах. Благодаря им армия получала все необходимое. И именно потому мы и победили, что в стране каждый - независимо от общественного

положения, национальности, возраста, пола, специальности - вел себя как боец одной великой армии, имя которой - советский народ.

Положение на фронте волновало всех. Стоило нам остановиться в станице, как машину обступала толпа. Женщины, старики расспрашивали, как дела у наших войск. С надеждой интересовались судьбой "почтового ящика", под номером которого приходили письма от мужа, сына, брата, а подчас сестры или дочери ведь тысячи наших отважных подруг плечом к плечу с мужчинами сражались на фронте. Завязывающиеся разговоры были пронизаны верой в победу, безграничной верой в силы народа, в правоту дела партии. И каждая беседа заканчивалась заверением: люди не пожалеют сил, чтобы помочь фронту.

Однажды на околице станицы мы увидели необычное скопление людей. На земле сидели 20 - 25 пленных солдат и унтер-офицеров румынской армии, около них расположились три наших красноармейца. Конвоиры, положив на землю винтовки, с аппетитом закусывали вместе с пленными: колхозницы в изобилии принесли еду. Женщины тесным кольцом окружили красноармейцев и румын, оживленно беседовали с ними.

Один из наших товарищей, увидя эту сцену, возмутился, отругал бойцов, приказал взять в руки оружие и вести пленных по назначению.

Послышались обиженные голоса колхозниц. Мы пытались разъяснить им, что красноармеец в любых условиях должен нести, как полагается, свою службу, а вражеских солдат, пусть и пленных, нельзя так распускать.

Наши добрые колхозницы согласились с тем, что нужен, конечно, порядок, но ведь солдаты лишь пользовались их хлебосольством.

- Наши мужья и братья,- сказала одна из женщин,- тоже на войне. Кто знает, может, они в беде сейчас. Пусть на свете будет побольше добрых женщин, пусть и они оказывают помощь нашим мужьям и братьям.

На пленных колхозницы смотрели по-своему:

- Румынский солдат пришел на нашу землю не по своей воле,- вступила в разговор худая пожилая женщина.- Его сюда силой пригнали. Если он голоден, как его не накормить. Тоже ведь человек...

Эта встреча произвела на нас глубокое впечатление. Какие мудрые, добрые и миролюбивые у нас матери, жены и сестры - наши русские женщины! - думалось в дороге.

Наконец мы добрались до Юго-Западного фронта. В это время фронтом командовал Н. Ф. Ватутин, членом Военного совета был

А. С. Желтов, начальником артиллерии фронта - М. П. Дмитриев.

Николай Федорович Ватутин имел высокую теоретическую и практическую подготовку в оперативном отношении, которую он приобрел за время службы в общевойсковых штабах. Очень часто его можно было видеть над оперативной картой, куда непрерывно наносилась обстановка. Впрочем, у него можно было видеть и другую карту, на которую Николай Федорович исподволь набрасывал свои замыслы, различные варианты предполагаемых действий. Такова была его методика работы. Ватутин был, бесспорно, талантливым полководцем.

С его помощью мы проделали здесь такую же работу, как и на других фронтах. Хотя у нас оставалось очень мало времени на изучение обстановки, на анализ сил противника, но при содействии генералов Н. Ф. Ватутина, М. П. Дмитриева мы собрали множество важных сведений и составили ясную картину того, какими возможностями располагают войска Юго-Западного фронта, в какой помощи нуждаются.

На Юго-Западном фронте я встретил заместителя командующего войсками ВВС генерала авиации А. В. Ворожейкина. Он занимался изучением воздушного противника, состоянием имевшихся аэродромов и возможностью постройки новых и многими другими вопросами обеспечения боевых действий нашей авиации в этом районе. Он тоже получил указание закончить свою работу и прибыть в Москву. Мы решили лететь вместе.

Помнится, было очень холодно - нам предоставили неутепленный транспортный самолет. Меня спасала бурка, а легко одетый генерал Ворожейкин совсем замерзал. Я время от времени уступал ему бурку, основательно простудился и в конце концов заболел гриппом. Но болеть было некогда, грипп пришлось переносить на ногах.

План созрел

В Ставке и на фронтах было ясно, что наступление немецко-фашистских войск на подходе к Волге, наконец, стало захлебываться. Скорее, скорее надо начинать контрнаступление!

Усиленно готовились значительные резервы Ставки из общевойсковых, танковых, кавалерийских, а также артиллерийских соединений и частей. Кроме того, велась большая работа по восстановлению утративших необходимую боевую готовность соединений и частей различных родов войск как в центре, так и на фронтах. Шло накопление боеприпасов различных видов и калибров.

Меня порадовали итоги выполнения плана промышленностью по артиллерийскому вооружению, приборам и боеприпасам за

третий квартал. Хорошо поработали наши заводы! Значит, и в следующем квартале они нас не подведут. Это давало возможность четко планировать наши ресурсы, которые в основном направлялись теперь к Волге. Тем фронтам, которые не вели и не будут в скором времени вести активные действия, отпуск боеприпасов был резко сокращен. Сколько из-за этого было неприятных разговоров, сколько приходилось выслушивать разных обвинений! Но надо было отмалчиваться - наступательная операция по-прежнему готовилась в глубокой тайне.

Замысел и план наступления были действительно блестящими. Часто спрашивали и спрашивают, кто же автор этого плана?

Это был плод коллективного творчества. Разработку замысла и плана Сталинградской наступательной операции вели генералы и офицеры Ставки, Генерального штаба, командование и штабы родов войск, командование и штабы фронтов. Они работали весьма согласованно, советуясь и обмениваясь мнениями.

Замысел операции вытекал из сложившейся в то время оперативно-стратегической обстановки в районе Волги. Противник понес большие потери, наступательный порыв у него иссяк, дальнейшее продвижение для него стало невозможным, 6-я и 4-я немецкие армии оказались на острие образовавшегося клина, а фланги были весьма ослабленными.

Наступал удачный момент для того, чтобы прорвать фронт противника на его обоих флангах, ввести эшелоны развития прорыва, взять немецкую группировку в клещи и окружить ее. Наши силы и средства позволяли принять такое решение и осуществить эту грандиозную операцию.

Мне довелось участвовать в работе Ставки, когда решались очень важные вопросы: где и на каком протяжении должен быть прорван фронт противника, как обеспечить скорейшее соединение двух наших группировок, введенных в прорывы навстречу друг другу.

Завязался оживленный обмен мнениями. Из Генерального штаба были вызваны офицеры - "направленцы". Они помогли найти слабые места в оперативном построении немецко-фашистских войск в районе Сталинграда. Стало ясно, что наиболее выгодно произвести прорывы на слабых флангах немецкой ударной группировки, где оборону занимали румынские войска.

На этом же совещании в Ставке было решено, что выбор конкретных участков прорыва должен быть поручен командующим войсками Сталинградского, Донского и Юго-Западного фронтов.

Военные советы и штабы фронтов, получив указание Ставки, тщательно разработали планы своих наступательных операций. Большой вклад в это важное дело вложили сами командующие и члены военных советов фронтов. На Сталинградском фронте огромную работу провел член Военного совета фронта Никита Сергеевич Хрущев. Он очень серьезно и вдумчиво отнесся к подготовке плана наступления и многое сделал, чтобы его выполнение было наиболее надежно обеспечено в военном и политическом отношении.

В своей работе с воинами Н. С. Хрущев уделял особое внимание повышению боевой готовности и политико-моральному состоянию войск, с присущими ему энергией и умением доходчиво объяснял командирам и бойцам важность новых боевых задач.

Радостно было на душе в эти дни: все более реальной становилась мечта о победе, и в предчувствии ее мы работали с особенным воодушевлением.

Представляя себе всю грандиозность невиданной по размаху и масштабам наступательной операции трех фронтов, я беспокоился, будет ли достаточно артиллерии для полного выполнения поставленной задачи? Не сорвет ли наши планы какая-нибудь нехватка, не нарушит ли она должный ритм наступления? Поэтому я снова и снова проверял, как идет подготовка артиллерийских резервов, как накапливаются вооружение и боеприпасы.

Много работы выпало на плечи начальника ГАУ генерала Н. Д. Яковлева и его первого заместителя И. И. Волкотрубенко, которые отвечали за своевременное снабжение фронтов артиллерийской боевой техникой и боеприпасами.

Уже в то время я не раз думал, где и как следует расширять в будущем наши успехи в этом районе. Особенно заманчивыми стали бы наши возможности на среднем Дону после первых же побед на Волге. Правое крыло Юго-Западного фронта и левое крыло Воронежского фронта, при должном их усилении и обеспечении, могут сыграть большую роль в создании второго кольца окружения, а далее - и в разгроме всей южной группировки немецко-фашистских войск.

Как потом выяснилось, такого рода планы продумывались и в Ставке. Стоит одержать победу на Волге, и можно сразу же начинать новую наступательную операцию на среднем Дону с

большими, далеко идущими целями и задачами. Но все это, конечно, зависело от успеха готовящейся наступательной операции трех фронтов.

Я был уверен в успехе. Моя уверенность покоилась на знании наших сил и возможностей, на учете сил противника, я верил в непрерывно растущие организаторские способности наших генералов и офицеров, в беззаветную храбрость и боевую выучку солдат.

В Ставке и в штабах фронтов продолжала кипеть работа по уточнению планов наступательной операции. Вскоре окончательно определились силы и средства для каждого фронта. Первоначальный срок начала наступления намечался на 6-7 ноября 1942 года.

С середины сентября вновь завязались ожесточенные оборонительные бои с наступавшим противником на окраинах и в самом городе. Противник предпринимал последние отчаянные попытки овладеть твердыней на Волге, нес большие потери в людях, вооружении и боевой технике. Моральное состояние вражеской армии неуклонно, изо дня в день снижалось.

За восемь дней до начала нашего наступления, видимо под нажимом Гитлера, немцы возобновили наступление против 62-й армии. На фронте в пять километров противник сосредоточил части девяти дивизий (семи пехотных и двух танковых). Славные защитники города сражались геройски и не пропустили врага.

Дорого обошлась гитлеровцам эта последняя отчаянная попытка сбросить наши части с правого берега Волги. Враг понес громадные потери, боевой дух его был сломлен. Потребуется время, чтобы ему прийти в себя, оправиться. Но мы этого времени ему не дадим. Да, нам надо было спешить! Обстановка складывалась в нашу пользу.

В соответствии с общим замыслом, предстоящая наступательная операция имела главной целью окружить и уничтожить зарвавшуюся ударную группировку противника, нанося мощные встречные удары из районов северо-западнее и южнее города.

Главные удары должны были нанести войска левого крыла Юго-Западного и правого крыла Донского фронтов вместе с частями правого крыла Сталинградского фронта из районов озер Сарпа, Цаца и Барманцак. Решающая роль в прорыве обороны противника и в обеспечении развития успеха отводилась артиллерии. На участках прорыва артиллеристам предстояло взломать всю систему обороны противника, подавить ее огневые средства, а с началом атаки пехоты и танков сопровождать их движение вперед своим огнем, как с закрытых, так и с открытых

позиций. Артиллерия должна обеспечить и ввод подвижных группировок в образовавшиеся бреши в обороне противника. Вот почему столь важно было создать мощные группировки артиллерии, организовать надежное управление ими, обеспечить их нужным количеством боеприпасов.

Мы срочно создавали артиллерийские дивизии - новую форму организации артиллерии, которой предстояло выдержать боевой экзамен в предстоящей наступательной операции. По нашему замыслу эти дивизии должны были стать постоянно действующими, хорошо управляемыми, мощными артиллерийскими кулаками. Обладая большой силой и маневренностью, они станут основой наших крупных артиллерийских группировок, способных создавать массированный огонь любой концентрации на нужном направлении.

В глубоком тылу проходило обучение и полное оснащение артиллерийских частей и соединений - резервов Ставки. Им предстояло отправиться на правый берег Волги для участия в наступлении.

Работали днем и ночью. Я предоставил своим заместителям и ближайшим помощникам широкую инициативу, но, к сожалению, чрезмерная централизация сверху докатывалась и до нас. Подчас даже мелкие вопросы не могли быть решены на месте. Это сковывало и меня и моих заместителей. Приходилось входить с докладами в Ставку, согласовывать множество вопросов в Генеральном штабе, в Главупроформе и в ряде других управлений военного ведомства.

В период подготовки Сталинградской операции мы, артиллеристы, много раз обращались к начальнику тыла Красной Армии генералу А. В. Хрулеву, ставшему вскоре и наркомом путей сообщения. Он всегда очень внимательно выслушивал наши заявки, просьбы и непременно помогал нам. Внимательно относились к нуждам артиллерии ближайшие заместители и помощники Хрулева.

Огромную работу выполнял коллектив штаба артиллерии Красной Армии, возглавляемый генералом Ф. А. Самсоновым. Повседневно связанный с фронтами, штаб детально анализировал успехи и неудачи, обобщая добытый опыт, и на его основе разрабатывал новые приемы боевого использования артиллерии. Здесь рассматривались вопросы о массированном применении артиллерии во все более широких масштабах, производились расчеты количества орудий и минометов на километр фронта участка прорыва, нормы расхода боеприпасов в готовящихся наступательных операциях. Штаб вел неутомимую

организационную работу, его генералы и офицеры постоянно бывали на" фронтах, вникали во все стороны боевой деятельности артиллерийских соединений, совершенствовали взаимодействие артиллерии с другими родами войск.

Последние приготовления

В октябре по заданию Ставки я снова вылетел на Волгу, чтобы помочь начальникам артиллерии фронтов и армий, генералам и офицерам артиллерийских частей, соединений и группировок, готовившихся к наступлению, организовать четкое взаимодействие артиллерии с пехотой, танками и авиацией.

Пожалуй, самым трудным для нас было обеспечить скрытность сосредоточения и развертывания крупных артиллерийских масс, а также доставки большого количества боеприпасов.

С целью сохранения в тайне подготовки к наступлению запрещалось издавать какие-либо письменные, печатные или графические документы. На первых порах очень ограниченный круг генералов и офицеров ознакомили с новыми боевыми задачами. Это, конечно, затрудняло подготовку операции, пришлось планировать свою работу сначала по фронтовому звену, а затем по армейскому.

С начальником артиллерии Сталинградского фронта генералом В. Н. Матвеевым и его начальником штаба полковником И. С. Туловским детально разобрали объем предстоящих действий артиллерии фронта. Все рекомендации давались с полным учетом строгого соблюдения секретности. Особенно нас занимал вопрос, как скрытно переправить через Волгу большое количество артиллерии из резерва Ставки и переместить артиллерию фронта к намеченному участку прорыва.

На Донском фронте начальник артиллерии генерал В. И. Казаков и его начальник штаба полковник Г. С. Надысев предложили разработать указания по боевому применению артиллерии с учетом обстановки данного фронта. Эти указания были вскоре составлены. В них говорилось, что и как нужно делать артиллерии при прорыве обороны противника, при вводе в прорыв войск развития успеха, как обеспечивать артиллерийским огнем их дальнейшие действия. Указания были весьма полезны для артиллерии фронта, долгое время участвовавшей в оборонительных боях, и еще большее значение имели для артиллерии усиления, выделяемой из резерва Ставки. Вспомнилось, что еще во время первой мировой войны немалую пользу русской армии принесли специальные "Наставления по прорыву укрепленных полос противника". Почему бы не использовать этот старый опыт?

Я рекомендовал составить такие же указания и на других фронтах, а сам решил в будущем подробно изложить принципиальные вопросы боевых действий советской артиллерии в современных наступательных боях и операциях.

Командующий Донским фронтом генерал К. К. Рокоссовский проявил много заботы о том, чтобы артиллерия фронта сказалась на высоте поставленных перед ней задач. Здесь все было в порядке. Со спокойным сердцем расстался я с артиллеристами этого фронта.

В штабе Юго-Западного фронта мы с генералом Н. Ф. Ватутиным, начальником артиллерии генералом М. П. Дмитриевым и его начальником штаба полковником С. Б. Сафрониным особое внимание уделили мерам борьбы с вражеской артиллерией. Каждый из нас отлично понимал, насколько важно вовремя подавить орудия и минометы противника. В деталях обсуждались вопросы взаимодействия артиллерии с пехотой, танками и авиацией - надо было предусмотреть все мелочи этого сложного процесса с начала движения вперед и до полного выполнения поставленной боевой задачи во всех звеньях оперативного построения войск и их боевых порядков. Кроме того, конечно, были тщательно рассмотрены вопросы управления массированным огнем артиллерии на левом крыле фронта. В ходе этой работы мы постоянно обращались к разведкарте артиллерии фронта. То и дело всплывала необходимость проводить доразведку по ряду направлений, чтобы пополнить имеющиеся данные или лишний раз убедиться в их достоверности.

С Ватутиным мы объехали передовые наблюдательные пункты, чтобы своими глазами осмотреть местность в полосе будущего участка прорыва. Во время этих поездок я снова и снова обращал внимание командиров-артиллеристов на необходимость точно знать всю огневую систему противника, все малейшие изменения в ней. Эти данные очень важны для конкретного планирования артиллерийского огня в период подготовки наступления.

Всюду мы строго проверяли, насколько обеспечена оперативно-тактическая внезапность наших предстоящих наступательных действий. Артиллеристы мучительно раздумывали: как незаметно для противника провести тщательную пристрелку целей или реперов. Конечно, она, могла вскрыть наши намерения. Было решено добиться строгой централизации пристрелки в масштабе всей полосы будущего прорыва. Процесс пристрелки не должен выходить из обычного режима стрельбы нашей артиллерии в этом районе.

Категорически запретили стрелять вновь прибывшей артиллерии тех калибров, которые до сих пор не применялись в данной полосе. План пристрелки был разработан по дням и часам, со строго установленным расходом боеприпасов для каждой батареи.

Артиллеристы фронта проявили немало смекалки, чтобы ввести противника в заблуждение. Они значительно сократили общее количество пристреливающихся батарей, зато эти батареи день за днем накапливали ценные данные, которые с успехом могла использовать прибывающая сюда артиллерия усиления. Применялась и разработанная еще в довоенное время методика использования специально выделенных пристрелочных орудий, которые давали необходимые данные для стрельбы всей артиллерии подобного калибра.

Во второй половине октября противник переходил к обороне не только на флангах, но и в острие своего клина у Волги. Это было видно по ряду обычных симптомов. Например, сократились боевые действия бомбардировочной авиации противника и, наоборот, участились полеты его разведывательных самолетов. Огонь немецкой артиллерии стал резко ослабевать. Атаки приняли характер разведки боем. Увеличилось вместе с тем строительство различных оборонительных сооружений, Менее интенсивным стало использование средств радиосвязи.

Это ободряюще действовало на всех нас.

Наши предварительные расчеты в определении сроков начала операции оказывались по многим причинам невыполнимыми. В связи с этим было принято новое решение - начало действий для Юго-Западного и Донского фронтов назначено на утро 19 ноября, для Сталинградского - на утро 20 ноября 1942 года. Наступательная операция на среднем Дону намечалась ориентировочно на 6 декабря.

Я особенно тревожился за подготовку наступления на среднем Дону и, не ожидая каких-либо указаний сверху, стал заботиться об этом направлении пока что в рамках правого крыла Юго-Западного фронта.

Проверяя боевую готовность частей, мы с Н. Ф. Ватутиным прибыли однажды вечером на командный пункт одной из стрелковых дивизий левого крыла фронта. Как обычно, предложили командиру дивизии подробно доложить о подготовке к наступлению.

Перед этим мы с Николаем Федоровичем сутки работали без отдыха, страшно устали.

Командир дивизии начал свой доклад. Он говорил медленно, с тягучими паузами. Я сидел поблизости и вскоре услышал, как

ему шепотом подсказывает начальник штаба. Это позабавило меня. Я пододвинулся поближе к суфлеру и увидел в руках начальника штаба папку. Оказывается, он подсказывал своему командиру, читая фразы из боевого приказа дивизии на предстоящее наступление.

Такой беззастенчивости мне еще не доводилось видеть. Я приказал командиру прекратить свой неподготовленный доклад и взял папку из рук начальника штаба.

- В скольких экземплярах издан данный документ? - спросил я.

- В четырнадцати! - был ответ.- Из них тринадцать разосланы по различным адресам, а один остался у нас. Мы его храним как зеницу ока...

На последней странице приказа были указаны все тринадцать адресатов. Кого там только не было!

- Вы сделали большое упущение по службе, - сказал я начальнику штаба, с трудом сдерживая гнев.- Вы не послали документ еще одному адресату военторгу.

Тот с полной серьезностью ответил:

- Виноват, немедленно напечатаем и вышлем.

Ватутин приказал без промедления собрать все экземпляры разосланного оперативного приказа и при нас их уничтожить. Виновные были наказаны.

На фронтовых дорогах стояла непролазная грязь. 6 ноября мы с трудом добрались наконец до командного пункта, где нас ожидали генералы и офицеры. Командиры соединений и начальники артиллерии подробно докладывали о том, что проделано в частях, что оставалось сделать. Все увлеклись, развернулась живая беседа. Каждый стремился перенять все ценное из опыта соседей, чтобы после использовать у себя.

Стрелки часов показывали уже полночь, а совещание все продолжалось. Я обратился к присутствующим:

- Дорогие товарищи! Разрешите мне поздравить вас с двадцать пятой годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции и пожелать вам с честью выполнить свой долг перед народом и добиться полной победы над врагом!

Меня в те дни мучил вопрос: знало ли гитлеровское командование что-либо о нашей подготовке к наступлению?

По всем данным нашей наземной и воздушной разведки, противник ни о чем не догадывался.

Мы следили за врагом во все глаза. Наблюдение велось круглосуточно. Непрерывно работала звукометрическая разведка, которая выявляла вражеские артиллерийские и минометные батареи. С воздуха шло систематическое фотографирование

расположения противника, особенно тех районов, где намечался прорыв его обороны. Генералы-артиллеристы часами просиживали за стереотрубами на наблюдательных пунктах.

Мы часто встречались с А. М. Василевским, который был здесь представителем Ставки. Обменивались впечатлениями, советовались, как лучше строить работу.

А. М. Василевский систематически докладывал в Ставку о ходе подготовки операции, я же делал это по мере надобности, но Ставка часто сама вызывала меня и засыпала множеством вопросов. Верховное командование настойчиво требовало усилить меры скрытности и маскировки войск, и в частности артиллерии, чтобы наше наступление было полной неожиданностью для противника. Ставка обязала на направлениях главных ударов при прорыве обороны противника создать такие группировки войск, чтобы было достигнуто, по крайней мере, тройное превосходство над врагом. Много раз пришлось считать и пересчитывать наши силы, в особенности группировки артиллерии, чтобы такое превосходство было действительно обеспечено.

Глубина прорыва для ударной группировки войск Юго-Западного фронта намечалась в 120 километров, а для ударной группировки войск Сталинградского фронта - до 100 километров. Развивать успех необходимо в высоких темпах с тем, чтобы за 3-4 суток завершить окружение вражеских войск. В этой обстановке наша артиллерия, тесно взаимодействуя с авиацией, должна нанести сокрушительные удары на всю оперативную глубину обороны врага, проложить своим огнем путь подвижным оперативным соединениям - трем танковым, двум механизированным и трем кавалерийским корпусам, а зенитчики были обязаны надежно прикрыть их от воздушного противника.

Уже совсем было близко 19 ноября, день решительного наступления. Мы стали измерять время уже не сутками, а часами. Артиллеристы получали от всех родов войск самые последние данные о вражеских огневых точках, наблюдательных пунктах и узлах связи. Эти сведения учитывались в планах артиллерийского наступления.

Перед решающим сражением всегда нервничаешь, беспокоишься, думаешь о том, не упущено ли что-нибудь, все ли сделано. 48 часов, оставшихся до начала операции, я тщательно распределил: в блокноте были записаны сотни дел, отмечено, с кем встретиться, кого лишний раз подбодрить, что еще раз проверить.

На фронте всегда много неожиданностей. Так случилось и 17 ноября: А. М. Василевского и меня срочно вызвали в Москву для доклада о готовности Сталинградской наступательной операции.

Сам ли Сталин это придумал или ему кто-нибудь посоветовал, но это была совершенно никчемная затея: ведь могли и другими путями провести эту проверку, к тому же связь работала безупречно. Очень обидно отрываться от дел в такой ответственный момент. Ведь у нас здесь оставалось еще столько работы!

В самолете я перебирал в памяти те брошенные дела, которые в какой-то мере могли повлиять на подготовку к предстоящему наступлению, и беспокоился, будут ли они без меня доведены до конца.

Наш доклад в Ставке ничего существенного не дал. План наступления был одобрен. Я лишь получил некоторые указания о том, чтобы получше обеспечить в артиллерийском отношении намечающийся 6 - 8 декабря удар по противнику на среднем Дону силами левого крыла Воронежского и правого крыла Юго-Западного фронтов. Но ведь все эти указания можно было бы сообщить по телефону или прислать с доверенным лицом. Чувство досады стало еще острее.

К великому сожалению, вылететь обратно 18 ноября не представилось возможным. Было обидно, что не доведется присутствовать при начале операции небывалого размаха. Так хотелось увидеть собственными глазами наступление ударной группировки Юго-Западного фронта, где мы имели общее превосходство над противником: в орудиях и танках - двукратное, в минометах - более чем трехкратное. На направлениях главных ударов армий это превосходство было еще значительнее.

Мысленно я рисовал картины боев и больше всего беспокоился, как пройдет период артиллерийской подготовки атаки, как удастся нашим артиллеристам разделаться в этот период с артиллерией и минометами противника, насколько удачен будет переход от артподготовки к сопровождению наступающих войск... Ох, уж этот неуместный вызов в Москву!

Все свободное время после доклада в Ставке я использовал для решения многих вопросов обеспечения последующей операции на среднем Дону. Меня атаковали ближайшие помощники, у которых накопилась уйма срочных дел.

Порадовал меня в этот день приказ наркома обороны, имевший большое значение для артиллерии:

"В целях улучшения руководства и повышения ответственности артиллерийских начальников за боевое применение артиллерии приказываю начальников артиллерии Красной Армии, фронта, армии, корпуса впредь именовать - командующий артиллерией Красной Армии, фронта, армии, корпуса".

Вскоре этот приказ был распространен на начальников артиллерии дивизий и бригад.

В дальнейшем командующие артиллерией фронтов и армий стали членами военных советов.

Артиллерийские командиры впервые в истории отечественных вооруженных сил стали полновластными начальниками подчиненных частей и несли теперь в полном объеме ответственность за их боевые действия.

Утром 19 ноября, выезжая на аэродром, мы с А. М. Василевским очень нервничали - в эти часы в приволжской степи уже началась мощная артиллерийская подготовка.

Наш вылет затянулся из-за неполной готовности истребителей, обязанных прикрывать нас до определенного аэродрома на нашем пути. Офицер-метеоролог навел грусть и тоску, доложив, что ожидаются снегопады, туманы и очень низкая облачность. Однако мы вылетели. Через два часа самолет приземлился на каком-то аэродроме. Комендант аэродрома доложил, что из-за плохой погоды, ожидающие нас истребители подняться не могут, и поэтому он не может разрешить нам вылет без особого приказа из Москвы. Мы пытались получить такое разрешение, но связь. работала плохо и ничего добиться не удалось. Попытки убедить коменданта ни к чему не привели. Прошло еще полтора часа. Наконец раздраженный Александр Михайлович использовал свои права, отдал категорический приказ на отправку самолета без прикрытия истребителей. Мы поднялись в воздух и добрались до конечного аэродрома. Здесь ничего не знали о начавшемся наступлении. А мы еще больше волновались. Вокруг мела пурга. Будут ли удачны при такой погоде действия наших войск?

Началось!

Во второй половине дня мы прибыли на командно-наблюдательный пункт 21-й армии, которой командовал генерал И. М. Чистяков. Он доложил, что операция развивается строго по плану: войска прорвали оборону противника на всю тактическую глубину, продолжают двигаться вперед, отбивая вражеские контратаки. Соседи также имеют успех, и у них тоже все идет в соответствии с планом. Наши танки вышли на простор и продвигаются в южном направлении.

Мы облегченно вздохнули. Усталости как не бывало. Сразу включились в оперативные дела. На командный пункт непрерывным потоком поступали донесения о занятии новых высот и населенных пунктов, о захвате пленных и трофеев. Получены донесения с соседнего Донского фронта: 65-я и 24-я армии с плацдарма на правом берегу Дона после мощной

артиллерийской подготовки прорвали оборону противника и стали развивать успех. Я поспешил скорее передать по телефону свои поздравления генералам К. К. Рокоссовскому, П. И. Батову и И. В. Галанину.

На одном из участков наступления некоторые наши части оказались в тылах своего соседа справа. Правда, все обошлось благополучно - они быстро опознали друг друга. А ведь могло случиться иначе, вплоть до открытия огня по своим. Виновниками оказались офицеры оперативного управления фронта, которые указали неправильную разграничительную линию между фронтами. Будь малейшая неудача нашего наступления, они понесли бы строгое наказание. Но тут желанный успех налицо, и им все простили.

Поздно ночью подвели итоги первого дня наступления. Наши войска продвинулись вперед до 20 - 25 километров. Радостными были и перспективы следующего дня. Мы заслушали доклад командующего артиллерией армии генерала Д. И. Турбина, энергичного, храброго командира, который успел лично объехать многие части и соединения и наблюдал за ходом боев и их результатами.

Наступление развивалось успешно. Всю ночь поступали радостные донесения.

Мы встали еще до рассвета. Я умылся, побрился и сидел над картой, а Чистяков мылил себе голову у простого глиняного рукомойника. В это время в землянку вошел офицер штаба и доложил, что захвачены в плен два генерала командиры дивизий румынских королевских войск. Когда офицер удалился, командующий армией, забыв о своей намыленной голове, пустился в пляс.

Вскоре пленных генералов в высоких румынских папахах привели в нашу землянку. Начался допрос. Выяснилось, что они - крупные оперативные работники румынского генерального штаба, по рекомендации немецких советников посланы командовать пехотными дивизиями. Один из них долго был военным атташе в ряде стран и, видимо, поэтому оказался более разговорчивым, чем его товарищ по несчастью. Оба предсказывали бесславную судьбу своих дивизий. Нам же было хорошо известно, что одна из них попала под наш основной удар, уже разгромлена и только несколько разрозненных подразделений продолжают оказывать сопротивление.

Я предложил молчаливому генералу немедля отдать приказание сопротивляющимся подразделениям о сдаче в плен. Генерал отказался:

- Не могу. Я сам учил свои войска драться до конца не щадя

своей жизни.

Весьма странно было слышать это от генерала, который сам находится в плену!

Упрямый пленный продолжал настаивать на своем и не хотел выполнять наших требований. В это время второй генерал - бывший дипломат - несколько раз пытался по-румынски что-то сказать строптивому коллеге, но тот со злобой отмахивался при каждой его фразе.

Видя бесполезность своих увещеваний, "дипломат" обратился ко мне.

- Господин генерал, вы напрасно теряете время. Вы не беспокойтесь, его солдаты имеют ограниченное количество питания и патронов, ничего не нужно предпринимать, они сами к вечеру сдадутся в плен.

Допрос продолжался. Мы узнали все, что нас интересовало. Командующий армией отдал приказание создать для пленных генералов хорошие условия быта. Это было выполнено в меру сил и возможностей.

Мне и командующему армией впервые пришлось вести допрос пленных генералов. То, что удалось пленить столь важных персон, уже свидетельствовало о мощи нашего удара.

В это утро началось наступление Сталинградского фронта. Мы были рады, когда получили краткую весточку о том, что и там все идет успешно, строго по плану. Несколько позже стало известно, что ударная группировка Сталинградского фронта прорвала оборону противника, в тот же день в прорыв были введены два механизированных корпуса, которые без промедления стали развивать успех в северо-западном направлении.

Я получил много важных донесений с разных участков фронта. Доложил в Ставку о боевой работе нашей артиллерии:

"19 ноября, в день активных действий войск Ватутина, артиллерия, минометы и реактивные установки выполнили поставленную боевую задачу по обеспечению наступления и прорыва нашей пехотой и танками оборонительного рубежа противника на направлениях главного удара. Результаты огня хорошие. Обработка началась мощным, внезапным для противника огневым налетом всех средств по его переднему краю и глубине. Есть данные, что этот огневой налет нанес противнику большое поражение, так как был проведен в тумане, при плохой видимости. Противник его не ожидал, и много вражеских солдат находилось вне укрытий. Хуже получилось на второстепенных и сковывающих направлениях. Здесь из-за малой плотности артиллерийских и минометных средств, хотя они и работали с

большим напряжением, все-таки не удалось надежно обработать оборонительную полосу противника. Здесь на действиях нашей артиллерии, на эффективности ее огня особенно сказалась плохая видимость из-за густого тумана, а затем и снегопада. На главных направлениях эта помеха была сведена к минимуму стрельбой по площади с большой плотностью огня.

В ночь с 19 на 20 часть артиллерии, минометов и реактивных установок была повернута в сторону флангов для расширения прорыва и уничтожения вражеских войск, которые здесь продолжали оказывать сопротивление.

Артиллерия и минометы поддерживали продвижение пехоты, танковых корпусов и конницы.

Для успешного взаимодействия танковых корпусов и тяжелой артиллерии были выделены танки с рациями, в них шли командиры-артиллеристы для наблюдения и вызова огня тяжелой артиллерии. Это мероприятие себя оправдало. Вчера и сегодня снарядами и минами артиллерия и минометы были обеспечены хорошо. Организую артиллеристов на выполнение предстоящих более трудных задач. Воронов".

А. М. Василевский еще в самолете, возвращаясь из Москвы, очень беспокоился о том, насколько удастся обеспечить четкость и бесперебойность управления войсками при проведении столь сложной наступательной операции. Большие надежды он возлагал на общевойсковые штабы и войска связи, которые должны применить опыт предыдущих боев. Беспокойство А. М. Василевского передалось и мне.

На армейском командном пункте однажды действительно возникла опасность потери управления войсками. Командующий армией внезапно решил менять свой командный пункт и двигаться вперед. Я спросил его, надежно ли работает связь, насколько четко налажено управление войсками с нового пункта, куда он собирался ехать. Стали проверять и установили, что там связь с войсками еще не налажена. Пришлось запретить командующему сниматься с места, пока не будет организовано четкое управление с нового командного пункта. На это ушло немало времени. Излишняя поспешность могла бы нанести существенный ущерб всей армии.

Мне пришлось предупредить и артиллерийских начальников, чтобы они в ходе развивающегося наступления проявляли особую заботу о бесперебойности связи и управления частями и подразделениями.

От противника можно было ожидать всего - он мог предпринять воздушные налеты, а также контратаки танков с пехотой по флангам наших частей и соединений, наступавших в

глубине его обороны. Я взял под свое наблюдение действия зенитной артиллерии, приданной группировке войск, развивающей успех в направлении Калача-на-Дону, следил за боевой работой истребительной авиации, выделенной для прикрытия с воздуха. Основная тяжесть в борьбе с танками противника падала на истребительно-противотанковую артиллерию, которая была правильно распределена в нашей ударной группировке и в полной боевой готовности неотступно следовала с нашей пехотой и танками. Этот вид артиллерии с первых дней войны полюбили в войсках не только за меткую стрельбу по танкам противника, но и за удары прямой наводкой по отдельным вражеским орудиям и пулеметам. Генерал Турбин рассказал мне о том, как одно из подразделений истребительно-противотанкового артиллерийского полка участвовало в захвате вражеского аэродрома. Артиллеристы открыли огонь по фашистским самолетам, пытавшимся подняться в воздух. Ни один самолет не ушел.

В войсках был невиданный подъем. Сопротивление врага сокрушалось мощным огнем артиллерии и минометов, стремительными атаками пехоты и танков. Пожалуй, впервые нам удалось достигнуть столь четкого взаимодействия всех родов войск. Сказывалась большая подготовительная работа. Все на практике убедились, какое огромное значение имеет тщательная разработка плана операции, всесторонняя подготовка к ней войск. Суворовский принцип "каждый воин должен понимать свой маневр" теперь осуществлялся на деле. Встречи и беседы накоротке с командирами и бойцами подтверждали это. Они хорошо знали, куда и зачем будет стрелять наша артиллерия и что они должны делать в это время. Знали, куда будет перенесен огонь, когда нужно выскакивать из окопов и двигаться в атаку, хорошо представляли себе боевой порядок своего взвода и танков сопровождения, старались, наступая, не отставать от разрывов наших снарядов более чем на 200 метров. Наши замечательные бойцы теперь в тонкостях разбирались в существе непрерывного взаимодействия пехоты, артиллерии и танков.

Обильные трофеи и пленные - первые надежные признаки победы. В эти дни я часто вел допросы пленных. Они рассказывали, что массированный огонь нашей артиллерии и реактивных снарядов нанес им большой урон. По их словам, от разрывов наших снарядов "земля качалась из стороны в сторону, а когда она закончила свое качание, перед нами появлялись бойцы с автоматами, винтовками и гранатами". Пленные офицеры признавали умелое взаимодействие советских войск и небывалое сочетание у нас огня и маневра.

На Юго-Западном фронте появился американский генерал. Москва приказала дать ему полную возможность побывать в наших наступающих частях и соединениях. Генерал ездил всюду, куда только хотел. Он был весьма доволен, но его смущало лишь одно: в районе боев мало американской техники. Он видел только два американских "студебеккера" и три "виллиса". Да, помощь США была лишь каплей в бушующем море! Как потом выяснилось, этот американский генерал имел основной целью установить, какую роль сыграет американская техника в боях на Волге.

Дни 19 - 23 ноября были накалены до предела. Наши мощные "клещи" неудержимо сжимались. Благоприятные сведения поступали непрерывно. Мы выслушивали доклады офицеров, прибывших из передовых частей, сами выезжали то в одну, то в другую часть, знакомились с ходом боевых действий, допрашивали пленных и все время накапливали сведения о противнике. Своими глазами мы видели результаты огня нашей артиллерии по различным оборонительным сооружениям противника, его батареям, наблюдательным и командным пунктам. Особо сильное впечатление оставляли прямые попадания во вражеские танки. Развороченная снарядом броня наглядно свидетельствовала о меткости советских артиллеристов и превосходных качествах наших орудий.

Сколько было ликования, когда пришло долгожданное донесение о том, что войска Юго-Западного фронта в районе Калача соединились с войсками Сталинградского фронта!

Итак, враг окружен! Ближайшая задача выполнена. Теперь нужно, как можно скорее принять все меры, чтобы окружение стало надежным, чтобы противник не смог вырваться из кольца. Нашим войскам предстояло в кратчайшие сроки создать внешний фронт против оперативных резервов противника, которые могли появиться со дня на день. Этот внешний фронт создавался на таком удалении от окруженных гитлеровских войск, чтобы любая попытка врага прорвать кольцо оказалась бесплодной.

Наши войска все время держали в напряжении, сдавливали окруженную группировку, заставляли ее нести потери в живой силе, вооружении и технике.

Крупнейшая победа на Волге и Дону значила много. Это коренной перелом в ходе войны. Стало ясно, что Советская Армия перешла в новый качественный этап - ее бойцы и командиры научились воевать и одерживать победы. В условиях, когда обе стороны находятся в обороне и созданы сплошные фронты, только путем прорыва обороны противника возможно начать и развивать наступление.

Все воочию убедились, как велика роль артиллерии в современной войне. Ей по силам сокрушать любую оборону противника. Наступление может быть успешным при условии, когда основная масса вражеской огневой системы будет уничтожена или максимально подавлена. При этом еще раз подтвердилось, что наша артиллерия (орудия, минометы и реактивные установки) при умелом ее боевом применении способна не только наносить врагу большой урон, но и подавлять его волю к сопротивлению.

Впервые совместными усилиями общевойсковых и артиллерийских командиров в столь широком масштабе было организовано артиллерийское наступление. Полностью оправдались наши расчеты на мощные артиллерийские резервы Ставки и их первенцев - артиллерийские дивизии. Наличие этих резервов облегчило создание сильных артиллерийских группировок.

Успешно была решена трудная проблема перерастания тактических успехов в оперативные в столь крупной, небывалой в истории наступательной операции трех фронтов.

Еще раз пришлось убедиться в значении всех средств современной артиллерийской разведки, надежно обеспечивающей высокую эффективность огня. Не напрасно мы уделяли ей так много внимания и постоянно добивались ее оснащения новейшей техникой.

В сталинградских боях были четко организованы управление артиллерией, работа ее технических средств связи и тыла. Подавляющее большинство командиров, безусловно, поняли роль и значение артиллерийского тыла, стали больше уделять ему внимания, помогать в налаживании его бесперебойной работы, лучше обеспечивать транспортом.

Опыт, накопленный в Сталинградской битве, сразу же стал передаваться войскам других фронтов.

И такие бывали полеты...

В конце ноября А. М. Василевский сообщил, что Ставка приказала ему, мне и командующему Военно-воздушными силами А. А. Новикову провести рекогносцировку района предстоящей наступательной операции на среднем Дону. Мы должны вылететь туда рано утром следующего дня на транспортном самолете.

В назначенный срок мы были на аэродроме. Вместе с офицерами для поручений нас оказалось семь человек был туман. Вскоре объявили, что самолет из-за плохой погоды не прибудет. Мы насели на А. А. Новикова, категорически настаивая на полете. Командующий авиацией вызвал семь самолетов У-2. Они вскоре появились, и мы тотчас же отправились в путь.

Летели на малой высоте. Курс полета пролегал вдоль фронта, без промежуточных посадок. Мы должны были прибыть на аэродром вблизи командного пункта Воронежского фронта.

Через 20 - 25 минут погода еще более ухудшилась. В тумане не различались даже соседние самолеты: сначала пропал один, потом другой, третий. Земли не видно. Никаких ориентиров.

Мотор самолета, на котором я летел, стал вдруг работать с перегрузкой, машину начало встряхивать. Тряска нарастала. Я много летал на разных самолетах, но ничего подобного никогда не испытывал. Вскоре по наклону самолета стало понятно, что мы идем на посадку. Сквозь туман показалась земля. Кругом степь, покрытая небольшим слоем снега. Никаких аэродромных знаков не видно.

Сильно качающийся и трясущийся самолет коснулся земли, немного пробежал и остановился. Тут только я обратил внимание, что плоскости, стойки между ними и растяжки покрылись толстым слоем льда.

- Ну, вот и приземлились! - сказал летчик, показывая на безлюдную степь.

- Что будем делать? - спросил я его.

- Сначала стрельнем из ракетницы, чтобы обозначить, где находимся. Может быть, кто-нибудь откликнется, - ответил спокойно летчик.

Нет, никто не отозвался на нашу ракету. Тогда летчик вручил мне гаечный ключ, и мы вдвоем начали скалывать лед с самолета. Вскоре машина приняла нормальный вид. Потом летчик занялся мотором, а я взялся подготовить "аэродром" для взлета: прошел вперед и проложил "взлетную полосу", проверяя, нет ли на пути ям или других препятствий.

Мы сели, мотор затарахтел, и самолет благополучно поднялся в воздух, опять погрузившись в белый, как молоко, туман. Вскоре он снова обледенел, и трясти его стало пуще прежнего. Сквозь туман показалась заснеженная земля с полосами бурьяна, бурьян быстро приближался, все кругом загремело, казалось, самолет разламывается на части. Но последовал не очень сильный удар о землю. Мы оба были целы и невредимы, самолет - тоже.

К нам подбежали два красноармейца в летной форме и крепко обругали за то, что мы сели не на аэродром, а в бурьян вблизи от него. Летчик, как и я, никакого аэродрома, конечно, при посадке не видел, а в бурьян садился умышленно, чтобы смягчить удар о землю.

К нам подошел старшина и сказал, что такой же У-2 только что врезался в провода и разбился, но тут же добавил:

- Не беспокойтесь, генерал и летчик отделались ушибами, чувствуют себя нормально и уже выпили по сто граммов, чтобы согреться.

Я сел в грузовик и через несколько минут обнимался с Александром Александровичем Новиковым, которого застал за скромной трапезой.

Связь не работала. О наших остальных самолетах ничего не было известно. Мы были очень обеспокоены. К тому же в двух пропавших самолетах были важные оперативные документы. На легковой автомашине направились в районный центр, чтобы оттуда начать розыски исчезнувших самолетов. Перед самым отъездом поступили сведения о нескольких вынужденных посадках У-2, причем с человеческими жертвами. К нашему удивлению, этих самолетов насчитывалось уже полдюжины.

С тяжелым чувством мы двинулись в путь. Ехали долго, дорога оказалась очень утомительной, а наши нервы были сильно напряжены.

Вот и районный центр. Остановились у домика, к которому сходились пучки проводов. Там мы совершенно неожиданно встретили А. М. Василевского. Александр Михайлович тоже совершил вынужденную посадку и на розвальнях добрался до ближайшей почты. Он много пережил, беспокоясь за нашу жизнь и важные документы. Мы решили переночевать в селе, поставить в известность командование Воронежского фронта о месте нашего пребывания и просить прислать на рассвете автомашины, ибо ненастная погода исключала всякие надежды на продолжение полета.

Вскоре связь была налажена и мы начали собирать информацию об У-2. Оказывается, в этот район в те часы, когда мы были в воздухе, перебазировался авиаполк на таких же самолетах и многие машины совершили вынужденные посадки на широких просторах степи. Вместе с ними и мы попали в сводки чрезвычайных происшествий.

Плохо, если и до Москвы дойдут эти несуразные сведения. Мы немедленно составили в спокойных тонах краткое донесение о случившемся. Оставалось ждать серьезной "нахлобучки" за наше легкомысленное поведение. До глубокой ночи мы сидели у телефона, но никто не позвонил.

Сон был тревожным. К утру нашлись еще три самолета, не было только самолета с моим офицером для поручений А. И. Митериным. Мы уже числили его в списках разбившихся, но, когда наступил рассвет, пришло сообщение, что Митерин жив и здоров.

Впоследствии стало известно, что о нашем столь неудачном

перелете Ставка узнала очень быстро. Наше исчезновение основательно перепугало всех. По всем средствам связи из Москвы велись розыски, но самолет Новикова, порвав при вынужденной посадке провода, на длительное время нарушил связь. Вынужденные посадки целого авиаполка У-2 и жертвы в этом полку отнесли на наш счет. Полную ясность и успокоение внесло наше "коммюнике". Оно и оградило нас от многих неприятностей.

Мы прибыли на командный пункт Воронежского фронта. Командующий фронтом генерал Ф. И. Голиков и член Военного совета генерал Ф. Ф. Кузнецов рассказывали, как тревожно чувствовали они себя, ведя усиленные розыски пропавших генералов и много раз отвечая Москве, что поиски не увенчались успехом.

На стыке двух фронтов.

Началась разработка предстоящей наступательной операции. По приказу Ставки прорыв обороны противника надо было осуществить силами трех армий разных фронтов - правым крылом Юго-Западного и левым крылом Воронежского. Это требовало очень четкого взаимодействия войск.

Вместе с тем нужно было создать сильную группировку с максимальным использованием сил и средств. Из резерва Ставки выделялись части и соединения усиления.

Главная цель операции - прорвать оборону противника, форсировать Дон, ввести в прорыв подвижные. войска и 2-ю гвардейскую армию в направлении Ростова, возможно дальше отодвинуть на запад внешний фронт, перехватить коммуникации группы Манштейна, стремившейся деблокировать окруженную нашими войсками группу Паулюса. Выполняя эту задачу, наши войска создавали реальную угрозу окружения крупной немецкой группировки, действовавшей на Северном Кавказе.

Мы спешили, дорожили каждым часом и досадовали, что потеряли около полутора суток на столь неудачный перелет. Начало операции было ориентировочно намечено на 8 - 10 декабря.

Всем хотелось как можно скорее выехать на рекогносцировку района предстоящих боевых действий. Решили позвонить по телефону в Ставку и доложить о своей поездке.

После разговора с Москвой тронулись в путь. Вскоре стемнело. В легковой автомашине со мной ехал командующий артиллерией 6-й армии Н. М. Левин. Во время долгого пути я подробно рассказывал ему о свежем боевом опыте нашей артиллерии при прорыве обороны и развитии успеха.

Наши легковые автомашины вскоре стали двигаться вдоль

фронта вблизи переднего края. Мы ехали без света и надеялись, что противник нас не обнаружит. Сопровождавшие офицеры говорили, что у противника в ночное время слабая бдительность и по этой дороге можно намного скорей добраться, чем кружить по обходному пути. Действительно, все обошлось благополучно, и мы прибыли в штаб общевойскового соединения. Тут был набросан план нашей рекогносцировки с наступлением рассвета.

Утром мы снова убедились, насколько беспечен здесь противник. Мы разъезжали на легковой автомашине вблизи переднего края. С высот, занятых вражескими войсками, нашу машину было хорошо видно. Несомненно, была видна и вся наша группа, часто останавливавшаяся на дороге. Но ни одного выстрела со стороны противника не последовало. Мы же постарались получше использовать все светлое время суток.

По данным нашей разведки, было известно, что на противоположном берегу Дона находились войска 8-й итальянской армии. Итальянские фашисты, видимо, чувствовали себя здесь в безопасности и вовсе не представляли, что в этом районе возможно наше наступление. Условия здесь были очень трудными. Дон только что покрылся тонким льдом. В полосе предстоявшего наступления на том берегу Дона был наш небольшой плацдарм, имевший протяжение по фронту в 3 километра 400 метров. Левой границей его являлась глубокая балка с крутыми спусками и подъемами, непроходимыми для танков. Противоположный берег балки занимал противник, он имел хорошо оборудованную оборону с минными полями.

Мне, побывавшему в 1932 и в 1935 годах в Италии на больших маневрах в составе официальной советской военной миссии, теперь пригодились тогдашние наблюдения. Я помнил, сколько показного было в этой отсталой армии, как слаба ее артиллерия. Поэтому я не преувеличивал силы противника.

В тот же день состоялась встреча двух командующих соседними фронтами, трех командующих армиями и командующих их артиллерией. Эта встреча имела большое значение для окончательной выработки планов наступательной операции, организации четкого взаимодействия. Стало ясно, что начать наступление войска не смогут в ранее назначенный срок. По ряду причин задерживались оперативные перевозки тяжелой артиллерии, танковых полков сопровождения пехоты и многих других частей, идущих сюда на усиление группировки. Немалую тревогу вызывал и медленный подвоз боеприпасов. Еще большее беспокойство рождали плохие прогнозы погоды на ближайшее время. Туманы могли помешать артиллеристам вести свою разведку, а это в свою очередь грозило снизить эффективность

огня. Плохая погода - самое неприятное и для летчиков. Могло случиться и так, что все основные боевые задачи при прорыве обороны противника лягут при такой погоде на плечи одной артиллерии.

Как обычно, посоветовались со старожилами. Они сказали, что декабрь на Дону всегда капризен. Нередко бывают в это время и оттепели - тогда Дон частично вскрывается. А нам непременно нужна была ясная погода, чтобы наша авиация смогла появляться над полем боя. Генералы авиации А. А. Новиков и П. А. Красовский, как говорится, спали и видели хорошую погоду. Командующие фронтами Н. Ф. Ватутин и Ф. И. Голиков усилили подготовку к предстоящему наступлению. Мы, представители Ставки, помогали им, чем могли.

Взялся за гуж...

Мы с А. М. Василевским, продолжая работать в стыке Сталинградского и Юго-Западного фронтов, находились в небольшой хатке, связанной телефоном ВЧ с Москвой. Неожиданно раздался звонок. Ставка вызывала А. М. Василевского. По очень серьезному и немного растерянному лицу Александра Михайловича и по его бесконечным ответам "слушаюсь" было легко заключить, что разговор носил неприятный характер.

Василевский положил трубку и тяжело вздохнул. Сталин обвинял всех нас, представителей Ставки, находившихся здесь, в том, что мы не понимаем необходимости как можно скорее закончить разгром окруженной группировки. Василевскому приказано выехать на место и завершить операцию.

- Что же делать мне? - спросил я Василевского.

- Я не знаю. А впрочем, вероятно, то же, что и мне.

Весьма расстроенный, он распрощался со мной и поспешно уехал.

"Что за перемены настроений в Ставке? - думал я, шагая в одиночестве из угла в угол.- Мы должны начать на среднем Дону важную операцию в очень трудных условиях. И вдруг все бросить... Странно, очень странно".

Зная характер Сталина, я не спешил звонить в Ставку. Мне хотелось несколько оттянуть время и не попасть напрасно под удар. Сначала надо всерьез продумать свои предложения.

Наконец я вызвал Москву и просил разрешения на рассвете выехать в район среднего Дона, чтобы оказать помощь привлекаемой к наступлению артиллерии.

Сталин внимательно, не перебивая, выслушал и, вопреки ожиданиям, сразу утвердил мои предложения. Заодно сказал, что я направляюсь на Дон представителем Ставки в полном объеме.

Положив трубку, я облегченно вздохнул. Еще в ходе операции по окружению войск Паулюса мне приходили в голову мысли о наших больших перспективах на среднем Дону. Так, значит, эта операция все-таки не отменена! Я твердо верил в ее большой успех, сам попросил командировать меня на столь важное направление, чтобы до конца завершить артиллерийскую сторону наступления. И как все сейчас обернулось неожиданно для меня - мне доверено координировать действия двух фронтов в этой решительной операции! Вспомнилась добрая русская пословица: "Взялся за гуж, не говори, что не дюж".

Я тут же позвонил в Москву - в штаб артиллерии и в ГАУ, проверил, как идет отправка войск, вооружения и боеприпасов для среднего Дона. Ответы были обнадеживающими.

- Скоро меня не ждите,- предупредил я своих заместителей.- Понадобится мое участие, присылайте гонцов с документами.

Ночь тянулась долго, плохо спалось. Много раз зажигал электрический фонарик и записывал в свою карманную книжечку длинный перечень самых сложных вопросов. Без конца взвешивал силы противника, наши силы и возможности. В те часы ночных раздумий мне казалось, что операция, хотя и будет трудной, непременно завершится крупной победой.

Самое сложное заключалось в том, что войска надо было сосредоточить на единственном весьма маленьком плацдарме на противоположном берегу Дона. Я побывал на этом плацдарме, прикинул наши скромные возможности сосредоточения артиллерии, танков и пехоты.

Через реку было наведено лишь два плавучих моста для одностороннего движения. По ним предстояло переправить многие тысячи людей, сотни танков, орудий, минометов, грузовых автомашин. Мне бросились в глаза пучки проводов, проложенных по мостам. Один удачный авиационный налет - и нарушится не только переправа, но и связь плацдарма с Большой землей, нарушится вся система управления. Пришлось срочно принимать меры, чтобы обеспечить надежность связи.

Враг не раз пытался уничтожить мосты. Бывало, как только услышишь о появлении вражеских самолетов в районе переправы, так и защемит сердце. Но молодцы наши летчики-истребители и зенитчики. Они всегда были начеку и вовремя отгоняли вражеские бомбардировщики, не давая им атаковать мосты.

Вскоре, к общей нашей радости, было получено известие, что прибывают части 2-й гвардейской армии.

Однако значительное число тяжелых артиллерийских полков, вооруженных пушками-гаубицами 152-миллиметрового калибра, растянулись где-то на железнодорожных магистралях. Некоторые

из них оказались в тупике или на запасных путях. Штаб артиллерии в Москве заботился об их скорейшем продвижении, мы, в свою очередь, лихорадочно "проталкивали" их поближе к фронту.

Столь же много усилий требовалось для быстрейшего продвижения транспортов с артиллерийскими боеприпасами. Это была очень напряженная и нервная работа, отнимавшая уйму времени у меня и моих помощников.

За несколько дней до начала наступления из войск вернулся генерал И. Д. Векилов, активно работавший со мной по подготовке артиллерии к наступлению. Он советовал мне немедленно доложить Ставке о создавшемся положении и попросить разрешения оттянуть срок начала операции.

- Какой срок, по-вашему, требуется? - спросил я его.

- Трудно сказать. Все зависит от Генерального штаба и наркомата путей сообщения.

- В какое положение попадем мы, если так будем отвечать Ставке? - сказал я, рассмеявшись.- Да разве так можно вести войну!

Однако генералы и офицеры - артиллеристы, присутствовавшие при докладе, стали поддерживать предложение Векилова.

Нужно было так закончить это импровизированное совещание, чтобы все уверовали: есть и другое решение.

Генерал Векилов был активным участником первой мировой войны. Я обратился к нему:

- Чем вы били немецкую артиллерию в прошлую войну? Ведь основной пушкой в русской артиллерии была тогда прославленная трехдюймовка. Вот вы, товарищ Векилов, и теперь помогите организовать борьбу с итальянской артиллерией, кстати сказать, являющейся далеко не передовой, с помощью сосредоточенного огня наших 76-миллиметровых пушек, имеющих достаточную дальность и неплохую гранату с фугасным и осколочным действием. Навалитесь на каждую батарею противника одним - двумя артиллерийскими дивизионами этих пушек! А когда прорвем оборону, посмотрим результаты нашего артиллерийского огня. Я убежден, что мы будем свидетелями полного разгрома артиллерии противника. Предлагаю немедленно внести необходимые изменения в планы, таблицы огня и графики артиллерийской подготовки!

Впоследствии Векилов и другие, генералы не раз вспоминали, что это решение произвело тогда на присутствовавших сильное впечатление. Векилов, пока был жив, много раз рассказывал, как артиллеристы, расходясь после этого совещания, решили

реабилитировать нашу трехдюймовку.

Указания были полностью проведены в жизнь, и впоследствии все убедились, как досталось итальянским батареям от нашей артиллерии дивизионного типа.

Ставка настаивала на сокращении сроков подготовки операции. Но эшелоны с войсками и транспорты с вооружением, боеприпасами, горючим, продовольствием запаздывали.

Все наши просьбы перенести день наступления были тщетны. 3 декабря мы с Н. Ф. Ватутиным получили директиву Ставки: "Готовность операции к 9 декабря. Занятие исходного положения в ночь на 10 декабря. Начало операции 10 декабря... Координацию действий обоих фронтов по подготовке операции и проведению ее возложить на генерал-полковника артиллерии тов. Воронова".

Мы понимали, почему нас так торопят. В районе Котельникова шли ожесточенные бои с группой Манштейна. Но, несмотря на все наше желание помочь соседям, мы, не обеспеченные многим необходимым, не могли рисковать. Ставка вынуждена была перенести начало операции на 16 декабря.

Накануне наступления меня больше всего занимал не столько прорыв вражеской обороны - в его успехе я был уверен,- сколько ввод в действие подвижных войск, развитие успеха путем ударов по открытым флангам обороны противника и систематическое "сматывание" этих флангов. Развитие успеха должно было выполняться в максимально высоких темпах с тем, чтобы как можно скорее два наших участка прорыва превратились в общий фронт наступления на возможно большем протяжении.

Я вызвал к себе командиров четырех танковых и механизированного корпусов, чтобы уточнить полученные ими боевые задачи по развитию успеха и выяснить неотложные нужды.

Мне понравились доклады командиров корпусов. Они хорошо разработали планы действий. Но каждый из них, касаясь боевой готовности своего соединения, непременно жаловался на недостаток тары под топливо и требовал увеличения заправок горючего. Особо нажимал на это заботливый командир 24-го танкового корпуса генерал В. М. Баданов. Конечно, он не мог предположить, что его танки первыми перейдут на итальянское горючее.

- Напрасно вы так усиленно концентрируете свое внимание на таре и увеличении заправок горючего,- ответил я.- Вы же хорошо понимаете, что в эти считанные дни невозможно удовлетворить ваши просьбы. Тем не менее, вы должны решить поставленные задачи и сразу же в ходе наступления перейти на снабжение трофейным горючим. У врага вы можете разжиться и

необходимой тарой.

- Так и сделаем! - заверил командир 17-го танкового корпуса генерал П. П. Полубояров.

Немало встреч в те дни состоялось с генералами и офицерами военно-воздушных сил. Конечно, особое внимание было уделено авиационной поддержке наших танковых и механизированного корпусов во время ввода их в прорыв и действий в оперативной глубине противника.

Утром 13 декабря Ставка сообщила: 2-я гвардейская армия на Юго:Западный фронт не прибудет, она поступает в распоряжение командования Сталинградского фронта для использования на Котельническом направлении. Такая силища уходила от нас! Мы лишались оперативного эшелона развития прорыва. Как же вести наступательную операцию без него?

Ставка предложила умело применить все имеющиеся в нашем распоряжении силы и изменить направление главного удара - вместо Ростова взять восточнее. Мне дали понять, что это решение окончательное и обсуждению не подлежит.

Тяжело было сознавать, что подготавливаемое нами наступление сокращает свой размах.

С грустным настроением мы с Николаем Федоровичем Ватутиным склонились над оперативной картой. Рука не поднималась начертить стрелу, обозначающую новое направление главного удара двух фронтов. Но приказ должен быть выполнен. Звонки из Москвы следовали один за другим. В Ставке и Генштабе нервничали. Обстановка на Котельническом направлении оставалась тревожной, и Москва требовала скорее начать наступление на среднем Дону, нанести удары по тылам немецкой группы армий "Дон", ее аэродромам и резервам.

"Матч состоится при любой погоде"

В ночь на 16 декабря пришлось работать особенно напряженно. Звонки не давали покоя, да и сам частенько обращался к телефону, чтобы лишний раз убедиться, предусмотрены ли все мелочи и детали наступления.

Рассветало медленно. Плохая погода могла снизить эффективность нашего артиллерийского огня, помешать боевой работе авиации. Разговаривая по телефону с кем-то из генералов, я услышал вопрос: "Что будем делать, если начнется снегопад?"

- Матч состоится при любой погоде! - ответил я.

Артиллерийская подготовка началась в густом тумане. С наблюдательных пунктов ничего не было видно, но во вражеском расположении стоял сплошной, несмолкаемый гул от разрывов наших снарядов и мин.

Первые минуты артподготовки, особенно в таких "слепых"

условиях, всегда вызывали у меня сильное волнение и опасения - не откроет ли противник ответный артиллерийский огонь по нашим войскам? На этот раз вражеская артиллерия молчала.

Началась атака пехоты и танков.

Завязался бой на плацдарме, на этом маленьком "пятачке".

Когда наши танки ворвались на передний край обороны противника, они вдруг стали подрываться на минах. Оказалось, что здесь в ряде мест мины лежали как бы в три этажа: первый был положен итальянцами еще в летних условиях, второй в осенних, а третий - с началом зимнего периода.

Потери в танках, конечно, сказались на действиях пехоты. Бой стал принимать затяжной характер. Выяснилось, что оборона противника здесь оказалась намного глубже, чем мы предполагали. Наша артиллерия и авиация напрягали все свои силы, чтобы надежно обеспечить прорыв.

С утра, пользуясь туманом, бомбардировщики смело летали над боевыми порядками врага без прикрытия своих истребителей, которых у нас недоставало. Командующий 17-й воздушной армией, действовавшей на данном направлении, генерал-лейтенант авиации С. А. Красовский решил прикрывать свои бомбардировщики штурмовиками. Его инициатива была одобрена.

В воздухе все шло благополучно. Противник долго не мог догадаться, что за самолеты ходят вместе с бомбардировщиками и прикрывают их своим пушечным огнем. Во второй половине дня, когда туман стал быстро рассеиваться, в воздухе появились истребители противника и сбили четыре наших самолета-штурмовика. С этого момента наш вынужденный эксперимент оказался полностью исчерпанным. Генерал Красовский сразу же дал команду прекратить сопровождение бомбардировщиков штурмовиками и вместо них послал истребителей. Но в этот момент, к сожалению, нашлись люди, которые хотели обвинить С. А. Красовского в неправильном использовании авиации в бою и гибели четырех самолетов. Мне пришлось вмешаться и защитить генерала от несправедливых обвинений.

Короткий зимний день быстро пролетел. Незаметно подкрались сумерки. Бой продолжался. Пехота и танки медленно, но верно прогрызали оборону противника.

К концу дня мне доложили, что на минах подорвалось около двадцати наших танков. Я приказал продолжать "прогрызать" оборону противника, ночью бой не прерывать, а, наоборот, усилить нажим на врага. При этом я имел неосторожность сказать:

- Назад для нас хода нет! Пусть мы потеряем еще столько же

танков, но зато наши подвижные соединения завтра вырвутся на оперативный простор.

Командующие обоими фронтами тут же отдали необходимые приказания.

Через полтора - два часа оборона противника была прорвана и наши войска приступили к расширению и углублению прорыва,

Весь день Ставка меня не вызывала,- наверное, там догадывались, что у нас и без того жарко. Уточнив необходимые сведения о положении наших войск и противника, я собрался вызвать Ставку, но телефонистка доложила, что на проводе Москва.

- Чем можете нас порадовать? - спросили меня.- Что собираетесь делать завтра?

Я доложил, что оборона противника прорвана и войска приступили к развитию успеха. Сразу же был повторен вопрос:

- А что собираетесь делать завтра?

- Принято решение продолжать бой ночью, а завтра с утра надеемся ввести в дело подвижные соединения.

- Сколько потеряно танков во время прорыва?

- До наступления темноты двадцать, вечером еще десять.

После этого разговор протекал спокойно. Меня поздравили с успехом, попросили передать командующим фронтами и армиями пожелание новых побед.

Я не придал никакого значения вопросу о потерях танков. Только на следующий день мне стала известна его подоплека.

Оказывается, на командном пункте находился полковник из штаба бронетанковых войск. Он послал срочное донесение своему начальнику в Москву, в котором в мрачных красках расписал потерю танков и высказал свои предположения о неизбежном провале начатой операции.

Утром 17 декабря поступили благоприятные донесения о развитии успеха. Наши стрелковые корпуса с танками сопровождения при хорошем взаимодействии с артиллерией продвигались вперед и захватили много пленных и трофеи. Но танковые корпуса все еще продолжали следовать за наступающей пехотой.

К сожалению, я не имел прямой связи с их командирами. Пришлось принимать меры через штаб фронта. Подействовало. На следующее утро я уже докладывал в Ставку о крупных успехах, достигнутых танковыми соединениями.

Вечером 18 декабря 1942 года по радио объявили об успехах нашего наступления и на среднем Дону. В сообщении Совинформбюро говорилось:

"Прорвав оборону противника на участке Новая Калитва -

Монастырщина протяжением 95 километров и в районе Боковская протяжением 20 километров, наши войска за четыре дня напряженных боев, преодолевая сопротивление противника, продвинулись вперед от 50 до 90 километров. Нашими войсками занято более 200 населенных пунктов, в том числе города Новая Калитва, Кантемировка, Богучар и районные центры Талы, Радненское, Боковская.

В ходе наступления наших войск разгромлены девять пехотных дивизий и одна пехотная бригада противника. Нанесены большие потери четырем пехотным дивизиям и одной танковой дивизии противника. Захвачено за четыре дня боев более 10000 пленных".

В эти дни 8-я итальянская армия прекратила свое существование.

А всего только за два - три дня до этого Муссолини, выступая в Риме на собрании руководящих фашистских деятелей Италии, хвастливо заявил: "8-я итальянская армия, находясь на берегу Дона, высоко несет славные фашистские знамена и готова броситься в любой момент вперед для окончательного разгрома ненавистных красных войск".

Теперь хвастовство сменилось паникой. Один из командиров дивизий доносил командующему 8-й итальянской армией:

"Остатки дивизии отходят в беспорядке, потеряна вся артиллерия и другая боевая техника. С фронта, справа и слева - русские. Прошу Ваших указаний".

Я с большим интересом прочитал эту радиограмму и приказал усилить наблюдение за эфиром. Через какой-то промежуток времени радисты перехватили ответ командующего армией: "Мужайтесь".

Наши войска продолжали захватывать пленных и многочисленные трофеи вооружение, боеприпасы, машины, обмундирование, продовольствие. На 200 километров по фронту была прорвана оборона противника, на десятки километров вглубь продвинулись наши наступающие войска.

Итак, 6-я армия Воронежского фронта, 1-я и 3-я гвардейские армии Юго-Западного фронта во взаимодействии с многочисленными соединениями и частями других родов войск, в частности со 2-й и 17-й воздушными армиями, успешно выполнили операцию, получившую условное название "Сатурн". Эта операция оказала большое влияние на развитие событий в междуречье Волги и Дона. Но иногда приходится сталкиваться с попытками принизить ее значение. Например, в книге А. И. Еременко "Сталинград" об операции "Сатурн" говорится маловразумительной скороговоркой: "Перед тем как перейти к

основному для нашего фронта событию декабря - контрудару против Манштейна и разгрому его группировки, кратко проследим за действиями войск нашего соседа, Юго-Западного фронта, также начавшего 16 декабря наступление. Своевременное решение Ставки о наступлении Юго-Западного фронта и левого крыла Воронежского фронта не дало противнику возможности дополнительно усилить Котельническую группировку, чем была оказана большая помощь сталинградцам".

Здесь каждая фраза нуждается в уточнении. Напомним: операция "Сатурн" началась 16 декабря, а Сталинградский фронт перешел в наступление лишь 24-го. К моменту перехода Сталинградского фронта в наступление его правый сосед разгромил 8-ю итальянскую и 3-ю румынскую армии, а танковый корпус В. М. Баданова, пройдя по их стопам, 24 декабря захватил ст. Тацинскую и приступил к разгрому крупного вражеского аэродромного узла в этом районе. Такая обстановка не только "не дала противнику возможности дополнительно усилить Котельническую группировку", но ему уже вообще было не до деблокирования окруженных войск Паулюса. И, думается, бывшему командующему Сталинградским фронтом следовало бы более объективно оценивать вклад своего правого соседа в общую победу.

Начиная с 24 декабря войска Сталинградского, Юго-Западного и Воронежского фронтов наступали в тесном взаимодействии друг с другом в полосе до 300 километров. Враг нес большие потери в живой силе и технике. Эх, если бы у нас на среднем Дону побольше оперативных резервов! Я посчитал своей обязанностью высказать свою точку зрения Ставке и послал в Москву докладную записку:

"1. Операция тов. Ватутина получает широкий размах и таит в себе очень большие возможности. Для выполнения более крупных целей ему нужны новые силы (стрелковые дивизии и мотомехчасти).

2. Учитывая наши возможности на сегодняшний день, я предлагаю отказаться от активных действий у Конева и за счет его усилить Ватутина.

Кроме того, временно отказаться от активных действий и у Мерецкова и Говорова. Это даст возможность сосредоточить усилия на решающем направлении и добиться положительных результатов.

3. Когда Ватутин полностью выполнит поставленные перед ним задачи, мы будем иметь крупные силы для решения новых задач на любом направлении".

Ответа на это предложение я не получил.

Операция "Кольцо"

Новое задание Утром 19 декабря меня вызвал к телефону Сталин. Как обычно, первым, вопросом было:

- Какова обстановка на фронте?

Когда я доложил, последовал новый вопрос:

- А не считаете ли вы возможным закончить свою работу на этом направлении? Что, если отправиться вам в район Сталинграда, заняться разгромом и уничтожением группы войск Паулюса, координировать действия Донского и Сталинградского фронтов? Как вы смотрите на такое предложение?

Для меня это было полной неожиданностью.

- Вы не отвечаете на заданные вопросы,- послышалось в трубке.Чувствуется, вам не хочется уезжать... Как и некоторые другие, вы, видимо, недооцениваете, как нам важно быстрее ликвидировать окруженную группировку врага. Вы серьезно подумайте над этим и доложите ответ завтра.

До самого вечера я перебирал все доводы "за" и "против".

Конец моим размышлениям положил срочный документ из Ставки. В нем говорилось:

"Воронову, Василевскому, Рокоссовскому, Еременко, Ватутину.

1. Ставка Верховного Главнокомандующего считает, что тов. Воронов вполне удовлетворительно выполнил свою задачу по координации действий Юго-Западного и Воронежского фронтов, причем, после того как 6-я армия Воронежского фронта передана в подчинение Юго-Западного фронта, миссию тов. Воронова можно считать исчерпанной.

2. Тов. Воронов командируется в район Сталинградского и Донского фронтов в качестве заместителя тов. Василевского по делу ликвидации окруженных войск противника под Сталинградом.

3. Тов. Воронову как представителю Ставки и заместителю тов. Василевского поручается представить не позднее 21.12.42 г. в Ставку план прорыва обороны войск противника, окруженного под Сталинградом, и ликвидации их в течение пяти - шести дней".

А я-то мучился весь день, решал, соглашаться или не соглашаться... Теперь волновало другое: мне дано всего двое суток для представления плана, а я еще находился вдалеке от берега Волги. Еще более нереальным казалось время, отведенное для ликвидации окруженных войск.

Как можно устанавливать такие сроки!

Тем не менее надо было немедля приступать к новому делу. Заказал самолет на раннее утро. Остаток вечера и ночь ушли на

сборы к отлету, на прощание с боевыми товарищами. Мы очень подружились с Ватутиным, помогали друг другу в работе, и прощание с ним было самым сердечным.

Как и следовало ожидать, в связи с неблагоприятной погодой самолет за мной на следующий день не прилетел. Напрасно я ждал его до полудня. Наконец терпение иссякло. Подготовили два "виллиса". Дорога займет теперь много часов. Длительная тряска на автомашине может снова вызвать тяжелый приступ моей "штатной" болезни, от которой врачи не знали по-прежнему никаких средств. Однако ничто не могло меня удержать на месте. Полученный мною документ требовал максимальной быстроты действий. Я проклинал в душе и плохую погоду, и медлительные "виллисы".

Со мной отправились два генерала-артиллериста И. Д. Векилов и А. К. Сивков и три офицера. В степи свистел ветер, было холодно. Брезентовые полотнища на кузовах наших машин всю дорогу оглушительно хлопали и, конечно, не спасали от холода. Моим опасением была халхин-голская бурка, наброшенная поверх шинели. Спутники мои были в обычных походных шинелях, изрядно мерзли, но терпели. Бурка переходила от одного к другому.

По дороге мы обсуждали план предстоящих действий и, естественно, возлагали большие надежды на нашу артиллерию.

Наконец пройдена половина пути. Мы делаем остановку у одинокого хутора в безлюдной степи. Увидели огонек в окошке. Постучались. Нас встретили приветливо, но хозяйка предупредила, что в доме все больны. В то время в этих краях появилась весьма неприятная болезнь - туляремия, острое инфекционное заболевание с поражением лимфатических желез. Однако мы настолько устали, проголодались и промерзли, что ничто уже было не страшно. Захватили чемоданчик с бутербродами и, стоя вокруг небольшого стола, принялись за еду. Адъютант принес наш "резерв" - бутылку коньяку. Она была очень кстати. Когда бутылка заняла почетное место на столе, у всех радостно заблестели глаза. Мои спутники стали потирать застывшие руки, чтобы, чего доброго, не уронить стопочку с живительной влагой. Сразу начались шутливые разговоры о великой роли таких "резервов" на войне, о своевременном введении этих резервов в дело... Мы спешили, бутылка быстро опустела, бутерброды съедены. Сердечно поблагодарив хозяев дома и пожелав им скорейшего выздоровления, смелее ринулись преодолевать вторую половину пути.

Стемнело, высоко в небе висела луна. Ветер еще более усилился. Даже в монгольской бурке было холодно. Трясло

невыносимо.

Наконец к полуночи мы достигли села Заварыгино, беспорядочно разбросанного на значительном пространстве. Где-то здесь находилась "резиденция" Рокоссовского. Долго мы колесили от дома к дому, разыскивая коменданта штаба фронта. В конце концов наткнулись на весьма расторопного младшего командира. Он попросил нас подождать, а сам куда-то сбегал и привел младшего лейтенанта. Тот пригласил нас в тепло натопленную избу, предназначенную специально для нас. Мы тотчас же уснули крепким сном.

Утром выяснилось, что А. М. Василевский направляется для организации отпора наступавшей с юга группировке Манштейна. Мы накоротке встретились с Александром Михайловичем и простились, пожелав успеха друг Другу. Мне так и не довелось побывать у него заместителем - обязанности А. М. Василевского пали на мои плечи.

К. К. Рокоссовский встретил меня очень тепло, и мы не стали терять с ним ни минуты. Прежде всего, надо было точно установить силы и средства окруженного противника. Пригласили начальника штаба фронта М. С. Малинина и начальника разведотдела штаба. Генерал Малинин доложил о состоянии частей и соединений войск Донского фронта, их группировке. Начальник разведотдела представил справку о численности и составе немецко-фашистских войск перед Донским фронтом. По его подсчетам, общая численность вражеской группировки составляла 80 - 90 тысяч человек. Когда я попросил уточнить цифру, он смело и уверенно назвал цифру в 86 тысяч, которые составляют пять пехотных дивизий, две мотодивизии, три танковые дивизии и три каких-то боевых отряда. По данным разведки фронта, в немецкой армии личный состав различных подразделений усиления и тыловых органов являлся до некоторой степени источником для восполнения потерь, понесенных в боевых частях. Докладчик доложил, что немецкая транспортная авиация подвозит окруженным различные грузы, а на обратном пути вывозит раненых и больных, а также часть штабных офицеров для формирования новых штабов вне окруженной группировки.

Когда К. К. Рокоссовский, М. С. Малинин и я приступили к оценке обстановки и выработке замысла предстоящей наступательной операции по уничтожению окруженной группировки противника, предполагалось участие двух фронтов Донского и Сталинградского. Но мне было известно мнение Ставки, что в целях облегчения выполнения поставленной задачи целесообразно иметь здесь один фронт - Донской, которому

передать три армии Сталинградского фронта, действовавшие на внутреннем фронте окружения, а остальные силы этого фронта использовать на другом направлении. Я был за этот вариант.

Обсудив втроем сложившуюся обстановку, мы пришли к единодушному мнению: главный удар должен наносить Донской фронт, а вспомогательный - войска, передаваемые из Сталинградского фронта. Мы также пришли к выводу, что ликвидировать окруженную группировку в течение пяти - шести дней, как требовала Ставка, явно невыполнимо. В то же время мы отлично понимали, как важно уничтожить окруженного противника в кратчайшие сроки. Оценив начертание нашего "круглого фронта", его ограниченные ширину и глубину, местность, построенные нами летом оборонительные рубежи, занятые теперь немцами, прикинув соотношение сил и средств, учтя наши реальные наступательные возможности, мы решили мощным таранным ударом с запада на восток рассечь надвое окруженную группировку противника с попутным уничтожением ее отдельных частей. Наступлению главной группировки войск фронта должны были помогать соседние армии, которым предстояло своими активными действиями расширять фронт прорыва вражеской обороны и сматывать ее в сторону флангов. Начало операции было назначено на 6 января 1943 года, как этого требовала Ставка.

Командованию и штабам обоих фронтов было приказано немедленно приступить к разработке планов операции, соблюдая, конечно, все меры скрытности и маскировки. Мы рассчитывали, что внезапность наших ударов должна сыграть большую роль. Обеспечение прорыва обороны возлагалось в первую очередь на артиллерию и авиацию. Должное внимание уделили подготовке тыла обоих фронтов.

Словом, мы старались как можно полнее использовать опыт, накопленный в операциях у Волги и на среднем Дону.

Последующее успешное наступление войск Донского фронта подтвердило правильность принятых нами решений.

Подготовка операции, получившей название "Кольцо", шла полным ходом. Однажды мне привелось быть на командном пункте 57-й армии, у генерала Федора Ивановича Толбухина.

Погода была ясная, с очень хорошей видимостью, На фронте стояла тишина. Вдруг мы услышали вдалеке шум немецких авиационных моторов, а вскоре увидели на высоте около 3000 метров приближающуюся с юго-запада девятку транспортных самолетов противника Ю-52, медленно летевших немного в стороне от командного пункта. "Юнкерсы" шли без прикрытия истребителей. Немедленно было приказано двум ближайшим

зенитным дивизионам открыть по ним огонь и не допустить самолеты к окруженной вражеской группировке. Огонь открыли с опозданием, и ни один "юнкерс" не был сбит. Наши истребители прибыли лишь тогда, когда самолеты противника уже приземлились в кольце врага. Моему возмущению и негодованию не было предела. Тут мне под горячую руку попал начальник ПВО, Я изрядно отругал его за плохое наблюдение за воздухом и оповещение, за низкую боевую готовность зенитной артиллерии и истребительной авиации и, конечно, за плохое управление и руководство всеми этими средствами. Отдал категорический приказ организовать надежную блокаду окруженного противника с воздуха. Я был настолько взвинчен в эту минуту, что предупредил генерала: если он не добьется резкого перелома в боевой готовности и высокой результативности всех средств ПВО, от его звания генерал-майор останется только майор. Впоследствии я много раз ругал себя за эту несдержанность, тем более,- что генерал быстро исправил ошибку, развил кипучую деятельность и сумел организовать настоящую блокаду окруженных немецких войск с воздуха. Вскоре гитлеровская транспортная авиация стала, нести большие потери от огня нашей зенитной артиллерии, вовсе прекратились ее дневные полеты. Одиночные транспортные самолеты противника летали теперь только с наступлением сумерек и до рассвета, сбрасывая грузы на парашютах.

31 декабря я доложил в Москву: "Работа по подготовке "Кольца" продолжается полным ходом... Частями тов. Рокоссовского за последние шесть дней захвачено несколько важных командных высот, обеспечивающих артиллерии хорошее наблюдение и удобное исходное положение для предстоящих действий.

Все попытки противника вернуть высоты отбиваются, успешно нашими частями с большими потерями для живой силы и танков противника.

Командиры и штабы проводят большую работу на местности, войска тоже готовятся".

30 декабря ночью я вернулся с бывшего Сталинградского фронта. Очень хорошо, что Вашим приказом его часть "Кольца" передана тов. Рокоссовскому. Мною на месте тт. Шумилову и Толбухину даны твердые указания. Кроме того, по моему требованию шесть среднекалиберных зенитных дивизионов с прожвзводами переброшены на западный берег Волги для перехвата транспортной авиации противника, идущей через фронт 57-й армии на высотах вне досягаемости малокалиберной зенитной артиллерии.

Приняты меры по упорядочению службы воздушного наблюдения и оповещения. Увеличено количество засад истребителей и приближены аэродромы истребительной авиации.

Задача усиления воздушной блокады окруженных выполняется еще плохо. Самолетов сбиваем мало. Временами немцы наглеют и посылают транспортные самолеты даже без прикрытия истребителями. Нами предусмотрен маневр противовоздушных средств. Выработан план изнурения противника ночью и днем авиацией и другими огневыми средствами.

Ведется активная разведка всех видов, ежедневно берутся пленные, перебежчиков же очень мало, единицы.

Времени осталось немного. Прошу приказать как можно скорее доставить сюда средства усиления, эшелоны с пополнением и транспорты с боеприпасами - все, что отпущено для Рокоссовского и Еременко для "Кольца". Я говорил и писал тов. Хрулеву, но пока все идет очень медленно и прибыло сюда очень мало. В этом вопросе прошу помощи.

Тов. Еременко теперь перебросит всю авиацию для действий на юго-запад. Рокоссовский имеет мало истребителей для воздушной блокады. Прошу Вас усилить "Кольцо" истребительной авиацией".

Войска Донского фронта в следующие дни продолжали бои местного значения, стремясь захватить высоты, имеющие тактическое значение. Бои были неудачны. Это казалось странным и непонятным.

По данным штаба Донского фронта, у противника на ближайших высотах находилось лишь боевое охранение, а передний край главной полосы обороны располагался глубже, на следующей гряде высот. Почему же наши части не могли сбить хотя бы боевое охранение?

Неудачи раздражали. Командование одной из наших армий готовилось провести еще одну решительную операцию по захвату высот, но уже со значительно большими силами и с широким привлечением огня артиллерии: ведь нельзя оставлять боевое охранение противника там, откуда хорошо просматривалось расположение наших войск. Вот почему я одобрительно отнесся к этой новой решительной попытке овладеть высотами.

Вечером мне доложили, что сбит немецкий транспортный самолет.

Он упал в расположении наших войск. Под грудой его обломков было подобрано около 1200 писем немецких солдат и офицеров, находившихся в "котле" окружения. Среди этих писем оказалось и письмо генерал-лейтенанта фон Даниэльса,

командира 376-й немецкой пехотной дивизии, адресованное жене в г. Штеммен. Оно было написано на служебном бланке. Рядом с полным титулом генерала стояла дата: 30 декабря 1942 года. В этом письме говорилось:

"Моя любимая! Сегодняшний день уже с 3 часов утра начался очень неспокойно. Русские всю ночь усиленной разведкой прощупывали все участки и в различных местах ворвались в нашу главную линию обороны. Теперь это лоскутное сооружение снова восстановлено, где можно было заткнуть - закрыли, а другие остались открытыми. К счастью, наша артиллерия стреляет так отлично, что этим многое было компенсировано. Я распорядился о двух особенных огневых налетах в 10 и в 13 часов с тем, чтобы русским отбить охоту от дальнейших атак. Кажется, это подействовало, ибо остаток послеобеденного времени прошел довольно спокойно.

Атака, начатая вчера в 22.15 вечера 24 танками, первоначально имела желанный успех, но, к сожалению, сегодня утром пехота другой дивизии снова оставила занятые нами позиции якобы в результате русской атаки на эти позиции. В действительности это был только русский разведотряд - и теперь снова такое свинство. Так проходит день за днем, всегда с волнением.

Могут ли быть и будут ли позиции удержаны? Они должны быть удержаны!

Сегодня утром я позвонил начальнику штаба армии Шмидту Билефельду и сказал ему коротко и ясно, что дальше так дело не пойдет. Он пообещал некоторую помощь, которая с сегодняшнего вечера уже в ходу". Дальнейшее содержание письма было семейным и военного значения не имело.

Я был очень благодарен этому немецкому генералу за его болтливость. Стало ясно, что нужно без промедления прекратить всякие попытки с нашей стороны, захватить высоты в полосе действий 376-й пехотной дивизии и отложить всё до дня нашего генерального наступления. Гитлеровский генерал нам подсказал, что мы имеем дело с передним краем главной полосы обороны противника, а не с боевым охранением, как считали до сих пор в штабе армии и в штабе фронта.

Я позвонил по телефону К. К. Рокоссовскому, прочел выдержки из письма немецкого генерала и высказал свои выводы и предложения. Он со мной согласился и тут же отдал приказание прекратить активные боевые действия на этом участке и сосредоточить силы на подготовке к генеральному наступлению.

Позже мне пришлось допрашивать взятого в плен под

Сталинградом немецкого генерала фон Даниэльса. Я, конечно, ему не сказал, что имел возможность прочесть его письмо, адресованное 30 декабря супруге. Спросил его только:

- Как, по-вашему, откуда мы могли знать боевой порядок в обороне вашей дивизии? Он, не задумываясь, ответил:

- Путем разведки или шпионажа.

Он не мог и предполагать, что его беспечность, хвастовство, бравирование перед своей женой оказали нам немалую помощь.

Ультиматум

После Сталинградской битвы меня спрашивали: кто предложил послать к окруженным гитлеровским войскам советских парламентеров, чтобы вручить Паулюсу ультиматум с предложением прекратить сопротивление и сдаться в плен?

На Донском и Сталинградском фронтах командиры подразделений не раз по собственной инициативе делали попытки вступить через парламентеров в связь с противником с предложением о сдаче. Таким образом, мысль о посылке парламентеров во вражеские войска шла снизу: ее родила старая традиция и солдатская смекалка.

Эта мысль мне очень понравилась. В самом деле, не наступила ли пора предъявить ультиматум уже не отдельным подразделениям, а всей окруженной под Сталинградом группировке гитлеровцев и не послать ли через наших парламентеров ультиматум Паулюсу? Конечно, я не имел права решить это единолично, хотя и являлся представителем Ставки Верховного Главнокомандования.

2 января 1943 года я послал в Москву следующее донесение:

"Немецкие офицеры ведут большую разъяснительную работу среди солдат окруженных под Сталинградом немецких дивизий. По нескольку раз в день они проводят беседы с солдатами, стараются доказать возможность спасения окруженных наступлением извне, скрывая создавшуюся обстановку в связи с нашим успешным продвижением на юго-запад и запад.

Офицеры говорят солдатам, что основная цель русских уничтожить немцев, что при взятии в плен будут обязательно все расстреляны, пощады никому не будет, и этому большинство верит. Предлагают верить фюреру и богу, что они позаботятся и окажут помощь, а задача окруженных - драться, не сдаваться в плен и так далее.

Наши листовки с предложением о сдаче в плен многими немцами не считаются официальными документами, несмотря на то, что имеют две подписи наших командующих - товарища Рокоссовского и товарища Еременко.

Вся наша политическая работа пока еще не дает нужных нам

результатов: перебежчиков единицы, правда, несколько лучше стало с захватом пленных.

Нам, конечно, было бы выгодно скорее решить поставленную задачу с наименьшими потерями в живой силе и боевой технике, так как все это нужно будет на других направлениях.

Нам, по моему мнению, нужно поставить вопрос о сдаче официально, поставить в трудное положение командование и офицерский состав окруженных войск противника.

Мое предложение:

1. 4 или 5 января вручить командованию немецких окруженных войск ультиматум о сдаче, установить жесткий срок, дать в ультиматуме гарантии оставить всех сдавшихся в плен живыми, обещать нормальные условия жизни в плену и возвращение после войны на родину. Сказать о безнадежности сопротивления. Сказать о наших силах и средствах. Ответственность за уничтожение, при отказе принять наши условия, возложить на командование окруженных.

2. Заготовить одновременно большим тиражом этот ультиматум на немецком языке, дать краткие комментарии к нему и сказать солдатам, что их генералы и офицеры не приняли ультиматум, решили поставить их под удары наших войск, ведут их на верную гибель. Сдавайтесь или будете уничтожены.

При отказе сдаться, начать "Кольцо", разбрасывая одновременно массу листовок с нашими предложениями о сдаче.

Первый этап "Кольца" должен дать, несомненно, нужные нам результаты.

Прошу Ваших указаний".

Как только этот документ был отправлен в Москву, я тотчас же принялся за составление проекта ультиматума. О своей затее я рассказал К. К. Рокоссовскому, который, как всегда, внимательно выслушал и отнесся к этому предложению положительно. Он был очень занят подготовкой к предстоящей операции и не мог поэтому принять деятельного участия в разработке проекта ультиматума. Впрочем, еще не было известно, как отнесется к этому предложению Ставка.

Меня и К. К. Рокоссовского весьма беспокоило, что на фронт опаздывают многие эшелоны с войсками и транспорты с вооружением и боеприпасами. А без них рискованно начинать нашу операцию 6 января. Мы решили за вечер и ночь собрать точные сведения о подходе эшелонов и транспортов, а утром вместе с начальником штаба фронта выработать согласованное решение"

Каждого из нас тревожила мысль: неужели завтра опять придется ставить вопрос о переносе сроков начала наступления?

Разве нас поймут в Ставке? Разве будут считаться с тем, что отсрочка происходит не по нашей вине? На первый взгляд, виноват тыл и работа железнодорожного транспорта, а в действительности, их тоже винить нельзя - ведь тыловики и транспортники заранее не знали многих новых задач, поставленных им только в последнюю декаду декабря 1942 года. Новые сверхплановые задачи было очень трудно выполнить в столь сжатые сроки. Эти оправдания были лишь валериановыми каплями, они не приносили облегчения. Ставка все равно будет спрашивать с нас!

В тот же вечер начальник штаба фронта генерал М. С. Малинин доложил обстановку на фронте, ход нашей подготовки к наступлению и, конечно, горько печалился по поводу возникающих трудностей. Я позвонил в Москву Народному комиссару путей сообщения и начальнику тыла Красной Армии Андрею Васильевичу Хрулеву и стал взывать о срочной помощи. Он дал твердое обещание сделать все от него зависящее. Я верил ему, ибо у нас была с ним твердая договоренность о том, что я никогда с какими-либо пустяками к нему обращаться не стану. Уж если я звоню, значит, дело принимает серьезный оборот. Так мы с ним всегда и работали. Теперь я всерьез рассчитывал на его помощь.

Утром 3 января ко мне зашли К. К. Рокоссовский и М. С. Малинин, чтобы определить нашу реальную готовность к наступлению и сроки его начала. Опаздывали железнодорожные эшелоны и транспорты с оружием. Выяснилось, что мы не готовы начать операцию "Кольцо" в назначенный срок, 6 января. Наши подсчеты показывали, что нужно еще 6-7 суток. Вместе с тем было ясно, что Ставка на это не пойдет. Решили просить перенести начало наступления хотя бы на четверо суток.

Я позвонил в Москву. Верховный молчаливо выслушал меня и, не давая никакого ответа, сказал лишь "до свидания" и положил трубку.

Я сразу же написал следующее донесение Верховному Главнокомандующему:

"Приступить к выполнению "Кольца" в утвержденный Вами срок не представляется возможным из-за опоздания с прибытием к местам выгрузки на 4 5 суток частей усиления, эшелонов с пополнением и транспортов с боеприпасами.

В целях ускорения их подхода пришлось согласиться на разгрузку многих эшелонов и транспортов в большом удалении от предусмотренных планом мест выгрузки.

Это мероприятие потребовало дополнительного времени на подтягивание выгружаемых частей, пополнения, и боеприпасов к

фронту.

Наш правильно рассчитанный план был нарушен также внеочередным пропуском эшелонов и транспортов; для левого крыла тов. Ватутина. Тов. Рокоссовский просит срок изменить на плюс четыре. Все расчеты проверены мною лично.

Все это заставляет просить Вас утвердить начало. "Кольца" плюс 4.

Прошу Ваших указаний.

Воронов".

Донесение было сразу же передано в Москву. Вскоре меня вызвали к телефону. Сильно раздраженный Сталин, не здороваясь, стал обвинять меня во всех смертных грехах. Из многих его фраз мне запомнилась одна:

- Вы там досидитесь, что вас и Рокоссовского немцы в плен возьмут! Вы не соображаете, что можно, а что нельзя! Нам нужно скорей кончать, а вы умышленно затягиваете!

Он потребовал доложить ему, что значит в моем донесении фраза "плюс четыре". Я пояснил:

- Нам нужно еще четыре дня для подготовки. Мы просим разрешения начать операцию "Кольцо" не 6, а 10 января.

Последовал ответ:

- Утверждается.

Тут телефонистка спросила меня: "Хорошо ли было слышно?" Поблагодарив ее за хорошую связь, я вместе, с тем подумал: "Как было бы хорошо не слышать девять десятых этого разговора... Но все же наша взяла!"

Я рассказал о решении Верховного К. К. Рокоссовскому, порадовал его. Мне не хотелось передавать ему все содержание этого неприятного разговора, чтобы не причинять Константину Константиновичу огорчений в такое серьезное время.

Так было добыто знаменитое "плюс четыре"!

На следующий день утром меня вызвала к телефону Москва. Сказали, что Ставка одобряет предложение о вручении ультиматума командованию окруженных немецких войск. Однако правильнее будет вручить ультиматум не накануне, а на вторые сутки нашего наступления. Предложили 5 января представить проект ультиматума на рассмотрение и утверждение Ставки.

Все мои непосредственные помощники продолжали работать в войсках, проверяя ход подготовки к операции, и все время держали меня в курсе дел.

Представители Ставки по ВВС генералы А. А. Новиков и Е. А. Голованов в эти дни тщательно, во всех деталях, отрабатывали вопросы взаимодействия авиации с пехотой, танками и артиллерией. Член Военного совета фронта К. Ф. Телегин и

начальник политуправления фронта С. Я. Галаджев хорошо организовали партийно-политическую работу среди наших войск.

Всю ночь я сидел над проектом ультиматума. Утром вместе с М. С. Малининым еще раз просмотрели его, подправили и передали в Ставку.

Ставка, получив проект ультиматума, вызвала меня к телефону. Поставили в известность, что документ получен и изучается.

- Но почему не указано, кому адресуется ультиматум?

Я понял свою оплошность и тут же передал пропущенную мною фразу: "Командующему 6-й германской армией генералу Паулюсу".

Наконец текст был передан из Москвы в окончательной редакции. Мне было приятно, что все главные, принципиальные положения проекта сохранились.

Вскоре прибыли и немецкие товарищи. Я вручил им машинописный экземпляр ультиматума на русском языке. На следующий день они высказали пожелание несколько изменить текст, чтобы при переводе избежать разночтений. Москва разрешила это сделать. Решили ультиматум вручить утром 8 января на северном фасе Донского фронта. Ультиматум отпечатать в двух экземплярах на русском и в двух - на немецком, подписать все четыре экземпляра, чтобы два экземпляра вручить, а два других оставить в резерве. Найти добровольцев для исполнения обязанностей парламентера, переводчика и трубача - все строго в соответствии с Гаагской конвенцией 1907 года.

Добровольцев оказалось немало. Парламентером был утвержден работник разведотдела штаба Донского фронта майор Александр Михайлович Смыслов, переводчиком - капитан Николай Дмитриевич Дятленко.

Весь порядок действий наших парламентеров мы обдумали до мельчайших деталей. М. С. Малинин, вооружившись международными законами и топографическими картами с нанесенной обстановкой, составил детальный план вручения ультиматума.

Вот этот план: накануне 8 января 1943 года вечером войти в связь по радио с командованием окруженной группировки и предупредить его о высылке нами парламентеров в точно указанном участке фронта, в точно установленное время. Парламентеры с большим белым флагом подойдут к немецким проволочным заграждениям, имея при себе пакет особой важности от командования Красной Армии.

Мы решили предложить на строго определенном участке фронта в определенные часы никаких боевых действий с обеих

сторон не вести и огня не открывать. Кроме того, нами предлагалось германскому командованию выслать навстречу нашим парламентерам своих уполномоченных офицеров. С участком, где должны будут действовать парламентеры, установить прямую связь, чтобы о всех действиях можно было докладывать на командный пункт фронта. На этом участке должно вестись тщательное наблюдение и все наши огневые средства должны быть приведены на всякий случай в наивысшую боевую готовность.

К. К. Рокоссовский все намеченные мероприятия одобрил. Откровенно говоря, ни ему, ни мне не верилось, что вражеское командование примет условия нашего ультиматума и такая большая немецкая группировка сдастся в плен. Но ведь, как говорит русская пословица, попытка не пытка. Мы хотели избежать напрасного кровопролития.

Телефонные звонки из Ставки все учащались, и мы догадывались, что в Москве все более возрастает интерес к нашей наступательной операции.

Вечером 7 января и рано утром 8 января наше фронтовое радио несколько раз передало в штаб Паулюса сообщение о посылке парламентеров. По докладам, поступавшим с северного фаса Донского фронта, я представлял себе, как наши парламентеры выходят из траншей и размеренным воинским шагом приближаются к проволочным заграждениям противника, где стоит мертвая тишина.

Парламентеров, однако, никто не встретил. Через некоторое время из вражеского расположения стали раздаваться отдельные выстрелы из винтовок, затем короткие очереди из автоматов, наконец, противник открыл огонь из миномета. Парламентеры, не видя встречающих, вынуждены были вернуться. Вражеская сторона отнеслась по-вражески!

Все это без промедления доложили в Ставку. В ожидании ответа я думал о том, что теперь можно начинать наше наступление со спокойной совестью. А впрочем, почему бы не попробовать послать парламентеров с противоположной стороны нашего "круглого" фронта?

В Ставке, как, оказалось, были такие же противоречивые мнения. Сначала оттуда поступило распоряжение: "Все прекратить", а вскоре было приказано еще раз послать парламентеров в новом направлении.

Я предложил найти новых желающих выступить в роли парламентеров, но мне передали убедительную просьбу тех же товарищей - они хотят выполнить свою задачу до конца. Я, конечно, не возражал.

Опять с вечера и до утра мы предупреждали по радио вражеское командование. Снова на одном из участков фронта была прекращена всякая перестрелка.

Утром наши парламентеры благополучно добрались до проволочных заграждений противника и в условленном месте были встречены немецкими офицерами, которые потребовали предъявить им пакет. Майор Смыслов категорически запротестовал и потребовал направить его туда, где он лично может вручить пакет немецкому командованию.

По существующим международным законам парламентеров проводят в расположение войск противника с завязанными глазами. Когда немцы об этом напомнили, наши парламентеры в тот же момент вынули из своих карманов специально для этого припасенные большие белые платки. Им завязали глаза. Платки развязали только на командном пункте. Один из немецких офицеров стал докладывать по телефону своему начальству о прибывших парламентерах и об их требовании передать пакет лично в руки Паулюса. Через некоторое время нашим посланцам объявили, что командование немецких войск отказывается принять ультиматум, содержание которого уже известно из объявления, сделанного русскими по радио. Нашим парламентерам снова завязали глаза, вывели за немецкие проволочные заграждения с гарантией безопасности. С развевающимся белым флагом они благополучно дошли до своего переднего края.

О наших попытках вручить ультиматум и официальном его отклонении было доложено в Ставку.

- Что дальше вы собираетесь делать?

- Сегодня все проконтролируем, а завтра приступаем к своей работе,ответил я. Нам пожелали успеха.

Удар

Ночь перед боем... Она, как всегда, проходила в нервном возбуждении. Я непрерывно проверял готовность войск, принимал донесения, советовал, поправлял.

Незадолго до начала действий мы с К. К. Рокоссовским прибыли на командный пункт 65-й армии, где нас встретил командующий этой армией генерал П. И. Батов. Нам доложили, что все готово и все ждут условного сигнала. Я переспросил командующего артиллерией фронта генерала В. И. Казакова, все ли готово, и, получив от него утвердительный ответ, дал согласие начать артиллерийскую подготовку. Командующий артиллерией 65-й армии генерал И. С. Веский быстро сверил свои часы с нашими и отправился на пункт управления, чтобы отдать необходимые команды.

Стрелки на циферблате часов двигались в эти минуты словно замедленно.

Видимость была плохая. Даль окутана густым туманом. Оптические приборы бесполезны.

Несмотря на явно плохую погоду, около 450 зенитных орудий и более 250 зенитных пулеметов находятся в боевой готовности, чтобы прикрыть наши войска от вражеской авиации.

Наступил такой момент, когда все орудия и минометы заряжены, спусковые шнуры натянуты, а старший командир на любой батарее стоит около телефона или рации с высоко поднятой вверх рукой, смотрит на часы и ждет команды "Огонь".

В 8 часов 05 минут утра в воздухе в определенном направлении появилась серия мощных сигнальных ракет условленного цвета, а рация приняла команду "Огонь". Старший командир на батарее резко опускает руку вниз - и на батарее одновременно гремит залп из всех орудий.

Оглушительный грохот более 7000 орудий и минометов мгновенно перерастает в сплошной, непрерывный гул.

Справа, слева и над нами слышатся свист, завывание и шуршание летящих снарядов и мин, а в расположении врага сотрясается земля.

Так продолжалось 55 минут. Со стороны противника не было ни одного ответного выстрела.

Точно в установленное время плотность нашего артиллерийского и минометного огня заметно увеличилась. Это служило сигналом полной изготовки нашей пехоты и танков к атаке. Снова взвились в воздухе сигнальные ракеты. Артиллерия, дождавшись, начала движения вперед пехоты и танков, дружно перенесла огонь на первый рубеж огневого вала, сопровождая наступающие войска на глубину 1,5 - 2 километра.

На командный пункт фронта вскоре стали поступать первые данные об успешном начале наступления. Продвижение войск медленно, но верно нарастало. То и дело над головами пролетали наши самолеты. Прошло еще некоторое время, и мы стали свидетелями начавшегося передвижения вперед наших артиллерийских батарей на новые огневые позиции с целью обеспечить непрерывность артиллерийской поддержки наступающей пехоты и танков. Для нас это было надежным признаком начавшегося успешного прорыва обороны противника.

Я отправился на пункт управления командующего армией генерала П. И. Батова. Здесь была напряженная обстановка. Генерал Батов сидел за рацией и добивался от каждого соединения доклада о том, что делает "правый сын", где находится "левый сын", что предпринимает "третий сын". На

кодированной карте генерал ставил красным карандашом соответствующие значки.

Наступление развивалось с нарастающей мощью. Наш успех был явный. Вскоре стало известно, что противник во время нашей артиллерийской и авиационной подготовки понес невосполнимые потери. Пехота и танки смело шли вперед. Управление войсками осуществлялось непрерывно, связь всех видов работала хорошо, взаимодействие родов войск на поле боя осуществлялось четко.

11, 12 и 13 января наступление продолжалось успешно. Ежедневно под вечер я по телефону докладывал в Ставку о действиях войск и планах на следующие сутки,

Враг упорствует

Прошло пять суток нашего наступления. Противник оказывал упорное сопротивление. Откуда же у него брались силы и средства? Неужели не сказываются трудности с продовольствием? Как же немцы дерутся, получая голодный паек?

Все эти вопросы невольно вставали перед нами. Разведка доносила, что суточный рацион немцев состоит из 150 граммов хлеба, 60 - 75 граммов мяса или консервов, супа из конины и изредка 25 - 30 граммов масла. Но разведка не учитывала тех тайных запасов продовольствия, которые имели немецкие соединения и части.

Я решил лично заняться изучением действительного положения окруженных немецких войск. Ежедневно я выделял 2 - 3 часа для допроса пленных офицеров и генералов. Кроме того, хотелось лучше познакомиться с офицерскими кадрами гитлеровской армии, чтобы знать их слабые и сильные стороны. Ну и, конечно, я стремился выяснить оценку действий нашей наземной и зенитной артиллерии.

Время, истраченное на допросы пленных, не пропало даром.

В эти дни мне попался в руки приказ по 297-й немецкой пехотной дивизии, изданный 7 января 1943 года, за трое суток до нашего наступления:

"Поставить в известность всех о том, что ожидаются сильные и, возможно, последние атаки со стороны русских. Мы должны их отбить. В этом условие нашего освобождения, обещанного фюрером. Я знаю, какие трудности должен перенести каждый из нас, и знаю, насколько велики ваши усилия. Никто так не сочувствует вам, как я.

Я знаю еще из боев прошлой мировой войны, что после длительной тяжелой артиллерийской подготовки непередаваемой мощности, длившейся по нескольку дней, решительное сопротивление одного в состоянии остановить наступление нескольких полков. Сегодня происходит то же самое. Все те, которые принадлежат к этой дивизии, знают, что эта дивизия никогда не была битой, а, наоборот, всегда шла от одного успеха к другому.

Никогда победа не была так необходима, как в нашем теперешнем положении.

Мы знаем, что перед нами стоит решительный противник. Мы должны отбить его атаки, и мы можем это сделать до тех пор, пока не пробьет час нашего освобождения. К этому нас обязывает долг перед воинами нашей родины, долг перед нашими товарищами, а так же долг перед теми, кого мы желаем увидеть.

Я, как командир дивизии, хотел вам это сказать до того, как мы вступили в бой. Я это сделал таким путем, не имея

возможности с каждым из вас лично поговорить.

Командир дивизии генерал Пфефер".

Такой приказ по дивизии, находящейся в "котле" окружения, был сочинен явно для поднятия духа солдат и офицеров.

Да, характер гитлеровской пропаганды стал совсем другим. Вначале у окруженных войск была твердая надежда, что к ним придет спасение извне. Войска продолжали упорно сражаться в надежде на это спасение. Но теперь, спустя полтора месяца, эта надежда еле теплилась. Все реже становились радиопередачи о планах германского командования на будущее, вести о скором окончании войны и другие хвастливые прогнозы Геббельса и его аппарата. В передачах стали усиленно нажимать на восхваление немецкого оружия, всячески расписывать, как хорошо переносят немецкие солдаты, находящиеся в Финляндии, все трудные условия суровой зимы, как стойко и храбро дерутся немецкие войска под Сталинградом.

Медленно, но верно у окруженных росло недоверие к Гитлеру, они стали сознавать свою обреченность. Вот почему понадобились приказы, подобные приведенному выше. Часть немецких офицеров была переселена в солдатские землянки, чтобы улучшить надзор за подчиненными, следить за их настроениями.

Наши листовки с текстом ультиматума, разбросанные в больших количествах на территории, занятой гитлеровцами, должны были вносить ясность в умы немецких солдат и офицеров. По официальным данным, к 16 января 1943 года было сброшено на территорию окруженных немецко-фашистских войск 1 549 000 наших листовок. Кроме того, было проведено по радио более 265 выступлений немецких военнопленных.

Вскоре в наши руки попал очень важный приказ по 6-й немецкой армии:

"За последнее время русские неоднократно пытались вступить в переговоры с армией и с подчиненными ей частями. Их цель вполне ясна - путем обещаний в ходе переговоров о сдаче надломить нашу волю к сопротивлению. Мы все знаем, что грозит нам, если армия прекратит сопротивление: большинство из нас ждет верная смерть либо от вражеской пули, либо от голода и страданий в позорном сибирском плену. Но одно точно: кто сдается в плен, тот никогда больше не увидит своих близких. У нас есть только один выход: бороться до последнего патрона, несмотря на усиливающиеся холода и голод.

Поэтому всякие попытки вести переговоры следует отклонять, оставлять без ответа и парламентеров прогонять огнем.

В остальном мы будем и в дальнейшем твердо надеяться на избавление, которое находится уже на пути к нам.

Главнокомандующий Паулюс".

Нам оставалось в ответ на такой приказ - не "отгонять" зарвавшегося врага, а беспощадно бить его огнем нашей артиллерии, добиваясь полной победы!

Ко мне на допрос доставили квартирмейстера 6-й немецкой армии подполковника фон Кугювского, окончившего академию генерального штаба. Он сообщил весьма важные данные. Из его показаний выяснилось, что на четвертые сутки нашего наступления, к 22 ноября 1942 года, в окружении оказалось 250000 человек вместе с тылами. К 10 января 1943 года осталось 215000 человек, так как к тому времени 25000 были ранены и 10000 убиты. До 10 января удалось эвакуировать на самолетах 25000 раненых, а после 10 января всего лишь 1200 раненых. Ему было точно известно, что из окружения удалось вырваться на самолете пяти генералам и какому-то числу штабных офицеров. Немецкие самолеты, залетавшие на аэродромы в кольце окружения, людских пополнений не доставляли, кроме 500 человек, возвращавшихся из отпусков. В окружении немцы съели 39 000 лошадей...

Теперь на основе показаний гитлеровского подполковника можно было убедиться в просчете, допущенном ответственными работниками штаба Донского фронта и штабов армий, входящих в этот фронт. Ведь еще 21 декабря было официально доложено ими, что в окруженной на Волге группировке противника насчитывается всего 80-90 тысяч человек, а их в это время было более 215 тысяч.

Вот в какое заблуждение ввела нас наша разведка.

Радости и печали тех дней

Отрадно было читать посланное 16 января донесение командования Донского фронта в Ставку. В нем было сказано, что войска фронта отсекли и полностью уничтожили юго-западную группировку окруженных войск противника в районе Мариновка, Цыбенко, Елхи, Песчанка, Алексеевка, Мал. Рассошка, Бородин, совхоз No 1, Дмитриевка, Пять курганов, продвинувшись вперед на 20-40 километров. Освобождено 565 квадратных километров советской территории и 33 населенных пункта. Захвачено в плен за шесть дней боев 6896 солдат и офицеров, взято 941 орудие, 420 минометов, 500 шестиствольных минометов, 1950 пулеметов, 293 автомата, 15551 автомашина, 1387 мотоциклов, 499 танков, 15 бронемашин, 371 самолет и многое другое.

Но враг, отступая, продолжал упорно отстаивать свои позиции.

В своеобразное положение попали войска 57-й армии под командованием генерала Ф. И. Толбухина. Летом 1942 года этому генералу довелось руководить строительством оборонительных рубежей на западных подступах к городу. А теперь обстановка сложилась так, что окруженные немецко-фашистские захватчики использовали эти рубежи для своей обороны. Федор Иванович теперь шутливо сожалел о том, что он в свое время сильно "нажимал" на строительство этих оборонительных укреплений. Он показывал мне карты и схемы их. В левом верхнем углу красовалась крупными буквами его резолюция "Утверждаю".

- Эх, на свою же голову построил я все это! - с усмешкой восклицал боевой генерал.

Утром 17 января собрались на совещание командующие соединениями и командиры частей, участвующих в операции на главном направлении, чтобы уточнить ближайшие и последующие задачи. К. К. Рокоссовский и я несколько запоздали на это совещание. Когда мы прибыли туда, оно было в разгаре.

В ближайшие минуты нам стало ясно, что все разговоры сводятся не к уточнению ближайших и последующих задач, а к тому, чтобы сделать остановку, собраться с силами и только через 2 - 3 суток вновь продолжать наступление. А ведь уже были нащупаны реальные бреши в обороне противника, в которые нужно немедленно вклиниться и продолжать наступление.

Мы с Константином Константиновичем удивленно переглянулись. Рокоссовский вскочил и предложил немедленно закончить подобные высказывания.

- Никаких остановок и пауз! Продолжать наступление! - сказал он горячо. Не давать противнику опомниться, использовать образовавшиеся бреши, с помощью артиллерии, авиации и танков непрерывно громить противника! Вот на эту тему я согласен продолжать совещание.

В ответ мы услышали:

- Все ясно! Разрешите отправиться в войска!

Совещание на этом и закончилось.

Наступление развивалось. Насколько правильным было решение Рокоссовского, можно видеть по следующим данным: за 17 января наши войска взяли в плен 3184 солдата и офицера, захватили 412 орудий разных калибров, 202 миномета, 25 шестиствольных минометов, 448 пулеметов, 3856 автомашин и другие многочисленные трофеи. А сколько противник потерял убитыми и ранеными, сколько было уничтожено вооружения и боевой техники!

По-прежнему на направлении главного удара фронта действовали 21-я и 65-я армии с частями и соединениями

усиления. Все остальные армии фронта играли вспомогательную роль. В меру своих возможностей они также вели наступление, взаимодействуя с армиями, действовавшими на направлении главного удара, наносили удары по обнажающимся флангам обороны противника.

Мне позвонили по телефону из Москвы и передали, что 16 января 1943 года Указом Президиума. Верховного Совета СССР введены новые звания для высшего командного состава родов войск, в том числе и звание "Маршал артиллерии".

18 января 1943 года я вернулся с фронта поздно вечером очень усталым, лег отдохнуть и мгновенно заснул. Меня разбудили раньше определенного часа. Сонный, я приоткрыл глаза и спросил адъютанта: "Что нужно?" Он что-то мне сказал, но я не расслышал и, рассерженный, закутался в бурку и опять уснул. Позднее, когда встал, мне сказали, что по радио объявили о присвоении мне воинского звания Маршала артиллерии.

Спустя некоторое время позвонили по телефону из Москвы и предложили, ссылаясь на какие-то указания свыше, разработать форму одежды для Маршала артиллерии. Было досадно, а вместе с тем смешно. Досадно потому, что в разгар серьезнейшей операции отвлекали такими пустяками. Смешно потому, что мне предлагали разработать форму... для себя же.

- Пусть специалисты подумают, - ответил я. - Им должно быть виднее.

Бои между тем не стихали. Фронтовая авиация под руководством командующего ВВС генерала А. А. Новикова и командующего воздушной армией генерала С. И. Руденко хорошо взаимодействовала с наземными войсками. Во время подготовки и осуществления операции "Кольцо" (с 25 декабря по 24 января) она произвела 7760 боевых вылетов для бомбежек объектов противника, прикрытия наших войск и разведки, в воздушных боях и на аэродромах уничтожила 297 вражеских самолетов. Большую помощь войскам оказывала авиация дальнего действия под командованием генерала А. Е. Голованова. С наступлением темноты и до рассвета тяжелые многомоторные бомбардировщики бомбили объекты с больших высот. Эта мощная авиация произвела 1962 боевых вылета и сбросила на вражеские объекты 2614 тонн бомб.

В самый разгар операции Ставка потребовала от Голованова использовать тяжелую авиацию и в дневных условиях для нанесения ударов по важнейшим объектам противника, находившимся в "котле". Мы с Головановым тщательно продумали, как это сделать. Особое внимание было уделено взаимодействию тяжелых бомбардировщиков с зенитной

артиллерией и истребительной авиацией: были установлены коридоры пролета через наши войска, сообщены силуэты самолетов, чтобы облегчить их опознавание, установлено время полетов и так далее. Казалось, все предусмотрели, чтобы взаимодействие этой авиации с наземными войсками было надежным.

Свою первую дневную операцию авиация дальнего действия провела довольно успешно, но вскоре два самолета из ее состава были сбиты огнем нашей же зенитной артиллерии.

Голованов тотчас же разыскал меня и стал шумно выражать свое законное возмущение. Мы вновь пересмотрели все положения, которые были определены, чтобы обеспечить нормальные условия боевой работы "ночников" в дневных условиях. Как сейчас помню, генерал Голованов стоял, прислонившись спиной к теплой печке, и продолжал ругать зенитчиков, как главных виновников происшествия. Вдруг он задал мне вопрос:

- А не могла ли их ввести в заблуждение окраска наших самолетов? Ведь они у нас окрашены в черный цвет, так как предназначены для действий только ночью.

Для меня это было полной неожиданностью: я и сам не знал, что наши дальние бомбардировщики имеют черную окраску. Значит, если бы я сам увидел в воздухе эти самолеты, то признал бы их за вражеские и приказал открыть по ним огонь. Вот, оказывается, какие "мелочи" должны учитывать лица, организующие взаимодействие авиации с зенитной артиллерией и с сухопутными войсками.

Конечно, ошибка была немедленно исправлена и дальнейшая боевая работа авиации протекала в нормальных условиях.

На всю жизнь запомнился день 26 января, когда передовые части Донского фронта на Мамаевом кургане встретились с частями 13-й стрелковой дивизии генерала Родимцева, доблестно дравшейся в составе славной 62-й армии. Наши войска, таким образом, окончательно разрезали окруженную немецко-фашиетскую группировку на две части, попутно сильно сократив в боевом и территориальном отношении обе ее половины.

Теперь нельзя было медлить - скорее, как можно скорее нужно было заканчивать операцию "Кольцо". Можно себе представить, какие силы у нас сразу освободятся для решения новых оперативно-стратегических задач.

К нам на помощь прибыли отдельные артиллерийские дивизионы особой мощности, вооруженные 152-миллиметровыми пушками с дальностью стрельбы до 25 километров. Они вели огонь по аэродромам окруженной группировки, не давая

возможности взлетать и садиться вражеским самолетам.

30 января вечером меня вызвал к телефону директор артиллерийского завода А. С. Елян и сказал, что сейчас у него в кабинете собрались руководящие работники завода, они горячо поздравляют войска Донского фронта с большими боевыми успехами. По просьбе присутствующих он спросил меня:

- Сколько времени потребуется еще для окончательного разгрома окруженных немцев?

- Два-три дня, - ответил я.

Это вызвало бурю радости. Я отметил также, что продукция завода ведет себя хорошо, пожелал создателям орудий новых успехов на трудовом фронте.

Легкая 76-миллиметровая пушка, производившаяся на этом заводе, была любимицей наших артиллеристов и грозой для гитлеровских танков. От огня этой пушки враг нес большие потери, и пленные немецкие офицеры и солдаты говорили, что гитлеровцы боятся ее как огня.

Я очень поздно лег спать и быстро заснул, но внезапно проснулся от тревожной мысли: а что, если Паулюс вылетит из "котла" на самолете не с аэродрома, который находится под систематическим обстрелом нашей артиллерии, а со льда Волги?

По телефону я приказал, чтобы любой попытавшийся сесть вражеский самолет был бы расстрелян нашей артиллерией с восточного берега Волги. К утру успокоился. Мне доложили, что ночь прошла спокойно и приняты все меры, чтобы не допустить посадки и взлета ни одного вражеского самолета со льда Волги.

31 января сначала по телефону, а затем и из донесения, присланного Военным советом 64-й армии, стало известно, что Паулюс взят в плен. В донесении приводились интересные подробности пленения:

"С утра 31.1.43 г. генерал-фельдмаршал фон Паулюс находился в доме исполкома (центральная часть г. Сталинграда) с чинами своего штаба и сильной охраной. В ходе боя здание было окружено подразделениями 38-й мотострелковой бригады под непосредственным руководством зам. командира бригады по политической части подполковника Винокурова. После окружения здания прибыл личный адъютант фон Паулюса с предложением о ведении переговоров. Для ведения переговоров выехали начальник штаба армии генерал-майор Ласкин, начальник оперативного отдела полковник Лукин и командир 38-й мотострелковой бригады полковник Бурмаков в сопровождении группы командного состава, которые по прибытии в штаб генерал-фельдмаршала фон Паулюса в 10.00 предъявили ультиматум о прекращении сопротивления и полной

капитуляции окруженной группировки немецких войск.

Ультиматум был полностью принят. Войскам южной группы под командованием генерал-майора Роске был дан приказ сложить оружие. Приказ стал немедленно выполняться. Генерал-майору Роске было дано время на организацию полной сдачи личного состава, вооружения и техники нашим войскам.

Во время переговоров генерал-фельдмаршалу фон Паулюсу было предъявлено требование - дать приказ войскам северной группировки о прекращении сопротивления. На это требование фон Паулюс ответил отказом.

После того как были даны указания о порядке сдачи и приема личного состава и оружия, генерал-фельдмаршал фон Паулюс с начальником штаба генерал-лейтенантом Шмидтом и личным адъютантом были привезены в штаб армии.

Генерал-фельдмаршал фон Паулюс сдался в плен со всем личным составом своего штаба. Одновременно с ним сдались и доставлены в штаб армии: командир 29-й механизированной дивизии генерал-майор Ляйзер, начальник артиллерии 51 армейского корпуса генерал-майор Вессель и командир 1 кавалерийской дивизии (румын) генерал Братеску.

Шумилов, Сердюк, Ласкин".

Мгновенно эта долгожданная весть облетела Донской фронт. Непрерывно звонил телефон - все выражали радость и ликование. На улице обнимаются люди различных званий и рангов, в восторге качают друг друга. Звучат гармони, начинается перепляс.

Все понимали, что скоро в этом раскаленном докрасна районе наступит тишина, не будет слышно ни одного выстрела, ни одного разрыва. Раз взяли немецкого главкома и его штаб, остальным быстро придет "капут".

С утра 1 февраля штаб фронта и мою избу стали осаждать журналисты, писатели, поэты, операторы кинохроники, фотокорреспонденты с просьбой разрешить присутствовать при допросе пленного фельдмаршала.

Мы с Рокоссовским придавали большое значение допросу Паулюса и поэтому не могли вести его в присутствии посторонних.

В середине дня ко мне прибыл заместитель Народного комиссара вооружения И. Д. Агеев, с которым я поддерживал постоянную связь. Все эти дни он нетерпеливо ждал разгрома немецкой группировки, чтобы, не теряя времени приступить к восстановлению сталинградского завода "Баррикады". Теперь, узнав, что в плен взят фельдмаршал Паулюс, он примчался в штаб Донского фронта и буквально вымолил у меня 300 грузовых

автомашин из числа трофеев для восстановительных работ. Другая его просьба была не менее настойчива - он упрашивал разрешить ему видеть и слышать допрос немецкого фельдмаршала.

Допрос было решено проводить в избе, в которой я жил и работал. Она имела прихожую, большую и совсем маленькую комнаты. Маленькая отделялась от большой легкой перегородкой с двухстворчатой дверью. В ней стояла кровать, на которой я спал, и один стул - больше там ничего не было. В избе горел электрический свет от полевой подвижной электростанции.

Возвращаясь из штаба, я увидел среди толпившихся на улице киноработников и корреспондентов кинооператора Р. Кармена, хорошо мне знакомого еще по Испании. Я разрешил ему присутствовать во время допроса с обычным фотоаппаратом.

Пленных немецких генералов уже доставили в Заварыгино. Мы решили дать им отдохнуть, покормить их, а затем уже вызвать на допрос. В прихожей толпились адъютанты и переводчики. Агееву я разрешил во время допроса находиться за перегородкой в маленькой комнате.

Послышался шум открываемых дверей. Паулюс еще в прихожей спросил переводчика: "Как можно узнать, кто маршал Воронов и кто генерал Рокоссовский?" Переводчик дал исчерпывающий ответ.

Дверь в большую комнату открылась, вошел Паулюс. Он остановился и молча приветствовал нас гитлеровским приветствием, высоко подняв вверх правую руку.

- Подойдите к столу и сядьте! - сказал я ему.

Переводчик перевел мои слова. Паулюс крупным шагом подошел и сел на стул.

Перед нами был пожилой человек с бледным худым лицом, усталыми глазами. Он казался несколько растерянным и смущенным. Левая часть его лица довольно часто нервно передергивалась, руки дрожали, и он не находил им места. Я предложил ему закурить и пододвинул коробку папирос. В ответ он кивнул головой в знак признательности, но папиросу не взял.

Тогда я ему сказал, что мы к нему имеем всего два вопроса. Первый из них:

- Вам предлагается немедленно отдать приказ продолжающей драться группе немецких войск в северо-западной части города, чтобы избежать напрасного кровопролития и никому не нужных жертв.

Паулюс внимательно выслушал переводчика, тяжело вздохнул и тут же стал не спеша отвечать по-немецки. Он сказал, что, к сожалению, не может принять моего предложения

вследствие того, что в данное время является военнопленным и его приказы не действительны.

Пока длился перевод, я посоветовал К. К. Рокоссовскому закурить и еще раз предложить Паулюсу папиросу. Константин Константинович закурил, тогда рискнул закурить и Паулюс.

Дымя папиросой, он продолжал обосновывать свой отказ принять мое предложение тем, что северная группа немецких войск имеет своего командующего и что она продолжает выполнять приказ верховного главнокомандования германской армии.

Я предупредил Паулюса, что в связи с его отказом отдать приказ окруженной немецкой группировке он будет нести ответственность перед историей и немецким народом за напрасную гибель своих подчиненных, которые находятся в безвыходном положении.

- Мы располагаем огромными силами и средствами для их полного уничтожения, - добавил я. - К этому уничтожению мы приступим завтра и свою задачу завтра же обязательно выполним полностью.

Паулюсу было предложено взвесить создавшуюся обстановку, отдать уцелевшим приказ о сдаче в плен.

- Мы сможем довести до окруженных этот приказ многими способами, - добавил я.

Паулюс внимательно слушал перевод. Нервное состояние его заметно усиливалось. Левая часть его лица стала передергиваться все чаще. Паулюс снова ответил отказом, приведя те же мотивы.

Я перешел ко второму вопросу, который оказался для Паулюса полной неожиданностью: какой режим питания ему необходимо установить, чтобы не нанести какого-либо вреда его здоровью, и добавил, что о состоянии его здоровья мне известно от находящегося у нас в плену армейского врача генерал-лейтенанта Ренольди.

Удивление Паулюса можно было легко прочитать по выражению его лица. Медленно подбирая слова, он ответил, что лично ему ничего особенного не нужно, но он просит, чтобы хорошо относились к раненым и больным немецким офицерам и солдатам, оказывали им медицинскую помощь и хорошо кормили. Это его единственная просьба к нашему командованию.

Ему обещали выполнить эту просьбу по мере сил и возможностей. Я тут же отметил, что мы встретились с очень большими трудностями в связи с тем, что немецкий медицинский персонал бросил на произвол судьбы переполненные ранеными госпитали.

- Фельдмаршал должен понять,- добавил я, - как трудно нам в

таких условиях быстро наладить нормальное лечение раненых немецких офицеров и солдат.

Это заявление произвело на Паулюса сильное впечатление. Он долго медлил с ответом и наконец как бы выдавил. из себя слова:

- Господин маршал, бывает на войне такое положение, когда приказы командования не исполняются!

Допрос на этом и закончился. Но перед его уходом я сказал:

- Пусть фельдмаршал знает, что завтра по его вине будет уничтожено много офицеров и солдат - его бывших подчиненных.

Он в ответ молча встал, вытянулся, высоко взмахнул правой рукой, круто повернулся и медленно, но твердым шагом вышел в прихожую. Там ему подали шинель, и тотчас же наружная дверь громко захлопнулась.

Мы торопились. Нам надо было заняться проверкой, все ли готово к нашему завтрашнему последнему удару по врагу. Из донесений выяснилось, что перегруппировка артиллерии была закончена. Артиллеристы изготовились открыть огонь с севера, запада, юга и востока - вся территория, занятая противником, во время артиллерийской подготовки будет находиться под сплошным перекрестным огнем нашей артиллерии. Если будет летная погода, участвовать в нанесении удара будет и авиация.

В Ставку ушло донесение о том, что мы будем энергично продолжать военные действия по разгрому и уничтожению продолжающей сопротивляться немецкой окруженной группировки в северо-западной части Сталинграда.

- Какова численность оставшейся немецкой группировки? - запросил я штаб Донского фронта. Оттуда был получен ответ - около десяти тысяч человек. А поздно вечером 2 февраля мне доложили: взято в плен около 35000 человек, да еще убитые! Вот и верь докладам после этого. А ведь разведывательные органы фронта имели в своих руках огромное количество пленных и немало важных документов. К сожалению, из-за установившихся у нас неправильных порядков нужные документы нередко находились не в тех руках, где им следовало быть. Вот почему я был вынужден послать в Ставку предложение, чтобы специальным приказом был установлен твердый порядок хранения и изучения захваченных у противника документов. Следовало упорядочить и опрос пленных: им должны, прежде всего, заниматься разведорганы и штабы, а потом уже другие органы,

Конец "котла"

Рано утром, еще в потемках, после напряженной ночной работы мы с Константином Константиновичем сели в машины и двинулись на новый командный пункт. Пассажиром в моем

вездеходе был И. Д. Агеев, который решил лично убедиться в качестве продукции, производимой заводами наркомата вооружения.

Еще в темноте на нашем пути не раз встречались колонны немецких военнопленных, медленно бредущих по дороге. Фары наших автомашин освещали угрюмые лица, съежившиеся от холода фигуры в длиннополых шинелях темно-зеленого цвета. У многих поверх ботинок или сапог были одеты большие, плетенные из веревок или даже из соломы боты, головы обмотаны платками, шарфами или просто тряпками.

Бесконечные колонны этих незадачливых "завоевателей" мне сразу напомнили знаменитую картину Верещагина "Отступление французской армии в 1812 году". Но я обратил также внимание: почти не видно конвоиров - наших бойцов, так легко отличаемых по шапкам-ушанкам, полушубкам и валенкам. Оказалось, что некоторые колонны шли вовсе без охраны. Колонну обычно вел назначенный старшим немецкий унтер-офицер, в руках у которого был белый листок бумаги с надписью по-русски "Бекетовка" (пункт назначения). Регулировщик читал листок и указывал направление.

Командный пункт располагался на насыпи железной дороги. Связь работала хорошо, управление было налажено. Все ждали сигнала для начала артподготовки. Противник временами постреливал, то ли для храбрости, то ли для острастки наших солдат, явно неразумно пренебрегавших опасностью в эти последние часы Сталинградской битвы.

Как обычно, в условленный час взвились ракеты. Все кругом загрохотало, земля затряслась от мощных залпов нашей артиллерии. Я посмотрел на окружающих, их лица были сосредоточенными и воодушевленными.

Нервное состояние и большая тряска, которую я только что перенес по пути на командный пункт, вызвали очередной приступ моей болезни. Пришлось покинуть пункт, уйти в ближайшую землянку, лечь и срочно обратиться к сухим грелкам.

Но лежать не хватало терпения, поднялся наверх. В это время как раз закончилась артиллерийская подготовка. Пехота и танки пошли вперед. Дым от разрывов снарядов переместился на некоторую глубину обороны противника, но сила нашего артиллерийского огня не уменьшилась, а даже значительно усилилась. С помощью биноклей и стереотруб мы внимательно наблюдали за противником.

Вдруг в расположении гитлеровцев появился один белый флаг, затем второй, третий, четвертый... Вскоре флаги забелели и на соседних участках. Стали показываться небольшие группки

пленных немцев, конвоируемых нашими красноармейцами.

Так на наших глазах завершалась ликвидация последнего очага обороны гитлеровцев. Бой продолжался, пленных становилось все больше и больше.

Приступ моей болезни повторился, мне пришлось еще два раза спускаться в землянку. Наконец боли стали глуше, я снова поднялся на командный пункт.

Но что там впереди? Наши конвоиры вели группу пленных, затем остановили ее, построили в одну шеренгу и стали бить каждого пленного по лицу. Я немедленно послал туда офицера. Избиение прекратилось к великому неудовольствию наших бойцов. Эти пленные оказались власовцами - изменниками и предателями Родины.

Постепенно всюду стала стихать стрельба, а вскоре наступила тишина. Враг не оказывал больше сопротивления.

Мы поздравляли друг друга с победой.

Пленных оказалось намного больше, чем предполагали в штабе фронта. Снова можно было убедиться в том, что разведывательные данные наших штабов очень неточны.

На обратном пути мы обгоняли бесконечные колонны пленных. У нас было приподнятое настроение. Больше всех говорил И. Д. Агеев. Он считал себя счастливейшим человеком, ибо видел славную концовку вошедшей в историю битвы.

Итак, войска Донского фронта в 16.00 2 февраля 1943 года закончили разгром и уничтожение окруженной группировки противника, освободив территорию общей площадью 1400 квадратных километров. Боевые действия на Волге и Дону прекратились. Взято в плен 91 000 человек. В числе пленных - около 2500 офицеров и 24 генерала.

Поздно вечером мы с тов. Рокоссовским получили приглашение от Н. С. Хрущева, а потом от секретаря Сталинградского обкома А. С. Чуянова приехать 5 февраля на городской митинг в ознаменование одержанной победы. Я, конечно, ответил согласием. Но несколько позднее нас вызвала к телефону Москва. Поздравив с победой, нам предложили, мне и Рокоссовскому, завтра же, 3 февраля, прибыть в Ставку. Мы просили разрешить нам присутствовать на митинге в честь победы, но из этого ничего не вышло. Удалось лишь выпросить отсрочку на одни сутки.

Работы у нас было по горло. Войска нужно было разместить в районах, где имелось достаточное количество землянок, чтобы не заниматься напрасным строительством и дать отдых людям. Все вооружение и боевую технику следовало в эти дни тщательно почистить и смазать, привести ее в полную боевую готовность. И

все это сделать в очень сжатые сроки, чтобы можно было направить войска на другие фронты великой войны.

Мне очень хотелось побеседовать с артиллеристами, чтобы обменяться мнениями и подвести итоги боевых действий наземной и зенитной артиллерии.

Но эти намерения оказались неосуществимыми в связи с предстоящим отлетом в Москву. Пришлось ограничиться краткими беседами с командующим артиллерией Донского фронта генералом В. И. Казаковым и узким кругом его помощников.

Второй допрос Паулюса

2 февраля состоялся новый допрос Паулюса, который вели я, Рокоссовский, Малинин и Телегин.

Паулюс, войдя в избу, снова вскинул правую руку вверх: фашистское приветствие, видимо, стало у него механическим. Я предложил ему сесть и закурить. На этот раз он смелее взял папиросу.

Паулюсу было объявлено, что сегодня после мощной артиллерийской подготовки наши войска окончательно разгромили. северную немецкую группировку под Сталинградом. На поле боя осталось много убитых и раненых, еще больше взято в плен. Паулюсу вновь напомнили, что он виновен в напрасных жертвах. Его левый глаз и щека стали нервно подергиваться, а дрожащая рука так постукивала по столу, что он вынужден, был опустить ее.

- Знали ли вы о готовящемся нами большом наступлении под Сталинградом? -спросил я его.

Паулюс ответил, что он не знал об этом. Он мог только предполагать, но в своих предположениях даже не мог предвидеть операции такого большого масштаба. Она оказалась для немецкого командования полной неожиданностью.

- Кто же виноват в том, что вы не знали о нашем наступлении?

- Разведка! Это она виновата в нашем незнании.

- Пленные летчики вашей разведывательной авиации показывали, что они видели сосредоточение наших войск, подходившие колонны, видели разгружавшиеся поезда, видели усиленное движение поездов к фронту. Они докладывали о всем виденном в соответствующие штабы и своим ближайшим начальникам. Разве эти сведения до вас не доходили?

Паулюс заявил, что он не располагал этими данными.

- Как вы, образованный и опытный военачальник, могли проводить такую рискованную операцию под Сталинградом с ненадежно обеспеченными флангами?

На этот вопрос Паулюс не смог дать вразумительного ответа. Он твердил, что выполнял волю и приказы верховного командования германской армии. Он, как солдат, был обязан их исполнять точно и беспрекословно. В заключение он добавил, что не может критиковать решения и действия своего верховного командования, пожал плечами и замолчал.

- На что же вы надеялись? Почему не проявили должной активности? Ведь вы могли бы попытаться прорвать фронт наших войск.

Паулюс ответил, что не мог сам решать этот вопрос. Верховное командование германской армии требовало от него упорно удерживать занятую территорию и ждать помощи извне.

Не получая развернутых ответов, мы решили допрос прекратить. По глазам Паулюса было видно - он был доволен тем, что допрос окончился так быстро.

Отпустив пленного гитлеровского фельдмаршала, мы остались одни. Неприятное впечатление произвел на всех нас этот растерянный человек, отвыкший мыслить самостоятельно.

Облик Паулюса стал еще яснее, когда я прочел очень выразительные показания взятого в плен капитана Бориса фон Нейдгардта. Он писал о последних днях штаба Паулюса:

"21.1. Штаб нашего корпуса находился в одной балке со штабом армии. Около 16 часов раздался звонок в нашей землянке. У телефона был подполковник Нидермейер. Он приказал мне немедленно явиться к генералу Шмидту, начальнику штаба 6 армии. Что меня вызвали вдруг в армию, мне не показалось странным, так как штаб армии, влетев с оперативной группой в окружение, не имел при себе переводчиков. Странным мне показалось только то, что мое прямое начальство не было об этом поставлено в известность. Я немедленно явился к генералу Шмидту, где нашел в сборе всю оперативную группу. Через несколько минут пришел Паулюс и сел рядом со мной.

Мне был задан вопрос, известны ли мне условия , капитуляции, предложенные нам красным командованием. Генералом Шмидтом было уже составлено обращение к маршалу Воронову с просьбой выслать парламентеров, и я должен был перевести это обращение на русский язык и быть наготове, чтобы по радио передать его русским.

Я доложил генералу Шмидту, что нам, как побежденным, не надлежит просить выслать парламентеров, а что, наоборот, нам нужно просить, чтобы наши парламентеры были бы приняты. Со мной согласились, и я начал составлять обращение:

"Генерал-полковнику артиллерии Воронову. Я согласен

начать с Вами переговоры на основе Ваших условий от 9.1.43. Прошу Вас установить перемирие с... часа 23.1. Мои полномочные представители прибудут к Вам на 2 машинах под белым флагом в... часа 23.1.43 по дороге вдоль жел. дороги Гумрак - раз. Конная - Котлубань, Главнокомандующий 6 армии".

Сидящий со мною рядом Паулюс вдруг тихо говорит мне: "Может быть, это государственная измена, то, что мы сейчас делаем". Через несколько минут, когда мы случайно остались с Паулюсом одни за тем же столом, он меня спрашивает: "Что мне делать, если фюрер не даст своего согласия?"

Из этой фразы мне стало известно, что командование 6 армии запросило Гитлера о разрешении капитулировать...

Я из этого и дальнейшего заключил, что Паулюс морально и физически совершенно сломлен и если у него когда-то были качества, необходимые для военачальника, то теперь у него их нет.

Вся эта сценка в штабе армии произвела на меня самое тяжелое впечатление. Ясно было, что никто не видит возможности к дальнейшему сопротивлению. И еще мне стало ясно, что ни у кого из этих людей нет гражданского мужества сделать из этого состояния надлежащие выводы.

Единственно генерал Шмидт производил впечатление, что, хотя и все потеряно, у него есть путь, чтобы спасти только свою жизнь. Картина жалкая: чтобы спасти их маленькие подлые жизненки, должны еще умереть десятки тысяч людей.

Вернувшись к себе, я стал ждать вызова, чтобы вступить в связь с красным командованием. Прошла вся ночь с 22.1 на 23.1 и весь день - никакого вызова не последовало. Штаб армии уехал в Сталинград.

Из различных разговоров (немецких офицеров) я узнал, что фюрер не дал согласия на капитуляцию и что приказано драться до последнего вздоха и патрона.

24.1 пришла радиограмма, вызывающая меня в распоряжение Паулюса. По прибытии мне было объявлено, что я нахожусь в личном распоряжении генералов Паулюса и Шмидта.

Будучи вызван к генералу Паулюсу, где были генерал Шмидт и полковник Адам, я был принят так, как будто бы я был владетельным герцогом. Мне были предложены папиросы, кофе, французский коньяк и т. д.

Из дальнейших разговоров выяснилось, что ввиду приказа фюрера мы должны драться до последней возможности, но все же желательно оградить персону главнокомандующего и его ближайшую свиту от рукопашного боя, т. е. пока они еще будут стрелять, я должен вести переговоры об их безопасности. Явную

невозможность таких действий, конечно, понимал генерал Шмидт. Он разъяснил, что когда момент настанет, то я должен действовать так, как целесообразно, и все предоставляется моему усмотрению. Иными словами, я должен взять на себя всю ответственность, дабы репутация больших осталась незапятнанной. Они хотели - "и капитал приобрести, и невинность соблюсти". Основная мысль была: "главнокомандующий не сдался, а взят в плен".

Генерал Паулюс и тогда и впоследствии все время говорил о том, что ему необходимо застрелиться. Я и его приближенные убеждали его, что он на это не имеет права, а должен разделить участь своих солдат.

Генерал Паулюс производил на меня все время, впечатление очень больного и совершенно сломленного человека. Это состояние Паулюса продолжалось до самой сдачи в плен 31.1. Я за это время видел его каждый день - впечатление было жалкое. Генерал Шмидт видел все ясно, ни в какие разговоры не вступал и держался своей линии - выскочить сухим из воды.

Наконец 31.1, когда нервное напряжение достигло своей высшей точки, генерал Шмидт вызвал меня и майора Доберкау, который командовал батальоном, занимавшим универмаг, где находился наш штаб. Шмидт предложил нам договориться о дальнейших действиях. На мое заявление, что я не могу действовать, пока стреляют, генерал Шмидт ответил, что может и должен настать момент, когда кто-то должен отдать приказ о прекращении огня. Опять та же история: "Вы маленькие люди, решайте сами!" Так мы и сделали.

В ночь на 31 января (день сдачи), примерно в 1.30, в подвальную комнату, где я спал, явился к офицеру старший лейтенант Маттик - посыльный связист - с радиограммой о производстве Паулюса в генерал-фельдмаршалы. Со старшим лейтенантом Маттиком я пошел, чтобы поздравить фельдмаршала. Генерал Шмидт, прочитав радиограмму, сказал: "Дайте фельдмаршалу пока спать. Он может узнать о своем производстве и завтра утром".

Я и некоторые офицеры поняли это производство так, чтобы Паулюс живым в руки врага не попался. Паулюс и сам это так понял, ибо в 7 часов утра 31 января, когда переговоры о сдаче уже были закончены и когда я к нему зашел в комнату, чтобы поздравить его с производством, он меня спросил: "Не нужно ли мне застрелиться?" Он узнал о своем производстве уже во время завершения переговоров, так что Паулюс был поставлен генералом Шмидтом перед совершившимся, и своим производством и сдачей.

То, что генерал Шмидт ночью оставил у себя радиограмму о производстве Паулюса в фельдмаршалы, я расценил как продолжение линии сохранения хорошей мины на лице при сдаче в плен. Он, по-видимому, боялся, что Паулюс может принять самостоятельное решение".

Какими они были

Рано утром 4 февраля мы с Рокоссовским вылетели в Москву на самолете, который вел лично Александр Евгеньевич Голованов. Каждый углубился в свои думы. Снова и снова я обдумывал свой доклад в Ставке. Блокнот пополнялся все новыми предложениями о дальнейшем развитии нашей артиллерии.

В последнюю минуту перед отлетом мне передали интересный документ, я раскрыл его и углубился в чтение. Это был дневник одного из наших командиров, охранявших Паулюса и его приближенных. По собственной инициативе он записывал свои наблюдения за пленными. Дневник нигде не публиковался, поэтому стоит воспроизвести хотя бы отрывки из него:

"31 января 1943 года. "Будет ли ужин?" - первая услышанная мною фраза на немецком языке, когда я вошел в дом, в котором размещались взятые сегодня в плен генерал-фельдмаршал Паулюс, его начальник штаба генерал-лейтенант Шмидт и адъютант полковник Адам.

Фразу насчет ужина сказал Шмидт. В дальнейшем он все время проявлял беспокойство о своих вещах и тщательно заворачивал в бумажки, прятал в карман недокуренные сигары. Паулюс - высокого роста, примерно 190 см, худой, с впалыми щеками, горбатым носом и тонкими губами. Левый глаз у него все время дергается.

Комендант штаба полковник Якимович через переводчика Безыменского вежливо предложил им сдать имеющиеся карманные ножи, бритвы и другие режущие предметы. Ни слова не говоря, Паулюс спокойно вынул из кармана два перочинных ножа и положил на стол.

Переводчик выжидательно посмотрел на Шмидта. Тот вначале побледнел, потом краска ему бросилась в лицо, он вынул из кармана маленький белый перочинный ножик, бросил его на стол и тут же начал кричать визгливым, неприятным голосом:

- Не думаете ли вы, что мы простые солдаты? Ваше требование является издевательством над главнокомандующим армии и нарушением данных нам обещаний. Мы будем жаловаться на вас главнокомандующему Рокоссовскому. Вы имеете дело не с простым ефрейтором, а с фельдмаршалом! Фельдмаршал требует к себе другого отношения. Неужели вы думаете, что генералы немецкой армии будут резать себе вены

перочинными ножами?

- Успокойтесь, Шмидт! - сказал Паулюс.- Значит, такой порядок.

- Все равно! Что значит порядок, когда имеют дело с фельдмаршалом?! -закричал Шмидт и, схватив со стола свой ножик, опять сунул его в карман.

После ужина Паулюса, вызвали к нашему командованию.

- Вы пойдете один? - спросил Шмидт. - А я?

- Меня вызывали одного, - спокойно ответил Паулюс.

Шмидт подошел вплотную к Паулюсу и сказал:

- Помните, что вы солдат! Примерно через час Паулюс вернулся.

- Ну, как маршал? - спросил Шмидт.

- Маршал как маршал, - ответил Паулюс.

- О чем говорили?

- Предложили приказать сдаться оставшимся. Я отказался, - ответил Паулюс,

- И что дальше?

- Я попросил за наших раненых солдат. Мне ответили: ваши врачи бежали, а теперь мы должны заботиться о ваших раненых.

Ночь прошла спокойно, если не считать, что Шмидт несколько раз громко говорил: "Не трясите кровать".

Кровать никто не тряс. Ему снились дурные сны.

1 февраля. Принесли фронтовую газету "Красная Армия" с сообщением "В последний час". Оживление, интересуются - указаны ли их фамилии. Услышав приведенный список, долго изучали газету, на листе бумаги писали свои фамилии русскими буквами. Особенно заинтересовались цифрами трофеев. Некоторое время все молчали.

- А он, кажется, застрелился, - сказал Шмидт (речь шла о каком-то генерале).

Адам, нахмурив брови и уставившись глазами в потолок, сказал:

- Неизвестно, что лучше. Не ошибка ли плен?

Паулюс. Это мы еще посмотрим.

Шмидт. Всю историю этих четырех месяцев можно охарактеризовать одной фразой - выше головы не прыгнешь.

Адам. Дома сочтут, что мы пропали.

Паулюс. На войне как на войне (по-французски).

Опять стали смотреть газету. Обратили внимание на общее количество находившихся в окружении. Паулюс сказал:

- Возможно. Ведь мы ничего не знали. Шмидт рисует линию фронта, прорыв, окружение, говорит:

- Много обозов, других частей, сами не знали точно сколько.

В течение получаса молчат, курят сигары.

Шмидт. А в Германии возможен кризис военного руководства. Никто не отвечает. До середины марта русские, вероятно, будут наступать.

Паулюс. Пожалуй, и дольше.

Шмидт. Остановятся ли на прежних границах?

Паулюс. Да, все это войдет в военную историю как блестящий пример оперативного искусства русских.

2 февраля. После завтрака курят сигары. Паулюс смотрит в окно:

- Обратите внимание, заглядывают русские солдаты, интересуются, как выглядит германский фельдмаршал, а он отличается от других пленных только знаками различия.

Шмидт. Заметили, какая здесь охрана? Много народу, но чувствуешь себя не как в тюрьме. А вот я помню, когда при штабе фельдмаршала Буша были, пленные русские генералы, в комнате с ними никого не, было, посты стояли на улице, и входить к ним имел право только полковник.

Паулюс. А так лучше. Хорошо, что не ощущается тюрьма, но все-таки это тюрьма.

Настроение у всех троих несколько подавленное. Говорят мало, много курят, думают.

К Паулюсу Шмидт и Адам относятся с уважением, особенно Адам. Шмидт замкнут и эгоистичен. Старается даже не курить свои сигары, а брать чужие.

Днем я зашел в соседний дом, где находятся генералы Даниэльс, Дреббер, Вульц и другие. Совершенно другая обстановка и настроение. Много смеются. Даниэльс рассказывает анекдоты. Начали расспрашивать, каково положение, кто в плену и так далее. Узнали, что Паулюс тоже здесь. Радостно заулыбались. Фамилия Шмидта вызвала громкий смех, особенно усердствовал Даниэльс: "Шмидт в плену, ха-ха-ха!"

Побыв там еще несколько минут, я вернулся обратно в дом Паулюса. Все трое лежали на кроватях. Адам учил русский язык, повторяя вслух записанные у него на бумажке русские слова. Паулюс все еще под впечатлением вчерашнего допроса.

- Странные люди! - говорит он. - Пленного солдата спрашивают об оперативных вопросах.

- Бесполезная вещь! - бросил реплику Шмидт.- Никто из нас говорить не будет. Это не 1918 год, когда кричали, что Германия - это одно, правительство - это другое, а армия - третье. Этой ошибки мы теперь не допустим!

Опять долгое время молчат. Адам вынимает блокнот с записанными русскими словами, что-то шепчет. Паулюс

поднимает голову и спрашивает: "Интересно, какие известия?"

Адам. Наверно, дальнейшее продвижение русских. Сейчас они могут это делать.

Шмидт. А что дальше? Все тот же больной вопрос. По-моему, эта война окончится еще более внезапно, чем она началась, и конец ее будет не военный, а политический. Ясно, что мы не можем победить Россию, а она нас разгромит.

Паулюс. Но политика не наше дело. Мы - солдаты. Маршал вчера спрашивает: почему мы без боеприпасов, продовольствия оказывали сопротивление в безнадежном положении. Я ему ответил: "Приказ!" Каково бы ни было положение, приказ остается приказом. Мы - солдаты. Дисциплина, приказ, повиновение основа армии. И вообще смешно, как будто в моей воле было что-либо изменить. Кстати, маршал оставляет прекрасное впечатление. Культурный, образованный человек. Прекрасно знает обстановку. У Шлеффера он интересовался 29 полком, из которого никто не попал в плен. Запоминает даже такие мелочи.

Шмидт, Да, у фортуны всегда две стороны.

Паулюс. И хорошо то, что нельзя предугадать свою судьбу. Если бы я знал, что буду фельдмаршалом, а затем в плену! В театре по поводу такой пьесы я сказал бы: "Ерунда".

Беседа в Ставке

Опять я в Москве. Наш самолет принят на Центральном аэродроме. Нас встречают генералы. Они в новой форме с золотыми погонами, а мы с Рокоссовским в старой, походной.

- Константин Константинович, туда ли нас привезли?- спрашиваю я шутливо. Наши ли это?

Нас поздравляют. У всех веселые, радостные лица. Приветствиям нет конца. Некоторые наивно спрашивают: "Паулюс прибыл с вами или в другом самолете?" Очевидно, они поспешили прибыть на аэродром, чтобы первыми увидеть пленного фельдмаршала. Их пришлось разочаровать.

Действительно, Москва сразу же, не дав опомниться, втянула в водоворот большой работы. По линии штаба артиллерии, Главного артиллерийского управления, управления формирований, управления кадров и артиллерийских вузов накопилось множество неотложных вопросов. Меня порадовали хорошие перспективы дальнейшего развития мощностей нашей промышленности, производящей артиллерийское вооружение, технику и боеприпасы. В штабе артиллерии за время моего отсутствия было сделано много нового.

Утром на следующий день меня и Рокоссовского с большой теплотой и сердечностью принял Михаил Иванович Калинин. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Горкин

прочитал Указ о награждении нас орденами Суворова I степени.

Мы сфотографировались, а после этого Михаил Иванович распорядился подать чай. Он проявил большой интерес к битве на Волге.

Наша беседа заняла больше часа. Время пролетело очень быстро. Пора было идти к Верховному Главнокомандующему. Через длинные коридоры прошел в его приемную.

Мой подробный доклад он слушал внимательно. Я подчеркнул, что наши генералы и офицеры в этом сражении приобрели значительный опыт взаимодействия фронтов и армий, родов войск и служб в наступательной операции крупного масштаба. Но большим недостатком следует признать нечеткую работу разведывательных органов. Их анализ сил противника не всегда согласуется с действительностью. Примером этому может служить плохое знание группировки противника в последней операции.

Рассказал о действиях нашей артиллерии, о ее роли в боях на Дону и Волге. Имея в целом сравнительно невысокую плотность артиллерии, мы на участках прорыва создавали многократное превосходство над противником в количестве орудий и минометов на километр фронта. Несмотря на то что все три наступательные операции под Сталинградом начинались в тумане, при плохой или весьма ограниченной видимости, артиллеристы действовали точно, надежно обеспечивая огнем продвижение войск.

Подчеркнул я и возросшее значение артиллерийской специальной разведки и предложил как можно скорее улучшить оснащение артиллерии новыми техническими средствами разведки. Полезно иметь и больше разведывательных и корректировочных самолетов.

Новая организационная структура артиллерии себя оправдала. Создание артиллерийских дивизий и бригад способствует широкому маневру и массированию огня.

Реактивная артиллерия оказывает сильное моральное воздействие на противника, нанося ему большой урон. Необходимо разрабатывать тактику ее боевого применения. Не стоит больше применять столь мощное средство только "внакладку", а учитывать его в общей плотности артиллерии на главном направлении. Войсковую зенитную артиллерию также надо использовать массированно, и в первую очередь в тех группировках, которые предназначены решать главные задачи. В руках общевойсковых начальников следовало бы сосредоточить группы артиллерии, с помощью которых они могли бы действенно влиять на ход развития наступления.

Речь коснулась далее вопросов борьбы с артиллерией противника. Враг остро почувствовал высокую эффективность нашего артогня. Наша дивизионная артиллерия успешно подавляла ближайшие артиллерийские и минометные батареи противника. Как правило, основная масса немецкой артиллерии молчала после нашей артиллерийской подготовки.

Коллективным творчеством командующих артиллерией и их штабов найдены новые формы и методы управления массированным огнем. Они скрытно от противника сосредоточивали к участкам прорыва значительные группы артиллерии и внезапно обрушивали на врага мощные удары, научились взаимодействию артиллерии с пехотой, танками и авиацией.

Разговор шел далее о действиях противника и наиболее характерных особенностях его стратегии и тактики. Я доложил об итогах допросов пленных генералов и офицеров. Все они, безусловно, имели знания, солидный опыт ведения наступательного и оборонительного боя. Им ранее многое удавалось из-за допускаемых нами ошибок. У них успех бывал тогда, когда все шло точно по уставу. Но как только мы своими боевыми действиями решительно нарушали этот немецкий порядок, у них начинался кавардак. Среди гитлеровских генералов и офицеров мало таких, кто способен был бы проявить инициативу. Куда девается в такие острые моменты немецкая аккуратность и точность! Слепая дисциплина и приказ часто входят у них в противоречие с боевой обстановкой, создавшейся на фронте.

Я прочел выдержки из показаний немецкого капитана фон Нейдгардта, в которых нашел отражение педантизм Паулюса, приведший к гибели его войска.

- Давайте чаще создавать кавардак в немецких штабах! - сказали мне.

Рассказывал о наших кадрах. Называя командиров, оценивая их действия, был осторожным: я-то знал, что могла значить для аттестуемого моя отрицательная оценка в докладе.

Беседа продолжалась более четырех часов. В конце меня спросили:

- Как без вас работали в Москве ваши подчиненные?

Я похвалил своих заместителей и весь коллектив центрального аппарата артиллерии. Они проделали большую работу и здесь, в центре, и непосредственно на фронтах.

- Вот и хорошо! Завтра - послезавтра вам нужно будет снова выехать на фронт.

Огромная битва, отгремевшая у берегов великой русской

реки, закончилась всемирно-исторической победой Советской Армии. Уже тогда по результатам этой битвы и последовавшего вслед за нею успешного наступления на всем Южном крыле фронта от Воронежа до Северного Кавказа чувствовалось, что стратегическая инициатива вырвана из рук противника и в ходе войны начался важный перелом в пользу Советских Вооруженных Сил. Окончательно был развеян миф о непобедимости немецко-фашистской армии.

Одержанная победа была итогом длительной и ожесточенной борьбы наших войск, величайших усилий всего советского народа, неутомимой и самоотверженной работы Коммунистической партии Советского Союза.

Битва на Волге явилась важным этапом в развитии советского военного искусства, в росте военного мастерства командного состава всех родов войск. Советское командование мастерски разработало и осуществило замысел крупной по масштабам, решительной по целям стратегической операции на окружение и разгром значительной группировки немецко-фашистских войск. В этой операции впервые специально выделенные представители Ставки занимались координацией действий группы фронтов в интересах достижения общей стратегической цели. Для меня как представителя Ставки, как и для каждого генерала и офицера, участие в подготовке и проведении наступательных операций на Волге и Дону явилось лучшей школой совершенствования воинского мастерства. Мы приобрели ценнейший опыт, который явился основой для разработки ряда важных уставных положений по тактике и оперативному искусству всех родов войск и оказал огромную помощь в проведении операций в 1943-1945 годах.

Наука побеждать не дается сразу

Забыли про овраги...

Мне предстоял путь на Северо-Западный фронт, где в районе Демянска длительное время упорно оборонялась находившаяся в полуокружении 16-я немецкая армия. Северо-Западным фронтом командовал тогда Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко.

Перед отъездом я получил в Генеральном штабе предварительную информацию. Под Демянском предстояло повторить, правда, в более скромных масштабах, то, что было недавно осуществлено на берегу Волги. Но уже тогда кое-что меня смущало: план операции был разработан без учета характера местности, весьма неважной дорожной сети, а главное, без учета приближавшейся весенней распутицы. Некоторые районы Калининской и Новгородской областей мне были знакомы с детства. Весной в этих местах всегда была грязь непролазная, сковывающая всякое движение. Многие соединения

и части, которые должны были участвовать в наступлении, находились еще либо на марше, либо в глубоком тылу. Главная новинка в этой операции - широкое использование воздушно-десантных соединений в качестве обычных стрелковых дивизий.

Погода стояла ужасная. Перед отъездом я ознакомился с долговременным прогнозом: в феврале, марте и апреле он обещал мало утешительного.

Всю дорогу я думал о предстоящей операции. В демянском "мешке" вот уже полтора года находилось тринадцать пехотных дивизий 16-й немецкой армии. Три пехотные и одна моторизованная дивизии были вне "мешка", занимая оборону на широком фронте. Противник за полтора года, конечно, приспособился к местности и основательно укрепился. Собраны ли достаточные сведения об обороне гитлеровских войск в этом районе? Я больше всего надеялся на получение нужных данных от артиллеристов. Должны же они были накопить их во время неоднократных попыток наступления, разведок боем и, конечно, путем постоянного наземного наблюдения и фотографирования с воздуха.

Во время долгого и тяжелого пути (болезнь моя обострялась от тряски) решили сделать небольшую остановку в селе Зуевы Горки. В хате, где мы отдыхали, нас окружили сельские ребятишки.

- Видели ли вы пленных немцев? - спросил я детей.

Ответа не было, все молчали. Тогда я повторил свой вопрос:

- Проводили через вашу деревню пленных немцев? Маленький мальчуган поднял руку и отчеканил:

- Пленных немцев через деревню не проводили, а вот пленных фрицев проводили много раз!

Это меня обрадовало. Значит, на фронте ведется разведка и берутся пленные.

Фронтовые дороги были забиты войсками. "Пробки", как рассказывали шоферы, не рассасывались круглые сутки. Противник между тем беспрепятственно вел воздушную разведку и, очевидно, точно знал о сосредоточении войск в этом районе. В одной из "пробок" я случайно встретился с А. А. Новиковым, который тоже прибыл на фронт представителем Ставки. Вместе с ним мы подивились такой беспечности.

Командный пункт фронта находился в лесу, где было вырыто множество землянок. Мне и А. А. Новикову сразу предоставили по "подземной вилле".

Не успел я умыться, как в землянку вошел бывший Маршал Советского Союза, а теперь генерал-майор Григорий Иванович Кулик.

В эти часы маршала Тимошенко на месте не оказалось, командующий артиллерией фронта тоже отсутствовал - все находились в войсках и должны были вернуться поздно вечером. Пользуясь свободным временем, я выслушал рассказ Г. И. Кулика о том, как шла подготовка к наступлению. Потом Григорий Иванович откровенно говорил о том, что творилось у него на душе в связи с его проступками и связанным с ними строгим наказанием. У меня сложилось мнение, что он решил личной храбростью искупить свою вину. В этой дружеской беседе я говорил ему, что не в одной храбрости дело, нужно заняться решением крупных вопросов, которые были бы вкладом в общее дело победы.

- Быть простым артиллерийским наблюдателем в передовых цепях наступающей пехоты - дело не хитрое. Артиллерийских командиров у нас много, - говорил я ему. - Ты, Григорий Иванович, вчера был Маршалом Советского Союза, лишен этого звания за невыполнение ответственного задания Ставки в первые дни войны. Мне думается, что Верховное Главнокомандование ждет от тебя большой организаторской работы на фронте.

Однако не внял советам Г. И. Кулик. Он никак не проявил себя, ни на этом фронте, ни на других.

Вечером мы с А. А. Новиковым встретились с Г. К. Жуковым и С. К. Тимошенко. Они познакомили нас с общей обстановкой на фронте. Как и следовало ожидать, главные задачи по прорыву обороны противника и развитию успеха возлагались на артиллерию и авиацию. В злосчастном рамушевском "коридоре" будет нанесена серия последовательных ударов, и здесь-то особенно должна показать себя наша артиллерия. Операции пора бы уже начаться, но ее приходилось откладывать из-за медленного сосредоточения войск и неполадок в снабжении.

План предстоящих действий был вкратце таков: 11-я и 53-я армии должны встречными ударами ликвидировать рамушевский "коридор" и таким образом осуществить полное окружение немцев. Затем последуют удары 27-й и 1-й ударной армий навстречу друг другу, чтобы надежно обеспечить окружение, а в дальнейшем приступить к уничтожению окруженной демянской группировки противника. Кроме того, 1-я ударная армия должна была обеспечить прорыв обороны противника южнее Старой Руссы. В этот прорыв войдет особая группа генерал-лейтенанта М. С. Хозина, состоящая из 68-й армии и 1-й танковой армии. Основная задача этой группы - развить наступление в направлении Сольцы - Луга и выйти во фланг и тыл 18-й немецкой армии, действовавшей под Ленинградом.

Оперативный замысел был интересен и обещал успех.

Но чем больше я вникал в детали плана, тем более убеждался в справедливости поговорки: "Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить". Трудно было выбрать более неудачное направление для использования артиллерии, танков и другой боевой техники, чем то, что намечалось в плане. В районе предстоящих действий множество болот, а там, где их нет, проступали грунтовые воды. Проложить здесь дороги стоило огромного труда. Особенно доставалось артиллеристам. Для большинства огневых позиций следовало строить прочные деревянные настилы, чтобы орудия при стрельбе не утонули в трясине. На это требовалось длительное время.

Я вспоминал свою землянку, в которой жил: под деревянным полом постоянно стояла вода, ее ежедневно откачивали, вычерпывая сразу до восьмидесяти ведер.

Трудно было вести артиллерийскую разведку обороны противника. Видимость очень плохая - мешали снегопады и туманы. Вокруг мелколесье. К тому же противник очень искусно маскировал свои огневые средства. Даже выдвижение передовых артиллерийских наблюдательных пунктов на предельно короткие расстояния от противника, устройство их на деревьях не приносили ощутимых результатов.

Да, рамушевский "коридор" был очень серьезным "орешком". Уже полтора года наша авиация вела здесь фотосъемки, но ясной картины обороны противника все-таки не было. А ведь для артиллерии нужны точные координаты всех огневых точек, входящих в систему обороны противника. Недаром в артиллерии царской армии был девиз: "Не вижу - не стреляю".

Кроме того, грунтовые условия сильно снижали эффективность артиллерийского огня: снаряды и мины с установками взрывателя на фугасное действие глубоко проникали в зыбкий грунт и почти совсем не поражали живую силу противника осколками. Это было одной из причин неудач наших предыдущих наступательных операций.

Мы выехали в особую группу генерала М. С. Хозина и там обнаружили крупные недостатки в боевой готовности соединений и частей, хотя на картах все изображалось красиво и правильно. Меня больше всего удивило, что командиры соединений почти не касались трудностей, возникающих из-за бездорожья и тяжелых грунтовых условий. Когда же я спрашивал об этом, они обещали срочно провести разведку путей и района предстоящего исходного положения. Было ясно, что эта сильная группа, в которую входили 7 воздушно-десантных дивизий, 10 лыжных бригад, механизированный и танковый корпуса, 6 артиллерийских истребительных противотанковых полков и ряд

других частей, не подготовлена к боевым действиям. Она еще не закончила даже свое формирование, сколачивание и обучение.

Тем не менее наступление началось. 15 февраля 11-я и 53-я армии после артиллерийской подготовки взломали передний край обороны противника, несколько продвинулись вперед, но развить успех им не удалось. Зато противник получил хороший предупредительный сигнал. Впрочем, гитлеровцы, видимо, заранее знали о наших приготовлениях к наступлению на этом направлении и, наученные горьким опытом на Волге и Дону, стали усиливать оборону рамушевского "коридора". Наши последующие удары успеха также не имели.

Я искренне восхищался работой нашей авиации. На своих крошечных самолетах У-2 летчики производили до 10 вылетов за ночь. Нельзя забыть этих ночных полетов: некоторые самолеты возвращались продырявленными, как решето, но на них летали, пока работал мотор. Один из таких полков проложил свой курс через наш командный пункт, и ночью можно было слышать, как возвращающийся с бомбежки лихой летчик выключал двигатель, планировал над нами и, перегнувшись через борт, пел сильным и красивым баритоном знакомую песню: "Дайте в руки мне гармонь..."

Находившиеся в передовых частях командиры-артиллеристы присылали весьма безрадостные донесения.

"Пехота к атаке не подготовлена. Отсутствие огневого воздействия со стороны противника после артиллерийской подготовки пехотой использовано не было. Ружейно-пулеметный огонь, ротные и батальонные минометы использовались крайне недостаточно. Управление в динамике боя со стороны командиров пехоты скверное",- сообщал полковник Афанасьев.

Подобные донесения я получал непрерывно и требовал от соответствующих командиров устранить недостатки, старался оказать практическую помощь. Мои ближайшие помощники, опытные офицеры, находились в передовых подразделениях наступающей пехоты, но, несмотря на все усилия, не могли добиться устранения недостатков в действиях войск.

После блестящих побед на Дону и Волге неудачи на этом фронте удручали. Ясно было, что не следовало затевать здесь крупной операции. Нашей могучей технике нужны просторы, здесь же она увязала в болотах. Снова в душе накапливалось раздражение против тех, кто составлял красивые планы операции, не потрудившись изучить условия местности, пути сообщения, особенности климата.

Я не мог молчать. Решил: будь что будет, но выскажу все, что думаю по поводу поспешных и необдуманных планов

наступления в этом районе. Мы обрекали на гибель технику, теряли множество людей и неисчислимое количество боеприпасов на явно бесперспективных направлениях.

8 марта я послал в Ставку донесение, в котором попытался разобрать причины неудач на Северо-Западном фронте. Первой из них я назвал плохое изучение противника. Мы не учли, что враг здесь имеет стойкие кадровые дивизии, хорошо оснащенные, всесторонне подготовленные к упорной обороне. Его оборонительные полосы отлично оборудованы в инженерном отношении, умело замаскированы естественными масками: густыми лесами, мелколесьем и кустарником.

Вина командования Северо-Западного фронта в том, что оно не знало района предстоящих действий. Части занимали оборону в двух и более километрах от противника, не имея с ним постоянного соприкосновения. Этот-то участок и был намечен для прорыва. Без наблюдения, без хороших позиционных районов (болота и под снегом вода), почти без дорог наша мощная артиллерийская техника попала в весьма невыгодные условия. Войска даже не всегда могут использовать свои огневые средства. Батальонные минометы, станковые пулеметы при наступлении отстают, не говоря уже о 45-миллиметровых пушках, а тем более 76-миллиметровых полковых орудиях - их тянут на руках 20 - 30 человек, несут потери от огня противника и все-таки отстают. Для использования танков местность крайне неблагоприятная.

Войска Северо-Западного фронта почти полтора года пробыли в обороне, к наступлению никогда по-настоящему не готовились. Прибывшие сюда вновь сформированные соединения, недостаточно обученные и сколоченные, попали сразу в очень трудные условия, многие командиры, естественно, растерялись, не сумели во всех звеньях организовывать и проводить бой.

К проведению операции очень плохо подготовились тылы фронта и наступающих армий. По-моему, это имеет место потому, что у нас во всех звеньях длительное время хранятся в секрете готовящиеся операции, проводятся сначала оперативные перевозки, а потом снабженческие, поздно подвозятся материальные средства, а также горючее, боеприпасы и продовольствие. Вот почему часто район будущих действий остается без дорог, без организованной службы тыла. Вот почему сталкиваемся мы с недостачей тех или иных средств к началу действий.

При планировании операции в центре и на местах у нас не всегда правильно учитывается элемент времени. Сроки начала действий устанавливаются без учета реальных возможностей. Гораздо хуже все это обстоит во фронте, армиях, дивизиях и

ниже. Тому, кому нужно непосредственно воевать - командиру роты и батальона, командиру батареи и дивизиона, - обычно времени остается очень, очень мало, что пагубно сказывается на подготовке и организации боя.

В настоящее время бои приняли затяжной характер. Пехотой занимается только то, что начисто очищено от противника нашей артиллерией, минометами и реактивными установками. Противник от этого огня несет, безусловно, большие потери, но и мы теряем людей и огромные материальные средства. Пехота несет значительные потери от огня противника потому, что лежит в исходном положении, очень неохотно подходит к разрывам своей артиллерии, чтобы сразу после переноса огня в ближайшую глубину вражеской обороны немедленно и стремительно атаковать позиции противника. Расход снарядов и мин непомерный, продвижение же за день боя исчисляется сотнями метров Пехотное оружие используется очень плохо, даже при отражении контратак противника.

Кое-кто из командного состава, в связи со слабым продвижением вперед, пытается свалить вину на других: пехотное командиры винят артиллерию, артиллеристы - пехотинцев и т. д.

"На Северо-Западном фронте, - писал я в донесении,- мы, безусловно, частично выиграли в оперативном отношении, так как создали угрозу окружения демянской группировки, изрядно ее побили, заставили противника отступить и тем самым отказаться в будущем здесь от активных действий. В то же время мы прогадали в том, что противник получил резервы за счет вывода из демянского "котла" своих войск для прикрытия важного оперативного направления, намеченного нами для удара.

По моему мнению, не следует замышлять крупные операции с большими целями на таких фронтах, как левое крыло Говорова, фронты Мерецкова и Тимошенко, а также правое крыло их ближайшего соседа. В своих предыдущих операциях они уже поглотили очень много сил и средств и добились результатов, далеко не оправдывающих затраты. Мне думается, что нужно искать больших решений там, где мы сможем наиболее продуктивно использовать свою громадную и богатейшую боевую технику всех видов. Тогда обойденные нами леса и болота будут взяты одной только угрозой окружения в крупных оперативных масштабах.

В современной войне, как никогда, кроме необходимых для победы сил и средств, кроме умения воевать, кроме желания наступать и разбить врага, еще нужно особенно внимательно учитывать возможности наиболее продуктивного использования нашей могучей техники на том или ином направлении.

Для обеспечения лучшего управления, для лучшей организации, увязки действий и взаимодействия на поле боя родов войск при прорыве обороны противника, особенно в ударных армиях, нужны корпусные управления. Командующему армией, совершающей прорыв, оснащенной большими средствами усиления, очень трудно организовать бой и управлять войсками в бою без корпусных управлений. Вообще, по моему мнению, наступило время, хотя бы на важнейших фронтах, поднять роль армий и создать побольше корпусных управлений. В то же время, может быть, стоит пойти на сокращение количества фронтов.

Крайнее беспокойство вызывает отсутствие нужных нам к весенне-летней кампании запасов самых ходовых снарядов и мин. Их расстреливают фронты, где по условиям лесисто-болотистой местности каждый убитый немец стоит тысячи снарядов и мин.

К лету же нам обязательно нужно иметь хотя бы небольшие запасы наиболее ходовых снарядов и мин".

Отправляя донесение, я рассчитывал, что в Москве посчитаются с моими соображениями. Однако, кроме положительного решения о восстановлении корпусных управлений, Ставкой ничего не было сделано.

Наступили оттепели, потекли талые воды. Дороги разбухли и стали непроезжими.

17 марта войска Северо-Западного фронта вышли на реку Радья и дальше продвинуться не смогли.

Неприятно было улетать с фронта, где хотя и был ликвидирован демянский "котел", но задача выполнена с весьма ограниченными результатами. Сколько раз мне вспоминались заманчивые, но неиспользованные оперативно-стратегические возможности на среднем Дону! Вот бы туда к 15-20 декабря 1942 года послать такие силы, как под Демянск, - туго пришлось бы Гитлеру и его компании!

Уже в Москве я ознакомился с приказом нового командующего Северо-Западным фронтом генерала И. С. Конева. В этом приказе были подведены итоги боевых действий, со всей прямотой вскрыты причины февральско-мартовских неудач фронта и намечены пути их устранения. Мне приказ понравился, особенно за то, что он ответственность за все недочеты в равной степени возлагал на общевойсковых и артиллерийских командиров. Этот документ безусловно сыграл большую роль в подготовке войск фронта к предстоящим наступательным операциям.

Опять воздушные тревоги

В Москве ждала напряженная работа.

Весной 1943 года активизировалась бомбардировочная

авиация противника. Она стала производить ночные 360 налеты на промышленные объекты, находившиеся в нашем глубоком тылу. Я вспоминаю эти тревожные ночи. Вся система противовоздушной обороны страны проходила серьезный экзамен. Зенитчики и истребительная авиация ПВО действовали с большим напряжением, чтобы отбить вражеские воздушные налеты. Тем не менее, отдельным самолетам противника удавалось выходить на объекты и бомбить их. Так, в одну ночь в двух приволжских городах был нанесен значительный урон нашим заводам. Это было расценено в Ставке как слабость руководства противовоздушной обороной.

Кто-то предложил создать комитет ПВО. Предложение мгновенно было принято. Председателем назначили Маршала Советского Союза А. М. Василевского, в числе членов этого комитета оказались А. А. Новиков, я и другие. Комитет существовал недолго, он не смог в краткие сроки оказать какое-либо влияние на улучшение всей боевой деятельности ПВО. Воздушные налеты гитлеровцев продолжались, а комитет лишь заседал, регистрируя недостатки. Жаль было время переводить на пустые словопрения.

Как-то поздно вечером на моем столе зазвонил кремлевский телефон.

- Товарищ Воронов, Ставка только что приняла решение подчинить вам ПВО страны. Вашим заместителем будет Громадин. Вам ясно? Вопросов нет? Вот и хорошо.

Я продолжал держать трубку, но слышал только частые гудки.

"Как же так? - мучила мысль. - Принимать такое ответственное решение, даже не вызвав меня для предварительных переговоров? Почему выбор пал именно на меня? Не много ли взвалено на мои плечи?" Как командующий артиллерией я отвечал за очень важный участок. Ставка непрерывно направляла меня в качестве своего представителя на фронты. Мне поручены все дела по изобретательству и рационализации в наркомате обороны. А теперь на меня возложена новая огромная обязанность, которая требует четкого оперативного руководства. Я понимал, что мне придется за все неудачи ПВО нести личную ответственность в полном объеме.

На следующее утро у меня в кабинете уже были генерал М. С. Громадин, мой первый заместитель по войскам ПВО, и начальник главного штаба ПВО генерал Н. Н. Нагорный. Сразу всплыло множество организационных и оперативных вопросов. Мы прежде всего задумались над дальнейшим насыщением войск ПВО новейшей боевой техникой и обеспечением их кадрами. Мое

счастье, что М. С. Громадин и Н. Н. Нагорный оказались хорошими заместителями, и я твердо полагался на них.

Мы работали дружно. Несмотря на многие трудности, дело шло не так уж плохо. Были разработаны важные мероприятия по улучшению противовоздушной обороны войск и страны, организации четкого взаимодействия истребительной авиации с зенитной артиллерией.

Конечно, пришлось немало волноваться. Каждая неудача войск ПВО приносила множество огорчений и неприятностей.

Однажды ночью противник совершил длительный ночной налет на станцию Дарница, восточнее Киева. Все средства противовоздушной обороны, прикрывавшие этот объект, были мобилизованы на борьбу с вражескими самолетами. Это была тревожная, бессонная ночь. Мне непрерывно докладывали о действиях зенитчиков и истребительной авиации ПВО. Гитлеровцы сбросили множество бомб, но наш урон был, в общем, невелик. В 9 часов 30 минут утра я получил об этом исчерпывающие донесения. Но через несколько минут вызвал к телефону нарком путей сообщения Л. М. Каганович и набросился на меня, угрожал привлечь к строгой ответственности за разгром противником Дарницы. Кажется, не было конца его ругательствам. В заключение Каганович сказал, что мне не поздоровится.

В тот же день меня вызвали в Ставку для докладу о ночном налете на Дарницу и наших потерях. Я сообщил, что в эту ночь на станции находилось около 50 железнодорожных составов, причем многие из них были с такими огнеопасными грузами, как боеприпасы, горючее и сено. Первая группа немецких самолетов сбросила бомбы на парк порожних вагонов, находившихся в некотором удалении от главных и запасных путей станции.

Начался пожар: загорелись вагоны и деревянные строения, расположенные неподалеку. Все последующие группы немецких самолетов, ориентируясь на пламя пожара, сбрасывали бомбы только на этот участок. Основные сооружения станции и транспорты с боеприпасами остались целыми и невредимыми - нам просто повезло. Зенитчики сбили за ночь пять самолетов противника. Я выразил удивление по поводу неправильных действий наркомата путей сообщения - нельзя допускать такой загрузки станций в ночное время да еще с ассортиментом легко воспламеняющихся грузов. Моим, докладом и предложениями все остались довольны, кроме тех, кто жаловался.

Второй случай произошел во время весьма напряженных перевозок на один из фронтов западного направления. Однажды рано утром наркомат путей сообщения и Генеральный штаб

подняли шум по поводу того, что немецкая авиация ночью вывела из строя важный железнодорожный мост, поэтому движение оперативных эшелонов остановлено, их приходится направлять окружным путем. Штаб ПВО получил другие сведения: мост цел, никаких прямых попаданий в него не было, но по вине железнодорожников поезда через мост действительно не идут.

После проверки на месте, которую тотчас же произвели офицеры войск ПВО, установили, что наши сведения правдивы. Ночью на полустанке, находящемся в двух километрах от моста, стоял маневровый паровоз. Вдруг раздался сигнал воздушной тревоги. Все бросились в убежища, а паровозная бригада, зная, что в мост ночью попасть трудно, повела паровоз вперед. Когда паровоз был уже на мосту, самолет противника сбросил бомбу. Мост не повредило, но маленький паровоз подбросило воздушной волной, и он встал поперек путей, перекрыв железнодорожное движение.

Днем меня вызвали в Ставку для разбора инцидента. Я подробно изложил всю историю от начала до конца. Доклад был настолько исчерпывающим, что были даже названы фамилии машиниста и кочегара. Незаслуженное обвинение в адрес войск ПВО тотчас же отпало. Но сколько было волнений и переживаний, сколько обвинений пришлось выслушать до этого!

Споры о самоходной артиллерии

Главное артиллерийское управление много лет занималось разработкой опытных образцов самоходных артиллерийских орудий, предназначавшихся для сопровождения наступающей пехоты в бою. Первые, далеко не совершенные образцы таких орудий участвовали на московском параде еще в 1934 году, но тогда они по ряду причин не были приняты на вооружение.

В 1938 году эти работы возобновились, но продвигались очень медленно и до начала Великой Отечественной войны не были закончены. Кстати сказать, некоторые руководящие военные деятели из числа танкистов, не хотели признавать самоходные орудия, называя их "плохими танками".

Наши наступательные операции показали, что на поле боя трудно сопровождать наступающую пехоту орудиями на прицепе, а тем более орудиями на конной тяге. Пришлось срочно браться за создание самоходных орудий. Вскоре появилась 76-миллиметровая пушка на гусеничном ходу, стали формироваться первые полки самоходной артиллерии.

Чтобы готовить кадры командного состава для нового вида артиллерии, выделили одно из военных училищ, создали центр формирования и обучения "самоходчиков".

В Ставку стали поступать заявки на эти новые, только еще

формирующиеся полки самоходной артиллерии. Это меня напугало - никак нельзя было прерывать боевую учебу этих частей. Немедленно отправил свой протест в Ставку, но он не был принят во внимание, и два неподготовленных полка были направлены на фронт. Они, конечно, не сумели проявить себя в бою. Этого оказалось достаточно для шумной дискредитации нового вида артиллерии.

Когда я вернулся с Северо-Западного фронта, мне стало известно, что некоторые танковые начальники стали снова возражать против создания самоходной артиллерии. Они рьяно доказывали невозможность создания в артиллерии такой же ремонтной базы, какую имеет бронетанковое ведомство. По этому вопросу была создана комиссия, в которой я был единственным артиллеристом при подавляющем большинстве танкистов.

В комиссии шли бесконечные дебаты. Я доказывал, что в самоходной артиллерии должны быть орудия "различных калибров. Для сопровождения танков нужны самоходные орудия обязательно большего калибра, чем калибр орудий танков. Не было никаких оснований для передачи самоходной артиллерии бронетанковому управлению. Наоборот, имелись серьезные опасения, что танкисты используют ее только для себя, забыв про интересы других родов войск.

Вскоре состоялось весьма длительное заседание Государственного комитета обороны, на котором обсуждался вопрос о передаче самоходной артиллерии в подчинение командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии. Доводы обеих сторон были те же, что и на заседаниях предварительной комиссии. Мне пришлось много раз брать слово и доказывать нецелесообразность такой передачи. У танкистов; был только один довод:

- К чему создавать в артиллерии свое ремонтно-восстановительное хозяйство? Я парировал этот довод:

- Пусть эта база останется у танкистов, мы будем; сдавать им на ремонт и восстановление свои самоходки на тех же условиях, на каких мы производим ремонт артиллерийской техники, применяемой в танках.

Но чаша весов явно клонилась в пользу танкистов. Я вновь попросил слова и снова стал доказывать, что моя настойчивость не какая-то прихоть артиллеристов, а военная необходимость.

Сталин резко оборвал мое выступление:

- Я вижу, что вы любите власть. Вам мало того, что вы имеете в своем подчинении. Ваши доводы мало убедительны. Мы не можем создавать вам ремонтные органы, вы это должны понять. Сейчас мы найдем выход из тяжелого положения.

Он приказал вызвать командование гвардейских минометных частей, подчинявшихся непосредственно Ставке. Когда генералы В. В. Аборенков и Л. М. Гайдуков прибыли, им объявили, что гвардейские минометные части передаются в полное подчинение командующего артиллерией Красной Армии. Те пытались возражать, но их доводы отмели. Учредили при командующем артиллерией Красной Армии Военный совет, в состав которого были назначены генералы Н. Д. Яковлев, И. С. Прочко, П. А. Дегтярев, Л. М. Гайдуков и я как председатель этого совета.

Так странно решился принципиальный и очень важный спор.

Моя настойчивость в этом вопросе, конечно, определялась не стремлением к власти, не желанием побольше войск иметь в своем подчинении. Просто опыт и здравый смысл подсказывали необходимость иметь в составе артиллерии самоходные установки как надежное и мощное средство обеспечения взаимодействия артиллерии с пехотой, кавалерией и танками.

Решение Ставки осталось в силе, пришлось приступить к сдаче всего, что имело прямое отношение к самоходной артиллерии. С болью передавались созданные нами учреждения, учебные заведения, учебный центр и все сформированные части самоходной артиллерии. Все это делалось только ради того, чтобы не создавать параллельно ремонтные базы. А их и не нужно было создавать, просто следовало обязать танкистов проводить ремонт самоходных орудий на своих базах, как ремонтируют артиллеристы все артиллерийское вооружение, приборы и другую артиллерийскую технику, находящуюся в танках.

Наше опасение полностью оправдалось, дальнейший путь развития советской самоходной артиллерии принял единственное направление - сопровождать танки. Отношение к самоходным установкам танкисты не изменили, по-прежнему называли их "плохими танками". А наша пехота осталась без весьма нужных ей самоходных орудий сопровождения.

Войска идут на Запад

Крушение "Цитадели"

Секретный приказ о решающем наступлении в районе Курской дуги Гитлер подписал 15 апреля 1943 года. В приказе говорилось :

"Я решил, как только позволят условия погоды, осуществить первое в этом году наступление "Цитадель".

Это наступление имеет решающее значение. Оно должно дать нам инициативу на весну и лето.

Поэтому все приготовления должны быть осуществлены с большой осторожностью и большой энергией. На направлении главного удара должны использоваться лучшие соединения,

лучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления.

Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира".

Советское командование задолго до наступления противника узнало о замыслах Гитлера. Ставке были известны не только группировки вражеских войск и их численность, но и даже ориентировочно время начала наступления. Наше командование приняло решение - измотать противника преднамеренной обороной, а затем разгромить его на широком фронте. В связи с этим в районе Курского выступа сосредоточивались большие силы - около 40 процентов всех общевойсковых объединений, в том числе все танковые армии. Здесь впервые должны были принять участие только что сформированные артиллерийские корпуса и другие мощные артиллерийские соединения. Им предстояло надежно обеспечить не только прорыв обороны противника, но и быстрое перерастание тактических успехов в оперативные.

В район предстоящих боевых действий выезжал мой первый заместитель генерал-полковник артиллерии Н. Д. Яковлев, который оказывал практическую помощь артиллеристам в подготовке к операции.

Многое его порадовало в боевой работе артиллерийских частей и соединений, но немало вскрылось и недостатков.

Невозможно забыть случай, который он рассказал нам тогда. На одном из наблюдательных пунктов командующий армией наклонился к артиллерийской стереотрубе и стал просматривать отдельные участки обороны противника.

- Как хорошо все видно в эту трубу! Какое увеличение она имеет? - спросил он. Командующий артиллерией армии, не задумываясь, ответил:

- Четырехкратное!

Общевойсковой командир недоверчиво покачал головой:

- Артиллерийская панорама тоже имеет четырехкратное увеличение, но почему в нее хуже видно, чем в эту трубу?

Генерал Яковлев сделал вид, что не слышал этого разговора: он не хотел ронять авторитет командующего артиллерией армии в глазах непосредственного начальника, а может быть, и нанести вред боевой дружбе двух генералов. Но когда командующий армией удалился, Н. Д. Яковлев пристыдил армейского артиллериста.

Этот случай заставил нас всерьез заняться проверкой знаний артиллеристов всех степеней не только в войсках, но и в

центральном аппарате. Мы потребовали, чтобы генералы и офицеры почаще заглядывали в уставы, наставления, руководства и инструкции.

Перед центральным аппаратом была поставлена задача - более активно оказывать помощь войскам. Появился у противника новый тип танка - надо сразу же выпустить большим тиражом памятку по стрельбе по этому танку. Стали чаще издавать инструкции по боевому применению новых видов артиллерийского вооружения, техники и боеприпасов. Это принесло немалую пользу.

Штаб артиллерии Красной Армии и штабы артиллерии фронтов пристально изучали танковые силы противника - вели строгий их учет, постоянно собирали необходимые сведения по всевозможным каналам, тщательно их анализировали. Мы хорошо знали количество танковых соединений противника на советско-германском фронте, их дислокацию, следили за их перемещениями и маневрами вдоль фронта и в его глубине. Передислокации танковых соединений противника немедленно вызывали у нас необходимость усиления соответствующих фронтов соединениями истребительно-противотанковой артиллерии, а также частями и соединениями зенитной артиллерии: ведь всякое массированное использование танковых дивизий противник всегда сопровождал и массированным применением авиации.

На полях сражений выработались новые тактические приемы и способы борьбы с танками противника. Тон в этом задавали бригады истребительно-противотанковой артиллерии. Их личный состав неутомимо совершенствовал свою выучку, умение бить немецкие танки, проявлял незаурядную стойкость в бою, волю к победе. В ходе боевых действий наши артиллеристы создавали оригинальные правила стрельбы по вражеским танкам, вносили много нового в тактику действий. Штаб артиллерии Красной Армии обобщал их боевой опыт, делал его достоянием всех фронтов и армий.

Воины истребительно-противотанковых частей стали любимцами в войсках, они получили некоторые преимущества перед другими артиллеристами, в том числе даже особый знак различия: на левом рукаве носили ромбик из черного сукна со скрещенными пушками желтого цвета.

Опыт боевых действий в 1943 году показал, что в составе этих бригад необходимо иметь четвертый полк, вооруженный самоходными установками с орудиями калибром не ниже 85 миллиметров. Мы внесли в Ставку такое предложение, и вскоре появилось постановление Государственного комитета обороны по

этому вопросу. Бригады, пополнившиеся полками самоходной артиллерии, стали неизмеримо устойчивее в жарких боях с танками противника.

4 июля поздно вечером меня вызвали в Ставку для доклада о том, как обеспечены в артиллерийском отношении фронты, против которых готовится наступать противник. Я доложил, что артиллеристы позаботились о тщательной организации мощной артиллерийской контрподготовки в полосах вероятного наступления врага. Приняты меры, чтобы создать сильные артиллерийские противотанковые резервы.

Здесь я узнал, что Ставка располагает точными данными - завтра, 5 июля, на рассвете противник переходит в наступление на тех направлениях, где и предполагалось. Мне предложили немедля отправиться на Брянский фронт представителем Ставки и оказать помощь командованию фронта.

- Стойкой и упорной обороной войска должны до предела измотать врага и быть готовы к переходу в решительное наступление! - сказали мне. - В своей работе на Брянском фронте вам все время следует помнить об этом.

Я выехал на фронт незамедлительно. Путь был долгий. Сначала ехали с зажженными фарами. Их погасили, когда стало светать. Небо было голубым, без единого облачка. Подъезжая ближе к фронту, я дважды видел на большой высоте вражеский самолет-разведчик. Он спокойно летел, куда ему хотелось. Это меня встревожило. Видимо, на земле подготовились к встрече врага, а в воздухе нет.

На командном пункте Брянского фронта меня встретил командующий войсками фронта генерал М. М. Попов. Он доложил, что на Центральном фронте противник после сильной артиллерийской и авиационной подготовки перешел в наступление, результаты которого еще не известны. На Брянском фронте, в полосе действий армии генерала В. Я. Колпакчи, противник тоже наступает. Бои идут на переднем крае нашей обороны, местами враг вклинился в наше расположение.

- Как в Ставке расценивается начавшееся наступление немцев? - спросил меня генерал Попов.

Я поделился своими мыслями о вероятных целях и задачах немецкого наступления.

- Помните, - сказал я в заключение, - весной 1918 года Гинденбург и Людендорф собрали на западном фронте все, что могли, для удара по союзным войскам Англии, Америки и Франции. Хотели в последний раз испытать счастье на поле битвы. Как известно, отчаянная попытка закончилась не в пользу немцев. Мне кажется, мы с вами являемся свидетелями

повторения этой истории.

Мы отправились на наблюдательный пункт командующего армией генерала В. Я. Колпакчи. Узнали, как идет отражение немецких атак. Ничего опасного, безусловно, не было, а та легкость, с которой наши войска расправлялись с противником, позволяла сделать вывод, что враг не ведет перед левым флангом Брянского фронта наступления крупными силами, а стремится активными действиями ввести в заблуждение наше командование.

Командующий артиллерией фронта генерал Н. В. Гавриленко и командующий артиллерией армии генерал Н. Н. Семенов доложили о боевой работе подчиненных частей. Во фронтовом масштабе расход боеприпасов был невелик, а потери в материальной части просто ничтожны. Поэтому все усилия сосредоточили на восстановлении системы нашей обороны на тех ее участках, где противник пытался наступать и серьезно готовился к предстоящему наступлению.

Я доложил в Ставку оперативную обстановку и дал положительную оценку действиям войск Брянского фронта. Ставка приказала провести тщательную проверку подготовки к наступательной операции войск Брянского фронта и 11-й армии Западного фронта. Начало наступления было назначено на 12 июля.

Видная роль в наступлении опять принадлежала артиллерии. Первый серьезный экзамен предстояло выдержать вновь сформированным артиллерийским корпусам. В боях они должны были доказать целесообразность своего существования. Некоторые артиллерийские части и подразделения за это время проверялись уже много раз, и вопросы, задаваемые начальством, уже, видимо, изрядно надоели и офицерам и бойцам.

На одном из наблюдательных пунктов командир артиллерийского дивизиона четко доложил и показал мне, на местности, как он и командиры батарей будут выполнять свои огневые задачи во время артиллерийской подготовки и при развитии успеха. Мне представили всю положенную документацию. Она мне понравилась и по содержанию и по добротному оформлению. В заключение я спросил:

- Товарищ майор, а как у вас отработано взаимодействие со стрелковым батальоном?

Неожиданно я получил от этого знающего и опытного командира странный ответ:

- До взаимодействия я еще не дошел, будем его отрабатывать сегодня.

Я не верил своим ушам и повторил вопрос. Ответ был тот же.

Мне стало понятно, что офицер в понятие "взаимодействие" вкладывал что-то особенное. Стал задавать ему более конкретные вопросы: как батареи дивизиона будут держать связь с ротами батальона в ходе наступления, какие сигналы установлены для вызова и прекращения артиллерийского огня, какие задачи будет решать конкретно артиллерия сопровождения батальона пехоты и танков во время атаки и при продвижении в глубину обороны противника. На все вопросы следовали исчерпывающие ответы. По ним можно было судить о большой работе по согласованию совместных действий на поле боя, проделанной на местности командирами дивизиона и стрелкового батальона.

Мне осталось поблагодарить обоих за серьезную и вдумчивую подготовку к предстоящему наступлению. В заключение я спросил артиллериста: "Почему же вы вначале доложили, что до взаимодействия еще не дошли?" Майор признался, что в моем вопросе он видел какую-то каверзу. Ему показалось, что представитель Ставки ждет от него какого-то особого взаимодействия.

И я подумал о том, как легко можно было проверяющему, не удостоверившись в действительных знаниях подчиненных, устроить громкий "разнос" этим хорошим, старательным командирам.

Долгими часами я просиживал над разведкартами, составленными артиллерийскими штабами, тщательно проверял достоверность данных о немецких батареях в полосе предстоящего наступления. Допытывался, насколько вскрыта огневая система противника перед его передним краем, на переднем крае и в ближайшей глубине обороны, где расположены командные и наблюдательные пункты, узлы связи противника.

Меня радовало, что общевойсковые генералы, принимая ответственные решения, уделяли большое внимание штатной и приданной артиллерии - грозной силе на поле сражения. Генералы всерьез заботились о наиболее целесообразном применении этого мощного оружия, вносили немало ценных дополнений к предложениям артиллеристов. В общевойсковых и артиллерийских штабах творчески отнеслись к делу, стремились по-новому строить график артиллерийского огня, чтобы артиллерийская подготовка не походила на предыдущие.

Хорошо был отработан план начала атаки и перехода ее в длительное, мощное и упорное наступление. Четко спланировано тесное взаимодействие артиллерии с пехотой и танками. Правильно рассчитанный огневой вал своевременно переносимый с рубежа на рубеж, надежно обеспечивал движение вперед атакующей пехоты и танков.

Я наблюдал на обоих фронтах постоянную заботу и о создании большой плотности орудий и минометов на один километр участка прорыва. Артиллеристы разработали порядок надежного подавления огневых средств противника, а также меры отражения вражеских контратак.

Разъезжая по соединениям и частям, беседуя с генералами, офицерами, сержантами и солдатами, я на деле убеждался в том, насколько повысилось их боевое мастерство, как укрепилось содружество и взаимодействие родов войск.

Несколько часов я провел в левофланговой 11-й гвардейской армии Западного фронта, которая усиленно готовилась к наступлению во взаимодействии с Брянским фронтом. На командном пункте армии в это время были генерал В. Д. Соколовский, командующий артиллерией Западного фронта И. П. Камера, командующий 11-й армией И. Х. Баграмян и его командующий артиллерией П. С. Семенов.

План предстоящих действий и здесь был отработан хорошо, с полным учетом обороны противника, его резервов. Генералы Камера и Семенов правильно спланировали артиллерийскую подготовку прорыва. Мне лишь пришлось обратить их внимание на усиление, артиллерийского огня, более надежное обеспечение расширения прорыва и "сматывание" обороны противника на флангах участка прорыва. Рекомендовал также внести ряд уточнений в организацию огневого вала и последовательного сосредоточения огня артиллерии при проламывании тактической зоны вражеской обороны.

Вопросы координации действий двух фронтов были отработаны. Я вернулся на Брянский фронт.

Мастерство крепнет в боях

12 июля еще до рассвета колонна легковых автомашин с командованием Брянского фронта двинулась на наблюдательный пункт. Когда всходило солнце, мы выехали на высоту, которая хорошо просматривалась противником. Машины медленно двигались по открытому плато и даже остановились, когда генерал, возглавлявший колонну, стал что-то спрашивать у офицера комендантской службы. Их разговор был нарушен свистом и воем тяжелых снарядов. Разрывы произошли на почтительном расстоянии и нам вреда не принесли, но все растерялись. Я выскочил из машины и скомандовал:

- Всем пешком к роще, машинам по одной в разные направления и в укрытия!

Немецкая артиллерия продолжала стрелять, но никакого вреда нам не причинила. Мы благополучно прибыли на наблюдательный пункт. Среди водителей тоже не было потерь.

Видимо, немецкие дежурные артиллерийские наблюдатели прозевали наше неожиданное появление и очень неорганизованно пытались нас обстрелять. Что ж, они упустили возможность крепко наказать нас за беспечность!

Командование, штабы и войска были готовы к наступлению. Мы сверили часы и стали ждать начала артиллерийской подготовки. Вокруг воцарилась особенная, торжественная тишина.

В небо взлетели ракеты. Через мгновение кругом все

загрохотало. В расположении противника взвивались ввысь столбы пыли и дыма от разрывов наших снарядов и мин. На этом фоне были видны огневые вспышки мощных разрывов реактивных снарядов.

На переднем крае наши орудия прямой наводкой уничтожали огневые точки противника. Легкие минометы били по первой и второй вражеским траншеям. Авиация наносила бомбовые удары по глубине обороны противника.

Вместе с командующим артиллерией фронта я с увлечением наблюдал ход артиллерийской подготовки и следил, как она укладывается в утвержденный график огня

Время шло быстро. Вот и последний мощный огневой налет - земля задрожала от взрывов. Затем артиллерия Дружно перенесла огонь на первый рубеж огневого вала

В это время в воздух взвились разноцветные сигнальные ракеты. Двинулись в атаку пехота и танки

Я следил в стереотрубу за продвижением передовых подразделении, временами волнуясь за тех кто очень близко находился от разрывов нашей артиллерии. Войска продвигались вперед. Противник на переднем крае и в глубине до 2-3 километров был подавлен и сопротивлялся слабо.

Как научились мы воевать! Четко взаимодействуют рода войск на поле боя, умело используется наступающими эффективность огня артиллерии, которая переносит огневой вал с рубежа на рубеж.

Прогрызается тактическая зона обороны противника, берутся пленные, трофеи. Об этом все время докладывают из передовых частей. Противник бросает в бой свою бомбардировочную авиацию. Группа бомбардировщиков произвела налет и на наш наблюдательный пункт, засыпав мелкими бомбами значительную территорию вокруг. Было много свиста и грохота, но все сошло благополучно. Налет повторился еще и еще раз. Хорошо, что калибр авиационных бомб был мал, иначе наш наблюдательный пункт, не имевший прочных перекрытий, мог бы серьезно пострадать.

Вскоре поступили донесения об успешных действиях артиллерийских корпусов, впервые примененных в наступлении. По сути дела, это были мощные, хорошо оснащенные маневренные артиллерийские группировки, надежно обеспечивавшие массированный огонь в любом направлении. Они имели надежные средства и органы управления, свой автотранспорт для подвоза боеприпасов и все условия для обеспечения мощного и эффективного огня, а также высокую способность к маневру.

На следующий день мы с А. Е. Головановым объехали только что освобожденную территорию, чтобы воочию убедиться в результатах артиллерийского огня и бомбометания авиации, Побывали на многих огневых позициях противника и убедились, что артиллерия немцев понесла большие потери.

Мы впервые увидели новинку, которую применил противник на переднем крае и в ближайшей глубине обороны. Это были подвижные броневые точки, вооруженные пулеметами и перевозимые тягачами. Они врывались так глубоко в землю, что лишь с близкого расстояния можно было разглядеть верхний колпак обтекаемой формы. Эти бронированные доты были хорошо замаскированы и, видимо, не вели огня до начала нашей атаки. Тем не менее, большинство их оказались изрядно поврежденными, некоторые были выворочены снарядами, минами и авиационными бомбами и валялись на боку.

Рассматривая эти броневые колпаки, мы с Головановым удовлетворенно переглядывались.

- Вообще-то проморгали мы эту новинку. Но, с другой стороны, может быть, и хорошо, что войска не знали о ней. Вокруг злополучных колпаков было бы столько накручено фантастических выдумок, что малейшие заминки в наступлении сразу бы сваливались на новые броневые точки.

Наше счастье, что эти новинки были расставлены противником на местности, которую мы включили в планы и графики огня нашей артиллерии и минометов, а также орудий прямой наводки. Артиллерийская подготовка почти полностью вывела из строя броневые пулеметные точки, на которые противник возлагал, наверное, большие надежды.

С недоумением я заметил, что на огневых позициях нашей артиллерии, перемещавшейся перекатами за наступающей пехотой и танками, лежит значительное количество боеприпасов, оставленных без охраны и транспортных средств. Намеренно объехал весь район бывших артиллерийских позиций. Повсюду была такая же картина.

Когда я поздно вечером вернулся на командный пункт, на меня стремительно налетел член Военного совета фронта Л. З. Мехлис. Он возбужденно говорил о недостатке боеприпасов, о том, что артиллерия осталась без снарядов. Мой переход в контрнаступление оказался более эффективным. Я предложил навести порядок с доставкой боеприпасов, оставленных на старых огневых позициях.

Справедливость требует отметить очень четкую работу начальника отдела боеприпасов фронта, смелой и энергичной женщины, артиллерийского инженер-подполковника Приставка. В

трудных условиях она образцово организовывала подвоз боеприпасов на фронт.

Наступление развивалось успешно.

Прорыв все углублялся и расширялся. Противник спешно снимал свои пехотные и танковые соединения с соседних фронтов и перебрасывал их на Курскую дугу. Бои стали принимать упорный и затяжной характер. Но мы-то знали, что это облегчит наступление войск Степного и Воронежского фронтов.

15 июля поступило указание Ставки - под мою личную ответственность срочно вывести из боя одну артиллерийскую дивизию прорыва и отправить ее на другой фронт. Без промедления закипела работа по исполнению полученного приказа. Дивизия была еще на марше, а на станциях погрузки уже стояли готовые к отправке составы. Наш железнодорожный транспорт был на должной высоте, множество раз выручал он советскую артиллерию и вносил свой вклад в великое дело победы над врагом. Самоотверженно работали труженики наркомата путей сообщения, офицеры и бойцы военных сообщений наркомата обороны.

Вскоре было получено новое указание - столь же срочно отправить еще одну артиллерийскую дивизию прорыва на тот же фронт. Я попросил у Ставки разрешения вместе со второй дивизией отправить командира артиллерийского корпуса с его штабом и подчиненными ему частями и подразделениями. Предложение было утверждено.

Корпус вовремя прибыл к месту назначения и сразу вступил в бой на новом направлении. Это еще раз показало: крупные артиллерийские соединения сильны не только своим мощным огнем, но и своей способностью к широкому маневру, что может обеспечить последовательные прорывы обороны противника на нескольких направлениях.

Противник стремился во что бы то ни стало отстоять орловский плацдарм, превращенный в сильный укрепленный район. Начавшиеся дожди размыли дороги. Это сильно мешало наступлению. Но наши войска хотя и медленно, но верно продвигались вперед, руководствуясь правилом - не давать противнику передышки для организации противодействия.

В один из таких напряженных дней 63-я армия должна была прорвать очередной промежуточный рубеж обороны противника. Она получила от командующего войсками фронта значительное усиление артиллерией.

Сразу возник вопрос: сколько же времени нужно для переброски частей усиления в новый район, их развертывания и подготовки к открытию огня? Ведь это могло надолго затянуть

начало наступательных действий.

На командный пункт фронта в это время прибыли командующий 63-й армией В. Я. Колпакчи и командующий артиллерией этой армии Н. Н. Семенов. Они обратились с ходатайством отложить наступление, так как нужно много времени для подготовки к открытию огня прибывающей артиллерии усиления. Отказаться от этой артиллерии они, конечно, не хотели - она значительно повышала шансы на успех.

Выход из затруднительного положения был найден. Я предложил использовать всю прибывающую артиллерию усиления по принципу батарей и дивизионов близнецов. Новые подразделения получат исходные данные для стрельбы, подготовленные и проверенные боевыми, стрельбами уже действовавших здесь батарей и дивизионов. Пункты командиров подразделений усиления на время артиллерийской подготовки и начала развития успеха должны были совместиться соответственно с пунктами командиров батарей и дивизионов артиллерии 63-й армии, а огневые позиции рекомендовалось несколько удлинить, чтобы на них разместились еще четыре орудия. Таким образом, на некоторое время у нас появятся как. бы восьмиорудийные батареи.

Предложение создать такие "спаренные" артиллерийские дивизионы, еще невиданные в нашей практике, сначала встретили с недоверием, а потом горячо поддержали. Все стало ясно, исполнители не стали задерживаться и поспешили приступить к делу.

Новый прием осуществили успешно. Наступление началось точно в назначенный день и час. Артиллерийскую подготовку провели с должной плотностью, прорыв и развитие успеха были надежно обеспечены.

Конечно, все это время пришлось изрядно волноваться: как выдержит проверку в бою наша новинка.

11-я гвардейская армия Западного фронта и войска Брянского фронта успешно развивали боевые действия. Большую помощь им оказали войска Центрального фронта, наносившие удары во фланг и тыл орловской группировки противника. 22 июля наши войска захватили Волхов, а 5 августа - Орел.

Советской артиллерии впервые в истории ее существования была оказана высокая честь произвести в столице нашей Родины салют в честь победы, одержанной нашими войсками в районе Орла.

За двое суток до взятия Орла мне предложили прибыть в Москву, как всегда, в срочном порядке.

Автомобиль мчался на предельной скорости. Проделав более

четырехсот километров пути, я поспешил сразу в Ставку для доклада и для получения нового задания.

В Ставке мне задали множество вопросов. Отвечая на них, я все время думал: "Куда же теперь забросит меня судьба?"

Наконец меня познакомили с замыслом Смоленской наступательной операции на Западном фронте. На этом направлении противник держал крупные силы, составлявшие группу армий "Центр", в составе которой было 58 пехотных, 4 танковые и 3 моторизованные дивизии. Наша наступательная операция имела целью разгромить противостоящие войска противника и отодвинуть его фронт на меридиан Смоленска, а также не дать врагу возможности снимать дивизии из этого района и перебрасывать их на юг, где готовилась наша другая крупная наступательная операция.

В Москве мне пришлось пробыть всего лишь несколько часов. Я смог только встретиться со своими заместителями и ближайшими помощниками, чтобы накоротке решить с ними ряд важных вопросов.

На подступах к Смоленску

И снова в пути...

Много неожиданного бывает на фронтовых дорогах. Проезжая мимо одной из воинских частей в глубоком тылу фронта, я заметил, что впереди нас веером ложатся пули. Машина остановилась, и мы услышали автоматную очередь. Мои сопровождающие схватили револьверы и автоматы и, рассыпавшись в цепь, двинулись в сторону, откуда стреляли.

Стрельба тотчас же прекратилась. Оказывается, солдаты проверяли таким способом свои автоматы. Пули долетали до расположения части. Жертв, к счастью, не было, но одна пуля выбила из рук повара сковородку. Виновных пришлось наказать.

Так начался наш въезд во фронтовую зону Западного фронта.

Вечером на малых высотах появились разведывательные самолеты противника, сбрасывали бомбы или обстреливали из пулеметов. В одном месте дорога проходила через болото по жердевому настилу. Он был разбит вражескими бомбами. Пришлось остановиться и самим взяться за ремонт пути. Слышались глухие взрывы авиабомб. В воздухе то и дело сверкали магниевые вспышки: немецкие летчики и ночью занимались фотографированием. Противник, видимо, догадывался о нашей подготовке к наступлению и поэтому так беспокоил наши тылы.

На командном пункте я до поздней ночи беседовал с командующим артиллерией Западного фронта генералом Иваном Павловичем Камера. Этот опытнейший артиллерист-практик

отличался феноменальной памятью и отлично знал всех своих подчиненных командиров. Он обладал редкой особенностью очень деловито, с удивительными подробностями рассказывать о состоянии частей и подразделений, которые находились под его началом. Человек чуткой души и доброго сердца, но вместе с тем строгий и требовательный начальник, генерал Камера пользовался большим авторитетом среди подчиненных. Был у него один недостаток: не любил штабы, которые обычно называл унизительным словом "контора". Правда, зная мое отношение к штабам артиллерии, он избегал при мне произносить это слово, а если оно и вырывалось, всегда просил извинения.

Иван Павлович подробно ознакомил меня с артиллерией противника, расположенной перед Западным фронтом, рассказал о ходе подготовки к предстоящей операции и в заключение воскликнул:

- Дайте мне нужное количество тракторов-тягачей, автомашин и обещанные Ставкой боеприпасы, и мы немецко-фашистской сволочи морду здесь набьем, и набьем по-настоящему!

Противник создал под Смоленском прочную глубоко эшелонированную оборону из 5 - 6 оборонительных полос общей глубиной 100 - 130 километров. Главная оборонительная полоса состояла из системы траншей полного профиля, нескольких рядов проволочных заграждений в два - три кола, дзотов и блиндажей, искусно укрытых на переднем крае и в ближайшей глубине пулеметов, которые короткими очередями, видимо из своих маневренных броневых точек, вели пристрелку по расположению наших войск. Минные поля сочетались с противотанковыми рвами. Конечно, прав был генерал Камера - прорыв такой обороны требовал большого количества тяжелой артиллерии, танков, авиации. Но Ставка не смогла выделить их в достаточном количестве, так как вынуждена была сосредоточить основные усилия на юго-западном направлении.

В следующие дни вместе с заместителем командующего Западным фронтом генералом Хозиным, командующим артиллерией фронта генералом Камера я проверял боевую готовность войск трех армий, которыми командовали, генералы Гордов, Трубников и Журавлев. При проверке рассматривались планы наступления каждого корпуса, каждой дивизии. Хуже других подготовилась 10-я гвардейская армия. Было решено, что генерал М. С. Хозин вернется в эту армию через несколько дней для проверки исполнения данных нами указаний.

В дни проверки стало ясно, что начало наступления следует перенести, чтобы войска смогли устранить обнаруженные

недостатки и основательно подготовиться к предстоящим боевым действиям. Операция под Смоленском планировалась с большим размахом, но невольно вставал вопрос: где взять крупные оперативные резервы, а если они и могут быть получены, то, как обеспечить своевременность их ввода в бой?

31 июля мы встретились с командующим фронтом генералом В. Д. Соколовским, заслушали доклады командующего армией генерала Поленова и командующего ее артиллерией генерала Дмитриева.

Генерал Соколовский утвердил план наступательной операции этой армии, внеся в него ряд поправок, и приказал срочно устранить вскрытые недостатки. Его очень беспокоило, что многое из обещанного Ставкой еще не прибыло на фронт - не подошли оперативные резервы, в том числе тяжелая артиллерия и авиация. Конечно, мы оба понимали, что все внимание обращается Ставкой на южные направления, а Западный и Калининский фронты играют сейчас как бы вспомогательную роль. Но получалось несправедливо: ранее поставленные фронту задачи не были изменены, а обещанные силы и средства так и оставались лишь обещанием.

1 августа в своем донесении в Ставку я докладывал о том, что войсками ведется большая подготовительная работа, идет усиленная разведка, и выражал надежду, что к установленному сроку войска будут готовы. Вместе с тем просил подтянуть к Западному фронту оперативные резервы Ставки, направить сюда не менее трех зенитных артиллерийских дивизий, одну артиллерийскую дивизию прорыва для армии генерала Попова, не менее 30-40 тысяч человек нового пополнения. Поставил вопрос и об обязательном усилении фронта истребительной авиацией, привлечении дальней авиации генерала Голованова для ночных ударов по аэродромам противника в районах Витебск, Смоленск и Брянск.

Но чем глубже я изучал обстановку на Западном фронте, тем тревожнее становилось на сердце. Было ясно, что уже в самом замысле операции есть существенные просчеты. Ставка приняла решение об одновременном взломе фронта противника на пяти направлениях. Между тем вскоре выяснилось, что это решение не может быть в должной мере обеспечено Силы и средства сократились, а количество одновременных прорывов обороны противника осталось для фронта прежним.

Видимо, Ставка имела целью вынудить противника рассредоточить внимание, силы и средства, держать свои оперативные резервы и войска прикованными к Западному и Калининскому фронтам, чтобы гитлеровское командование не

могло перебрасывать их на южные направления. Тем не менее, сложный замысел операции на Западном фронте не имел под собой прочной почвы. Это и тревожило меня больше всего.

3 августа ни с того ни с сего нас вызвали в Юхнов. От фронта это было уже далековато, и ехать нам пришлось порядочное время, хотя и гнали машины вовсю.

Наконец добрались до красивой рощи, где среди деревьев приютились деревянные постройки. Нас встретил генерал и повел к небольшому домику. Вошли в комнату - и увидели Сталина.

Казалось, намеренно выбрали самое неприглядное помещение. Посреди избы красовался убогий, наспех сколоченный деревянный стол, державшийся вместо ножек на двух крестовинах, скрепленных перекладиной. Возле него две столь же грубые скамейки. На подоконнике стоял телефон, провода которого через форточку выходили на улицу.

Генерал Камера мне шепнул:

- Ну и обстановочка!

"Специально, чтобы на фронтовую больше походила",- мелькнула мысль.

Сталин, прежде всего, поинтересовался, далеко ли отсюда командный пункт фронта. Затем приказал познакомить с обстановкой.

Мы развернули карты и стали докладывать о противнике, о своих войсках. Соколовский стал было излагать замысел и задачи предстоящей наступательной операции, но Сталин его перебил:

- Деталями заниматься не будем. Западному фронту нужно к весне 1944 года подойти к Смоленску, основательно подготовиться, накопить силы и взять город.Эта фраза была повторена дважды.

По существу, на этом разговор был закончен.

Товарищи попытались пожаловаться, что Западный фронт не получил достаточного количества резервов и боевой техники.

- Все, что сможем, дадим,- последовал ответ,- а не сможем - обходитесь тем, что имеете.

Мы тронулись в обратный путь. Многих удивлял этот секретный выезд Верховного в Юхнов. Зачем надо было ехать столько километров по дороге, развороченной танками и тракторами, местами ставшей непроезжей, и остановиться в городке, далеко отстоявшем от фронта? Видеть он отсюда ничего не мог, ни с кем, кроме нас, здесь не встречался. Связаться отсюда с фронтами было куда сложнее, чем из Москвы. Странная, ненужная поездка...

Спас-Деменск

7 августа войска Западного фронта начали Спас-Деменскую

операцию. Как и следовало ожидать, развернувшиеся бои приняли затяжной характер. Лишь на четвертые сутки была прорвана главная полоса обороны противника. 13 августа был освобожден Спас-Деменск. Противник поспешил скорее выйти из образовавшегося "мешка", весьма активно обороняясь.

За 14 суток упорных боев войска Западного фронта углубились на запад на 35 - 40 км, освободив около 500 населенных пунктов. Противник все время наращивал свои усилия и продолжал перебрасывать сюда дивизии, выводимые им из орловского "мешка". К 18 августа он перебросил против нашего Западного фронта одиннадцать дивизий, а против левого фланга Калининского фронта - две дивизии.

9 августа направил в Ставку донесение, в котором попытался подвести первые итоги боев: "Армии Западного фронта перешли в наступление согласно утвержденному плану. Наступлению предшествовала мощная артиллерийская, минометная и авиационная обработка переднего края и глубины обороны противника. Атака пехоты и танков поддерживалась всеми огневыми средствами.

В первый день боевых действий все четыре армии с относительно малыми потерями преодолели препятствия с отдельными опорными пунктами среди них. Прорыв фронта противника на всю тактическую глубину в первый день осуществлен не был. На намеченных участках прорыва по фронту задачи выполнены полностью, в глубину же имели продвижение 2 - 3 - 4 километра. На второй день боевых действий с помощью массированного применения артиллерии, минометов и авиации удалось продвинуться еще от 1 до 3 километров.

Наша бомбардировочная авиация массирует, удары по малой площади, в краткие сроки и на направлении главных усилий наших войск. Пример: перед фронтом наступления двух наших стрелковых дивизий бомбили 195 наших бомбардировщиков одновременно. Эти действия всегда проводятся во взаимодействии с мощными ударами нашей артиллерии и минометов.

Противник в первых трех траншеях понес большие потери в живой силе и технике. Он заблаговременно и в процессе нашего наступления подтянул резервы частично с Западного фронта, а особенно из орловского "мешка", сосредоточив их на участках прорыва, например, перед фронтом 10-й гвардейской армии и 33-й армии, посадил эти резервы для обороны на промежуточный оборонительный рубеж, провел дополнительное минирование глубины обороны, развернул новые батареи и так далее. За три дня до начала наших действий значительно усилил огневую

деятельность своей артиллерии, минометов и бомбардировочной авиации, проводил систематическую контрподготовку в районах расположения наших войск. Основными причинами медленного развития наступления являются:

1. Противник, безусловно, знал о готовящемся наступлении и принял ряд мер для противодействия ему.

2. Оборонительные позиции противника оказались хорошо подготовленными для обороны: обилие препятствий, траншей, ходов сообщения, минирование и броневые точки (тип такой же, как и на Брянском фронте, о чем я ранее доносил). Например, сегодня обнаружен один опорный пункт противника - по фронту 500 м. Он имеет, кроме траншей и окопов, 6 броневых пулеметных точек, глубоко врытых в землю и хорошо замаскированных.

3. Ряд наших стрелковых дивизий оказались далеко не подготовленными к наступательным действиям на глубоко эшелонированную оборону противника. Это касается в первую очередь дивизий, находившихся в резерве Ставки. Видимо, не было конкретного, твердого руководства и контроля сверху за боевой подготовкой этих дивизий.

4. Сказывается недостаток танков прорыва, так что ломать оборону противника приходится артиллерии, минометам и пехоте. Контратаки противника и необходимость быть настороже в отношении мин противника резко снижают темпы продвижения нашей пехоты.

5. В первый и второй день наступления в некоторых дивизиях выявились неумелое взаимодействие родов войск, неумение организовать и использовать мощный огонь с движением вперед. Несмотря на принятые меры, имели место "паузы" с атаками, стремление отлежаться, пересидеть противника, свалить или надеяться на соседа и так далее. Плохо еще управляются войска в дивизии, полку и ниже. Простая постановка задачи в ходе боя занимает много времени, наблюдаются медлительность в решениях и действиях.

6. Ряд командиров очень впечатлительны к немецким контратакам. Контратаки роты пехоты противника и 2 - 3 танков, успешное их отражение с потерями для противника вызывают, однако, замедленное движение, а то и приостановку наступательных действий на значительное время.

7. Пехота очень слабо применяет в наступлении свои пулеметы, винтовки, ротные и батальонные минометы. Общее стремление во всех случаях боя прибегать к помощи артиллерии.

8. Перенос сроков нашего наступления с третьего на седьмое августа, как оказалось, дал противнику возможность в эти дни

значительно усилить свою оборону.

Плохо получается в 10-й гвардейской армии. Командованию фронта приходится оказывать все время помощь ее командованию.

Несмотря на все трудности, прорыв фронта на главном направлении будет завершен и возникнет возможность развития успеха. Для обеспечения этого необходимо: 1) отпустить боеприпасы по заявке военсовета фронта от 8.8.43 года; 2) дать Западному фронту 4 - 5 танковых полков прорыва, 3) по освобождении авиации тов. Голованова на Волховском фронте желательно помочь его авиацией Западному фронту.

Для выполнения поставленной Вами последующей задачи фронту считаю необходимым (в связи с продолжающимся отходом противника из орловского "мешка") скорее вывести из состава Брянского фронта и передать в состав Западного фронта следующие соединения: 1) танковую армию Богданова, 2) 8-й артиллерийский корпус, 3) сколько возможно танковых полков прорыва и самоходных артиллерийских полков с тем, чтобы эти части и соединения смогли своевременно быть введены в дело".

Обнаружились недостатки и в артиллерии. Так, например, на общем фоне хорошо организованной артиллерийской подготовки части гвардейских минометов начали свои залпы в 33-й армии на 7 минут, а в 10-й гвардейской армии на 5 минут ранее установленного планом срока.

Не были созданы специальные артиллерийские группы для борьбы с минометами противника. Это явилось серьезным упущением.

Плохо было и то, что в артиллерии Западного фронта совершенно не применялись стрельбы на рикошетах, стрельбы при больших углах падения и другие новые эффективные способы. У отдельных командующих армиями и командующих артиллерией армий было стремление управлять боем с командных, а не с наблюдательных пунктов.

Тем не менее, несмотря на эти недостатки, артиллерия фронта полностью выполнила поставленную перед ней задачу. Со стороны общевойсковых начальников к ее действиям никаких претензий не было. Полки и артиллерийские дивизии, сформированные на Западном фронте, оказались вполне слаженными.

С наступлением вечерних сумерек и до рассвета на фронтовых дорогах по-прежнему разбойничали немецкие самолеты. Артиллеристы-зенитчики доложили мне, что на малых высотах ночью бороться с самолетами невозможно, ибо цели не видно и вероятность поражения воздушного противника

ничтожна.

Я пригласил опытного прожекториста из Москвы. Он тоже заявил, что прожекторы не могут работать на малых высотах и что он ничего предложить не может.

Тогда, до крайности раздосадованный такой беспомощностью, я сам взялся за разработку приемов борьбы с одиночными самолетами противника ночью.

Было установлено, что вражеские самолеты в темное время пролетали над некоторыми важными фронтовыми дорогами с немецкой аккуратностью в точно определенные часы. Для первого опыта я избрал небольшой отрезок шоссе в пустынном районе, где не было близко наших войск и тыловых учреждений. На этом участке дороги мы поставили в два эшелона прожекторы, которые должны были осветить летящую цель. Три зенитные малокалиберные батареи заняли огневые позиции и приготовились к открытию огня по освещенной цели. Условились, что прожекторы будут включены по сигнальной ракете, которую пустит расположившийся впереди на дороге специальный наблюдатель, когда вражеский самолет пролетит над его головой.

В первую ночь вражеские самолеты над этой дорогой не летали. На следующую ночь первый же немецкий самолет был ослеплен прожекторами и сбит выстрелами малокалиберных зенитных батарей. Наблюдавшие за стрельбой отчетливо видели прямые попадания в фашистскую машину. Рано утром мне доставили вещественные доказательства нашей победы над ночным воздушным разбойником: карту, документы, ордена и револьвер сбитого летчика.

На рассвете над этим районом высоко в небе кружились вражеские воздушные разведчики, по-видимому надеясь обнаружить здесь нашу крупную группировку войск. Ночная стрельба, применение прожекторов, безусловно, ввели противника в заблуждение.

В третью ночь удалось сбить еще один самолет.

Наши "ловушки" были вскоре расставлены и на других дорогах, идущих к фронту и вдоль фронта. Фашистских летчиков так проучили, что они вообще перестали летать над фронтовыми магистралями.

Этот опыт ночной борьбы с самолетами противника на низких высотах стал достоянием командующих артиллерией всех фронтов. Там вскоре начали сбивать один за другим гитлеровские самолеты.

Однажды мне доложили по телефону из Москвы, что Никита Сергеевич Хрущев просит усилить противовоздушную оборону Харькова. Я предложил дополнительно направить в Харьков 60

орудий среднего калибра, столько же орудий малого калибра, 144 прожектора, 81 крупнокалиберный пулемет, батареи орудийной наводки (СОН-2), сняв их с тыловых объектов страны. Это предложение было утверждено Ставкой.

Где бы я ни был, чем бы ни занимался, а заботы о противовоздушной обороне страны и фронтов никогда не покидали меня. Создание трех фронтов ПВО (Северо-Западный, Юго-Западный и Восточный) полностью оправдывало себя. Командующие этими фронтами генералы Журавлев, Зашихин, а также мой заместитель Громадин непрерывно поддерживали взаимодействие войск противовоздушной обороны страны с ПВО действующих фронтов.

"Плюс шесть"

С 20 августа войска Западного фронта приостановили наступление, чтобы произвести частичную перегруппировку. Основные усилия были теперь сосредоточены в направлении Ельня - Смоленск.

28 августа две центральные армии (10-я гвардейская и 21-я) возобновили свое наступление и после мощной артиллерийской подготовки прорвали оборонительную полосу противника.

А спустя два дня мне позвонили из Ставки и предложили срочно отправиться на Калининский фронт для проверки готовности войск к предстоящему наступлению.

На командном пункте Калининского фронта меня ждали командующий фронтом генерал А. И. Еременко и член Военного совета генерал Д. С. Леонов.

Командующий фронтом закончил свой краткий доклад словами:

- Мы строго в назначенный день и час начнем наступать. Мы готовы к этому.

- А как у вас дело обстоит с горючим и боеприпасами? - спросил я.

- Да, не все еще подвезено, многое на подходе, но мы не будем оттягивать начало операции.

Я настоял вызвать командующих родами войск и начальника тыла. Генералы доложили о крупных неполадках со снабжением. Например, фронтовая истребительная авиация была обеспечена горючим всего лишь на один день боя. Обеспеченность артиллерии по ряду калибров была настолько недостаточной, что рискованно было начинать наступательную операцию.

Конечно, я понимал, сколь важно было теперь же, не откладывая, начать наступление на Калининском фронте. Но все расчеты, однако, показывали, что положение со снабжением может измениться к лучшему только через шесть - семь суток.

Поэтому срок начала операции следовало отложить.

В землянке остались трое - Еременко, Леонов и я. Я посоветовал А. И. Еременко позвонить в Москву и просить разрешения отсрочить начало операции. Еременко категорически отказался. Тогда я предложил это сделать члену Военного совета, но и Леонов отказался. Мне же очень не хотелось вновь выступать перед Ставкой в качестве ходатая за других, да еще по такому щекотливому вопросу. Мне уже не раз приходилось выслушивать много неприятных и обидных слов.

Но что же делать в таком случае представителю Ставки?

Пришлось звонить в Москву.

К телефону подошел Сталин. Я кратко доложил ему о том, что Калининский фронт еще не готов начать операцию в утвержденный срок, и попросил разрешения изменить срок начала операции фронта на плюс шесть суток.

- Что значит "плюс шесть суток"?

Мне не хотелось по телефону называть календарное число начала наступления, но при повторном вопросе назвал это число - 14 сентября.

В ответ последовало:

- Перенос срока утверждается, но помните - ни минутой позже!

На этом разговор закончился. Я положил трубку и выжидательно посмотрел на присутствовавших. Они находились в тревожном ожидании ответа.

Когда я объявил решение Верховного, Еременко очень обрадовался. Но тут же решил не говорить никому о новых сроках, а просто откладывать наступление то на один день, то на два. Он считал это наиболее выгодным, чтобы "не размагничивать подчиненных". Я решительно выступил против. В конце концов, Андрей Иванович согласился со мной.

На командный пункт фронта были немедленно вызваны командующие армиями и командиры соединений со своими командующими артиллерией. Все радостно встретили перенос срока наступления. Решили усилить артиллерийскую разведку всех видов и более тщательно подготовить свои части к ведению массированного огня. Ну и, конечно, артиллеристы радовались тому, что им подвезут нужное количество снарядов и мин. Не менее радовались и наши противовоздушники.

Сентябрьский вечер был теплым и каким-то особенно приятным. После совещания все вышли из землянки и с удовольствием вдыхали свежий воздух. Многие не торопились уезжать и говорили без конца. В этих разговорах чувствовалась уверенность в успехе. Прощаясь, желали друг другу победы.

Немедля все генералы и офицеры Калининского фронта взялись за устранение недостатков, невольно допущенных из-за спешки.

Мы много поработали вместе с А. А. Новиковым, прибывшим на Калининский фронт также в качестве представителя Ставки. Вместе с ним были решены все вопросы взаимодействия артиллерии с авиацией. Бомбардировочной авиации фронта поставили задачу - оказать помощь в поражении артиллерии противника. Эта задача была успешно выполнена совместными действиями летчиков и артиллеристов, в чем мы впоследствии лично убедились при осмотре немецких огневых позиций.

14 сентября, в день наступления, мы с Андреем Ивановичем поспешили на передовой наблюдательный пункт фронта.

Путь до наблюдательного пункта оказался неважным, тряска и толчки дали о себе знать. Меня снова одолел приступ болезни. С трудом дождавшись начала артиллерийской подготовки, я добрался до ближайшего укрытия, чтобы скорее лечь и выпрямиться - это был единственный способ лечения, выработанный мною. Меня навещали генералы и офицеры, выражали свое сочувствие и предлагали помощь. Я благодарил и просил не беспокоиться: скоро все пройдет. И действительно, к концу артподготовки я уже смог подняться наверх.

В это время где-то недалеко раздался столь сильный взрыв, что земля затряслась, точно от разрыва большой авиабомбы. Когда я в бинокль рассмотрел место падения необычного снаряда, то понял, что по району нашего НП стреляют "скрипухи" - так здесь называли немецкие реактивные снаряды большого фугасного действия. Небольшая дальность полета этих снарядов была хорошо известна, и поэтому все спокойно вели наблюдение за полем боя. Вскоре удалось засечь по дыму и пыли огневую позицию "скрипух".

А. И. Еременко громко приказал командующему артиллерией фронта:

- Хлебников, видели; откуда стреляют? Немедленно сосредоточить туда огонь трех - четырех артполков. Уничтожить "скрипухи"!

Началось целеуказание командирам артиллерийских частей и подразделений, постановка огневых задач. Время шло, а "скрипухи" продолжали рваться.

Вблизи от НП я увидел торчащую стереотрубу и быстро пробрался туда. Как оказалось, это был наблюдательный пункт командира артиллерийского гаубичного дивизиона.

- Есть ли у вас подручная батарея? - спросил я.

Да, такая батарея была - командир этой батареи со своим

наблюдательным пунктом находился в нескольких шагах от командира дивизиона. Я приказал с помощью подручной батареи заставить замолчать вражеские "скрипухи" как можно скорее.

Батарея оказалась хорошо подготовленной. После быстрой пристрелки она тут же перешла на поражение. На огневой позиции врага начали взлетать вместе с землей ящики, доски и другие предметы.

Я вернулся на НП фронта и только тогда услышал, как командующему артиллерией фронта было доложено о том, что артиллерия готова к открытию огня по "скрипухам". Но было поздно - цель уже была выведена из строя всего одной батареей четырехорудийного состава.

Правила стрельбы требуют соизмерять калибры артиллерийских снарядов с теми целями, по которым намечено вести огонь. В обстановке начавшегося наступления не так-то легко было быстро перенацелить три - четыре артиллерийских полка. Кроме того, такая задача, поставленная для нескольких полков, была и небезопасна, так как цель находилась на относительно небольшом удалении от наших наступавших войск. Неожиданный, скоростной перенос огня мог вызвать ошибки в подготовке данных для стрельбы, которые всегда таят в себе много неприятностей. А самое главное - для подавления "скрипух" нужна была всего лишь одна, максимум две батареи.

Таков был этот небольшой, но поучительный эпизод.

Наши войска решительно двигались вперед. Бой стал более упорным, когда наступающие пехота и танки стали проникать все глубже и глубже в оборону противника. По всему было видно, что гитлеровцы все же знали о готовящемся нашем наступлении и приняли меры к тому, чтобы усилить свою оборону на этом направлении.

Было решено продолжать бой и в ночных условиях, чтобы не дать противнику опомниться.

К концу дня я отправился на командный пункт фронта, чтобы оттуда вызвать Ставку и доложить о первых результатах наступления. Когда я прибыл туда, мне сообщили, что из Ставки уже звонили несколько раз. Обеспокоенный такой нервозностью в Москве, я решил переговорить сначала с генералом А. И. Антоновым. Тот выразил крайнее удивление тем, что Калининский фронт топчется на месте, не выполняет поставленной задачи и т. д.

- Откуда у вас такие данные? - спросил я.

А. И. Антонов ответил: с полудня Ставка запрашивает штаб фронта и оттуда все время получает стереотипный ответ, что бой продолжается за первую траншею. Я довольно подробно сообщил

о значительных успехах первого дня наступления. Тут наш разговор был нарушен. Генерал, извинившись, стал говорить по другому телефону. До меня доносились отдельные слова. Разговор касался Калининского фронта. Антонов докладывал только что услышанные от меня данные. Потом он снова взял трубку и передал мне приказание немедленно позвонить в Ставку.

Прежде чем заказывать новый разговор с Москвой, я навел справки в штабе фронта о том, кто же доносил в Ставку неправильные данные. Оказалось, что утром, перед отъездом на наблюдательный пункт, командующий фронтом приказал на все запросы из Москвы отвечать: "Бой идет за первую траншею".

- Когда вернусь, - разъяснил командующий своим подчиненным,- сам буду докладывать Ставке о наших результатах.

Через несколько минут меня соединили с Москвой. По строгому возгласу: "Докладывайте, что у вас там делается?" - можно было догадаться о крайнем раздражении Верховного. Я спокойно обрисовал обстановку, сообщил о первых успехах: оборота противника прорвана на фронте 16 километров и в глубину до 7 - 11 километров.

- Как вы оцениваете работу начальника штаба фронта и штаба в целом? Почему они не помогают командующему и не принимают участия в войне?

Я дал положительную характеристику начальнику и всему коллективу штаба и сказал:

- Их винить нельзя. Они выполняли прямое приказание командующего фронтом.

- Откуда вы знаете это?

Выслушав мой ответ, Верховный, смягчившись, сказал:

- Как только явится на командный пункт Еременко, пусть позвонит мне.

Когда А. И. Еременко прибыл, я упрекнул его за нелепое указание своему штабу.

- А теперь позвоните в Москву.

Я посчитал неудобным присутствовать при этом, по всей вероятности, не совсем приятном разговоре и ушел к себе.

Смоленск снова наш!

Наступление продолжалось. За четыре дня фронт прорыва расширился до 50 километров, но глубина прорыва достигла 25 - 27 километров.

В сводке Совинформбюро за 19 сентября 1943 года было объявлено: "На Смоленском направлении войска Калининского фронта в результате четырехдневных ожесточенных боев

прорвали сильно укрепленную долговременную полосу немцев и штурмом овладели важнейшим опорным пунктом врага на путях к Смоленску городом Духовщина.

Войска Западного фронта после упорных боев сломили сопротивление противника и овладели важным опорным пунктом обороны немцев на подступах к Смоленску - городом и железнодорожной станцией Ярцево".

Радостно было слушать эти рапорты победы. Приятны они были и потому, что мы фактически приступили к перевыполнению задачи, - начали подходить к Смоленску уже теперь, а не весной 1944 года, как предполагало Верховное Главнокомандование полтора месяца назад.

В боях под Духовщиной были применены новые эффективные приемы борьбы с артиллерией противника. Штаб артиллерии Калининского фронта считал, что перед фронтом одной из армий находится около 85 батарей противника, без учета минометных батарей (взводов) и "скрипух". После длительного изучения всех разведывательных данных было принято смелое решение: так как боеприпасов недостаточно и их нужно бережно расходовать, в период артиллерийской подготовки подавить лишь 27 батарей противника. По каждой батарее произвести три огневых налета по 30 - 70 снарядов. Количество боезапаса на каждый налет выделялось сравнительно небольшое потому, что все надежды возлагались на точность стрельбы. К тому же, рассуждали мы, некоторые батареи противника замолчат уже после первого нашего налета. Значит, по ним уже не нужно будет производить следующие два налета, предусмотренные планом. За этот счет мы сможем ударить по вновь, выявленным батареям противника. Наши расчеты полностью оправдались.

Была еще одна новинка в использовании артиллерии. Расчеты на подавление батарей противника до сих пор производились обособленно от подавления всей огневой, системы противника. А разве могла вражеская артиллерия продолжать нормально свою работу, когда в полосе ее боевых действий рвались снаряды и мины, авиабомбы и реактивные снаряды? Конечно, при высокой плотности нашего огневого воздействия попутно попадало огневым позициям, наблюдательным и командным пунктам вражеской артиллерии, ее узлам и линиям связи.

Когда мы изучали захваченные нами позиции, стало ясно, что большинство немецких батарей были подавлены одним нашим огневым налетом. Немногочисленные воронки свидетельствовали, что вокруг пушек разорвалось всего несколько снарядов, однако орудия были тотчас же брошены. На трех

огневых позициях все немецкие орудия остались в исправности, хотя здесь не упало ни одного снаряда. Это произошло потому, что была надежно подавлена система обороны противника и батареи лишились управления.

Мы сделали важный вывод: контрбатарейную борьбу всегда надо планировать в тесной связи с подавлением всей огневой системы противника.

...Наши успехи нарастали. Западный фронт, проведя необходимую перегруппировку войск и накопив боеприпасы, 15 сентября прорвал оборону противника на смоленском направлении.

Общий фронт развернутого наступления Калининского и Западного фронтов доходил уже до 250 километров. Оборона противника в полосе действия Западного фронта к 22 сентября была прорвана на всю оперативную глубину.

25 сентября войска Западного фронта захватили Смоленск и Рославль.

Мы горячо поздравляли друг друга.

Я радовался вдвойне. Ведь над командованием Калининского и Западного фронтов, а также и надо мною, представителем Ставки, постоянно дамокловым мечом висела угроза "снести голову с плеч", если хоть одну дивизию противник отсюда перебросит на юг, где решались главные задачи. Мы были вынуждены вести активные наступательные действия весьма ограниченными силами и средствами, прогрызая долговременную оборону противника.

Да победа была нелегкой. Войска Западного фронта преодолели пять оборонительных рубежей, заблаговременно подготовленных противником, и ряд промежуточных оборонительных рубежей. Общая глубина продвижения войск Западного фронта достигла 200 - 225 километров, была освобождена огромная территория с 6910 населенными пунктами, захвачены в плен тысячи вражеских солдат и офицеров.

Войска Западного фронта во взаимодействии с Калининским фронтом своим продвижением на запад создали серьезную угрозу прибалтийской группировке противника, а также оказали помощь Брянскому и Центральному фронтам.

Все это следует считать немалым успехом даже на фоне тех побед, которые были одержаны южными фронтами. Нельзя согласиться с теми, кто упрекал нас за низкий среднесуточный темп наступления, затяжной характер прорыва обороны противника. Они забывают о том, что здесь было мало танков и авиации, накопление сил и средств протекало медленно, приходилось "по одежке протягивать ножки".

Непродуманные распоряжения

Осенние месяцы на Западном фронте прошли без существенных перемен. Стояла ужасная погода с моросящими дождями и туманами. Это не давало возможности вести систематическую воздушную и наземную разведку противника, занявшего новый оборонительный рубеж, который немецкое командование всячески усиливало живой силой и боевыми средствами.

Однако Ставка требовала немедленных решительных действий. Выполняя ее указания, войска Западного фронта силами четырех армий провели с 3 по 11 октября повторное наступление на оршанском направлении. За девять суток упорных, затяжных боев наши войска продвинулись всего лишь на 5 - 35 километров в глубину обороны противника.

С 12 октября эта операция была снова возобновлена. Гитлеровцы упорно цеплялись за каждый участок местности, бросали в бой все свои силы. 13 октября авиация противника сделала 1200 самолето-вылетов, 14 октября - около 1300 самолето-вылетов с бомбометанием по нашим войскам.

Западный фронт продолжал испытывать большие трудности с подвозом горючего, боеприпасов, продовольствия. Железная дорога до Смоленска работала еще очень плохо, а машины на грунтовых дорогах тонули в осенней грязи.

В наступлении участвовало на этот раз очень мало танков. Без них бой развивался медленно. Пехоте было трудно преодолевать оборону противника.

Я слал в Ставку тревожные донесения. Прежде всего, фронту надо было оказать помощь готовыми к бою соединениями истребительной авиации за счет маневра с других фронтов или из резерва.

"Ведь нельзя же с имеющимися сейчас пятьюдесятью пятью истребителями надеяться надежно прикрывать наступающие войска, - писал я в одном из донесений. - Противник сманеврировал своей авиацией, нам также нужно совершить маневр истребительной авиацией с фронтов, где противник мало летает".

Я просил прислать хотя бы 130 - 150 танков Т-34 для действий с пехотой и направить в наступающие войска пополнение в 20 - 25 тысяч человек.

Однако подкрепления продолжали поступать медленно. А Москва все требовала наступления во что бы то ни стало.

В октябре и ноябре войска фронта силами пяти армий четыре раза пытались провести наступательные операции севернее и южнее Днепра, но общее продвижение в глубину обороны

противника достигло лишь 1,5 - 11 километров.

На этом, казалось бы, следовало, и остановиться, сделать большую паузу для серьезной подготовки к предстоящим наступательным операциям, дать передышку войскам. Но нет, нас не хотели и слушать.

С 23 декабря 1943 года по 6 января 1944 года, с 8 по 25 января и с 3 февраля по 16 февраля 1944 года силами и средствами трех армий были снова проведены три наступательные операции на витебском направлении. Эти кровопролитные бои дали весьма малые результаты - в течение 44 суток войска продвинулись в глубину обороны противника на 15 - 18 километров. Правда, Западный фронт своими активными действиями приковал значительные силы и средства противника к данному направлению. Безусловно, враг понес здесь большие потери, но и наши потери были немалыми.

На меня, как представителя Ставки, были возложены обязанности координировать действия трех фронтов - Западного, 1-го и 2-го Прибалтийских. Я отвечал за их действия. И недостатки в действиях войск заставляли меня глубоко переживать. Я сознавал отчасти и свою вину: у меня, по-видимому, не хватало сил и умения устранить крупные недостатки в управлении войсками, организации их взаимодействия, в снабжении фронтов всем необходимым.

В Ставке время от времени возникали совершенно нелепые проекты. Меня удивляло, что Сталин относился к ним серьезно.

В первой декаде ноября 1943 года, во время моих очередных докладов о ходе боев, он просил подумать - целесообразно ли вместо представителей Ставки на фронтах вновь создать направления и назначить главкомов, которым подчинить группы фронтов.

На следующий день я доложил свои соображения по этому вопросу. Мой ответ был резко отрицательным. На мой взгляд, введение на стратегических направлениях главкомов с их штабами создаст лишнюю инстанцию между Ставкой и фронтами. В наших условиях высокой централизации главкомы не смогут быть облечены необходимыми правами и полнотой власти над подчиненными им фронтами. Главкомы фактически будут заниматься координацией боевых операций фронтов и оказанием им помощи, т. е. тем, чем теперь занимаются представители Ставки.

Впоследствии я узнал, что при обсуждении этого вопроса в Ставке голоса разделились. Кто был "за" и кто - "против", я не знаю. Но все осталось по-старому.

Вскоре в разговоре по телефону Сталин предложил мне

подумать: не принять ли в ведение артиллерии все танковое хозяйство? Я сразу же выразил свое отрицательное отношение к этому предложению. Конечно же, явно нецелесообразно сливать два рода войск в один., В составе Красной Армии появился бы чрезмерно громоздкий род войск, которым было бы очень трудно управлять в современных операциях, а еще труднее руководить его сложным тылом. Все это и было откровенно высказано.

Когда наш разговор окончился, я с негодованием бросил трубку. "Только этого еще не хватало! - думалось мне. - Откуда берутся такие предложения?"

Видимо, проект этот сразу же отпал, так как больше о нем никогда не упоминалось.

В этот же период был взят курс на широкое применение воздушных десантов в ближайших к фронту тылах противника при прорыве вражеской обороны.

Когда я был на Калининском фронте, Ставка поручила мне разработать план операции по высадке авиадесантов, для этого предложили привлечь А. Е. Голованова и А. А. Новикова. Мне впервые пришлось решать такую задачу. Вскоре, однако, стала ясна полная нецелесообразность проведения авиадесантной операции. Требования, которые предъявил Голованов, не обеспечивали скрытности и полной внезапности действий десантов. Авиаторы потребовали надежного светового обеспечения трасс полетов чуть ли не на всем их протяжении - от места взлета до переднего края фронта и даже до места десантирования. Иначе якобы нельзя гарантировать успех воздушной операции. Но, создав такую "иллюминацию", мы сразу же привлекли бы внимание противника. Враг, конечно, поднимет в воздух свои ночные истребители, и первый же сбитый транспортный самолет откроет весь наш замысел и сорвет операцию. Но Голованов и его "приближенные" никак не хотели считаться с этой реальной опасностью.

Было очень обидно, что у нас, пионеров создания воздушно-десантных войск, все еще не были разработаны основы тактики этих частей, не было в нужных количествах транспортной авиации.

Много затратили времени на споры и обмен мнениями.

Наконец пришли к твердому выводу, что в наступательных операциях 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов нужно отказаться от высадки десантов в дневных и в ночных условиях.

Я доложил Ставке эти выводы и просил отменить решение о высадке воздушных десантов. Доводы оказались убедительными, и предложение было утверждено.

Каким будет 1944 год?

Годовщина Великого Октября была ознаменована большим событием: войска 1-го Украинского фронта на рассвете 6 ноября освободили Киев. Я помню, как все мы, получив сообщение об этой победе, кричали "ура" и обнимались, поздравляя друг друга.

После освобождения столицы Украины Никита Сергеевич Хрущев в своем донесении в Ставку высоко оценил действия артиллерии, входившей в состав 1-го Украинского фронта:

"Нашим метким и исключительно мощным артиллерийским огнем была сразу подавлена артиллерия противника, что дало возможность развить стремительное наступление нашей пехоты и танков".

В праздничном приказе Верховного Главнокомандующего от имени Коммунистической партии и Советского правительства ставились новые боевые задачи перед Красной Армией: смело и решительно взламывать вражескую о борону, днем и ночью преследовать врага, не давая ему закрепляться на промежуточных рубежах, умелым и смелым маневром резать коммуникации врага, окружать и дробить его войска, уничтожать и захватывать живую силу и технику противника.

Эти задачи были положены в основу всей подготовки личного состава артиллерии. Мне тогда представлялось, что 1944 год будет последним годом войны.

Артиллерийские штабы взялись за обобщение боевого опыта, за широкое применение всего нового, что было накоплено в операции 1943 года. Особенно широко разрабатывались проблемы использования реактивной артиллерии.

1943 год был годом широкого развития нового артиллерийского вооружения. Инженерно-конструкторская мысль рождала хорошие образцы артиллерийского вооружения, которые быстро осваивались заводами, в их числе новая полковая 76-миллиметровая пушка образца 1943 года. Она была гораздо легче старой полковой пушки.

Кроме того, у нас появилась новая 152-миллиметровая гаубица образца 1943 года. По сравнению с прежней гаубицей того же калибра она имела солидные преимущества. В связи с переходом Красной Армии к большим наступательным операциям потребовались новые орудия для наступления. Именно такой оказалась хорошо встреченная в войсках новая, облегченная 152-миллиметровая гаубица.

В числе новинок был также 160-миллиметровый миномет, мощное наступательное оружие с дальностью стрельбы 5150 метров, с миной весом 40,5 килограмма, обладающей мощным фугасным действием. Вес миномета в боевом положении был всего лишь около тонны. Это оружие оказалось незаменимым при

прорыве обороны противника, для разрушения его дерево-земляных сооружений.

Когда на одном из фронтов были впервые массированно применены новые минометы, они произвели огромное моральное воздействие на противника. Выстрелы этих минометов глухие, мина взлетает очень высоко по крутой траектории, а затем почти отвесно падает вниз. При первых же разрывах таких мин гитлеровцы решили, что их бомбит наша авиация, и стали подавать сигналы воздушной тревоги.

Много времени я пробыл на Западном и Прибалтийском фронтах в качестве представителя Ставки. И вдруг звонок из Москвы: надо вырваться на несколько дней для срочной поездки на 3-й и 4-й Украинские фронты, чтобы оказать помощь в правильном использовании артиллерии в предстоящей наступательной операции.

Погода стояла нелетная, пришлось добираться поездом. Кроме служебных материалов, у меня была с собой четвертая книга романа Льва Толстого "Война и мир", которую я перечитывал в редкие минуты отдыха. Сильное впечатление произвели на меня тогда мысли Толстого о Кутузове:

"Заслуги Кутузова не в каком-нибудь гениальном, как это называют, стратегическом маневре, а в том, что он один понимал значение совершавшегося события. Он один понимал уже тогда значение бездействия французской армии, он один продолжал утверждать, что Бородинское сражение была победа, он один тот, который, казалось бы, по своему положению главнокомандующего, должен был быть расположен к наступлению, он один все силы свои употреблял на то, чтобы удержать русскую армию от бесполезных сражений.

Подбитый зверь под Бородином лежал там где-то, где его оставил отбежавший охотник, но жив ли, силен ли он был или он только притаился, охотник не знал этого. Вдруг послышался стон этого зверя..."

Трудно сказать, в каком состоянии находится теперь фашистский зверь, получивший в 1943 году серьезные ранения, и каковы его способности внезапно броситься на охотника. Берлога зверя обложена лишь с востока. Западные охотники не спешат, тягуче-медленно снаряжают патроны и держат еще густо смазанными свои ружья. Между тем было ясно, что, несмотря на все наши успехи и победы в летне-осеннюю пору 1943 года, зверь еще силен и охотник должен свое ружье держать наготове!

Тогда, в вагоне, мне думалось, что, если ранней весной будет открыт второй фронт, война обязательно за кончится к исходу 1944 года.

Каким-то будет новый год?

...Вот и Мелитополь. На автомашинах добрались до командного пункта 4-го Украинского фронта. Я дружески встретился с командующим фронтом генералом Ф. И. Толбухиным. Он сообщил подробности готовящейся во взаимодействии с левым крылом 3-го Украинского фронта наступательной операции по освобождению Правобережной Украины. Командующим артиллерией фронта был генерал С. А. Краснопевцев, генерал Толбухин был доволен его работой.

Вскоре с 3-го Украинского фронта прибыл маршал А. М. Василевский и мой заместитель М. Н. Чистяков. Мы собрались у Толбухина, чтобы еще раз согласовать все вопросы совместной наступательной операции двух фронтов.

Операция была подготовлена весьма тщательно. Приняли решение собрать на следующий день командиров соединений и их заместителей по артиллерии.

Совещание состоялось в здании школы одного из прифронтовых селений. Когда мы подъехали к ней, нас поразило большое скопление легковых автомашин. Беспечность удивительная!

Генерал Толбухин приказал рассредоточить машины и замаскировать их. Это оказалось своевременным. Во время нашего совещания, несмотря на туман, налетели вражеские бомбардировщики и отбомбили соседний населенный пункт, расположенный от нас в 3 - 4 километрах. Видимо, какими-то путями противнику стало известно о нашем "слете", но летчики в тумане перепутали объект. Нам помог "его величество случай".

Доклады артиллеристов были серьезными, они свидетельствовали о деятельной подготовке, полном понимании поставленных боевых задач. Но в то же время вскрылся и ряд существенных недостатков. Я поделился новинками в использовании артиллерии, которые применялись на других фронтах.

После совещания Толбухин изложил в узком кругу наметки плана предполагаемой наступательной операции по освобождению Крыма, в частности план прорыва обороны противника на Перекопском перешейке. Вместе с генералом Краснопевцевым мы произвели предварительные прикидки. Стало ясно, что для этого прорыва, а затем и штурма Севастополя потребуется привлечение и артиллерии особой мощности.

Я обратился в Ставку за разрешением выделить для этого фронта дивизионы 280-миллиметровых орудий. Вскоре оно было получено.

Впоследствии эти дивизионы были действительно применены

для разрушения особо прочных инженерных сооружений на оборонительном рубеже под Перекопом и при взятии Севастопольского оборонительного обвода. Снаряды таких орудий имели вес около четверти тонны, легко разрушали немецкие долговременные сооружения и, конечно, оказали огромное воздействие на противника.

Я давно уже задумывался над взаимоотношениями представителей Ставки и командования фронтов. Теперь эти мысли стали содержанием донесения в Москву. Главной обязанностью представителей Ставки на фронтах - считать координацию действий фронтов и оказание помощи фронтовому командованию в обеспечении наиболее полного. выполнения директив Ставки. Не командовать, не заслонять своей фигурой командующих фронтами, а поднимать их авторитет и ответственность - к этому сводились мои предложения.

Вскоре я снова был в Москве. Состоялась беседа в Ставке на эту тему. Мои предложения были одобрены.

Я вернулся на западное направление. Неудачи здесь продолжались. От нас между тем требовали решительных действий: ни в коем случае не давать противнику возможности снять хотя бы одну - две дивизии с этого направления для отправки на юг.

Поэтому под Витебском то и дело возобновлялись слабо подготовленные операции, которые успеха не имели. Мне же по-прежнему казалось, что следовало сделать передышку, пополнить силы и средства, тщательно подготовить в условиях полной скрытности крупную операцию на новом для противника направлении.

Вскоре меня и генерала Соколовского вызвали в Москву.

Сталин принял нас на даче. Он был болен гриппом, сильно раздражен и встретил не очень приветливо. Вместо благодарности за перевыполнение им же поставленной задачи на нас посыпался град упреков. Помнится его резкая фраза: "Вы там оба чаи распиваете".

Мы с В. Д. Соколовским действительно по вечерам иногда встречались для обмена мнениями и взаимной информации за стаканом чая. Значит, кто-то уже пожаловался, увидев в обычных встречах с чаепитием какую-то крамолу.

Мы молчали, считая бесполезным оправдываться. Наше молчание внесло успокоение. Наконец можно было, кратко доложить о трудностях наступления на Западном фронте.

Совершенно неожиданно разговор зашел о только что закончившейся Тегеранской конференции. Самая главная новость, которую мы узнали в этот вечер: Сталин принял

предложение Черчилля и Рузвельта участвовать в войне против Японии через три - четыре месяца после окончания войны в Европе. Он сказал нам, что мы должны использовать благоприятную для нас международную обстановку и возвратить все то, что Япония захватила в результате русско-японской войны. Добавил при этом: "Но чужого нам не надо".

Мы расстались. То, что сообщили нам о войне с Японией, было, конечно, большой государственной тайной, я не мог и словом о ней обмолвиться, но мне пришлось, всерьез подумать о подготовке к действиям на востоке. Следовало заранее готовить артиллерийское усиление Дальневосточного фронта за счет частей и соединений артиллерии резерва Верховного командования, заранее завозить туда боеприпасы и все то, что мы сможем выделить без малейшего ущерба для ведения войны на западе.

Как-то раз, находясь в Ставке, я докладывал о противовоздушной обороне страны. Меня вдруг спросили, как обстоит дело с охраной важных объектов на Сибирской железнодорожной магистрали. Я дал необходимую справку и попросил возможно скорее принять оперативные решения о средствах усиления Дальневосточного фронта. Со мной согласились и обещали дать особое задание Генеральному штабу.

Вскоре после моего доклада меня снова вызвали в Ставку, где состоялось узкое совещание лиц, которым было доверено работать по подготовке проведения военных действий на Дальнем Востоке. Совещание рассматривало предварительные наметки наступательных операций против Японии. Теперь по линии артиллерии многое прояснилось.

Чтобы выиграть время, следовало заранее, в спокойной обстановке завезти на Дальний Восток все нужное для артиллерийского снабжения. Я дал секретное указание лично начальнику ГАУ генералу Н. Д. Яковлеву начать осторожно завозить на Дальний Восток боеприпасы, вооружение и приборы - все то, что не понадобится в войне с Германией. В частности, туда была отправлена часть боеприпасов для артиллерии большой и особой мощности.

Однако вскоре командующий артиллерией Дальневосточного фронта при разговоре со мной по телефону ВЧ просил меня строго наказать работников ГАУ за присылку боеприпасов к орудиям, которых, как он выразился, "никогда здесь не было, нет и не будет". Я предложил ему никогда и нигде больше не говорить об этом. Но моего, предупреждения оказалось мало: неугомонный командующий артиллерией прислал мне письменное донесение на эту же тему. Его неуместные протесты

могли принять огласку и раскрыть важную государственную тайну. ГАУ перевозило эти грузы на восток очень конспиративно, маскируя их, хотя риск, безусловно, был большой. Пришлось дать понять упрямцу, что разговоры на эту тему грозят ему неприятностями.

Наши заблаговременные перевозки впоследствии целиком и полностью себя оправдали.

Несчастливое ли число 13?

В начале декабря 1943 года на 1-м Прибалтийском фронте готовилось наступление в направлении на Городок. Разведчики доложили, что основной оборонительный рубеж противника перед фронтом 11-й гвардейской армии представляет систему опорных пунктов, вписанных в довольно разветвленную систему траншей и окопов полного профиля.

Городок, Витебск, Полоцк имели круговую оборону. Нашей разведкой и партизанами подтверждалось наличие оборонительных сооружений и в оперативной глубине.

Из допросов пленных было установлено, что войскам объявили приказ Гитлера удержать занимаемый оборонительный рубеж любой ценой. Противник, опасаясь возможного прорыва наших войск, усилил свою группировку на городокском направлении.

Чтобы иметь полную картину обстановки, я запросил прогноз погоды на первую половину декабря. Он предсказывал сплошную облачность, временами снег, в некоторые дни - низовую метель, легкие морозы, а с 6 декабря установление санного пути.

Зима, зима! С каким нетерпением ждали ее на фронте!

Начало зимы во многом улучшало пути подвоза, облегчало работу наземной и воздушной разведки - одна только очистка противником своих траншей и ходов сообщения от снега давала немало сведений о начертании его обороны. Топка печей в землянках и убежищах тоже многое вскрывала при наблюдении с наземных пунктов и при фотографировании с воздуха. Если фотографировать с самолета стрельбу батарей противника, то на снегу легко обнаруживаются задульные конуса впереди стволов стреляющих орудий. С другой стороны, применение лыж и небольших санок облегчало маневр нашей наступающей пехоты на поле боя.

Разработку операции вели командующий фронтом генерал И. Х. Баграмян, член Военного совета генерал Д. С. Леонов, начальник штаба генерал В. В. Курасов и командующий артиллерией генерал Н. М. Хлебников. Эта славная группа генералов работала дружно, организованно, с большим знанием дела. Много внимания уделялось взаимодействию родов войск,

вопросам управления. Правильно были организованы артиллерийские группировки, им поставлены четкие боевые задачи в статике и динамике боя и операции, созданы необходимые плотности артиллерии, надежно обеспечивающие хорошо управляемый массированный огонь. В эти дни я и мои ближайшие помощники - полковники Казаков, Стеганцев, Вайсбанд и другие работали вместе с артиллеристами фронта.

Мне думается, немцы и на этот раз знали или догадывались о готовящемся нами наступлении. Но момент наступления все же оказался для них неожиданным. Они не могли, видимо, представить себе, что мы начнем активно действовать тринадцатого числа, с которым на Западе связаны всяческие предрассудки.

13 декабря на рассвете началась наша мощная артиллерийская и авиационная подготовка прорыва оборонительной полосы противника. Бои развивались медленно, но верно.

Войска фронта в продолжение восемнадцати суток прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника по фронту до 170 километров и в глубину до 60 километров. Было преодолено пять оборонительных рубежей, противнику нанесен большой урон в живой силе, вооружении и боевой технике. Были взяты пленные и трофеи. Наши войска освободили 2623 населенных пункта, в том числе и Городок.

Хороший план - это еще половина дела.

Городокская наступательная операция закончилась 5 января 1944 года. Как логическое продолжение ее, после небольшой паузы стала готовиться новая, Витебская наступательная операция силами 1-го Прибалтийского и Западного фронтов. Для осуществления ее было привлечено вполне достаточное количество сил и средств. На 1-м Прибалтийском фронте с этой целью выделялись две армии, каждая трехкорпусного состава. Для обеспечения прорыва и развития успеха, кроме штатной полковой и дивизионной артиллерии, было выделено две артиллерийские дивизии прорыва (каждая шестибригадного состава) и двадцать восемь артиллерийских, минометных и гвардейских минометных полков. Борьба с артиллерией противника возлагалась на фронтовую артиллерийскую группу из одной дивизии, двух артбригад и четырех артполков.

Генералы И. Х. Баграмян, В. В. Курасов и Н.М. Хлебников, кроме оперативной директивы войскам фронта, разработали также указания по планированию и подготовке операции, в которых предусматривались этапы предстоящих боевых действий и их продолжительность.

Все рассчитали до деталей. План был хорошим. Н. М. Хлебников и его штаб разработали график артиллерийского наступления, вычертили его на отличной бумаге и раскрасили цветными карандашами - сразу видна артиллерийская штабная служба высокого класса! Строго расписан расход боеприпасов по дням операции. Всего за первые три дня наступления предполагалось израсходовать более 350 тысяч снарядов и мин, не считая боезапаса гвардейских минометов, из них 127050 - на артподготовку и 112290 - на бой при развитии успеха и в глубине обороны противника в первый день боевых действий.

Кажется, не так уж мало, но нужно учесть, что одну треть выделяемых боеприпасов составляли снаряды 45-миллиметрового калибра. Конечно, снарядов тяжелой артиллерии было накоплено недостаточно для такой сильно укрепленной обороны, какую сумел создать противник в этом районе. Такое же положение с боеприпасами сложилось и на взаимодействующем правом крыле Западного фронта. Это не могло не отразиться на успехе операции.

Утром 3 февраля войска 1-го Прибалтийского фронта перешли в наступление на стыке 4-й ударной и 11-й гвардейской армий на участке Горбачи - Бондарево, но за пять суток продвинулись всего на шесть километров.

Командующий артиллерией фронта в своем донесении мне докладывал, что ударные группировки 4 ударной и 11 гвардейской армий к началу операции были обеспечены большой плотностью артиллерии - до 270 стволов на 1 км фронта, из них до 150 стволов 120-мм минометов, 122-мм и 152-мм гаубиц. Из частей реактивной артиллерии было четыре бригады М-31 и семь полков М-13. Боеприпасами были обеспечены полностью в соответствии с планом.

Первый день боя, тщательно организованный, закончился успешным прорывом на 5 километров, несмотря на сильную огневую группировку противника. Из 69 подавлявшихся батарей только 17 вели огонь. В дальнейшем продвижение застопорилось, особенно с выходом на реки Пестуница и Заронок.

Причинами дальнейших неудач он считал:

1. Резкое ухудшение руководства боевыми порядками с продвижением вперед и слабой организацией боя. С выдвижением за р. Пестуница не было быстро построено необходимое количество переправ для переброски через реку артиллерии, и, кроме того, распутица, начавшаяся на второй день боя, препятствовала продвижению техники (танков и артиллерии).

2. Организация наблюдения за полем боя и перемещение КП и НП командиров всех степеней резко отставали от продвижения

войск. Особенно это касается командиров корпусов, стрелковых дивизий и даже стрелковых полков. Многие из них продолжали сидеть на старых местах, боя не видели и не чувствовали его, а вследствие этого не знали, кроме как из искаженных докладов по телефону, истинного положения частей.

3. Танки не были увязаны с соответствующими стрелковыми подразделениями, чем и объясняется следующее: а) Танки ворвались в Веревщину, Козики, Курятники, разбили всю огневую систему противника, а пехота входила в эти пункты только через несколько часов. б) Танки систематически оставались на поле боя далеко впереди пехоты, неся большие потери.

.4. Пехота запаздывала с выходом на рубежи для броска и атаковала через продолжительное время после подавления огневой системы противника, который на отдельных участках к этому времени успевал снова организовываться. Это вызывало необходимость новой обработки опорных узлов и задерживало развитие боя.

5. Наконец, пехота, слабо управляемая в боевых порядках, при продвижении в глубину залегала. Попытки объяснить это большим огнем противника несостоятельны, так как в первый день боя было 17 батарей противника и пехота прекрасно шла. Во второй и последующие дни боя артиллерийский огонь вели не более 10 батарей противника при малом числе минометных батарей на всем участке прорыва, а пехота все же не продвигалась.

Оборонительная позиция противника стала в глубине значительно слабее, и даже при отсутствии траншей (имелись отдельные ячейки) противника пехота не продвигалась (лес южнее Победидово, Степаньково, Шарово),

6. Не зная действительного положения своей пехоты, общевойсковые командиры иногда снимали артиллерийский запланированный огонь неправильно, а впоследствии топтались на месте, затягивали бой, и тогда снова приходилось обрабатывать артиллерией снятые участки. Пример: залп М-31, снятый командармом-4.

Подробный отчет об операции Хлебников мне представил дополнительно. По вопросам управления огнем и взаимодействия, как показала эта операция, нам, артиллеристам, еще много нужно работать.

Как сейчас, помню эти листы сероватой, грубой бумаги, исписанные карандашом. Я их получил, когда подводил первые итоги так тяжело складывающейся для нас наступательной операции. Мне тогда понравились эти предварительные выводы генерала Хлебникова и его самокритичное заключение. Многие

факты, приводимые им, мне уже были известны из личных наблюдений и систематических докладов работавших со мной офицеров-артиллеристов центрального аппарата. В этом документе были и некоторые неточности, допущенные, видимо, в спешке. К ним следует отнести недооценку прочности обороны противника и переоценку обеспечения артиллерийскими боеприпасами столь сложной и трудной наступательной операции. Кроме того, автор, да и все мы, принимавшие участие в подготовке операции, недооценили "незначительные речки" с топкими берегами, которые во время весеннего паводка широко разливаются и обращаются в серьезные препятствия.

Никогда не забуду две такие речки - Заронок и особенно Пестуницу, которые поминались тогда ежедневно множество раз. Их столь часто проклинали, что они стали в умах иных генералов, офицеров и бойцов чуть ли не одной из главных причин наших неудач в районе Витебска.

Вообще, когда начинаешь перебирать в памяти причины неудач в районе Витебска, то становится затруднительным выделить из них главные и решающие. По данным опроса пленных, особенно пленного командира 2-го батальона 51-го егерского пехотного полка, выяснилось, что немцы каждый раз совершенно точно знали день нашего наступления. Все шло по стандарту: на рассвете начиналась мощная артиллерийская подготовка, наносила удары авиация, а затем частенько возникала пауза - артиллерия переносила огонь, а пехота медлила.

Противник мог догадываться о подготавливаемой наступательной операции и еще раньше по ряду других признаков. К ним следует отнести весьма откровенные рекогносцировки некоторых групп генералов и офицеров, проводимые на главных направлениях предстоящего наступления. От систематической разведки противника трудно было скрыть перегруппировки наших войск, а особенно усиление подвоза боеприпасов, горючего и других материальных средств к участкам прорыва. Заблаговременная пристрелка артиллерии проводилась лишь в полосах, намеченных для прорывов. Это тоже давало возможность противнику судить о направлении наших ударов и ширине намечавшихся участков прорыва.

Несмотря на все меры скрытности и маскировки, едва ли ускользнул от воздушной и агентурной разведки противника длительный шестисоткилометровый марш 3-го. гвардейского кавалерийского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Осликовского из района восточнее Орша по маршруту: Рудня, Демидов, Велиж, Усвяты. Противник прекрасно знал, что мы

применяем крупные кавалерийские соединения, усиленные артиллерией, танками и моторизованной пехотой, для развития успеха в оперативной глубине обороны противника. Так что марш кавалерийского корпуса мог тоже послужить серьезным предупреждением для противника. К тому же 3-й гвардейский кавкорпус гитлеровцам был уже знаком: он участвовал в боях за Городок в составе того же 1-го Прибалтийского фронта.

Конечно, противник после всех наших попыток поздней осенью 1943 года прорвать сильно укрепленный оборонительный рубеж Витебск - Орша - Могилев уделял большое внимание этому участку. Гитлеровское командование считало Витебск основным опорным пунктом на левом крыле центральной группы армий и стремилось любыми мерами удержать его. Противник создал здесь ряд оборонительных рубежей, связанных между собой: системой отсечных позиций, с большим умением использовал особенности пересеченной местности. Он оборудовал много огневых точек, имевших запасные позиции и; надежные укрытия для личного состава и вооружения. Нашей 11-й гвардейской армии нужно было преодолеть:

- семь водных преград, удаленных друг от друга на 0,5 - 2 километра. Необычно ранний разлив этих речек и сильная оборона противника на их берегах оказались довольно трудными препятствиями.

Противник, своевременно предупрежденный о дне нашего наступления и о направлении главного удара, незамедлительно создавал здесь высокую плотность боевых порядков. Об этом подробно рассказал пленный немецкий офицер. Батальон, которым он командовал, оборонялся на фронте в один километр, ему в непосредственное подчинение были приданы две батареи дивизионной артиллерии и четыре штурмовых орудия. Имели место случаи, когда противник перед нашей артиллерийской подготовкой отводил свои войска и технику до трех километров в глубину своей обороны, оставляя на переднем крае лишь пулеметное прикрытие и необходимое количество орудий прямой наводки для стрельбы по нашим танкам.

9 - 11 февраля подразделения пехоты противника с тяжелыми танками (до 10 -15 машин) переходили в контратаки сразу же после нашей артиллерийской подготовки. Противник смело снимал части и подразделения с неатакованных участков фронта и быстро перебрасывал их в район образовывающегося прорыва. Этому в значительной мере способствовала довольно разветвленная сеть дорог на подступах к Витебску. Три шоссе в этом районе обеспечивали противнику нужный маневр его резервных подвижных групп.

Если все эти контрмероприятия противника сопоставить с нашим, часто неумелым использованием огневого воздействия на врага, становится ясным, как трудно было рассчитывать на успех при таких грубых ошибках.

Я в те дни часто недоумевал: куда девался наш богатый опыт тесного взаимодействия между основными родами войск - пехотой, артиллерией, танками и авиацией?

Только безответственностью и надеждой на "авось" можно было объяснить пренебрежение этим драгоценным опытом.

Вся подготовка к борьбе с артиллерией противника проходила под строгим контролем и не без помощи извне. Артиллерийская разведка фронта провела свою работу хорошо во всех отношениях. Была создана надежная топографическая основа подготовки данных для стрельбы нашей артиллерии по батареям противника, неплохо исчислены необходимые поправки для определения так называемого "прицела дня".

Во время артиллерийской подготовки прорыва в первый день был нанесен большой урон артиллерии противника, что и обеспечило продвижение нашей пехоты и танков в глубину обороны противника до 5 километров. Но в данной обстановке этого оказалось мало. Ряд уцелевших батарей, находившихся в глубине вражеской обороны, не был захвачен или хотя бы стронут со своих огневых позиций. Под их прикрытием противнику удалось уплотнить свою оборону и подбросить свежие артиллерийские и минометные батареи с соседних участков.

Наше наступление сразу же замедлилось и превратилось в затяжной бой только огневыми средствами. Вновь разведанные вражеские орудия мы стали поражать уже с меньшей плотностью огня. Стрельба по ним велась большей частью короткими огневыми налетами с расходом всего лишь 15-20 снарядов на батарею противника. Вот почему так быстро оживали эти батареи, преграждая путь нашей пехоте и танкам.

Еще один большой недостаток выявился во время наступления - батальонные минометы, пулеметы, автоматы и винтовки использовались плохо. Обычно пехотные командиры предпочитали обращаться к помощи артиллерии, ставя ей весьма общие задачи. В ряде подразделений даже боялись иметь орудия сопровождения по той причине, что противник, ведя ответный огонь, попутно будет поражать и боевые порядки пехоты. Вот до чего могут додуматься нерешительные люди, когда бой принимает затяжной характер!

Может быть, при подготовке операции было мало контроля? Нет, контроль был во всех звеньях, начиная с фронта и кончая батальонами и артиллерийскими дивизионами, ротами и

батареями. Но не всегда этот контроль оказывался конкретным и действенным. Соответствующие командиры слабо следили, как выполнялись все указания и требования, высказанные во время проверок.

В ходе самого наступления грубые недостатки выявлялись не сразу, многие виновники не несли должной ответственности, хотя из-за их недисциплинированности срывалась операция.

Мне хотелось как можно скорее изучить ошибки и предупредить командующих артиллерией всех фронтов, чтобы они учли их и не допускали подобных промахов в будущем.

Да, мы недовольны были своими действиями, хотя было сделано не так уж мало. В итоге Духовщинской, Городокской и Витебской операций войска 1-го Прибалтийского фронта за период с 13 августа 1943 года по 7 февраля 1944 года освободили 6198 населенных пунктов, в том числе города Духовщина, Демидов, Велиж, Рудня, Лиозно, Невель, Городок. Очищена от врага территория в 15256 квадратных километров. Противник потерял убитыми и ранеными десятки тысяч солдат и офицеров. Наши войска уничтожили 1498 вражеских орудий, 1160 минометов, 87 самоходных орудий, 3794 пулемета, 351 танк 454 самолета, 3896 автомашин, 131 склад с боеприпасами и техническим имуществом. В боях захвачено 5353 пленных солдата и офицера, 989 орудий, 908 минометов 33 самоходных орудия, 3223 пулемета, 79 танков 908 автомашин, 249 складов.

Своими активными действиями фронт оказал содействие успеху Смоленской операции, сковал многочисленные войска противника, не дал врагу возможности снимать соединения и перебрасывать их на другие направления.

На Втором Прибалтийском

Ставка в это время развертывала подготовку к весенне-летней кампании 1944 года на многих фронтах. Для этого следовало накапливать вооружение, различные виды боевой техники и особенно боеприпасы.

Где же брать эти резервы?

Главное артиллерийское управление тщательно подсчитывало наличные остатки на фронтах. Учет боеприпасов по каждому фронту был поставлен хорошо. Если на данном фронте в ближайшее время не предполагалось проводить операции, то все находившиеся в пути боеприпасы переадресовывались на другие направления, где они были более всего нужны.

Командующие фронтами обычно предъявляли завышенные заявки. Каждый из них стремился упредить своих соседей в этом отношении. От начальника ГАУ требовались проницательность, предвидение и твердость при решении вопросов артиллерийского

снабжения.

В эти месяцы мне было поручено быть одновременно представителем Ставки и на 2-м Прибалтийском фронте. Читатель поймет мое состояние - нелегко работать представителем Ставки на трех фронтах, ведущих свои наступательные операции в самых сложных условиях, и в то же время быть командующим артиллерией Красной Армии и командующим ПВО страны.

Мне просто посчастливилось, что у меня в эти трудные времена были хорошие помощники - знающие артиллеристы и талантливые организаторы. Помощник командующего артиллерией по формированиям генерал Б. И. Шереметов, начальник управления формирования генерал П. Е. Васюков, начальник управления кадров генерал П. В. Гамов и их подчиненные много потрудились над тем, чтобы наша артиллерия на протяжении всей войны своевременно получала вновь сформированные артиллерийские подразделения, части и соединения с подготовленными кадрами командного состава и солдат.

Пользуюсь случаем, чтобы упомянуть об огромной работе, проведенной управлением военно-учебных заведений артиллерии и его начальником генералом А. И. Курбатовым. Тысячи офицеров окончили Артиллерийскую академию, высшие офицерские школы и училища.

С честью справился со своей задачей артиллерийский зенитный лагерь во главе с его начальником генералом С. И. Макеевым. Здесь прошли обучение многие тысячи зенитчиков. Из них комплектовали полки и дивизии, которые отправлялись на фронт.

Могло ли быть спокойно на душе, когда наступательные операции на "подопечных" мне фронтах не получали должного развития?

Мы понимали, почему враг здесь сопротивляется с отчаянным упорством: отсюда ближе всего к фашистской столице. Но этого никак не хотел учитывать Сталин. Он требовал и требовал продвижения вперед и в то же время более чем скромно помогал этим трудным фронтам. Все силы направлялись на южные фронты, гигантскими шагами продвигавшиеся на запад, и под Ленинград, где готовился сокрушительный удар по фашистским войскам - первый из серии исполинских ударов 1944 года.

Во время Городокской операции развернул активные действия и 2-й Прибалтийский фронт под командованием генерала М. М. Попова. К 7 января 1944 года его войска, развивая наступление, достигли очередного оборонительного рубежа

противника, расположенного южнее железной дороги Новосокольники Идрица. Однако все попытки преодолеть это новое препятствие были безуспешны. Продвижением в западном направлении фронт, безусловно, оказал немалую помощь своему левому соседу и в то же время отвлек внимание противника от Ленинградского и Волховского фронтов, где шла деятельная подготовка к наступательной операции, которая должна была снять блокаду с города Ленина и освободить от немецко-фашистских захватчиков Ленинградскую и Новгородскую области.

Ставка поставила перед командованием 2-го Прибалтийского фронта новую задачу: 12 января двумя армиями - 3-й ударной и 10-й гвардейской - прорвать оборону противника западнее Новосокольников, а 14 января начать наступление войсками 22-й армии севернее этого населенного пункта. Операция, развернувшаяся за двое суток до начала наступления под Ленинградом, имела главной целью отвлечь на себя основные силы 16-й немецкой армии и не допустить их переброски в район Ленинградского и Волховского фронтов.

Несмотря на то что командование фронта проявило много изобретательности в подготовке и проведении операции, противник все же сумел своей упорной обороной свести наше наступление к затяжным боям. Войскам 2-го Прибалтийского фронта удалось лишь овладеть станцией Насва и перерезать железную дорогу Новосоколышки - Дно. Враг вынужден был перебросить сюда дополнительно три свои дивизии, и только это позволило ему остановить продвижение наших войск.

Активные действия 2-го Прибалтийского фронта не только ввели в заблуждение противника, но и заставили его расходовать свои резервы на данном направлении. Таким образом, войска фронта оказали большое содействие успеху соседей справа.

Победные залпы

У каждого из нас Великая Отечественная война оставила столько переживаний и впечатлений, что их не вместить в книгу, какой бы объемистой она ни была. И я прерываю свой рассказ, благо и повод есть: в 1944 году болезнь приковала меня к Москве. По состоянию здоровья мне уже почти не доводилось выезжать представителем Ставки на фронты. Я получил возможность все силы отдавать своим прямым обязанностям командующего артиллерией Советской Армии и командующего ПВО страны. Работа была сложной, ответственной, напряженной. Героическим событиям последних лет войны мне хочется посвятить отдельную книгу.

Никогда не изгладятся у наших людей воспоминания о тех

величественных днях. Заря победы все ярче разгоралась над многострадальной землей. Серией, один за другим, последовали сокрушительные удары по врагу в 1944 году. Затем мир стал свидетелем невиданных по размаху и стремительности заключительных операций Советской Армии. Словно эхо победоносного гула наших орудий на фронтах, гремели салюты в Москве в честь войск, славящих Родину своим геройским ратным трудом. И вот уже алое знамя, закопченное, запыленное, пробитое пулями и осколками, взвилось над рейхстагом, символизируя собой торжество свободы и справедливости над черными силами фашизма, совсем еще недавно грозившими поработить все человечество.

Великий подвиг советского народа и его Вооруженных Сил будет жить в веках, вызывая восхищение и глубокую благодарность потомков. Люди наши смогли совершить этот подвиг потому, что ими руководила, их воспитывала и вдохновляла ленинская Коммунистическая партия. Она сплачивала великий народ, укрепляла его несокрушимую веру в победу, мобилизовывала на борьбу с врагом неисчислимые возможности социалистического общества, нашего советского строя - самого справедливого, а потому и самого прочного из всех, которые знала история.

Мы, советские артиллеристы, по праву гордимся тем, что в достижение победы и нами внесен посильный вклад. Мощный, непрерывно нараставший ураган артиллерийского и минометного огня двигался впереди наших наступавших войск, расчищал им дорогу, уничтожая и сметая врага.

Мощью своего оружия, боевым мастерством, всеми успехами своими мы обязаны партии и Советскому правительству. Они неустанно заботились об артиллерии и ее кадрах.

Опыт войны показал, насколько правильно еще в мирные годы была организована подготовка кадров артиллерии. В академии, на курсах усовершенствования, в военных артиллерийских училищах наши офицеры получали в полном объеме теоретические знания и практические навыки, необходимые для эффективного применения грозного оружия.

Довоенные пятилетки обусловили бурный технический прогресс в стране. Новой техникой оснащались все отрасли народного хозяйства. Новую боевую технику получала и армия. Это предъявляло повышенные требования к военным учебным заведениям. Знания, которые они давали своим слушателям и курсантам, должны были опережать развитие военной техники, чтобы новое оружие попадало сразу в руки знающих командиров.

К началу войны советская артиллерия располагала

квалифицированными кадрами. Усиленная подготовка их шла и в ходе развернувшихся боев. Только талантливому, народу под силу была в те суровые годы такая трудная задача, как выращивание многих тысяч способных офицеров-артиллеристов, которые заменяли погибших на фронте, возглавляли новые подразделения и части, учили молодых солдат и вели их в бой.

Пламенные патриоты, советские артиллеристы покрыли себя в боях неувядаемой славой, Сотни тысяч артиллеристов, минометчиков, противовоздушников были награждены орденами и медалями, а лучшие из лучших удостоились высокого звания Героя Советского Союза. За особые заслуги в боях с немецко-фашистскими захватчиками, ряд артиллерийских частей и соединений были преобразованы в гвардейские, награждены орденами.

Мы благодарны партии, народу за оснащение артиллерии первоклассным вооружением. Труженики тыла в неимоверно тяжелых условиях обеспечивали нас орудиями, боевой техникой, боеприпасами. Созданные их руками по проектам советских конструкторов пушки, гаубицы, минометы, реактивные установки отлично выдержали боевой экзамен.

Во имя победы над ненавистным врагом самоотверженно трудились наши славные конструкторы. Творческие коллективы, руководимые В. Г. Грабиным, Ф. Ф. Петровым, И. И. Ивановым и другими изобретателями, создали образцы артиллерийского вооружения, непревзойденные по мощности и кучности боя, маневренности, простоте производства и обслуживания, надежности и безотказности. Большая плеяда конструкторов создала зенитные орудия, ставшие грозой для вражеских самолетов, а в случае необходимости эти орудия метко били и по фашистским танкам.

Коллективы ученых и инженеров разработали многочисленные виды боеприпасов для орудий, минометов и реактивных установок, в том числе и страшные для вражеских танков подкалиберные и кумулятивные снаряды, пробивавшие любую броню.

Нельзя не отметить плодотворную работу крупных специалистов - инженеров ГАУ, внесших большой вклад в дело создания первоклассной наземной и зенитной артиллерии.

Добрым словом вспоминают артиллеристы и конструктора советской звукометрической станции, которая помогала нам быстро и точно засекать вражеские батареи.

Невозможно перечислить всех творцов отечественного артиллерийского оружия. Велики заслуги перед народом замечательного коллектива тружеников Главного

артиллерийского управления и многотысячной армии рабочих, инженеров, техников нашей славной промышленности, производившей в огромных количествах вооружение, боеприпасы и боевую артиллерийскую технику.

Советская артиллерия качественно меняла свой облик. Все больше возрастали дальность стрельбы, скорострельность, мощность снарядов. В связи с переходом на лафеты с раздвижными станинами резко увеличились углы горизонтального и вертикального обстрела. Широкое внедрение механической тяги и создание самоходных установок открыли перед артиллерией возможности широкого маневра. Все это обеспечивало невиданное массирование артиллерии и ее огня.

Качественные изменения в оружии неизбежно находят отражение в тактике и оперативном искусстве.

Испокон веков боевые действия артиллерии замыкались в рамках тактики. В мировую войну 1914 - 1918 гг., где впервые артиллерия применялась массированно, с большим расходом боеприпасов, ей все же отводилось скромное место в тактической зоне, и в обороне и в наступлении.

До самой Великой Отечественной войны артиллерия считалась только тактическим родом войск. Военная доктрина немецко-фашистского командования явно недооценивала роль артиллерии в современной войне и главные надежды в наступательных операциях возлагала на авиацию, танки и моторизованную пехоту.

Советская артиллерия со своими новыми качественными показателями уже в первые месяцы войны доказала, что она способна решать возросшие боевые задачи. Несмотря на большие потери в технике и людях, она уже в то время стала серьезным оперативным фактором, становым хребтом нашей обороны. Декабрьский приказ Народного комиссара обороны 1942 года, возложивший на артиллерию борьбу с главной опасностью - танками противника, уже тем самым подразумевал ее использование в оперативно-тактическом масштабе. Одновременно Ставкой были приняты важные решения о массированном применении зенитной артиллерии для отражения налетов вражеской авиации.

Директива Ставки в 1942 году об артиллерийском наступлении узаконила высокое значение этого рода оружия в оперативном построении войск, готовившихся к большим наступательным операциям.

Вооруженная борьба в минувшей войне сводилась к образованию сплошных фронтов от моря и до моря. Враг, хорошо используя особенности местности, обычно строил глубоко

эшелонированную оборону, насыщал ее огневыми средствами, возводил различные инженерные сооружения, противопехотные и противотанковые препятствия, имел тактические и оперативные резервы. В таких случаях наши войска вынуждены были каждый раз начинать свое наступление прорывом вражеской обороны.

Главным средством прорыва тактической зоны обороны противника стала наша артиллерия всех видов и калибров. В тесном взаимодействии с авиацией мы научились успешно проводить мощные артиллерийские подготовки, постепенно и незаметно для противника переходившие в сопровождение наступавшей пехоты и танков, надежно обеспечивать своим огнем и маневром ввод в образовавшуюся брешь оперативных эшелонов прорыва, выход их на оперативный простор, способствуя своим огнем развитию успеха до полного выполнения поставленных задач.

Кстати сказать, в первую мировую войну этот выход на оперативный простор удавался редко. Оборонявшаяся сторона успевала подтягивать свои резервы, и наступление ограничивалось успехами лишь в тактической зоне обороны. В лучшем случае в кровопролитных боях шло планомерное "выталкивание" противника. Затем силы иссякали, и обе стороны вновь закапывались глубже в землю.

Советская Армия осуществляла артиллерийское наступление до тех пор, пока полностью не ломала сопротивление врага на данной полосе обороны. При подходе к следующей вражеской оборонительной полосе обычно приходилось вновь начинать наступление с ее прорыва. Вот для чего нужно было иметь много артиллерии, массировать ее применение, расходовать большое количество боеприпасов.

Директива Ставки об артиллерийском наступлении была своевременной и сыграла важную роль в правильном использовании всех огневых возможностей этого мощнейшего рода войск, в налаживании четкого взаимодействия артиллерии с пехотой, конницей, танками, авиацией.

Нелегко было отработать такое взаимодействие. Командный состав всех родов войск приложил много труда, пока добился умелого сочетания огня и движения в наступлении, полного использования огневой мощи артиллерии. Я уже говорил о том, с каким трудом пехотинцы научились подходить возможно ближе к разрывам своей артиллерии, а при переносе ею огня вперед мгновенно бросаться в атаку на противника, не давая ему опомниться и пустить в ход оружие. Эта серьезнейшая проблема общими усилиями наконец была решена. Как только исчезли паузы между концом подавления врага артиллерией и началом

атаки наших танков и пехоты, победы над противником стали обычным явлением.

Нечего и объяснять, что в разработке оперативно-тактического применения артиллерии участвовали не только командные артиллерийские кадры. Повседневную помощь им оказывали общевойсковые и пехотные командиры, командиры мотомехвойск и авиации. Частенько нам, артиллеристам, приходилось, как говорится, лишь переводить на артиллерийский язык ценнейшие предложения и требования, которые ставили перед нами эти командиры в своих боевых задачах. Новые приемы боевого использования артиллерии рождались в результате тесного творческого содружества всех родов войск.

Это вовсе не означает, что в артиллерии и в войсках ПВО были полностью изжиты недочеты. Размах и масштабы современных операций требовали привлекать огромное количество людей, которых не всегда удавалось хорошо обучить, передать им опыт, накопленный в предыдущих боях, тем более что учеба проходила в нелегких фронтовых условиях, подчас в исключительно короткие сроки. На фоне крупных успехов массированного применения артиллерии некоторые наши командиры не умели находить и устранять отдельные недостатки в деятельности подчиненных им подразделений и частей.

Возросшие задачи, которые вставали перед нами, заставляли пересматривать и организационную структуру артиллерии. В предвоенные годы наша артиллерия делилась на две основные группы: войсковую, входившую в состав стрелковых, кавалерийских и мотомеханизированных соединений, и артиллерию резерва Главного командования. При этом отдельные артиллерийские дивизионы и полки считались высшими тактическими единицами.

Накануне войны в составе артиллерии резерва Главного командования начали формироваться первые соединения - отдельные артиллерийские истребительно-противотаиковые бригады. Таким образом, массированному применению противником танков противопоставлялось массированное использование нашей артиллерии, объединенной в соединения, специально подготовленные для борьбы с этой главной ударной вражеской силой.

Боевая обстановка на фронтах, возраставшие мастерство и боевой опыт кадров, качество и количество вооружения, изменявшиеся оперативно-тактические задачи побуждали нас не держаться, как слепой - стены, принятой организации, а приводить ее все время в соответствие с современными требованиями с тем, чтобы обеспечивать наилучшее оперативно-

тактическое боевое применение могучего рода войск - артиллерии.

Советское командование шло на смелые решения. Чтобы сосредоточить в резерве Ставки как можно больше артиллерии, было временно сокращено количество орудий в батареях войсковой артиллерии. Вместо двух артполков в стрелковых дивизиях оставили по одному. На базе отдельных зенитных батарей, предусмотренных организационной структурой для прикрытия некоторых подразделений и частей пехоты, формировались полки ПВО, чтобы они могли более эффективно бороться с вражеской авиацией.

Подобные мероприятия в сочетании с увеличивавшимся производством вооружения в стране способствовали созданию мощных артиллерийских резервов. Мы смогли приступить к формированию крупных артиллерийских соединений - бригад, дивизий и корпусов. Они оснащались достаточным количеством оружия и техники, хорошими средствами управления, и артиллерийской разведки, механической тягой и автотранспортом. Это обеспечивало мощный огонь и широкий маневр. Проявлялась забота об улучшении политического и воинского воспитания личного состава. В артиллерийской дивизии и ее бригадах имелись политотделы. Вместе с командованием они добивались хорошей постановки всей партийно-политической работы.

А это было нелегко. Партийно-политическая работа в артиллерийских частях имеет свои особенности. В боевой обстановке здесь бывает невозможно собрать людей в одном месте. Солдаты и офицеры находятся на многих разобщенных друг от друга позициях, наблюдательных и командных пунктах. Поэтому массовые формы работы, как собрания, митинги, подчас оказываются неприемлемыми. От политработников и партийных и комсомольских организаций требуется большая гибкость, инициатива, чтобы в таких условиях повседневно влиять на людей. Центр тяжести партийно-политической работы переносится в подразделения, на наблюдательные пункты, в орудийные расчеты. Наши партийные и комсомольские активисты проводили групповые и индивидуальные беседы, стремились найти путь к сердцу каждого бойца. А в бою особое значение приобретал личный ˆ пример коммунистов и комсомольцев, их умение воодушевить солдат и повести за собой на подвиг.

Победа в Великой Отечественной войне доказала всему миру непревзойденную, богатырскую силу армии социалистического государства. Это вынуждены признавать все. В буржуазной печати в послевоенное время появилось немало положительных отзывов

и о нашей артиллерии. Даже те военные деятели, которые никогда не отличались доброжелательностью к советскому народу, признают превосходные качества нашего оружия. Но есть категория зарубежных военных писателей, к числу которых относятся и немецко-фашистские реваншисты, упорно пытающиеся фальсифицировать историю. Коротка память у этих господ, жестокие уроки, преподанные Советской Армией, по-видимому, не пошли им впрок.

Такое чувство испытываешь, например, читая книгу Э. Миддельдорфа "Тактика в русской кампании". Стремясь умалить роль Советской Армии в освобождении народов Европы от фашистского рабства, автор тщетно пытается исказить правду. В своих домыслах он доходит до утверждения, что "в течение первых двух лет Восточной кампании артиллерия русских, как правило, не являлась серьезным препятствием на пути наступления немецкой армии".

Что это - невежество или полная потеря памяти? Нет, обычная для подобных "историков" ложь. А неопровержимые факты свидетельствуют, что уже в этот период войны большинство убитых и раненых гитлеровцев имели осколочные ранения от снарядов наших орудий, минометов и реактивных установок. Большинство пораженных немецких танков в первые годы войны получили пробоины от огня советских орудий разных калибров. Так, кстати, утверждают документы немецко-фашистского командования.

Не лютая русская зима, не сказки, на которые любят ссылаться на Западе, а невиданные потери от советского оружия заставили врага обратиться в бегство, отказаться от мысли захватить Москву и Ленинград, распроститься с сотнями тысяч своих солдат, окруженных под Сталинградом. Известно, что только на сталинградских полях было зарыто более 147000 убитых немецких солдат и офицеров, а раненых в этом районе насчитывалось еще больше.

Далее автор как бы мимоходом говорит, что со стороны Советской Армии "большой расход боеприпасов не всегда был тактически оправданным".

Разбойник жалуется на тяжесть дубины, обрушившейся на его голову!..

Да, советские артиллеристы, когда это нужно было, не жалели снарядов и мин, потому что считали своей святой обязанностью максимально беречь жизни советских воинов.

Автор пытается опорочить нашу стрельбу по карте или по планшету. Да, приходилось нам и так стрелять, хотя мы стремились, по возможности, вести огонь по заранее разведанным

целям. Но когда в наступлении участвовали огромные массы артиллерии, мы обрушивали огонь и по строго ограниченным площадям, на которых находился противник. Это оправдывалось боевой практикой. Артиллерийская подготовка чаще всего успешно уничтожала и подавляла вражескую систему огня, в том числе и артиллерию противника.

"До конца 1943 года, за исключением отдельных случаев,- пишет Э. Миддельдорф, - не отмечалось сколько-нибудь активных действий артиллерийской разведки русских. Так же не было и контрбатарейной борьбы".

Эту выдумку автор сочинил, видимо, на плачевном опыте немецкой артиллерийской разведки. У наших людей его слова вызовут только усмешку. Можно лишь радоваться, что советская артиллерийская разведка действовала столь скрытно, что враг и не замечал ее работы. На самом деле мы имели и успешно применяли все виды артиллерийской разведки, в том числе звукометрическую и авиационную, мощные средства фотографирования на земле и с воздуха, хорошо налаженную фотограмметрическую службу и многое другое. Именно этим в значительной мере объяснялись точность и сокрушительность огня нашей артиллерии.

Чудовищной фальшью звучат и слова о том, что до 1944 года нами не велась якобы борьба с артиллерией противника. Для этого вида стрельбы мы имели отличную материальную часть, достаточно различных технических средств и хорошо подготовленные кадры. Советские артиллеристы в оборонительных и наступательных операциях постоянно подавляли вражеские батареи, стрелявшие как с открытых, так и с закрытых позиций, наносили поражение артиллерии противника на основе тщательно разведанных и с максимальной точностью определенных точек нахождения ее орудий и наблюдательных пунктов.

Борьба с артиллерией противника велась мощными огневыми налетами во время артиллерийской подготовки и развивающегося наступления. Результаты этой борьбы фиксировались в боевых документах, на многочисленных фото и подтверждались показаниями пленных. Я всегда с особым удовольствием читал попавшие в наши руки немецкие оперативные документы и дневники немецких офицеров и солдат, в которых много писалось о высокой эффективности нашей стрельбы по боевым порядкам немецко-фашистской артиллерии.

Э. Миддельдорф в своей книге противоречит сам себе. Он сначала утверждает, что до конца 1943 года контрбатарейной стрельбы с нашей стороны не было. Потом признает, что "в

первые годы войны русской артиллерии в ходе наступления удавалось лишь частично подавлять немецкие батареи. В последний год войны немецкая сторона располагала лишь жалкими остатками артиллерии, а подчас не имела ее вовсе. Поэтому нет необходимости говорить о подавлении немецких батарей и этот период".

Всю войну советская артиллерия вела упорную борьбу с вражеской артиллерией и добилась полного господства на полях сражений. Кажется, это для всех очевидно, кроме этого автора.

В своих воспоминаниях я много пишу об артиллерии. Ничего не поделаешь. Я артиллерист. В годы войны на мне лежала ответственность за всю нашу артиллерию, как наземную, так и зенитную.

Стоит ли сейчас писать об артиллерии? Ведь в наши дни, когда Советская Армия располагает средствами борьбы, во много раз превосходящими по своей разрушительной силе все известные ранее виды оружия, решающим видом войск у нас стали Ракетные войска.

Еще в 1920 году у. солдатского костра услышал я запомнившийся мне разговор. Пожилой боец мечтал вслух:

- Эх, если бы придумать снаряд, который сам видел цель и направлял себя на нее! В два счета войну бы закончили...

Далеко смотрел этот простой солдат. Теперь у нас есть такие снаряды. Они действительно "видят" цель и сами наводятся на нее.

Большая когорта советских артиллеристов - ученых, конструкторов, инженеров, техников и рабочих, командиров и солдат, - приняла горячее участие в создании: первоклассного ракетного оружия.

Наша страна обладает лучшими в мире ракетами, которые безошибочно попадают в заданную точку, в самолет, летящий на любой высоте, имеют практически неограниченную дальность полета и могут нести атомно-водородный заряд любой мощности.

Артиллерия тоже приобрела новые качества. И если империалисты снова развяжут войну против нас или наших друзей, это испытанное оружие безусловно найдет себе применение. Уже потому стоит изучать опыт советской артиллерии в минувших сражениях.

Боевой опыт советских артиллеристов остается на вооружении наших войск. Немыслимо обучать и воспитывать воинов, готовить из них умелых, решительных бойцов, не знакомя их с делами ветеранов, с подвигами, которые покрыли славой боевые знамена наших частей. Традиции, сложившиеся и проверенные в боях, должны развиваться и крепнуть. Эти

традиции учат молодого воина - и солдата, и офицера: будь всегда начеку, отлично знай свое оружие, готовь себя к подвигу уже сейчас, только тогда добьешься победы в бою, с честью выполнишь свой почетный долг защитника социалистической Родины.

Дни, когда над полями битв гремели победные залпы наших орудий, навечно вошли в историю. Ежегодно 19 ноября - в незабываемую дату начала наступления наших войск на Волге и Дону - советские люди отмечают День артиллерии. В этот всенародный традиционный праздник страна славит своих сынов, которые в боях за родную землю проявили мужество и героизм, людей, которые под вражеским огнем трудились у орудий, тащили вручную пушки по изрытой снарядами земле, стреляли прямой наводкой по фашистским танкам, били по вражеским самолетам, забывая об опасности, презирая смерть.

Эти герои заслужили почет и уважение, их подвиги навсегда останутся для наших людей вдохновляющим примером беззаветного служения советской Отчизне